

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
И ЕГО НАСЛЕДИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1980

В сборнике рассматривается философское, историческое и литературное наследие великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Показано влияние его идей на развитие русской философской, исторической и литературной мысли, на революционное движение в России; с позиций марксистско-ленинской этики и эстетики анализируются этические и эстетические взгляды Н. Г. Чернышевского.

Книга рассчитана на философов, историков, литературоведов, научных работников и студентов, а также на всех, кто интересуется жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского и его влиянием на современность.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

акад. АН СССР *А. Г. Аганбегян*, д-р ист. наук *В. В. Алексеев*, д-р ист. наук *Р. С. Васильевский*, проф. *М. Н. Корнева*, д-р филос. наук *А. Т. Москаленко* (зам. отв. редактора), акад. АН СССР *А. П. Окладников* (отв. редактор), канд. филос. наук *В. В. Петров*, канд. филос. наук *А. Л. Симанов* (учен. секретарь), д-р филос. наук *М. Г. Федоров*, д-р филос. наук *В. В. Целищев*, канд. филос. наук *М. П. Чемоданов*, канд. филол. наук *Л. П. Якимова*, д-р филос. наук *Р. Г. Яновский*

Автор предисловия акад. АН СССР *А. П. Окладников*.
Составитель сборника д-р филос. наук *А. Т. Москаленко*.

© Издательство «Наука», 1980.

Ч $\frac{10502 - 849}{042(02) - 80}$ 77. 80. 0302020100.

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXV съезд КПСС поставил перед советской наукой фундаментальные задачи по решению проблем коммунистического строительства в СССР, по обобщению опыта мирового коммунистического движения. Стратегические задачи общественных наук, выраженные в материалах XXV съезда КПСС, разрабатываются и конкретизируются по отраслям знаний¹.

В области историко-философской науки одной из важнейших задач является исследование философской и общественной мысли в целях создания марксистской концепции идеологического процесса в целом². Особая актуальность этой задачи обусловлена усилением идеологической борьбы на современном этапе, которая охватила все стороны человеческого знания.

В свете этого мы рассматриваем Н. Г. Чернышевского не только как предшественника научного социализма, но и как нашего современника, чья могучая теоретическая деятельность, духовная отвага в борьбе с феодальной и буржуазной реакцией, со всеми формами идеализма, религии, за освобождение труда способствовала в прошлом

¹ См.: **Материалы XXV съезда КПСС**. М., 1976, с. 72 и др.; Суслов М. А. Наша эпоха — эпоха торжества марксизма-ленинизма. — *Вопр. философии*, 1976, № 4; **Партийное руководство наукой**. — Там же, 1976, № 2; **Трапезников С. П.** Интеллектуальный потенциал коммунизма. М., 1976; **Федосеев П. Н.** XXV съезд КПСС и задачи общественных наук. — *Вопр. философии*, 1976, № 5; **Он же.** XXV съезд КПСС и задачи научных исследований в области общественных наук. М., 1976; **Решения XXV съезда КПСС и актуальные проблемы философской науки**. — *Вопр. философии*, 1976, № 3.

² См.: **История и социология**. М., 1964; **Методологические проблемы истории философии и общественной мысли**. М., 1977.

успешному распространению марксизма в России, живет и теперь в потоках идейной борьбы на стороне революционных сил человечества. Неслучайно буржуазные идеологи после марксизма-ленинизма как главного идейного оружия советского народа в борьбе за коммунизм подвергают усердной фальсификации именно великую русскую революционно-демократическую мысль, особенно духовное наследие Н. Г. Чернышевского.

Советские ученые именно поэтому придают первостепенное значение анализу последовательной борьбы Н. Г. Чернышевского за воинствующий союз философского материализма и диалектики современного естествознания с гуманитарными науками и социализмом — против идеализма, религии, метафизики, всех форм и направлений реакции. Современность воздала должное гениальному мыслителю и революционеру. Его место четко определено В. И. Лениным, который в стратегической борьбе с буржуазной идеологией, с махизмом, со всеми формами идеализма за изгнание идеализма и фидеизма из науки — за торжество диалектического и исторического материализма, за обеспечение материалистической философии и диалектики в науке счел необходимым сослаться и на авторитет Чернышевского, указал на современную значимость его теоретического наследия, на то, что в важнейшем пункте борьбы материализма и идеализма, в теории познания, Чернышевский — непримиримый противник агностицизма, союзник марксизма; что «Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм, не за допущение „вещи в себе“, а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника...»³.

Противопоставляя диалектический и исторический материализм махизму, В. И. Ленин, в частности, включает в поступательную историко-логическую цепь доказательств несостоятельности идеализма и правоты материализма европейскую и русскую солидную материалистическую философскую традицию. Отмечая последовательную позицию Чернышевского в борьбе с врагами материализма и науки, В. И. Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го го-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 382.

да остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»⁴.

Учитывая тот факт, что идеи неокантианцев, позитивистов и махистов живут и в современных буржуазных философских школах и направлениях, философское наследие Чернышевского остается теоретическим оружием борьбы в том значении, которое определили В. И. Ленин и советская наука.

В настоящем томе предпринята попытка осветить разносторонние идеи Н. Г. Чернышевского в контексте современных идейных процессов. Ведущей проблематикой исследования явились философско-социологические, эстетические и этические воззрения великого демократа, а также его естественнонаучные взгляды в той мере, в которой они выявляют логику материалистического монизма во взглядах на природу. Принципиальное значение авторский коллектив придает критике концепций буржуазных фальсификаторов истории философии.

Известно, что в ходе подготовки и осуществления Октябрьской революции и в последующем строительстве социализма партия Ленина явилась единственным законным преемником духовного наследия великих революционных демократов, выразив им свою признательность за последовательную преданность революционной теории и практике в тенденции движения русской революции от революционно-демократического этапа крестьянской революции к пролетарской революционности. Преодолев ограниченность теории и практики своих предшественников, Коммунистическая партия сохранила их духовное наследие для целей коммунистического строительства.

Характерно, что в противоборстве сил революции и контрреволюции последняя в различных аспектах пыталась объявить себя наследницей великих демократов, сделать их «своими» и противопоставить революционной социал-демократии. Идею «преемственности» с идеями Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова обосновывали еще меньшевики и эсеры, изменившие социалистической революции пролетариата.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

В сборнике получили свое дальнейшее развитие наиболее принципиальные вопросы, связанные с изучением наследия Чернышевского, а именно:

1. Великие революционные демократы России создали высшую форму философского материализма в до-марксистский период, боролись за союз философского материализма и диалектики с современным естествознанием. Наиболее ярко эта линия выражена в трудах А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

2. В трудах Н. Г. Чернышевского и его великих современников гегелевская диалектика перерабатывается на основе непоследовательного материализма. Их материализм приобретает диалектический характер.

3. Во взглядах на историю человечества революционных демократов не удовлетворяли идеалистические концепции в объяснении общественной жизни. Они стремились выйти за пределы исторического идеализма.

Редколлегия настоящего тома, посвященного 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, с благодарностью примет все замечания, советы и пожелания в адрес настоящего издания.

Раздел I

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО МЕСТО В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ
ВЕЛИКОГО МЫСЛИТЕЛЯ

М. Г. ФЕДОРОВ, *д-р филос. наук*

Многогранна и величественна историческая судьба духовного наследия Н. Г. Чернышевского в идейной борьбе русских революционеров с реакцией. В последнее время появились новые работы, раскрывающие современную значимость идей Н. Г. Чернышевского¹.

Великая русская революционная демократия, являясь предшественницей российской социал-демократии, сыграла выдающуюся роль в подготовке русской революции в ее историческом и логическом движении от крестьянского к пролетарскому этапу, от утопического — к научному, реальному социализму. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов первыми вооду-

¹ См.: Нечкина М. В. Подвиг Чернышевского.— Коммунист, 1978, № 2; Иовчук М. Т. Всероссийский демократ-революционер Н. Г. Чернышевский, его идейно-теоретическое наследие и советская наука.— Вопр. философии, 1978, № 6; Мелентьев Ю. С. Философия Н. Г. Чернышевского и некоторые вопросы современной идеологической борьбы.— Там же; Конюшная Р. П. Карл Маркс за изучением трудов Н. Г. Чернышевского.— Там же; Хайруллаев М. М., Вахидов Х. П. Распространение идей Н. Г. Чернышевского и его школы в Туркестане.— Там же; Васецкий Г. С., Плехов В. И. Критика расизма Н. Г. Чернышевским.— Философские науки, 1978, № 5; Смирнова З. В. Взгляды Н. Г. Чернышевского на природу человека.— Философские науки, 1978, № 3; Философия Н. Г. Чернышевского и современность. М. 1978; Чернышевский Н. Г. Эстетика, литература, критика. Л., 1979; Щипанов И. Я. Н. Г. Чернышевский — революционер, мыслитель, социалист.— Вестник МГУ. Философия, 1978, № 4; Богатов В. В. Роль Н. Г. Чернышевского в идейном становлении П. Л. Лаврова.— Там же; Маслин М. А. Идейное наследие Н. Г. Чернышевского в американской буржуазной историографии.— Там же; Программа научной теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского. Саратов, 1978; Эпоха Чернышевского. М., 1978; и др.

шевили Россию XIX в. идеям революционного утопического социализма, решительно преодолев умиротворительность западноевропейского утопического социализма, и тем самым перевели логику развития освободительного движения в России на теоретически обоснованный путь классовой борьбы за социализм и свободу. Центр мировой революции поступательно перемещался из Западной и Центральной Европы в Россию, предопределив тем самым закономерность «хода идей» в пользу утверждения теории и практики революционного преобразования общества, соединения теории социализма с массовым, народным освободительным движением. Этот блестящий взлет соединения теории с практикой революционного действия на пути от утопии к науке, от крестьянской к пролетарской революционности, наиболее последовательно выражен в творчестве Н. Г. Чернышевского — гениального и отважного русского революционера.

Теоретической основой русского утопического социализма (антифеодального и антибуржуазного по своей идейной и практической направленности) являются: воинствующий философский материализм, материалистическая тенденция в идеалистической философии истории, диалектика, политическая экономия трудящихся, революционно-демократическая эстетика и этика. Во всех этих аспектах теории Н. Г. Чернышевский — классик передовой русской общественной мысли.

Касаясь соединения социализма с философией истории, с наукой об обществе, советские ученые видят выдающуюся роль Н. Г. Чернышевского в том, что его социалистические идеи преимущественно опираются на материалистическую тенденцию в понимании истории, на фундаментальное экономическое обоснование необходимости победы коммунистической собственности, отрицания всех форм эксплуатации человека человеком. «Место Н. Г. Чернышевского в истории русского социализма, кратко говоря, определяется тем, что он дал глубокое материалистическое по тенденции, идейно-теоретическое, экономическое и философское обоснование социализму. До Маркса и Энгельса ничего основательнее не было»².

² Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., 1977, с. 192—193; см. также: Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову. М., 1969, с. 59—60; Федоров М. Г. Русская прогресс-

Выдающуюся роль Чернышевского в социально-экономическом обосновании социализма, в отрицании капитализма признавали классики марксизма. Так, К. Маркс утверждал, что банкротство буржуазной политической экономии (защищавшей институт частной собственности) мастерски показал в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский³. Несомненно, здесь учитывается материалистическая направленность идей Чернышевского в анализе антагонистических противоречий между трудом и капиталом.

В решении судеб общинной собственности в России, в построении социализма Маркс также видит рациональное в учении Чернышевского о перспективе вероятного использования общинной собственности на землю в построении нового общества, но при условии помощи России со стороны победоносной пролетарской революции в Европе⁴.

Общей теоретической основой мировоззрения Н. Г. Чернышевского выступает воинствующий философский материализм, солидная материалистическая традиция, развернутая первоначально в трудах М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, декабристов и наиболее полно развитая в работах основоположников русского утопического социализма В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

Н. Г. Чернышевский развивает и закрепляет традицию революционно-демократического обоснования союза философского материализма, диалектики, естествознания и социализма. В своем основном философском труде

сивная мысль XIX века от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972, с. 107—161; Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973, с. 223—224; Пантин И. К. Социалистическая мысль в России. Переход от утопии к науке. М., 1973, с. 46—47; Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. М., 1976; Замятин В. Н. Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. М., 1951, с. 80—83, 100, 234; Реуэль А. Л. Русская экономическая мысль 60—70 годов XIX века и марксизм. М., 1956, с. 122—132; История русской экономической мысли. М., 1959, т. II, ч. 1, с. 29; Целикова О. П. Революционно-демократическая этика Н. Г. Чернышевского. Очерки истории русской этической мысли. М., 1976, с. 200; и др.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 17—18; см. также: Лопатин Г. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 204—205.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 545—546.

«Антропологический принцип в философии» Чернышевский утверждает, что современное знание доказывает основательность естественнонаучной теории о единстве законов природы, обосновывает гносеологически и методологически единство всеобщности принципов философии и принципов частных наук в отражении диалектики объективного мира, решительно выступает против «противников научного направления в философии», которые из того факта, что естествознание еще не достигло такого уровня развития, чтобы удовлетворительно объяснить все важные явления природы, делают вовсе не логический вывод, когда утверждают, что «пробелы, остающиеся в научном объяснении натуральных явлений, допускают сохранение каких-нибудь остатков фантастического мирозерцания»⁵. Развивая материалистическую теорию познания, согласно которой «вещь в себе» превращается в «вещь для нас», Чернышевский доказывает верность этому принципу естествознания и материалистической философии и враждебность ему идеализма и агностицизма. В знаменитой полемике против Юркевича (профессора философии Киевской духовной академии, выступавшего с позиции идеализма с критикой «Антропологического принципа в философии») Чернышевский, сокрушая противника беспощадным сарказмом, еще раз констатирует общую несостоятельность, ненаучность идеализма, признающего материю, природу, человека «произведением духа», продуктом «божественной воли» («Полемические красоты», 1860)⁶. Философский идеализм и религия несовместимы с естествознанием. Эту идею Чернышевский развивает в борьбе с кантианством (агностицизм), со всеми формами идеализма. В битве за победу материалистического мировоззрения в науке, литературе, искусстве, во всей теоретической и практической деятельности человечества Чернышевский исходит из принципа партийности в философии. Классовый характер философии, ее принципов двух взаимоисключающих линий (материализма и идеализма) отмечают все революционные демократы. Н. Г. Чернышевский сформулировал и самый принцип партийности. Он пишет: «Политические теории, да и всякие вообще философские учения, созда-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 249—251.

⁶ Там же, с. 725—730.

вались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»⁷. С таких позиций Н. Г. Чернышевский рассматривает деятельность как философов, так и естествоиспытателей. В философии и естествознании этот процесс выражен в столкновении материализма и идеализма, в перспективном отношении науки к общественному прогрессу. В тяжелых условиях сибирской ссылки и заточения Чернышевский нашел в себе духовные силы последовательно отстаивать материалистический принцип партийности в философии и естествознании и в духе его выдвинул ряд гениальных положений, жизненных и в настоящее время.

1. Самый широкий вопрос всякого специального знания есть «вопрос о достоверности наших знаний»⁸. Для естествоиспытателей, если они не владеют материалистической методологией, всегда существует опасность оказаться в плену агностицизма, идеализма, отрицающих объективную истину. Особенно резко подчеркивается пагубное влияние Канта и неокантианства на науку о природе в том принципиальном смысле, что кантианская философия агностицизма учит сомневаться во всем — в существовании объекта и знаний о нем. Это философия, отрицающая «самый предмет естествознания, вещь — отрицающая законы природы»⁹. Отчего происходит «помрачение умов натуралистов от Канта»... — «Люди, сбитые Кантом с толку до того, что уже не знают, действительно ли существует Солнце, или только «кажется» им, будто бы оно существует, — такие люди, конечно, вполне способны не знать, прав ли Ньютон»¹⁰ или другой подобный естествоиспытатель, чьи теории вполне уже доказаны как научные. В итоге происходит отрицание всякой научной истины, какая «не по вкусу Канту» или сторонникам его направления¹¹. Отсюда следует основной вывод: естествоиспытателям не по пути с

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв. М., 1978, с. 35.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 156.

⁹ Там же, с. 174.

¹⁰ Там же, с. 276.

¹¹ Там же, с. 157, 175, 274, 276, 277.

той философией, которая отрицает познаваемость объективной реальности, материи, отстаивает «бессмертие души, существование бога». Н. Г. Чернышевский подвергает сокрушительной критике линию Беркли и Канта, идеализма и агностицизма, отстаивая чистоту научного мировоззрения.

2. Только линия Дидро и Фейербаха в философии (материализм) остается плодотворной теоретической основой для естествознания. Н. Г. Чернышевский противопоставляет эту линию концепциям идеализма, из которых «натуралисты» выходят «оплеванные и одураченные». Следовательно, естествоиспытатели обязаны разобраться, откуда грозит опасность, если не хотят быть «изменниками научной истины». В традиции русской материалистической философии данная идея Чернышевского созвучна решающим выводам В. И. Ленина, который отмечает «философскую наивность» даже выдающихся естествоиспытателей, давших немало превосходных работ по специальным вопросам естественноисторического материализма, но в философских вопросах делающих уступку идеализму, не замечающих, что представители этой философии проводят в естествознание фидеизм. В своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин ставит (в противоположность буржуазному мировоззрению) перед современным естествознанием задачу первостепенной важности — решительного преодоления в науке всех форм идеализма, агностицизма, фидеизма, последовательного перехода естествоиспытателей с позиций реакционной идеалистической философии, а также метафизического материализма — на позиции диалектического материализма — «единственно верного метода и единственно верной философии»¹². К таким выводам в свое время Чернышевский вполне последовательно не мог прийти (хотя и был близок к ним), поскольку находился на позициях незавершенного материализма и утопического социализма. Тем не менее В. И. Ленин указывает в той же книге на современное значение его философских взглядов воинствующего материалиста и диалектика. В. И. Ленин писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 331—332, 371—372.

вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантланцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹³.

3 Самое категорическое отвержение претензий «чванных педантов», «больных бедняков», тех ученых, которые по «цеховому патенту» своей науки считают, что истина данной науки есть «единственная истина» — в ущерб другим наукам, и противопоставляют таким образом единичное общему в процессе познания.

4. Незнание диалектики ведет ученых к идеализму, к тому, что они легко попадают в «переделку» к Беркли, Канту или другому идеалисту¹⁴ и скатываются к отрицанию самого предмета естествознания.

5. Наука должна быть подчинена интересам общества, прогрессу. Задача ученого — «быть неуклонно верным научной истине»¹⁵.

Огромнен круг научных интересов Чернышевского, поражает универсальность его осведомленности во всех сферах естествознания — астрономии, физике, химии, биологии, физиологии, медицине, геометрии, математике, — необозримо многогранны его научные идеи, но всегда главное внимание Чернышевский уделяет методологическим проблемам науки, «стирает впрах» (по собственному его высказыванию) противников материализма. По боевой целеустремленности и направленности в защите материалистических принципов в науке, истины, революции, по рыцарскому бесстрашию и всеокрушающей оптимистической логике в этой борьбе Чернышевский не знал себе равных из современников в России и являлся непосредственным русским учителем отечественных марксистов-революционеров, в том числе и В. И. Ленина, с которым у Н. Г. Чернышевского в отваге мышления и действия много общих черт. Безусловно, что линия Н. Г. Чернышевского — В. И. Ленина — это концентрация в русской революционной традиции наиболее высоких принципов научности, стойкости и решительности в беспощадной борьбе с реакцией. Это торжествующее ду-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 154—160, 174—175.

¹⁵ Там же, с. 172.

ховное знамя русской революции в ее поступательном, победоносном движении.

Выдающейся заслугой русских революционеров-демократов и особенно Чернышевского является также то, что они сохранили диалектику Гегеля для отечественной материалистической традиции в философии и переработали ее на основе материализма. Следовательно, философский материализм Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова — не метафизический, а диалектический и данная диалектика — не идеалистическая¹⁶ (как ложно утверждают современные буржуазные идеологи, отождествляющие даже последовательно-материалистическую диалектику марксизма с идеалистической диалектикой Гегеля (Бохенский, Фальк, Ланге, Вестер, Марко и др.¹⁷), а материалистическая. Исторически сложилось так, что методом русской революции на революционно-демократическом, тем более на пролетарском, марксистском уровнях развития была именно материалистическая диалектика. Качественное различие этих уровней состоит в том, что марксистский диалектический материализм — последовательно научный, материализм же революционных демократов — непоследовательный, в значительной степени со стихийными чертами диалектики, уступками метафизике и идеализму в понимании истории. Но в нем мы находим все же сильную струю научности и сознательное, высокое теоретическое применение основных принципов и законов диалектики в познании природы и общества. Особенно четко выражен этот логический процесс у Чернышевского¹⁸, который в философии истории выработал материалистическую тенденцию, выходящую за пределы исторического идеализма.

Однако русские предшественники марксизма не смогли последовательно перенести принципы и законы философского материализма и материалистической диалектики на область истории, достроить материализм, остались в целом

¹⁶ Martin Malia. *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. 1812—1855.* Cambridge, 1961, p. 250—253.

¹⁷ См.: Якушевский И. Т. Ленинизм и «советология». Л., 1970, с. 30—50; Козловский В. Е. Марксистская диалектика и ее современные противники. М., 1978, с. 95—96.

¹⁸ Новиков М. И. Диалектика русских революционных демократов и ее место в истории домарксистской диалектики. М., 1973, с. 166—237.

идеалистами в понимании истории. В этом сказалась классовая ограниченность вождей крестьянской революции и теоретиков утолического социализма.

Создать последовательный материализм, согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию смогли только вожди пролетариата, гениальные теоретики научного социализма — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

В восходящей преемственности революционно-демократических и марксистских идей в логике исторических судеб революции через призму теории и практики марксизма-ленинизма Н. Г. Чернышевский (как и его великие современники) олицетворяет лучшие традиции революционной России прошлого и остается в настоящем в рядах идеологического фронта социализма современности, сражающегося в стратегических битвах с идеологическими диверсантами антикоммунизма. Буржуазные идеологи, осознавая данное значение Чернышевского, совершают выпады (в стиле банальных фальсификаций) против теоретического и художественного наследия великого революционера именно в аспекте перспективы, отношения этого духовного наследия к современному социалистическому прогрессу, к марксизму-ленинизму. Очевидно, что, борясь с марксизмом-ленинизмом современной эпохи, буржуазные идеологи придают первостепенное значение и борьбе с революционно-демократической теорией В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Пример с Чернышевским поучителен особенно в том смысле, что буржуазные интерпретаторы не могут свести концы с концами в своих идейных выпадах против Чернышевского; его мощная и сложнейшая система мировоззрения остается для них некоей *апорией*, трудно разрешимой или вовсе не разрешимой проблемой.

Превосходно продемонстрировал такого рода мировоззренческую и классовую ограниченность еще В. Соловьев, крупный русский философ-идеалист. Развернув стратегическое наступление идеализма против материализма в работе «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874), автор взял под защиту против Чернышевского идеалиста-мистика Юркевича (в статье «О философских трудах П. Д. Юркевича»), объявив теорию материализма философией, которая «господствовала тогда,

и теперь еще не совсем потерявшая силу над неразвитыми умами...»¹⁹.

Но как могло случиться, что сам В. Соловьев, относящий себя несомненно к развитым умам, испытал позитивное влияние эстетической теории Чернышевского, признал высокие достоинства «Эстетических отношений искусства к действительности», объявил диссертацию Н. Г. Чернышевского «первым шагом к положительной эстетике» именно в пункте возвышения красоты реальной действительности над красотой в искусстве²⁰. Хотя точка зрения Чернышевского на действительность и искусство и воззрения Соловьева различны, такое признание в пользу эстетики великого демократа делает честь Соловьеву, что и отмечено в советской литературе²¹. Но диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности» была написана на гносеологической и методологической основе воинствующего материализма, той самой философии, которая, по словам В. Соловьева, предназначена для господства над «неразвитыми умами». Вероятно, для «развитых умов» предназначается идеализм. В таком случае, почему идеалистам не суждено было создать, выразить передовую философию искусства, аналогичную теории Чернышевского? И почему передовая Россия обратилась к Чернышевскому — материалисту, а не к идеалистам в решении проблем эстетики и других вопросов теории и практики прогресса?

Если В. Соловьев как *идеалист* оказался беспомощным осмыслить и объяснить правильно взаимосвязь материалистической философии, эстетики и иных сторон теории Чернышевского, то это лишь один из эпизодов поражений идеализма и победы материализма. До В. Соловьева подобное поражение испытала линия Каткова —

¹⁹ Соловьев В. Собр. соч. Спб., 1911, т. I, с. 187. (Антиматериалистическая направленность философской концепции В. Соловьева последовательно проводилась им в последующих работах, например в серии статей под названием «Теоретическая философия». — Соловьев В. С. Собр. соч. Спб., 1903, т. VIII, с. 148—290).

²⁰ См.: Вестник Европы, 1894, январь, с. 294, а также: Соловьев В. Собр. соч., т. VII, с. 47—77.

²¹ Коган Л. А. В. С. Соловьев и Н. Г. Чернышевский. — Вопр. философии, 1973, № 11, с. 105.

славянофилов — Юркевича. Последующих противников материализма ожидает та же участь.

История повторяется в контрапозиционных процессах современной буржуазной реакции. Одним из активных фальсификаторов истории русской революции и общественной мысли является Г. Шпет. Его работы — пример откровенной ненависти к тому лучшему, что дала Россия человечеству. Вместе с тем Г. Шпет — вооруженный противник, его откровения опираются на богатые знания фактического материала — тем ценнее видение «кривого зеркала» фальсификации, беспомощности в оценке кардинальных идей и событий. Написав в первые годы Советской власти «Очерк развития русской философии», Шпет считал возможным вернуться к старому спору Чернышевского и Юркевича. Взяв под защиту репутацию идеалиста Юркевича, разгромленного Чернышевским, автор «Очерков» пытается понять, почему «единственный» с его точки зрения в России философ, который оказался достаточно философски подготовленным, чтобы занять «без предварительной заграничной командировки»²² университетскую кафедру (т. е. Юркевич.— *М. Ф.*), после «случая» с Чернышевским был забыт и «лучшие наши философы» (т. е. идеалисты) «остались неизвестны». Восторжествовали же «арбитры утилитарности», которые «заседали в журнальных редакциях, откуда неслись по России в свисте и улюлюкании их интеллигентские приговоры»²³. Но, во-первых университетскую кафедру, куда с большим основанием (именно без «заграничной командировки») мог занять гениальный мыслитель-материалист, автор «Антропологического принципа в философии» и диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Однако это было неуютно официальной России, одним из идеологов которой был Юркевич. Во-вторых, история забывает тех, кто ей бесполезен и помнит тех, кто составляет ее мозг и кровь. Таким оказался Н. Г. Чернышевский. И, вероятно, прежде всего потому, что именно он в грозные годы революционной ситуации определял курс просвещения масс, что претит Шпету и ему подобным. А просвещение масс в эпоху

²² Шпет Г. Очерк развития русской философии, Пг., 1922, ч. 1, с. 30—35.

²³ Там же, с. 32.

кровавой реакции мог возглавить только отважный человек, нравственно ответственный перед народом, вооруженный всей мощью духовной прогрессивной культуры. Естественно, что прогрессивные силы России восприняли идеи Чернышевского, а идеалистические идеи Юркевича остались за бортом новой истории, как анахронизм отсталости и реакции. Такой оптимистический взгляд на историю не устраивает Шпета, да и современных его последователей.

Признав фактическое поражение идеализма, Шпет не желает или не может осмыслить реальных причин этого факта ни гносеологически, ни методологически, ни социально-политически.

Перед лицом истории потерпела поражение и стратегическая линия веховства, именно в его исторической перспективе, точнее — бесперспективности. После разгромленных В. И. Лениным «Вех», выступивших в защиту Юркевича против Чернышевского, материалистической философии в целом, за восстановление религиозного мирозерцания, наиболее активную линию в обработке Чернышевского, революционной демократии в духе «Вех» разворачивают эмигранты — бывшие и современные идеологи буржуазии.

Одной из видных фигур веховства является Н. Бердяев. Обращаясь в эмиграции к проблеме русского «нигилизма» 60-х годов XIX в., Бердяев рассматривает Н. Г. Чернышевского как главного «теоретика русского «нигилизма» и «атеистического социализма»²⁴. Трактую «нигилизм» революционной интеллигенции в духе реакционных «Вех», Бердяев приписывает ему в качестве философской основы «утилитарный» материализм и анархическое отрицание ценностей культуры прошлого. Этому направлению фальсификации революционного нигилизма противостоит все же его ценное признание, что «первоначальному нигилизму» (т. е. В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.— М. Ф.) свойственно было искание правды во что бы то ни стало, во имя «любви к справедливости и к благу народа и человечества», поиски «совершенной жизни», высокого нравственного идеала²⁵. Затем Бердяев приходит в противоре-

²⁴ Бердяев Н. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж, 1931, с. 18—20.

²⁵ Там же, с. 13—20.

чие с данным выводом. Нигилизм «как своеобразное явление русского духа» Бердяев именуется «русской духовной болезнью», выросшей «на духовной почве православия, но потерявшей веру»²⁶. Но почему «болезнь», если принять во внимание плодотворное материалистическое и революционно-демократическое содержание нигилизма, а не искажение его в лабиринтах произвола субъективной идеалистической философии и религии, буржуазных «идеалов» контрреволюции, которые защищает Бердяев? На самом деле честность, чистота нравственного идеала, поиск совершенной жизни, бескорыстие и способность к жертве (о которых говорит Н. Бердяев, касаясь личности Н. Г. Чернышевского) основывались у великого демократа не на православии, а на отрицании бога, религии, идеализма, социальной несправедливости, т. е. феодального и буржуазного строя, на утверждении материализма, атеизма и социализма, которые только и могли обосновать и реализовать высокие общественные идеалы. Следовательно, атеистическая и революционная направленность идей и практики дала не «болезнь», а здоровье «русскому нигилизму». Тем более это верно, поскольку узкие рамки нигилизма — революционное отрицание старого на основе утопического социализма — преодолеваются настойчивыми и плодотворными поисками правильной революционной теории, направленной на научное обоснование и созидание социальной общественной организации социализма.

«Достижение совершенной жизни связывается не с изменением человека, а с изменением общества», — утверждает Бердяев, комментируя социальную философию нигилизма²⁷. Но философия истории революционных демократов качественное изменение общества в ходе революции органически связывает с изменением социального человека, класса, личности. Особенно блестяще выражена эта идея у Чернышевского. Бердяевское противопоставление единичного общему в конкретном случае — форма суждения антилогичной инверсии, выводы не имманентны истине, содержанию данной социологической концепции человека и общества.

²⁶ Бердяев Н. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж, 1931, с. 13—20.

²⁷ Там же, с. 19—20.

Нигилизм в своих истоках начинает с того, утверждает Бердяев, что «хочет эмансипировать личность, освободить ее от рабства социальной среды», и он же «окончательно порабощает личность социальной пользе, интересам общества, он же отрицает право личности на духовную жизнь и свободу, отрицает религию, философию, искусство, нравственность, как качественное содержание жизни личности, низвергает все ценности, которые возвышают личность»²⁸. Эта тирада вновь ставит ее автора в тупик. Что Чернышевский и его великие соратники ставили задачу освобождения личности от рабства определенной социальной среды, ее норм и законов,— это верно. Нравственное право на поиски правды признал за ними и сам Бердяев. Но, отрицая не необходимую и неразумную социальную среду во имя новой, необходимой и действительной (социализм), Чернышевский ставил свободу личности в плоскость соотношения с этой необходимостью, которая должна быть осознана через призму классовой борьбы. Следовательно, речь идет о свободе порабощенных классов и личностей, составляющих эти классы, а не о личности «вообще». Свобода есть осознанная необходимость. Это превосходно понимал и доказывал гениальный «нигилист»²⁹. Но этого не понимает или не желает понять Бердяев, отрицающий детерминизм исторического прогресса и свободы³⁰. Не причем тут философия, искусство, нравственность в их возвышенном смысле?! Сокрушая идеалистическую философию и религию как идеологию несвободы во имя материализма, Чернышевский создает передовую, материалистическую философию искусства и великие нравственные ценности, необходимые для действительного, а не мнимого возвышения личности.

В конечном счете Бердяев признает в Чернышевском выдающегося человека: «Чернышевский был очень ученый человек, он знал все, знал богословие, философию Гегеля, естественные науки, историю и был специалистом по политической экономии... Маркс начал изучать русский

²⁸ Бердяев П. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм, с. 21—22.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 66, 378, 740; т. VII, с. 22—23; т. IX, с. 828; и др.

³⁰ Бердяев Н. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм, с. 28.

язык, чтобы читать экономические труды Чернышевского, так высоко они ценились»³¹.

Энциклопедическая ученость Чернышевского дополняется оцелкой нравственной красоты его подвига. «Необходимо отметить,— пишет Бердяев,— нравственный характер Чернышевского. Такие люди составляют нравственный капитал...». Н. Бердяев решительно осудил «дело Чернышевского» как одну «из самых отвратительных фальсификаций, совершенных русским правительством»³². Н. Г. Чернышевский — один из «лучших русских людей» — имел глубину нравственной природы, которая «внушала ему очень верные и чистые жизненные оценки»³³. Превосходно! Ведь этическая концепция Чернышевского обращена на поиски социальной правды. И если Бердяев признает, что социально и этически он совершенно согласен с Чернышевским и почитает его³⁴ — остается умозаключить, что правда неистребима даже в атмосфере ненависти к ней. Следуя логике Бердяева, редкой для него «чистой жизненной оценке», выражаем контрапозиционный Бердяеву вывод, что только такие люди, как Чернышевский, и могли, имели историческое и моральное право быть вождями освободительного движения. Но именно данная социальная перспектива оценок не удастся либеральному ренегату и реакционеру. Демократический тип духовной культуры Чернышевского отталкивает врага революции. И поскольку знаменем революционно-демократического движения была материалистическая философия, Бердяев предпочитает ее называть «утилитарной», не совместимой с высокой философской культурой. Но как тогда философски объяснить взлет энциклопедической учености Чернышевского и особенно концепцию этическую, материалистическую по своей сущности, признанную самим Бердяевым выдающимся явлением? Этот вопрос остается роковым для Бердяева, склонного все явления рассматривать с позиций идеализма и религии.

В послевоенные годы с большой претензией на знание русской философии выступил профессор Богословского Православного института в Париже В. В. Зеньковский.

³¹ Бердяев Н. Русская идея. Париж, 1946, с. 110.

³² Там же, с. 108—109.

³³ Там же, с. 112—113.

³⁴ См.: Бердяев Н. Самопознание. Париж, 1949, с. 84.

В своей «Истории русской философии» (т. I—II. 1948—50 гг.) он уделил большое внимание новому поколению 50—60 гг. XIX в., выделив Н. Г. Чернышевского как выдающуюся личность. Отдав должное огромным знаниям, исключительной эрудиции Чернышевского, автор «Истории» проницательно считает «сильной стороной позиции Чернышевского... его реализм, стремление исходить из действительности»³⁵.

Через призму философско-материалистического и диалектического видения данное положение явилось бы действительно плодотворным как исходное не только в оценке качественной определенности мировоззрения Чернышевского как целостной системы, в его отношении к породившей его эпохе, но и к настоящему и будущему. Однако дело в том, что данное озарение истины принадлежит идеалисту-мистику, метафизику.

Приключения антилогичного метода начинаются с противопоставления «культу научности», «реализма», «настоящей веры в науку, в ее неограниченные возможности, в ее познавательную мощь»³⁶ в мировоззрении Чернышевского — его общей философской основе, которая аттестуется как «вульгарно-материалистическая», «материалистический биологизм, но не материализм в точном смысле слова»³⁷. Допуская вульгарную передержку, Зеньковский смещает понятия, зряшно устраняет действительное значение идеального в отношении к материальному в теории познания Чернышевского и пытается представить суть «Антропологического принципа в философии» в смысле тождества психических и физических явлений: «психические процессы суть те же физические», вопросы духовного порядка «подчиняет» тем принципам, «которые господствуют в сфере физико-химических процессов»³⁸. С таких позиций Зеньковский пытается интерпретировать концепцию Чернышевского о человеке, личности, которая выступает обедненной, «бездуховной». Знакомый почерк фальсификации! Упрекая великого мыслителя в «самоуверенности», в «презрительном отношении к ина-

³⁵ Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948, т. 1, с. 336.

³⁶ Там же, с. 333.

³⁷ Там же, с. 335—336.

³⁸ Там же.

комыслящим», Зеньковский обнаруживает едва прикрытое раздражение по поводу того, что Чернышевский «не хочет ставить никаких границ познанию», что он считает «иллюзионизмом» все течение трансцендентализма — и даже резче: это «метафизический вздор» для него³⁹. Это старый мотив агностицизма. Не умея понять с точки зрения естественных и социальных наук действительную взаимосвязь объективной реальности, физиологических и исторических основ сознания, функций мозга и сознания, материального и идеального, враги материализма с времен Юркевича вплоть до наших дней упражняются в вулгаризации материалистических идей Чернышевского, материалистических традиций в целом, защищая позитивизм, кантианство и т. д. Но причем тут Чернышевский? Он действительно считал вздором трансцендентальный и трансцендентный аспекты в философии автора «Критики чистого разума», как и его последователей. Исторически и логически прав Чернышевский, а не его противники. Действительное высокое отношение Чернышевского к современному развитию знания и утверждению материалистических традиций в теории познания блестяще показали Г. В. Плеханов⁴⁰ и особенно В. И. Ленин в аспекте борьбы с махизмом, неокантианством, агностицизмом, позитивизмом⁴¹. Теория познания Н. Г. Чернышевского в свете ленинской теории отражения всесторонне освещена советской историко-философской наукой, в которой особенно отмечаются его антикантианские (против агностицизма) и антипозитивистские идеи (М. Т. Иовчук, В. Е. Евграфов, Г. С. Васецкий, И. Я. Щипанов, М. М. Розенталь, М. И. Сидоров, А. Н. Маслин, В. А. Малинин, И. К. Пантин, А. Д. Макаров, Н. Ф. Уткина и др.). И поскольку позитивистские и иные идеалистические идеи еще живут и даже проникают иногда в наш материалистический лагерь⁴², постольку философское наследие Чернышевского приобретает значимость современного идеологического оружия (через призму марксизма-ленинизма) как в борьбе с современной буржуазной

³⁹ Зеньковский В. В. Указ. соч., с. 335—336.

⁴⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. IV, с. 230—255.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381—384.

⁴² См.: Мохов К. Рассуждая «в левой системе координат...».— Коммунист, 1978, № 4; Субботин Ю. Об «уязвимости истины» в некоторых популярных изданиях.— Там же; Габченко В. «В качестве игры...».— Там же.

идеологией, так и в теоретическом, историко-философском вооружении советских научных кадров...

Линия «Вех», борьба с идейными основами всего мировоззрения русской (и международной) демократии⁴³ продолжается буржуазными идеологами в современных условиях. Советские ученые ведут борьбу с противником. Превосходной отповедью буржуазным фальсификациям явилась книга «Против современных фальсификаторов истории русской философии» (М., 1960). В ней развенчивается оценка буржуазными идеологами Чернышевского как «грубого» материалиста, вульгарного механиста, утилитариста, нигилиста и даже религиозного мыслителя⁴⁴. Раскрывается сущность субъективистского произвола буржуазных идеологов, общая тенденция «исследования» которых сводится к тому, что история русского материализма или замалчивается, или искажается, а история русской философии представляется как «преимущественно история русского идеализма»⁴⁵. Советские ученые дали всестороннюю критику реакционным буржуазным концепциям истории русской общественной мысли, в том числе Н. Бердяева, В. Зеньковского, А. Ярмолинского, Н. Лосского, Г. Веттера, Р. Хэера, М. Винклера, П. Шайберта, Б. Шульца и др.⁴⁶. Прогрессивные ученые и общественные деятели других стран чтут память великих русских демократов, находят духовную поддержку в их творчестве, в идеологической борьбе с реакцией. Признание мирового значения идей и практики великих революционных демок-

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168—169.

⁴⁴ Против современных фальсификаторов истории русской философии. М., 1960, с. 245—273.

⁴⁵ Там же, с. 246.

⁴⁶ См.: Покровский С. А. Фальсификация истории русской политической мысли в современной реакционной буржуазной литературе. М., 1957; Проблемы изучения Герцена. М., 1963; Малинин В. А. Основные проблемы критики идеалистической истории русской философии. М., 1963; Мелентьев Ю. С. Революционная мысль России и Запад. М., 1965; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969; Иовчук М. Т. Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970; Щипанов И. Я. Критика В. И. Лениным идеологии «Вех» и современность. — Вестник МГУ. Философия, 1970, № 2, с. 56; Пашуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики России. М., 1971; Шкоринин В. П. Этический иррационализм в России. Ростов, 1973; Новиков А. И. История, философия и современная идеологическая борьба. Л., 1974; Бочкарев Н. И. В. И. Ленин и буржуазная социология в России. М., 1973; и др.

ратов является фактом: Антонио Грамши, Джузеппе Берти (Италия)⁴⁷, Пардо-Басан (Испания)⁴⁸, М. Партридж (Ноттингам), Г. Цигенгайт (ГДР), Р. Сливовский (Варшава), Ш. Шётер, Б. Фогараши, Ж. Зольдхий (Будапешт), Ю. Доланский, Р. Гребеничкова (Прага)⁴⁹ и т. д.

Учитывая успехи советской науки в исследовании теоретического наследия революционных демократов вообще, Н. Г. Чернышевского в особенности, следует отметить как одно из плодотворных направлений научных поисков советских ученых — исследования, раскрывающие революционно-демократическую идеологию России в интернациональном аспекте единства судеб народа России и всего человечества⁵⁰.

В. И. ЛЕНИН И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

А. И. ПЕКАРИК

Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского занимает выдающееся место в истории русской и мировой общественной науки и революционного освободительного движения в домарксистский период. Он был гигантской фигурой всего революционно-демократического этапа освободительного движения в России и общепризнанным, как отмечал В. И. Ленин, вождем революционеров 1861 года¹. Ему принадлежит главная роль в разработке мировоззрения, программы и тактики революционной демократии в России.

Классики марксизма-ленинизма дали высокую оценку всей революционной теоретической и политической деятельности Н. Г. Чернышевского. Так, К. Маркс в письме

⁴⁷ Грамши А. Избр. произв. М., 1959, т. III, с. 404—541; Берти Д. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965; и др.

⁴⁸ См.: Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977.

⁴⁹ См.: Проблемы научения Герцена; Фогараши Б. Н. Г. Чернышевский о Венгрии. Доклад на конгрессе венгерских историков.— *Вопр. истории*, 1953, № 7; Павлов Тодор. Избранные труды по эстетике. М., 1978, с. 482—488; и др.

⁵⁰ *Методологические проблемы истории философии и общественной мысли*. М., 1977.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

к членам комитета русской секции в Женеве отмечал, что труды Чернышевского «делают действительную честь России и указывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»².

В послесловии к своей работе «О социальном вопросе в России» Ф. Энгельс писал, что Чернышевский — «...великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II „Освободителя“»³. В. И. Ленин никого так высоко не ставил из выдающихся русских революционеров, как Н. Г. Чернышевского, к которому питал, по словам Н. К. Крупской, большую любовь. Еще в юности В. И. Ленин проявлял огромный интерес к сочинениям Чернышевского, внимательно изучал их. Строгая революционная последовательность и принципиальность, непреклонная сила воли и мужество, нравственная чистота и горячий темперамент бесстрашного борца за свободу, непоколебимая непримиримость к врагам и искренняя любовь к трудовому народу — все это делало Чернышевского близким и дорогим В. И. Ленину.

В. И. Ленин большое внимание уделял вопросу выяснения двух тенденций в общественной мысли и общественных движениях России XIX в., тенденций, намечавших различные методы устранения крепостничества и расчистки путей для развития капитализма. В статье „Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» В. И. Ленин писал, что Н. Г. Чернышевский, с одной стороны, и либералы 60-х годов — с другой, суть представители двух исторических сил, двух исторических тенденций в борьбе за новую Россию. Либералы выступали как идеологи буржуазии, которая была не прочь воспользоваться даже крестьянскими бунтами, чтобы выторговать себе уступки, отвечающие духу времени. Они хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии, ни помещичьего землевладения. Они боялись революции, боялись широкого движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Их программа ограничивалась поэтому борьбой за реформы, за дележ власти между крепостниками и буржуазией.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., Госполитиздат, 1951, с. 39.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 441.

А революционно-демократический лагерь во главе с Н. Г. Чернышевским боролся за то, чтобы в корне изменить основы существующего строя и прежде всего уничтожить ненавистный феодально-самодержавный режим путем всенародного революционного восстания⁴.

Борьба за новую, свободную Россию была главным содержанием жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. Его программа была рассчитана прежде всего на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ помещичье-крепостнического общества. Он полагал, что уничтожение революционным путем помещичьего землевладения и свержение помещичьих властей приведет в России непосредственно к установлению социалистических порядков на базе крестьянской общины. Отмечая эту сторону деятельности Чернышевского, В. И. Ленин писал: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁵. Революционно-демократическая деятельность Н. Г. Чернышевского, подчеркивал В. И. Ленин, протекала в ту пору общественного развития России, когда «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое»⁶.

В. И. Ленин называл Н. Г. Чернышевского всероссийским демократом-революционером. Критикуя социалистические утопии Н. Г. Чернышевского, он всегда заботливо выделял, охранял и развивал революционно-демократическое ядро его политической программы. Он подчеркивал, что основой мировоззрения Н. Г. Чернышевского был революционный демократизм, что вся его деятельность

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175.

⁵ Там же, с. 175.

⁶ Там же, т. 1, с. 280.

была направлена на освобождение крестьян, выражала настроения крестьянства, тянувшегося к свободе, боровшегося против крепостничества. Чернышевский отстаивал коренные интересы не только русских крестьян, но и всех угнетенных царизмом народов. Он пропагандировал идею дружбы народов и равноправие масс, решительно боролся против расизма и космополитизма. Н. Г. Чернышевский доказывал, что только врагам народа, только угнетателям выгодно разжигать национальную рознь, национальную ненависть, так как это ослабляет силы народа в его борьбе против угнетателей. Эта его интернациональная деятельность оказывала большое воздействие на настроение передовых мыслителей Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Прибалтики.

Прослеживая развитие освободительного движения в России от одного этапа к другому, В. И. Ленин выясняет то новое, что внес Н. Г. Чернышевский в сокровищницу освободительных идей, какую «добавку» он сделал сравнительно с Герценом. «Чернышевский,— писал В. И. Ленин,— был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»⁷.

Идейной основой мировоззрения Н. Г. Чернышевского являлся философский материализм. В течение всей своей жизни он стоял на последовательных материалистических позициях и вел активную борьбу против идеализма. «У главных направлений передовой общественной мысли России,— писал В. И. Ленин,— имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г. В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, эсеры и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы „последнего слова“ европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности»⁸.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

⁸ Там же, т. 45, с. 24.

Материализм Н. Г. Чернышевского на несколько десятилетий, до появления марксизма в России, стал высшей точкой философской мысли русского народа. Характерной чертой его материалистической философии являлось то, что она была тесно связана с политической борьбой революционной демократии. В. И. Ленин отмечал глубокую мысль Чернышевского о том, что «новейший материализм является философией рабочего класса».

Но материализм Чернышевского как и материализм Фейербаха, последователем которого он являлся, носил ограниченный, антропологический характер, хотя их позиции не были тождественны. Как и Фейербах, Чернышевский пытался всю сложность, многообразие общественных событий вывести из относительно устойчивого человеческого организма. В связи с этим В. И. Ленин писал: «...узок термин Фейербаха и Чернышевского „антропологический принцип“ в философии. И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*»⁹. Да и сам Чернышевский чувствовал недостаточность и ограниченность «антропологического принципа» в философии. При рассмотрении общественных явлений он делает блестящие материалистические догадки, вплотную подходя к историческому материализму. Так, преодолевая созерцательность теории познания Фейербаха, Чернышевский считал источником познания и критерием истины человеческую практику. Правда, Чернышевский не доходит до диалектико-материалистического понимания практики как революционно-преобразующей деятельности человека, обусловленной исторически-определенными закономерностями общественной жизни. Но в отличие от Фейербаха, в понятие «практика» он включает помимо умственной и нравственной деятельности человека его материальную деятельность.

Давая высокую оценку материалистической философии Н. Г. Чернышевского, В. И. Ленин одновременно указывал и на причины ограниченности мировоззрения русского демократа. «...Чернышевский не сумел, вернее: не мог в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹⁰.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

¹⁰ Там же, т. 18, с. 384.

Обобщая громадный фактический материал многогранного наследия русских революционных демократов, В. И. Ленин выделяет наиболее важные черты в революционно-демократической идеологии и на этой основе четко определяет ее содержание.

Прежде всего идеологии этой свойственна горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области¹¹.

Характерной чертой революционно-демократической идеологии 60-х годов В. И. Ленин считает также стремление ее представителей к европеизации России (здесь речь идет о революционном уничтожении феодализма, которое в то время уже происходило в странах Западной Европы). В. И. Ленин пишет о революционных демократах 60-х годов (в первую очередь о Чернышевском), что они «стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву»¹².

Кроме того, революционно-демократическому мировоззрению присуще, как утверждал Ленин, «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян»¹³.

Далее, социологическая концепция революционно-демократической идеологии признает обусловленность материальными интересами определенных общественных классов появления и развития идей и юридически-политических учреждений. Исторический реализм революционных демократов Ленин противопоставляет субъективизму либерального народничества. Эта черта характеризует попытки идеологов революционного демократизма решать основной вопрос философии в материалистическом духе.

И, наконец, характерной чертой революционно-демократической идеологии является прогрессивный характер критики капитализма.

Ленинский анализ революционно-демократической идеологии выдвигает требование исследования ее как идейного течения определенного исторического периода, как мировоззрения конкретных личностей, обращать вни-

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

¹² Там же, с. 533.

¹³ Там же, с. 519.

мание в ней на сильные и слабые стороны, обязательно определяя, какая из них берет верх.

Важным методологическим принципом ленинского исследования революционного демократизма является указание охранять идейное наследие, развивать его сильные стороны, стоять на прочном фундаменте марксизма, идти дальше, преодолевать его слабые стороны и противоречия.

Ленинский анализ социально-экономических основ, классовых источников революционного демократизма дает возможность определить историческое место этого общественного явления главным образом как движения широких народных масс, которое возникает на почве кризиса и упадка феодальной общественно-экономической формации, возникает и развивается закономерно и необходимо во всех странах, где образуются соответствующие социально-экономические отношения и где крестьянство, а часто и другие слои мелкой буржуазии выступают как активные социальные силы, способные на революционные преобразования.

Ленинское гениальное предвидение закономерного и необходимого появления революционного демократизма как идеологии и движения во всех странах, где имеются налицо определенные экономические и политические условия, на современном этапе подтверждается социальной практикой человечества.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Л. ФЕЙЕРБАХ

К. Н. ЛЮБУТИН, *д-р филос. наук,*

Б. В. ЕМЕЛЬЯНОВ, *канд. филос. наук*

Тема настоящей статьи в марксистской историко-философской литературе не новая. В работах В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Ю. М. Стеклова и других марксистов-историков общественной мысли еще в дореволюционный период вопрос о влиянии философии Фейербаха на мировоззрение Чернышевского находил свое решение.

Сам факт такого влияния не вызывал сомнения, поскольку Н. Г. Чернышевский неоднократно заявлял о себе как об ученике Л. Фейербаха, стороннике его материалистической философии. Оценке подвергалась степень этого влияния на русского мыслителя.

Г. В. Плеханов, а за ним Ю. М. Стеклов выдвинули тезис о том, что в своей философской эволюции Н. Г. Чернышевский не вышел за рамки антропологического материализма Л. Фейербаха. Эта точка зрения держалась достаточно долго, и еще в 1933 г. И. Вороницын писал, исследуя мировоззрение Чернышевского по отношению к философии немецкого материалиста, что «дальше пойти он не мог и сам к Фейербаху прибавить ничего не мог»¹.

Издание полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (1939—1953), дневников и переписки русского мыслителя позволило исследователям привлечь новый материал для решения этой проблемы. В работах В. Е. Евграфова, М. Т. Иовчука, М. М. Розенталя, Г. А. Соловьева и других исследователей был доказан оригинальный характер философских построений Чернышевского, раскрыты те области философского знания, где ему удалось преодолеть «узость» материализма Фейербаха. Наконец, У. Д. Розенфельдом предпринята интересная попытка показать, что еще до знакомства с произведениями немецкого философа Н. Г. Чернышевский по лекциям профессоров Петербургского университета Фишера и Никитенко формулирует идеи антропологического принципа, что впоследствии обеспечило быстрое восприятие им материалистических идей Фейербаха.

Нам представляется необходимым подвести некоторые итоги в изучении особенностей антропологического материализма Чернышевского и Фейербаха.

* *
*

Прогрессивная русская философия 40-х годов под влиянием потребностей революционного преобразования русской действительности обратила внимание на социальную деятельность человека как сущностную характеристику. А. И. Герцен писал: «Человек призван не в одну логику, — а еще в мир социально-исторический, нравственно-свободный и положительно-деятельный»².

Такого рода идеи широко развивались и Н. Г. Чернышевским. Теоретически этому способствовало его зна-

¹ Вороницын И. Чернышевский и религия. М., 1933, с. 49.

² Герцен А. И. Избр. филос. произв. в 2-х т. М., 1948, т. 1, с. 78.

комство с трудами французских материалистов, которым был свойствен исторический оптимизм и натуралистическая ориентация, вера в социальный прогресс, установление разумно организованного общества, отвечающего требованиям общественного идеала, и, в конечном итоге, естественным законам природы человеческого организма.

С таким теоретическим багажом подошел Н. Г. Чернышевский к чтению «Сущности христианства». Записи в дневниках этого периода любопытны прежде всего тем, что в них, несмотря на большую симпатию к книге и личности Фейербаха, нет того восторга, который высказали при чтении «Сущности христианства», например, Огарев и Герцен. Н. Г. Чернышевского привлекли благородство, прямота и откровенность Фейербаха, критика им религии. Но вместе с тем, когда Фейербах начинает «говорить о значении божественности слова, тайны создания из ничего и т. д. (Н. Г. Чернышевский.— К. Л., Б. Е.) не стал соглашаться»³.

Специфической особенностью материализма немецкого и русского философов является их приверженность к антропологическому принципу. Суть антропологического принципа заключалась в принятии человека за исходную точку философских построений. «„Человек“, — пишет Фейербах, — высшее существо природы, поэтому я должен исходить из сущности человека»⁴. Н. Г. Чернышевский придерживается аналогичной точки зрения: «...основанием всему, что мы говорим о какой-нибудь специальной отрасли жизни, действительно должны служить общие понятия о натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях»⁵. Человечество как обобщенный образ конкретного человека, человек как исходный пункт и конечная цель философии — таково содержание антропологического принципа Н. Г. Чернышевского.

Оба мыслителя в самой трактовке человека упор делают на «цельность» человеческой природы. Антропологический принцип служил созданию материалистической концепции, противостоящей всякому эклектизму. Н. Г. Чер-

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 225.

⁴ Фейербах Л. Избр. филос. произв. в 2-х т. М., 1955, т. 1, с. 266.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 329.

нышевский пишет: «...принцип этот состоит в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или если она оказывается специальным отпращением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом»⁶.

Чернышевский и Фейербах говорят прежде всего о единстве человека и природы. При этом Н. Г. Чернышевский указывает, что, хотя материализм возник давно, «...только в последние десятилетия наше знание достигло таких размеров, что доказывает научным образом основательность этого истолкования явлений природы»⁷. И для Н. Г. Чернышевского, и для Л. Фейербаха характерно большое внимание к естественнонаучному доказательству проблем и положений антропологического материализма. Русский философ утверждает, что все многообразие явлений человеческой жизни может быть объяснено объединенными усилиями материалистической философии и естествознания. Поэтому основательным и подлинно научным «принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека»⁸.

Следующий шаг в выяснении сущности человека, который сделали оба мыслителя, заключается в выяснении характеристик человека, отличающих его от природы. Человек является частью природы. Но при этом человек сознательно противопоставляет себя природе. «Природа, — пишет Фейербах, — есть неотличимая от бытия сущность, человек есть сущность, отличающая себя от бытия»⁹. Антропологический материализм предполагает другие, от-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 293.

⁷ Там же, с. 249.

⁸ Там же, с. 240.

⁹ Фейербах Л. Избр. филос. произв. в 2-х т., т. 1, с. 129.

личные, например от материализма XVIII в., доказательства этого положения.

Материалисты XVIII в. сущность человека представляли как совокупность заданных от природы, неизменных *разумных* потребностей. Законы функционирования человеческого организма и природы признавались тождественными и качественно не различимыми. Лишь непонимание человеком подлинных стремлений, потребностей своей природы ставит его в противоречие с природой. Возвращение же к заданной естественной норме обеспечивает счастье человека.

В антропологическом материализме Л. Фейербаха и Н. Г. Чернышевского — иная система отсчета в выяснении отношения «человек — природа». Они утверждают, что, несмотря на единство природы и человека, в организме последнего осуществляются процессы, качественно отличные от тех, что происходят в природе. Человеческому организму свойственны потребности, которые он удовлетворяет в результате практического взаимодействия с природой. А поскольку природа не дает возможности для удовлетворения этих потребностей (имеются в виду природные, материально-физиологические потребности), человек преобразует природу, окружающий его мир. Характеризуя этот естественный процесс, Н. Г. Чернышевский писал: «Действуя сообразно с законами природы и души и при помощи их, человек может постепенно видоизменять те явления действительности, которые несообразны с его стремлениями, и таким образом постепенно достигать очень значительных успехов в деле улучшения своей жизни и исполнения своих желаний»¹⁰.

Оба философа не мыслят сущности человека без его взаимодействия с природой. «Человек — ничто без объекта», — утверждает Фейербах¹¹. Однако деятельная сторона человека, характеризующая его сущность, утверждается им как деятельность физиологическая, чувственная, радикально не изменяющая бытия, существования человека. В результате закономерным представляется вывод Фейербаха: «Желания человека, по крайней мере обоснованные, не взятые с потолка, не выходят за гра-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 228.

¹¹ Фейербах Л. Указ. соч., т. 2, с. 33.

пийцы того, что он есть по своей существенной характерной определенности»¹².

Н. Г. Чернышевскому удалось во многих существенных моментах преодолеть подобную ограниченность. Это стало возможным, на наш взгляд, потому что фактическое содержание и реальное звучание антропологического материализма Чернышевского было продуктом развития иных общественных отношений. Решение философских вопросов, анализ сущности и существования человека имели для русского мыслителя значение главным образом в контексте решения вопросов *социалистического* преобразования общества, а это вело к поискам иных форм детерминизма, учитывающих прежде всего *исторические, социальные* аспекты человеческого существования. Если для Л. Фейербаха была характерна «удивительная бедность» исторических взглядов (Энгельс), пренебрежение миром, в котором живет человек, то Н. Г. Чернышевский именно в этих областях достиг чрезвычайно плодотворных результатов, которые так высоко оценивали классики марксизма.

Человек, по мнению русского философа, не только природное существо, но и общественное. Подобная точка зрения была характерна и для Л. Фейербаха, который писал: «Отдельный человек, как нечто обособленное не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты»¹³. Хотя немецкий материалист пытается уловить социальный смысл общения, за рамки «робинзонады» он не выходит. Гуманистическое содержание антропологического материализма Фейербаха носило прежде всего и преимущественно теоретический характер. Об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Фейербах явился выразителем материализма, совпадающего с гуманизмом в теоретической области», подобно тому, как «французский и английский социализм и коммунизм явились выражением этого материализма в „практической области“»¹⁴.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 366.

¹³ Фейербах Л. Указ. соч., т. 1, с. 203.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 139.

Н. Г. Чернышевский был не только выдающимся русским мыслителем, но и последовательным революционером, выступающим за социалистическое преобразование общества. Последнее обстоятельство дает новые стимулы для теоретической деятельности, ее ориентации в направлении практической реализации гуманистической теории антропологического материализма. «Жизнь и славу нашего времени,— пишет Н. Г. Чернышевский, как бы вторя вышеприведенным словам К. Маркса и Ф. Энгельса,— составляют два стремления, тесно связанные между собой и служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни. К этим двум основным идеям примыкают, от них получают свою силу все остальные частные стремления, свойственные людям нашего века: вопрос о народности, вопрос о просвещении, государственные, юридические стремления оживляются этими идеями, решаются на основании их, вообще интересуют собою современного человека только по мере связи их с тенденциями к гуманности и улучшению человеческой жизни»¹⁵.

Оба стремления, по мысли Н. Г. Чернышевского, реализуются как возможность на путях удовлетворения человеком его природных, материальных потребностей и, следовательно, проявления человеком своей сущности. Анализ общественных отношений, истории государств и народов позволил Чернышевскому сделать вывод о том, что «...зло не всегда бывает основано непосредственным образом на одном только невежестве — иногда оно поддерживается и другими обстоятельствами, которые, конечно, в свою очередь порождены невежеством, но бывают такого свойства, что до уничтожения их невозможно и распространение просвещения»¹⁶.

Он также указывает, что «ни природа, ни порожденный ею темперамент народа вовсе недостаточны для объяснения народных занятий и быта, как скоро народ выходит на поприще исторического развития»¹⁷.

Вводя категорию «обстоятельств», русский мыслитель обращает внимание на зависимость человека не только от природы и ее материальных ресурсов, но и от объек-

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 302.

¹⁶ Там же, т. IV, с. 841.

¹⁷ Там же, с. 481.

тивных исторических условий (обстоятельств) его существования. «Обстоятельства» выступают социальными детерминантами, условиями проявления человеком своих природных потенций. В конечном итоге они определяют действия человека, его характер, привычки и обычаи. Философ заявляет: «Обычай никогда не возникает без причины, он всегда создается необходимою силою исторических обстоятельств»¹⁸. Из «внешних обстоятельств по закону причинности» определяются, по Чернышевскому, явления нравственного мира человека¹⁹. Здесь философ становится на путь перерастания антропологии в социологию, т. е. изучения социального бытия человека во всем его объеме. (Оговоримся сразу, что ему не удалось совершить весь путь к научному материалистическому пониманию истории. Но сделано им в этом отношении чрезвычайно много.) Н. Г. Чернышевский понимал всю плодотворность изучения именно истории и политической экономии, как важнейших гуманитарных наук, поскольку они — «...приложения философии, и вместе главные опоры, источники для философии». Более того, по мнению Н. Г. Чернышевского, политическая экономия важна не только в теоретическом отношении, но «и на практике, то есть и в науке, и в жизни государственной»²⁰.

По сравнению с Фейербахом и в отличие от него, русский мыслитель вводит в анализ сущностных характеристик человека новые элементы, отражающие социальные аспекты его существования. Важнейшим из таких элементов является *труд*. В результате абстрактное понятие «человек» конкретизируется в анализе не только природной, но и общественной сторон труда. Прежде всего Чернышевский, исходя из антропологических установок своего мировоззрения, утверждает природный характер труда. «...Труд есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящих в ней свое наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производству предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организ-

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 269.

¹⁹ Там же, т. VII, с. 260.

²⁰ Там же, т. XIV, с. 167.

ма»²¹. Вместе с тем труд как единственный элемент производства, лежащий в организме самого человека, был бы недостаточен, если бы человек не дополнил свои природные силы орудиями труда, изменив тем самым качественную определенность труда. Анализ развития труда, его «инструментов»; «орудий», отношений, возникающих в процессе труда (прежде всего отношений собственности), предпринятый Н. Г. Чернышевским в целом ряде работ («О поземельной собственности», «О новых условиях сельского быта», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Экономическая деятельность и законодательство», «Основания „Политической экономии Милля“» и др.), выявляет общественный, исторически изменяющийся характер труда, его роль в обеспечении «материального общественного благосостояния» людей²². Более того, Н. Г. Чернышевский поднялся до понимания зависимости производственных отношений от развития производительных сил. В знаменитых «Основаниях „Политической экономии Милля“» он делает, например, такой вывод: «Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов... Это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов»²³.

Эвристическая ценность анализа материальной деятельности человека и экономической жизни общества для Н. Г. Чернышевского — антропологического материалиста несомненна. В конечном итоге анализ этот привел его к мысли о том, что «сущность социализма относится собственно к экономической жизни»²⁴. Русский мыслитель понимал связь и зависимость социальной, юридической свободы человека от его включенности в экономические отношения. «...Не надобно забывать,— пишет он,— что человек не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, в жизни и счастья которого материальная сторона (экономический быт) имеет великую важ-

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 154.

²² Там же, с. 154—155.

²³ Там же, с. 222.

²⁴ Там же, с. 828.

ность; и что потому, если должны быть для его счастья обеспечены его юридические права, то не менее нужно обеспечение и материальной стороны его быта. Даже юридические права на самом деле обеспечиваются только исполнением этого последнего условия, потому что человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость»²⁵.

Н. Г. Чернышевский создает политико-экономическую «теорию трудящихся», в которой рассматривает формы труда и доказывает, что только «товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности». Конкретно-исторический анализ развития общественных отношений привел русского философа к выводу об их классовом характере. В данном случае у Н. Г. Чернышевского намечается еще один путь преодоления абстрактного характера «человека вообще», свойственного антропологической философии Фейербаха. По мнению Чернышевского, классовая принадлежность индивида является важной характеристикой его общественной значимости.

Классики марксизма указали на тот несомненный факт, что Л. Фейербах не понял сущности эксплуатации в капиталистическом обществе. Русский же «ученик» Л. Фейербаха не только вскрыл ее сущность, но и утверждал необходимость «...изменений в гражданских отношениях между классом капиталистов, с одной стороны, классом, живущим наемной работой, — с другой»²⁶. Классовая борьба, к которой звал Н. Г. Чернышевский и готовил передовые силы русского общества, не только не тождественна призывам Фейербаха к единению между людьми без различия в их социальном положении, а в корне отличается от них, демонстрируя дистанцию, на которую отстоит Н. Г. Чернышевский от своего учителя во взглядах на человека.

Значительный интерес для выяснения особенностей мировоззрения обоих мыслителей представляет этика «разумного эгоизма», которой они следовали и которую развивали. Этика Л. Фейербаха и Н. Г. Чернышевского, несомненно, является материалистической. «Материа-

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 740.

²⁶ Там же, т. V, с. 12.

лизм, — утверждает Л. Фейербах, — есть единственный солидный базис морали»²⁷. Не менее четко по этому поводу высказывался и Н. Г. Чернышевский. Их этика также антропологична, поскольку исходит из личных, индивидуальных потребностей и интересов отдельного человека. Оба они в исследовании моральных ценностей, счастья человека, цели и смысла его жизни говорят о соотношении личного и общественного. Но понимание этого соотношения у них различно.

У Фейербаха, определявшего человека как существо моральное, но вместе с тем абстрактное, этика замкнута рамками «узкого» антропологизма. Н. Г. Чернышевский, так же как и Фейербах, подчеркивает общественный характер морали («одинокое счастья нет»). Кроме того, исследуя соотношение личных и общественных интересов, русский мыслитель приходит к выводу, что они неразрывно связаны друг с другом. «Лучше не развиваться человеку, — писал он, — нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? В чем останется участвовать мне?»²⁸. Личные интересы человека должны быть подчинены общественным — таков пафос теории «разумного эгоизма». В этом случае «эгоизм» человека лишь формально антропологичен. Светлое будущее социалистического общества как идеал социальный требовало совместных усилий людей для своего достижения, требовало, наконец, нового этического идеала. Таким идеалом, по Н. Г. Чернышевскому, являются отношения «новых», «необыкновенных» людей — революционеров, в которых воплощены все лучшие черты личности будущего человека.

* * *

Ленинская характеристика антропологического принципа общеизвестна: «...Узок термин Л. Фейербаха и Чернышевского „антропологический принцип“ в философии.

²⁷ Фейербах Л. Указ. соч., т. 1, с. 504.

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 169.

И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*»²⁹. Материалистическая антропология дала возможность этим философам вступить на путь анализа не только природной, но и общественной жизни человека. Однако антропологический принцип в качестве основания для философского анализа сущности человека не всегда позволял выявить диалектическое единство его природных и социальных характеристик. В философских построениях выдающегося русского материалиста Н. Г. Чернышевского антропологический принцип исчерпал свои возможности. Практика революционной борьбы, социалистическая ориентация мыслителя, диалектика, понятая как «алгебра революции», позволили ему пойти дальше Людвига Фейербаха — по пути к диалектическому и историческому материализму.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И «ВЕХОВСТВО»

Ю. Е. АНУФРИЕВ, *канд. филос. наук*

Виднейшие кадетские публицисты Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, М. Гершензон, С. Франк, А. Изгоев, Б. Кистяковский в своем реакционном сборнике «Вехи» (1909) основной идеологический удар направили на Чернышевского и на революционную идеологию и практику русской интеллигенции, которая сложилась под его влиянием, на такую интеллигенцию, которая была «выразителем демократического движения...»¹.

В. И. Ленин, познакомившись с содержанием статей сборника «Вехи» во Франции, выступил перед эмигрантами социал-демократами в Лежье (октябрь 1909 г.) с рефератом «Идеология контрреволюционного либерализма». Из плана реферата следует, что В. И. Ленин заострил внимание своих слушателей на попытках веховцев идейно уничтожить теоретическое наследие Чернышевского².

Из всех реакционных идейно-политических течений 1908—1912 гг. В. И. Ленин закономерно на первый план выдвинул борьбу с веховством. «Позорно знаменитая книга „Вехи“, — пишет он, — имевшая громадный успех

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

¹ Там же, т. 19, с. 170.

² См.: Там же, с. 427.

среди либерально-буржуазного общества, насквозь пропитанного ренегатскими стремлениями, вызвала недостаточно глубокую оценку в лагере демократии»³.

Призыв В. И. Ленина к глубокому анализу веховской идеологии сохраняет свою актуальность и в настоящее время, поскольку идейные постулаты Н. Бердяева и его последователей вообще, их фальсификацию идейно-политического наследия Чернышевского в частности используют антикоммунисты в борьбе против марксизма-ленинизма. Так, например, в мае 1975 г. основатели архиреакционного журнала «Континент», претендующего на разработку стратегической линии антикоммунизма для всей буржуазной идеологии и политики в современных условиях, указали, что цель «Континента» — прямое продолжение линии «Вех».

Одна из основных целей авторов «Вех» — вытравливание из сознания прогрессивной интеллигенции материализма и атеизма и замена их религиозным мировоззрением из арсенала так называемого «нового русского идеализма». Распространение же атеизма и материализма в русском обществе веховцы выводили только из публицистической деятельности Белинского, частично Герцена и в особенности Чернышевского. Исключив социально-экономические факторы, влияющие на формирование прогрессивного мировоззрения у русской интеллигенции, веховцы ее социальную природу вывели из идеального. В России, по мнению веховцев, сложилась особая специфическая социальная группа интеллигенции, не похожая на западноевропейскую. «У нас интеллигенция, — пишет Н. Бердяев, — стала особой социальной группой, кружковщиной, и принадлежность к ней определяется не качеством интеллекта, а особой социально-моральной настроенностью»⁴. Поскольку социальная деятельность интеллигенции никак не укладывалась в веховскую схему, П. Бердяев ввел понятие «социально-моральная настроенность», в котором социальное и моральное логически равнозначны, а поскольку «настроенность» ближе к этической категории, то слово «социально» теряло свое значение и превращалось в категорию этическую.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 82.

⁴ Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Спб., 1910, с. 91.

Русская интеллигенция, по веховскому определению, есть социальная группа, состоящая из представителей различных слоев русского общества и отличающаяся специфической этико-идеологической настроенностью. Основным же атрибутом русской интеллигенции, доказывают веховцы, является нравственное предрасположение к революционному действию, к социальной активности. Наличие этого атрибута в сознании представителей русской общественности признавалось достаточным для того, чтобы получить веховский «мандат» для вступления в ряды «специфической» русской интеллигенции. Так, по веховским меркам, Ионыч Чехова — не интеллигент, хотя имеет высшее образование, а вот Павел Власов Горького — типичный интеллигент, хотя и рабочий, и не образован, но зато материалист, атеист, да еще и революционер. Следуя идеям «веховцев», западногерманский антикоммунист Э. Саркисян пишет: «В предмарксистской России понятие «интеллигенция» должно употребляться в ином смысле, чем в других странах»⁵.

Линия веховской критики направлена на борьбу с так называемым «интеллигентским сознанием». «Основное содержание, смысл сборника „Вехи“, — замечает по этому поводу П. Струве, — заключается в критике русского интеллигентского сознания и той русской общественности, которая построена на этом сознании»⁶. «Годы моей жизни, — писал в своей автобиографии Н. Бердяев, — посвящены борьбе с интеллигентской общественностью»⁷.

Близко к веховским позициям определение известного ренегата Э. Фишера. «Когда я говорю об интеллигенции, — пишет он, — я имею в виду не социальную категорию, а духовное и нравственное начало»⁸. Аналогичные высказывания встречаются у таких известных буржуазных идеологов, как Белл, Арон, Маркузе.

Сузив революционно-освободительный процесс в России до революционной практики интеллигентов, которая якобы сформировалась только под влиянием Чернышевского и его единомышленников, Н. Бердяев и его сто-

⁵ Sarkisyanz E. Russland und der messianismus der Orients. Tübingen, 1955, S. 20.

⁶ Струве П. Политика, культура, религия, социализм. Сб. ст. М., 1911.

⁷ Бердяев Н. Самопознание. Париж, 1947, с. 63.

⁸ Фишер Э. Искусство и существование. М., 1969, с. 26.

рошники логически вынуждены были преувеличить роль интеллигенции в революционно-освободительном движении России и мировой истории. «Социально-политический идеал, выставляемый марксизмом,— писал Н. Бердяев,— не вытекает необходимо из экономического положения рабочих и их групповой борьбы, он коренится в идеальных сторонах интеллигентской души»⁹.

Для веховцев движущей силой буржуазно-демократической и социалистической революций выступила интеллигенция. Об этом со всей четкостью они говорят в «Вехах». По поводу Великой Октябрьской социалистической революции С. Булгаков писал: «Россия вступила в интеллигентскую эпоху»¹⁰.

Преувеличение веховцами роли интеллигенции следует рассматривать как попытку противопоставить ее исторической миссии рабочего класса. Это веховское положение вошло в теоретический и методический арсенал современного антикоммунизма. Н. Бердяев писал по этому поводу, что «интеллигенция есть не только социальная группа, но и социальный класс»¹¹. Веховцы способствовали также развитию идеи о том, что контроль над средствами производства и управления ими может иметь такое же значение, как и формальное обладание ими. В этом плане веховцы явились предшественниками «современных» модных теорий Бэргэма «О революции менеджеров» и Милована Джилиса о «новом классе», о чем прямо говорят современные антикоммунисты¹².

Трактовка веховцами понятия интеллигенции, их характеристика Чернышевского заимствуются современными антикоммунистами¹³.

⁹ Бердяев Н. Опыты философские, социальные и литературные. Спб., 1907, с. 127.

¹⁰ Булгаков С. На пиру богов. Киев, 1918, с. 56.

¹¹ Бердяев Н. Интеллигенция и классовая борьба. Париж, 1931, с. 32.

¹² См.: Заговор «интеллектуалов». Милан, 1967.

¹³ Так, например, в США в 1972—1973 гг. была опубликована восьмитомная антикоммунистическая энциклопедия «Марксизм, коммунизм и западное общество». Работа над ней велась в течение 10 лет. В ее издании участвовали более 700 авторов, редакторов из 15 стран. Вначале энциклопедия была издана на немецком языке в ФРГ, затем на английском. Авторы пытаются сделать ее своим пособием в воспитании неприязни к идеям Великого Октября на всех континентах. Важнейшие разделы этой энциклопедии написаны в духе неовеховских положений.

Так, например, А. Вайсс вслед за американским историком С. Утехиным, пытается доказать, что в становлении ленинизма в России бóльшую роль сыграли работы Чернышевского и Ткачева, чем Маркса и Энгельса¹⁴. Еще более откровенно высказывается Р. Даниэльс в своей работе «Россия» (1964 г.). Специфика русской духовной истории, пытаются доказать эти авторы, заключалась в том, что В. И. Ленин был интеллектуальным последователем Чернышевского в бóльшей мере, чем Маркса. Такие неовеховские утверждения служат стратегической линией антикоммунизма, а именно: социализм в России построен «не по Марксу», следовательно, опыт КПСС в его строительстве неприемлем для коммунистических партий Запада.

Веховцы и их последователи на Западе выводили всю революционную практику в России, в том числе и деятельность партии большевиков, из публицистической деятельности Чернышевского. Именно поэтому они ставили задачу — полностью развенчать и унижить выдающегося представителя общественно-политической мысли России. В веховской интерпретации Чернышевского наиболее отчетливо проявляется предвзятость, фальсификация и классовая ненависть. Для Н. Бердяева «Чернышевский — носитель культуры низшей, культуры пониженных качеств»¹⁵. Для П. Струве «роль Чернышевского аналогична роли Г. Михайловского»¹⁶. Н. Бердяев и его последователи вопреки очевидным фактам обошли стороной революционную деятельность Чернышевского, свели ее до простого просветительства. «Чернышевский и Писарев, — писал Н. Бердяев, — наши просветители и чтить их нужно как просветительных идеалистов»¹⁷.

Бердяевское «открытие» идеализма в строго последовательной материалистической философии Н. Чернышевского, несмотря на всю абсурдность аргументации, нашло свое признание у современных западных идеологов, наделенных самыми почетными рангами в антикоммуни-

¹⁴ Вайс А. фон. Исторический материализм. Вып. 1. Марксизм, коммунизм, западное общество. М., 1974, т. 4, с. 138—151.

¹⁵ Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции, с. 87.

¹⁶ Струве П. Политика, культура, религия, социализм, с. 334.

¹⁷ Бердяев Н. Опыты философские, социальные и литературные, с. 12.

стической иерархии. Так, например, Г. Веттер пишет: «Чернышевский есть главный представитель русского вульгарного материализма, он ученик Фейербаха, и его материализм, как и его учение направлено против угнетения человека, как правильно заметил Н. Бердяев, но Н. Чернышевский одновременно и идеалист, идеал которого на земле»¹⁸. И данную работу апологеты Веттера представляют как своеобразный учебник по антикоммунизму, она выдержала пять изданий. Буржуазные идеологи выдают ее за последнее достижение западноевропейской мысли. На самом деле основная аргументация и методология в «критике» диалектического материализма в СССР заимствована Веттером из веховских концепций, центральная идея монографии заключена в попытках автора вывести корни диалектического материализма не из марксизма-ленинизма, а только из работ русских революционеров-демократов. Не обходится без неовеховских положений и претендующий на роль основоположника «советологии» Бохенский — дважды доктор философии и теологии, директор Института Восточной Европы, главный редактор журнала «Изучение советской мысли», специалист по «коммунистической идеологии», член Ордена доминиканцев. В своей работе «Советский диалектический материализм» он, как и Веттер, главные истоки ленинизма выводит из теории и практики революционеров-демократов, а марксизм выдает за второстепенный источник¹⁹. Аналогичной точки зрения придерживается Иринг Фетчер — западногерманский советолог, редактор периодически выходящих в ФРГ сборников «Исследования марксизма»²⁰.

Другой прием веховцев заключался в попытках противопоставления Чернышевского Герцену. Последнего они пытались представить как тип особого мыслителя, выдавали этого выдающегося революционера-демократа за своего единомышленника, ближе стоявшего к В. Соловьеву и Ф. Достоевскому, чем к Чернышевскому. «Герцен, — писал С. Булгаков, — хотя и окружным путем,

¹⁸ Wetter G. Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1960, S. 73.

¹⁹ Bocenski I. Der Sowjetrussische dialektische materialismus. Bern, 1950.

²⁰ Fetscher I. Von Marx zur sowjetideologie. Bonn, 1957, S. 64.

более отрицательным, чем положительным, ведет к Достоевскому и Соловьеву»²¹. Аналогичную точку зрения проповедовали и другие веховцы²².

Они преувеличивали определенные тактические разногласия между Герценом и Чернышевским и совершенно обходили тот факт, что именно Чернышевский, как наиболее авторитетный представитель русского центра, сыграл решающую роль при разработке общей программы между «Колоколом» и «Современником» и уладил недоразумение, возникшее между Герценом и Добролюбовым. Считая, что простой критики уже недостаточно в борьбе с самодержавием, Добролюбов в одном из номеров «Современника» подверг критике Герцена. Герцен выступил с ответной статьей («Весьма опасно»). Для выяснения отношений между заграничным и русским центрами в июне 1859 г. в Лондон выехал Чернышевский. Здесь, в Лондоне, состоялись его две встречи с Герценом. Следствием этих встреч явилось то, что Герцен опубликовал в «Колоколе» объяснение, в котором отрицал оскорбительный характер «Весьма опасно». «Нам бы чрезвычайно было больно,— писал он,— если бы ирония, употребляемая нами, была принята за оскорбительный намек». Как правильно отмечает М. В. Нечкина, «споров и разногласий между Герценом и Чернышевским было не мало, но не надо забывать, что эти споры велись в рамках революционных мировоззрений. Герцен вовсе не скатывался по ту сторону баррикады, а неуклонно приближался к революционности нового поколения»²³.

Тем не менее на Западе находятся «специалисты» по истории русской общественной мысли, которые настойчиво пропагандируют эти веховские положения среди современной западноевропейской интеллигенции. Так, В. Пирожкова в своей монографии «Герцен. Крушение утопии» (Мюнхен, 1961) повторяет вслед за веховцами, что якобы Герцен не был атеистом, характеризует его

²¹ Булгаков С. Душевная драма Герцена. От марксизма к идеализму. М., 1903, с. 188.

²² См.: Гершензон М. Социально-политические взгляды А. И. Герцена. М., 1906; Струве П. Герцен.— Речь, 1908, 10 янв.; Бердяев Н. Большая Россия.— Слово, 1908, 23 февр.

²³ Нечкина М. Подвиг Чернышевского.— Коммунист, 1978, № 2, с. 34.

«скрытым христианином», «противником революции». При этом автор нападает на ленинскую оценку Герцена и Чернышевского и трех этапов революционно-освободительного движения.

Таким образом, современные буржуазные идеологи, фальсифицируя идейно-теоретическое наследие Чернышевского, применяют приемы, разработанные веховцами еще в начале XX в. Цель веховской идеологии — воспитание социально активной контрреволюционной интеллигенции, способной, по их замыслу, разложить демократический лагерь изнутри, направить революционно-освободительное движение в нужное для господствующих классов русло.

«Я думаю,— писал по этому поводу Н. Бердяев,— что не без основания можно было бы назвать наше молодое и не окрепшее еще идеологическое движение своеобразным романтизмом, тесно сросшимся с освободительными стремлениями нашей эпохи»²⁴.

Идеология веховцев основывалась на положениях, заимствованных из арсенала субъективного идеализма и религии. «В душе,— писал, например, М. Гершензон,— ключ не только к нравственному подъему общества, но и к его материальному развитию»²⁵. Категория личности противопоставлялась ими категории человека. Сущность проблем человека выводилась ими не из его социальной среды, а из индивидуальных переживаний. «Деятельность сознания,— поучает М. Гершензон,— должна быть устремлена внутрь на самую личность и должна быть свободной от всякой предвзятости, от всякой инородной тенденции, навязанной задачами жизни»²⁶.

Через свое учение о личности веховцы вели идеологическую атаку на тип революционной личности, который сложился под влиянием философского материализма Фейербаха, вернее, через его интерпретацию Чернышевским. И действительно, уже сама постановка основного вопроса веховской философии заставляла Н. Бердяева и К^о вступать в конфронтацию с «Антропологическим принципом в философии», написанным Чернышевским в

²⁴ Бердяев Н. О новом русском идеализме.— Вопросы философии и психологии, 1904, № 5, с. 723.

²⁵ Гершензон М. Исторические записки. М., 1910, с. 97.

²⁶ Гершензон М. История молодой России. М., 1908, с. 101—102.

1860 г. Эта работа вызвала сильное движение умов, нанесла сокрушительный удар по идеалистическому мировоззрению.

Философская система Чернышевского была построена на материалистической основе. Психическое он рассматривал как результат работы мозга, тем самым Чернышевский противопоставлял свои воззрения идеалистическим и религиозным доктринам, раздваивающим человека (в веховском понимании личность и тело). В центре проблем философии Чернышевского — человек как социальная личность. В решении этого вопроса Чернышевский был последовательнее Л. Фейербаха, поскольку повернул свое исследование к проблемам общественной жизни, считая, что материалистическая философия должна быть приложена к социальным процессам, к обоснованию социальной революции, социализма. Тем самым Чернышевский вплотную приблизился к пониманию классовой борьбы и роли народных масс в истории.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Н. Н. ВИНОКУРОВА, *канд. филос. наук,*

П. С. ШКУРИНОВ, *д-р филос. наук*

Революционер по своим идейно-политическим убеждениям и характеру общественной деятельности, Чернышевский был новатором в развитии философских знаний. Решительно никаких оснований не имеют те утверждения современных буржуазных историков философии, которые приписывают русскому философу-демократу «эклектическое восприятие», «подражательное описание», «вульгарный взгляд» или «заимствованные понятия». Чего стоит, например, сентенция американского историка Р. Киндерсли о «банальном материализме Чернышевского»?¹ Таковую же цель преследуют заявления буржуазных комментаторов, будто в работе «Антропологический принцип в философии» всего лишь воспроизводятся идеи Фейербаха, а также их утверждения, будто Чернышевский — типич-

¹ См.: Kindersley R. The First Russian Revisionists. A Study of Legal Marxism in Russia. Oxford, 1962.

ный «гегельянец», «позитивист», даже «примитивный вульгарный материалист»².

В буржуазной литературе по истории русской философии искажался и искажается антропологический принцип революционной демократии: его теоретическое содержание сводится к грубым представлениям о «примате желудка» либо «к бесчеловечному скептицизму», «анархистской революционности»³. Примером явной фальсификации взглядов Чернышевского могут служить их характеристики «веховцами» (Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Струве), а также современными «советологами» (Л. Мюллером, И. Бохенским, Г. Веттером, С. Хуком и др.).

Н. Г. Чернышевский был во всех отношениях оригинальным философом, опиравшимся на антропологический принцип в его философском и социологическом толковании. Антропологический характер многих позиций философии и социологии Н. Г. Чернышевского не дает никаких оснований причислять великого русского мыслителя к разряду «ординарных последователей старых идейных штампов».

Обращаясь к антропологической традиции в философии, заметим, что ее родоначальником принято называть Л. Фейербаха, роль которого так велика, признание славы так значительно, что сопоставление с ним кого-либо из представителей домарксистской философии, кажется, не может быть достаточным, чтобы речь вести об оригинальности его учеников. При всей близости этого вывода к истине, нельзя сказать, что он сколько-нибудь оправдан относительно Н. Чернышевского.

Прежде всего, было бы поверхностным полагать, что все антропологические идеи Н. Чернышевского «корень влекут» только из книг Л. Фейербаха. Надо отметить, что проблема «антропологической традиции» в истории философии мало разработана в материалистической литературе. Но то, что историкам философии достоверно известно, позволяет утверждать: уже Просвещение XVIII в. создало вполне концептуальные формы «теоретической

² Woherlin W. F. Chernyshevskii. The Man and the Journalist. Cambridge (Mass), 1971.

³ Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. Ed. by Taras Hunozak with an introduction by Kohn. Rutgers u. p. 1974.

антропологии»⁴ — философской и социальной. В плане исходно-философском здесь выделялась проблема единства материального и духовного, чувственного и рационального в человеческой природе, т. е. типично антропологическая постановка основного вопроса философии.

Социальный антропологизм — следствие требований буржуазного способа производства, требований освобождения человека (производителя) от оков феодальных отношений. Добываясь политической власти, свободной продажи рабочей силы на рынке труда, молодая буржуазия ставила проблему личности в центр своих учений, нередко придавая им противоречивый смысл и значение «социологической робинзонады». Все теории «естественного права», «натуральной нравственности» пронизаны антропологическими идеями. В различных буржуазных концепциях XVII—XVIII вв. антропоцентризм дополнялся утилитарными теориями, учениями физиократов, гомологическими или христианско-антропологическими представлениями и понятиями. Руссо и Гельвеций, Блэкстон и Поп, Гердер и Гете, Новиков и Радищев являют нам яркие образцы своеобразных антропологических построений, содержащих основные «начала» будущих систем философской и социологической антропологии XIX в.

Нельзя не заметить симпатии Н. Г. Чернышевского не только к воззрениям Руссо и Гельвеция, но и к взглядам Гердера и Радищева. Идеи Радищева могли влиять и влияли на вождя российской революционной демократии как непосредственно, так и опосредованно, через декабристов, Белинского, петрашевцев, Герцена. Есть много общего между главой «Хотилово» из «Путешествия» Радищева и «Антропологическим принципом в философии». Без труда выявляется сходство философских взглядов Чернышевского и идей трактата Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии». Г. В. Плеханов отмечал большую близость стилей мышления Радищева и Чернышевского, особенно в решении вопроса о «побуждениях, руководящих людьми»⁵.

И тем не менее Чернышевский многократно свидетельствовал о своей горячей приверженности к философии Л. Фейербаха, часто подчеркивал особое значение трудов

⁴ См.: *Век просвещения*. Москва — Париж, 1970, с. 251—278.

⁵ *Литературное наследие Г. В. Плеханова*. М., 1938, т. VI, с. 321.

немецкого мыслителя для обоснования принципов материалистического, демократического и гуманистического миропонимания⁶. Исключительно высокая оценка материализму немецкого мыслителя, — отмечал В. И. Ленин, — дана в предисловии к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» (1888).

В. И. Ленин ставил рядом имена Фейербаха и Чернышевского, как мыслителей, относящихся к одному направлению домарксистской философии⁷. Между двумя великими философами XIX в. не было «контрадикторных отношений». Их философские судьбы позволяют находить принципиальную общность исходных идей и их развитых форм — между ними могли быть и были отношения предшественника и последователя: Чернышевский являлся «учеником Фейербаха»⁸.

Но автор «Антропологического принципа» и «Характера человеческого знания» не был ординарным последователем немецкого философа. Следуя Фейербаху в исходных позициях, русский мыслитель развивал эти позиции антропологического материализма, ставил и блестяще решал новые проблемы философии, выдвигавшиеся новыми условиями жизни и борьбы, развитием науки и общественной практики.

Как и Фейербах, Чернышевский во имя развития философских основ демократического миропонимания вынужден был изобличать несостоятельность мистико-религиозной идеологии, точнее, — религиозно-православной идеологии (Берви, Гогоцкий, Новицкий, Кудрявцев-Платонов, Юркевич). Нанося удар против «фантастического мирозерцания», он с большим мастерством пользовался оружием антропологического принципа, совершенствуя его общетеоретическую и методологическую силу. С этой целью — для обоснования теории и метода философского материализма — мыслитель России обращался к трудам естествоиспытателей, показывая плодотворное влияние различных наук на характер философских выводов. При этом он был далек от позитивистского сведения предмета философии к предмету конкретных знаний. Под «современной философией» подразумевалась «теория решения

⁶ См.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, с. 125.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381.

⁸ Там же.

самых общих вопросов науки, обыкновенно называемых метафизическими, — например, вопросов отношения духа и материи, о свободе человеческой воли, о бессмертии человеческой души и т. д.»⁹.

Из приведенной цитаты видно, что «общие вопросы» философии как науки трактуются автором как имеющие отношение к *бытию внешнего мира* (материи), к *познанию* и, наконец, — к *сознанию* людей. Выделен и поставлен на первое место основной вопрос философии. Желание подчеркнуть распространимость понятия «общие вопросы» на области «внешней природы», «человека» и «общественных сил» проявляется наиболее ярко в «Антропологическом принципе в философии»: каждая из частей философии провозглашается самостоятельной ветвью единого дерева философского знания¹⁰. Вопросы истории, «экономической жизни людей», быта народов, наций, общества, «нравственные вопросы» — рассмотрены и в главном философском произведении, и в других сочинениях русского мыслителя под рубрикой как бы «третьей ветви» философских знаний. У Чернышевского философский материализм в любой из своих исходных позиций провозглашает свою враждебность идеализму; он представляет собой одну из самых ярких форм демократического философского монизма. В. И. Ленин указывал, что «на уровне цельного философского материализма» «великий русский писатель» оставался всю свою жизнь начиная с 50-х годов XIX в.¹¹

Автор «Антропологического принципа» включал в орбиту предмета философии не только общие понятия о человеке (не ограничивал себя антропологическим принципом), а совокупность «общих вопросов», с разных сторон раскрывающих сущность реальной действительности: материального единства мира, единства любой формы этого мира с движением, универсального характера последнего, закона сохранения, всеобщности связей явлений природы и общества, причинности, эволюционизма, диалектики и т. п. В «Критическом взгляде на современные эстетические понятия» (1854), «Очерках гоголевского периода

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 239.

¹⁰ Там же, с. 240.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

русской литературы» (1855—1856), письмах сыновьям из Сибири (1876—1878), заметках на книгу Карпендера «Энергия в природе» (1884), статье «Характер человеческого знания» (1885), предисловии к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» (1889) дана глубокая разработка таких категорий, как пространство, время, движение, количество, качество, мера, закон. Блестящие страницы «Антропологического принципа» свидетельствуют о многостороннем анализе его автором сложных философских категорий: целое и часть, общее и единичное, единое и множественное, необходимое и случайное. Читая произведения Чернышевского, мы не можем не восхищаться, как решал русский мыслитель (в отличие от Гегеля и Фейербаха) целый ряд проблем диалектики природы и общественной жизни.

В сфере «человеческой любознательности», т. е. гносеологии, в разные годы и в разных произведениях Н. Г. Чернышевский рассмотрел немало «новейших вопросов», а также сформулировал ряд важных «общих выводов»: об объективности источника познания, единстве чувственного и рационального в познании, зависимости истины от обстоятельств, времени и места, об опережении теории практикой и т. п.¹² Именно здесь, в области теории познания, отчетливо обнаруживалась ограниченность сенсуалистической ориентации Фейербаха, выдвигавшей *чувственное созерцание* в качестве гносеологической доминанты, требующей, чтобы предмет познания, действительность брались «только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹³.

Дерзая выйти за пределы созерцательности старого материализма, Чернышевский указывал на активную роль субъективного элемента в чувственных восприятиях, на действенный характер сознания, мышления, на «предметную деятельность головного мозга»¹⁴, подчеркивал большое значение научных, политических идей, жизненной практики в процессе познания внешнего мира.

Призывая к изучению «явлений человеческой воли», подчеркивая активность субъекта в познании, Чернышев-

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 207, 208.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

¹⁴ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 277—280.

ский особое значение придавал «критериуму практики»¹⁵.

Требование «принцип деятельности» подчинять «потребностям практической жизни», провозглашения примата практики, а от самой науки — служения «практическим целям»¹⁶ ставило Чернышевского на ступень выше Фейербаха с его созерцательной теорией познания. В концепции русского мыслителя преодолевалась и рационалистическая позиция Гегеля, принижавшая роль чувственной, творчески-трудовой, материальной деятельности людей. Чернышевским сознательно разрабатывалась философия, которая должна была осветить путь практического изменения мира и прежде всего общественного строя России.

И все же из суммы «общих вопросов», принципов, Чернышевский выделял «антропологический подход» как самый главный из философских средств отображения действительности. Русскому философу принадлежала лаконичная формула выражения сути философской антропологии как разновидности теоретического мышления: «*антропологический принцип в философии*». Вслед за Фейербахом он указывал, что антропологическая природа исходных понятий требует четко проводить линию материалистического монизма в представлениях о человеке — физическое и духовное начала в нем должны рассматриваться в единстве¹⁷.

Вслед за Белинским, Герценом и Огаревым автор «Антропологического принципа» с большим успехом продолжал прилагать усилия к соединению философского материализма с диалектикой. Отказавшись от гегелевской диалектики, Фейербах вынужден был довольствоваться во многом механистическими, метафизическими средствами анализа, закрывавшими широкое поле общественно-исторического видения мира. Чернышевскому в немалой мере удавалось определять свое отношение к немецкому идеализму критически и вместе с тем творчески. Это предопределило его место в мировой традиции философского материализма. Важно иметь в виду связь философской антропологии Чернышевского с диалектикой — *великий фейербахианец* был одновременно *великим гегельянцем*.

¹⁵ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 102—103.

¹⁶ Там же, т. IX, с. 11.

¹⁷ Там же, т. VII, с. 240.

И здесь нет преувеличений: К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин определение «великий» прилагали к имени Чернышевского, обращая внимание на его стремление опираться одновременно на идейное наследие двух гениальных философов Германии. Уже сама попытка синтезировать философию Гегеля и Фейербаха, соединить диалектику и материализм классиками марксизма-ленинизма оценивалась как огромная личная заслуга русского ученого-демократа. В. И. Ленин называл Чернышевского «великим русским гегельянцем и материалистом»¹⁸.

Стремление буржуазных философов доказать, будто марксизм-ленинизм исключил из своей концепции «идею человека» и потому «лишен антропологических параметров», всегда имело «затемненную сторону», которая создавала условия для распространения фальшивой мысли о познании или непризнании Марксом, Энгельсом и Лениным двух гигантов философского материализма — Фейербаха и Чернышевского. Умаление роли антропологического принципа в философии русского мыслителя, как и его преувеличение, чреватые серьезными последствиями — дезориентация не проходит бесследно: «теоретическая ложь — отмечал сам Чернышевский, — непременно ведет к практическому вреду»¹⁹.

Современная антропологическая и биологическая фальсификация марксизма направлена на извращение истории философии, поскольку превращает философскую антропологию в интенциональную («завершающе-итоговую») форму философского поиска. Между тем хорошо известно, что антропологический материализм в целом, философия Фейербаха и Чернышевского в частности, «суть лишь неточные, слабые описания *материализма*»²⁰. Чернышевскому свойственны были исторические ограниченности. Известно замечание В. И. Ленина о том, что, поднявшись до уровня Ф. Энгельса в критическом анализе кантианства, русский философ все же смешивал «противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому»²¹.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 286.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 64.

²¹ Там же, т. 18, с. 382.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ

П. И. МОИСЕЕВ. *канд. филос. наук*

Проблема преемственности философских идей нашла глубокое и всестороннее освещение в наследии Н. Г. Чернышевского. Он понимал, что развитие философии в конечном счете обусловлено причинами материального порядка. Эта мысль обоснована им, в частности, при разработке принципа партийности. Вместе с тем Чернышевский видел и относительную самостоятельность философии, указывал на закономерности внутреннего ее развития как специфической науки о «человеческой любознательности». Он указывал на закон преемственности в ее развитии, применяя его к анализу развития передовой философии в России и выражая гордость тем, что на его родине нашлись умы, вставшие вровень с величайшими философами эпохи.

Чернышевский считал, что философские системы оказывали несомненное влияние на развитие «умственной жизни» народа. Особую роль в распространении этого влияния сыграла литература. Русская художественная литература, отразив социальный конфликт России *до и после 1861 г.*, заняла достойное место среди литератур мира. Опираясь на закон относительной преемственности философских идей и учитывая их материалистическое, в конечном итоге, происхождение, Чернышевский подчеркивал, что начиная от эпохи Гоголя литература России поднялась на вершину творческой мысли и силы художественного обобщения в значительной мере благодаря тому, что испытала влияние прогрессивных философских идей. История подтвердила справедливость этого мнения Чернышевского, однако сложные вопросы взаимовлияния философии и русской литературы XIX в. — проблема, ожидающая своего исследователя.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский глубоко анализирует вопрос о воздействии материалистической философии на мировоззрение русских общественно-политических деятелей периода последекабристской реакции. В подцензурной печати Чернышевский высказал убеждение, что «господство философии над всею умственною нашею действительностью в начале

настоящего периода нашей литературы есть замечательный исторический факт, заслуживающий внимательного изучения»¹. «Без сомнения, — писал редактор „Современника“, — когда-нибудь этот благороднейший и чистейший эпизод русской литературы будет рассказан публике достойным образом. В настоящую минуту еще не пришла для этого пора»².

В одном из примечаний «Очерков» автор разъясняет, что «в тогдашнем русском обществе на различных поприщах деятельности было много людей замечательных не менее Белинского», что были «такие люди» и в «кругу Станкевича», но по цензурным условиям он мог называть открыто «представителем этого круга только Белинского...»³. К числу «таких людей» круга Станкевича наряду с Белинским принадлежали Герцен и Бакунин. Для подцензурной печати их имена в те годы были запретны: первый — эмигрант, второй — политический узник Петропавловской крепости.

Чернышевский показал, что критическое отношение передовых мыслителей России к немецкой философии и французскому деизму сложилось не сразу. Известный шаг в этом сыграли усилия молодого Бакунина, публикации которого из Гегеля Чернышевский выписывал в своих «Очерках». Позже Чернышевский замечал, что Гегель в подлинниках мало похож на того Гегеля, который предстает из русских переводов, что в оригиналах Гегель временами напоминает средневекового схоласта. Молодые гегельянцы кружка Станкевича пытались выделить из учения немецкого философа прежде всего те рациональные моменты, которые, по их мнению, были применимы для объяснения российской реальности 30-х годов XIX в. с точки зрения ее возможных перспектив.

Насколько глубоко и основательно пытались осуществить «друзья Станкевича» эту задачу, позволяют судить дошедшие до нас рукописные конспекты проработанных молодым Бакуниным⁴ книг по философии, письма Станкевича, письма Белинского⁵. Материалы любопытны во

¹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 659.

² Там же, с. 630.

³ Там же, с. 685.

⁴ См.: ИРЛИ АН СССР. Л., рукопис. отд., ф. 16, оп. 1.

⁵ См.: Переписка Николая Владимировича Станкевича. М., 1914; Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959.

многих отношениях и, в частности, в том, что отразили в зародыше многие критические положения, сформулированные позднее русскими революционными демократами. Переводы, выполненные Бакуниным из Фихте и Гегеля, печатавшиеся в журналах («Московский наблюдатель», «Телескоп»), являлись одними из первых публикаций в России трудов немецких философов. В оригинальных статьях Бакунина «О философии» (1839—1840), которые, к сожалению, до сих пор должным образом не оценены, были поставлены теоретические вопросы фундаментального значения (о соотношении эмпирии и идеализма), о сущности и диалектике познания, об истине как процессе и т. д.)⁶. Именно их имел в виду В. И. Ленин, заметив, что Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом⁷. Но Герцен обратился к ним несколькими годами позже Станкевича и Бакунина, используя их опыт. В. И. Ленин в свое время высказывал надежду, что в связи с поисками прототипа известного образца русской литературы (Раскольников у Достоевского) критики установят исторический вклад Бакунина в развитие русской мысли. Но эта идея не нашла еще серьезной реализации.

Занимаясь изучением эволюции философских идей в России XIX в., автор настоящей статьи пришел к выводу, что деятельность молодого Бакунина в 30—40-е годы должна быть оценена как существенный вклад в развитие прогрессивной философской мысли России. Плодотворный период деятельности Бакунина-философа продолжался до революционных событий 1848 г. в Европе. После этого, под влиянием спада буржуазно-демократического движения, в его мировоззрении обозначился поворот к политическому скептицизму. В результате Бакунин-анархист оказался на стороне врагов Маркса, повел борьбу в Интернационале, был исключен из рядов Международного Товарищества Рабочих.

Общеизвестно, однако, что если для революционного движения стран Европы идеи и деятельность Бакунина невозможно оценить иначе как *реакционные*, то для России второй половины XIX в. они играли иную роль. Как идеолог народничества Бакунин отвечал насущным по-

⁶ См.: Бакунин М. А. Собр. соч. и писем, т. II, с. 317—384.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

требностям революционной интеллигенции 70-х годов — стремлению *действовать*. Его антигосударственная проповедь воспринималась в России как призыв к уничтожению самодержавной царской империи, а идея воздержания от политики истолковывалась народниками в смысле отрицания буржуазной политики и т. д.⁸ Как нами было ранее показано, Бакунин в ином отношении способствовал утверждению истин научного мировоззрения (критика богословия и теологии, борьба против идеалистической философии, позитивизма, разоблачение религиозных догм и т. д.)⁹.

В современных условиях обострения идеологической борьбы знамя бакунизма в своих классовых интересах пытаются использовать разношерстные круги из числа противников научного коммунизма. Противопоставляя (а иногда, смотря по обстоятельствам, наоборот, соединяя!) Бакунина Марксу, Энгельсу, Ленину, а бакунизм — реальному социализму наших дней, буржуазные «историографы» по-своему реабилитируют бакунизм. Представляя молодого Бакунина «учеником Гегеля», плохо усвоившим западные учения, они акцентируют внимание на борьбе Бакунина против Маркса, заявляя, что будто бы марксизм-ленинизм основан на заимствованиях из бакунизма. В настоящее время издается многотомный «Архив» документов М. А. Бакунина в Амстердаме. К каждому тому этого издания прилагаются сомнительные «интродукции» известного анархиста Артура Ленинга. «Сolidность», «фактологическая обстоятельность» издания Амстердамского института, тенденциозность этих материалов не вызывают сомнения. Все это заставляет подойти существенно глубже, чем это достигалось ранее, к проблеме роли и значения некоторых «друзей Станкевича».

До сих пор не изучены материалы полемической переписки Белинского 30-х годов, письма Станкевича. Они, правда, страдают односторонностью¹⁰, но вполне могут рассматриваться как важнейший источник для анализа

⁸ См.: **Пантин И. К.** Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973, с. 238—240.

⁹ См.: **Моисеев П. И.** Философия Михаила Бакунина (анархического периода). Иркутск — Ленинград, 1977. ИНИОН АН СССР, № 1248.

¹⁰ См. об этом: **Моисеев П. И.** Молодой Бакунин и диалектика. — Вестник МГУ. Философия, 1977, № 2.

эволюции мировоззрения русских младогегельянцев. Тщательное изучение материалов, характеризующих философские поиски друзей Белинского и Станкевича, в числе которых был и молодой Бакунин, представляется исполнением завещания Чернышевского. До сих пор мы его выполнили не до конца.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РОЛИ ПРАКТИКИ В ПОЗНАНИИ

В. С. НИКОНЕНКО, *канд. филос. наук*

Внимание Чернышевского к гносеологическим проблемам становится понятным, если учитывать мировоззренческую и методологическую направленность его философии. Знание человеком объективных законов общественной жизни опосредуется процессом познания. Естественно, что попытки исказить процесс познания вызывают ненаучные представления о месте человека и класса, к которому он принадлежит, в обществе. В этом случае становится понятной та непримиримая позиция, которую Чернышевский проводит в отношении идеализма и агностицизма в теории познания. Более того, как считает Г. В. Плеханов, Н. Г. Чернышевский прямо «ставил широкое теперь распространение философского „иллюзионизма“ в причинную связь с упадком того общественного класса, идеологами которого служат, в огромнейшем большинстве своем, философы нашего времени», т. е. класса буржуазии и помещиков¹. Такое предположение вполне логично, если учесть учение Чернышевского о классовом характере идеологии и философии.

Н. Г. Чернышевский придавал принципиальное значение опровержению идеалистических утверждений о том, что мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем. Критика Чернышевским философских предшественников-махистов была очень сильной, и этим обстоятельством объясняется то, что выводы Чернышевского использовали в борьбе против эмпирио-

¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. прозв. М., 1958, т. IV, с. 275.

критиков и прочих махистов Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Плеханов делал акцент на выяснении социальных корней агностицизма и идеализма в гносеологии и в основном с этой стороны оценивал значение критического выступления Чернышевского, который фактически вскрывал эти корни. В связи с таким подходом он акцентирует внимание на ограниченности гносеологической позиции самого Чернышевского, вопрос о роли практики как критерия истины в теории познания Чернышевского Плехановым даже не рассматривается в главе «Теория познания» книги о Чернышевском. Например, Плеханов пишет: «С логической стороны происхождение этой теории («иллюзионизма». — В. Н.) объясняется у него совершенно в духе Фейербаха — тем, что вместо человека, т. е. материального организма, берется отвлеченное существо, «Я», о котором нам ничего не известно, кроме того, что оно имеет представление, составляющее содержание нашего мышления»². В. И. Ленин, ни в какой степени не отрицая значения Чернышевского в раскрытии связи агностицизма и идеализма с социальными интересами реакционных классов, сделал акцент, с гносеологической точки зрения, на доказательстве Чернышевским объективности нашего знания. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подчеркивает, что «для Чернышевского, как и для всякого материалиста, формы нашего чувственного восприятия имеют сходство с формами действительного, т. е. объективно-реального существования предметов..., предметы... *действительно* существуют и *вполне* познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях... законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются с этими формами...»³. В результате, отмечает Ленин, «Чернышевский называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма, и в сторону агностицизма»⁴.

Идеализм спекулирует на относительности и ограниченности человеческих знаний. Действительно, такая ог-

² Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. IV, с. 273.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 382—384.

⁴ Там же, с. 383.

раниченность имеет место, признает Чернышевский, но никаких серьезных оснований для признания принципиальной непознаваемости мира нет. Одна из причин ограниченности человеческого знания скрывается в природе человека, ибо «познавательные силы человека ограничены, как и все его силы. В этом смысле слова характер нашего знания обуславливается характером наших познавательных сил»⁵. Естественно, данное высказывание могло быть истолковано как попытка свести весь процесс познания к познавательной деятельности индивида. Однако, согласно Чернышевскому, фактическим субъектом познания является человеческое общество. Это объясняется тем, что познание индивида опосредуется уже добытыми человечеством знаниями, люди в процессе познания обмениваются полученными результатами, познание служит не только индивиду, но и обществу. Вместе с тем познают то или иное явление конкретные люди. Поэтому процесс познания, считает Чернышевский, ограничен в каждый конкретный исторический момент, но безграничен в принципе. Человеческие знания являются относительными истинами, но в то же время в них есть доля и абсолютной истины. Человеческие знания постоянно расширяются, углубляются, наука освобождается от заблуждений. Отсюда в науке не допустимы ни догматизм, ни голый релятивизм.

Историческое понимание процесса познания, а также социальная направленность философии Чернышевского с необходимостью приводили его к вопросу о роли практики в познании. В решении этого вопроса Чернышевский далеко превосходил всех своих предшественников в России. Практика рассматривалась им как основа, критерий и цель познания. Все наши знания суть прежде всего практические знания. «Во всех сферах человеческой жизни наука является гораздо позднее практики, систематическое исследование способов, по которым действуют силы природы, бывает поздним продуктом долгого ряда усилий обращать эти силы на служение практическим целям»⁶.

В обыденной жизни человек уже получает определенные знания, которые фактически являются практически-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 731.

⁶ Там же, т. IX, с. 11.

ми знаниями, они даются «нам нашею реальной жизнью»⁷. Именно эти первоначальные знания «об одежде, которую носим, и о пище, которую едим, и о воде, которую пьем» и т. п., служат определенным фундаментом наших знаний; это знания непосредственные.

Исследователи отмечают присущие Чернышевскому мысли не только о необходимости познания действительности, но и ее практического изменения. Этот тезис выдвигался и Фейербахом, и другими мыслителями. Однако в отличие от них Чернышевский имел в виду не только деятельность людей по покорению природы, но и деятельность того класса, интересы которого по преобразованию общества выражал он сам. Тем самым Чернышевский в значительной мере преодолевает созерцательность в теории познания, хотя подлинно научного решения проблемы и не дает. Указанная ограниченность вызывала и ограниченное в целом понимание практики как критерия истины наших знаний, хотя в этом вопросе Чернышевский вплотную приблизился к диалектическому материализму.

Чернышевский называл практику великой разоблачительницей обманов и самообольщений. Он имел в виду «практику действительной жизни», трактуя это понятие весьма расширительно. «Практика действительной жизни» включает в себя и деятельность человека и общества по преобразованию природы в своих интересах, и общественную жизнь людей, и борьбу за ее преобразование. Именно в последнем случае важен критерий практики, так как в периоды великих действий в истории не может быть иного критерия истинности теории. Практика в этих случаях служит критерием истинности революционной теории, в конечном итоге, практика вносит коррективы в теорию. Вместе с тем нет оснований считать, что Чернышевский абсолютизировал критерий практики. Наряду с ней он признавал необходимость и других критериев научной истинности. Абсолютность практики утверждалась лишь в качестве разоблачительницы обманов и иллюзий идеализма.

Материалистическая разработка проблем объективного критерия истинности знания — практики является важнейшим вкладом Чернышевского в развитие материали-

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 723—724.

стической теории познания; он вводит критерий практики в основу теории познания материализма. Это был революционный шаг в гносеологии. Критерий практики в основу теории познания материализма вводят также К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечал Ленин⁸.

Введение Чернышевским критерия практики в основу теории познания предполагает, что человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания. Правда, ввиду отсутствия представления о материальном процессе, лежащем в основе истории общества, практика приобретала у него «дискретный характер», выступала в основном в качестве критерия истинности. Аспект практики как исторически развивающегося процесса, как той деятельности, в ходе которой познание действительного мира не только проверяется, но и, собственно, становится возможным, Чернышевским не был развит. Тем не менее уже одно включение критерия практики в основу теории познания позволило Чернышевскому последовательно проводить и отстаивать материалистическую линию в философии, в то время как многие философы и естествоиспытатели поддались влиянию идеалистов.

Теория познания, в рамках которой рассмотренные выше вопросы занимали центральное место, составляет существенный элемент в философии Чернышевского. Философский материализм, диалектический метод и материалистическая теория познания создавали, считал Чернышевский, прочный фундамент и единственно научное средство для познания законов развития и функционирования общества, и должны были, в конечном счете, способствовать торжеству социалистического устройства общественной жизни.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУК В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Р. Т. ЯРОВИКОВА, канд. филос. наук

В настоящей статье ставится задача показать роль Н. Г. Чернышевского в обосновании и развитии проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Отметим, что в со-

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 140.

ветской философской литературе нет специальных работ, посвященных анализу данной проблемы в трудах Н. Г. Чернышевского, но данный аспект в той или иной степени затрагивается в монографиях М. И. Новикова¹, У. Д. Розенфельда² и др.

О своей роли в разработке данной проблемы Н. Г. Чернышевский мог по праву сказать: «Я думаю, что нахожу в себе некоторые новые начала, которые не нахожу ясно и развито, и сознательно выраженными в теперешней науке и теперешнем взгляде на мир и которые теперь, конечно, весьма неясны, или не то, что не ясны, а главное — которые еще не получили твердости, общеприменимости, которые в своих приложениях еще не тверды, а часто управляются минутною прочитанною мыслью и новым узанным фактом»³.

В многогранном творческом наследии Н. Г. Чернышевского проблема взаимосвязи и взаимодействия наук занимает одно из важных мест. Она находит отражение в таких его работах, как «Антропологический принцип в философии», «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Критический взгляд на современные эстетические понятия», «Эстетические отношения искусства к действительности» и др.⁴

Вопрос о характере взаимосвязи и взаимодействия наук не был впервые поставлен Н. Г. Чернышевским, он принадлежал к тем исследователям, которые в соответствии с современным им уровнем развития научного знания постоянно к нему обращались, последовательно и всесторонне доказывая его актуальность и научную ценность. На примере анализа данной проблемы можно показать, что великий русский ученый, рассматривая научную проблему как саму по себе, так и в совокупности с другими, хорошо понимал: он борется за утверждение материалистического мировоззрения. Он писал: «Говорят, что открытия, сделанные Коперником в астрономии, произвели перемену в образе человеческих мыслей о предметах, по-видимому, очень далеких от астрономии. Точно такую же

¹ Новиков М. И. Диалектика русских революционных демократов и ее место в истории домарксистской диалектики. М., 1973.

² Розенфельд У. Д. Н. Г. Чернышевский. Становление и эволюция мировоззрения. Минск, 1972.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 127.

⁴ См.: там же, т. II, III, VII и др.

перемену и точно в том же направлении, только в гораздо обширнейшем размере, производят ныне химические и физиологические открытия»⁵. Отстаивая свои научные взгляды, Н. Г. Чернышевский в то же время осознает, что порой недостаточна логика научных доказательств, бывает важным облечь научные идеи в яркую форму. Его многогранная деятельность ученого и писателя создавала тому условия: «— Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум?— Прекрасно!— Так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед этою массою мозга... Иначе вы будете удивляться в человеке следствию вместо причины, или — что еще хуже, — сочините свои, небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими. Психология, не опирающаяся на физиологию, так же несостоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии. Современная наука не удовлетворялась и этим: химическим анализом она хочет проникнуть в таинственную лабораторию природы, а наблюдением над электроном... проследить физический процесс нравственного развития...»⁶.

Весь комплекс вопросов, рассматриваемых Н. Г. Чернышевским в связи с постановкой указанной проблемы, можно свести к следующим:

- 1) обоснование характера взаимосвязи природы и общества;
- 2) определение природы человека;
- 3) преодоление разрыва между естественнонаучными и обществоведческими подходами к анализу исследуемых объектов;
- 4) обоснование характера взаимодействия наук через взаимодополняемость методов познания;
- 5) классификация наук, определение «лидера» в современном ему научном знании.

Исходными, по существу основополагающими, идеями в исследовании проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук оказываются вопросы взаимоотношения человека и природы. В истории русской философии домарксистского периода освещение данного вопроса дано Н. Г. Чернышевским, как это отмечалось в нашей лите-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 252.

⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв. М., 1974, с. 487.

ратуре⁷, с наиболее последовательных материалистических позиций.

Раскрывая тенденции развития человеческого общества, Н. Г. Чернышевский подошел к признанию того, что история человечества в своей основе определяется и «готовится» историей природы. «Предисловием к истории человека следует считать астрономическую историю возникновения Солнечной системы, геологическую историю Земли, наконец, историю генеалогического ряда живых существ, в конце которого находится венец его — человек»⁸.

Заслугой великого мыслителя в разработке данной проблемы является также то, что он не только не ограничил свой анализ общей постановкой проблемы взаимоотношения человека и природы, но и выделил в анализируемой системе отдельные компоненты этого взаимоотношения, при этом четко определив роль каждого из них. Обращение Н. Г. Чернышевского к проблеме взаимоотношения человека и природы имеет определяющее значение прежде всего для выяснения объективной основы взаимосвязи и взаимодействия наук в целом.

Анализ проблемы взаимоотношения человека и природы создает основу для перехода к изучению отдельных компонентов рассматриваемой системы, и прежде всего человека. Исходным в понимании сущности человека было утверждение единства человека и природы. Поскольку человек рассматривался как часть природы, то естественным было распространить на него общие природные закономерности. И тогда «принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека»⁹.

Подчеркивая мысль о единстве человеческого организма, Н. Г. Чернышевский вместе с тем считает важным и необходимым отметить качественную специфику

⁷ См., например: Федоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX века от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск, 1972; Новиков М. И. Указ. соч.; и др.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 124—125.

⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 42.

совершаемых в организме материальных (физиологических) и духовных (психических) процессов¹⁰.

Итак, с одной стороны, единство организма человека, с другой — наличие двойственности в природе человека... Как же в связи с этим строить процесс познания человека?

Исходя из утверждения об единстве человеческого организма, великий русский исследователь отмечает, что наука не должна «разрывать» человека, не должна «искажать» его «прекрасный» организм. В этой связи им ставится задача: показывать человека как целостную систему, отказываясь при этом от «устарелых стремлений фиксировать свое внимание на каких-то односторонних моментах»¹¹.

Исходя же из существования в организме качественно различных процессов, ученый ищет обоснование для специальных исследований, которые должны были, по его мнению, проводиться наряду с общими. В результате изучения проблемы Н. Г. Чернышевский делает вывод: необходимо найти такой подход, который предоставляет возможность соединить оба вида познания в едином процессе. Следуя логике решения поставленной задачи, им выявляется потребность в учете характера взаимосвязи и взаимодействия наук, тем более, как показывает и доказывает опыт самых различных наук, — «совмещение, соединение разнородных качеств в одном предмете — общий закон вещей»¹². Вовлечение же наук в процесс исследования человека будет, по Н. Г. Чернышевскому, следующим: с одной стороны, «основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о важнейшей природе»¹³, с другой — «автор не менее, нежели кто-нибудь, признает необходимость специальных исследований...»¹⁴.

Характер взаимосвязи и взаимодействия наук рассматривается Н. Г. Чернышевским не только в связи

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

¹¹ Там же, т. II, с. 117.

¹² Там же, т. VII, с. 96.

¹³ Там же, с. 240.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 67.

с выделением общих объектов познания, но и с обоснованием роли той или иной группы наук в процессе формирования другой. Так, определяя более высокую степень развития естественных наук, Н. Г. Чернышевский считает необходимым использовать их «опыт» в развитии общественных («нравственных») наук. С этой целью он предлагал в последние внедрить «приемы, подобные тем, по которым разрабатываются естественные науки»¹⁵.

В системе этой же проблемы анализируется им и характер вопросов, связанных со стратегией научного поиска. В разных группах наук как естественных, так и общественных («нравственных») он находит много общего и делает вывод о том, что можно использовать имеющиеся данные одной науки для другой, причем не только в системе предметного уровня знания, но и методологического.

Заслуживает, например, внимания его мысль о взаимодополняемости методов познания. В какой-то степени она рассматривается им по аналогии с характером взаимодополнения одной науки другой. Так, Н. Г. Чернышевский пишет: «Цифры, доставляемые статистиком, чрезвычайно важны. Но они часто бывают недостаточны для решения... самых коренных вопросов, вопросов о вредном или полезном влиянии каждого из основных элементов общественной жизни, рассматриваемой со стороны материального благосостояния... Кроме метода статистических данных должен быть другой метод... Такой метод существует...»¹⁶.

Рассматривая вопросы взаимосвязи и взаимодействия наук, Н. Г. Чернышевский не мог не коснуться вопроса о классификации наук, не мог отказаться от попытки представить по-своему их «рациональную группировку». К постановке данной проблемы он подошел потому, что уже в процессе определения характера взаимодействия между группами наук был вынужден затрагивать вопросы, связанные с сущностью и природой науки как целостного организма.

При рассмотрении этого вопроса важно подчеркнуть, что Н. Г. Чернышевский специальной разработки проблемы классификации наук не оставил. Имеются лишь

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 46.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 58—59.

некоторые замечания, которые могут служить в качестве материала для подготовки такой классификации. Прежде всего исследователь подходит к признанию достаточно большого множества наук: политическая экономия, история, психология, химия, физиология, литература и т. д. Вместе с тем для Н. Г. Чернышевского эти науки не есть разрозненные отрасли знания. Они являются компонентами таких глобальных групп научного познания, как «естественные» и общественные («правственные») науки. Для Н. Г. Чернышевского эти группы наук относительно равнозначные, а потому они в общей системе наук представляют собой компоненты одного уровня. Выделены у Н. Г. Чернышевского и группы наук по отдельным блокам, например группа математических наук.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что теоретико-познавательные основы, примененные Н. Г. Чернышевским для анализа указанной проблемы, соответствовали тому истинно научному подходу, который был впоследствии всесторонне разработан в марксистско-ленинской философии.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РОЛИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

А. Т. МОСКАЛЕНКО, д-р филос. наук

Пропаганда Н. Г. Чернышевским достижений естественных наук и обобщение их открытий с позиций передовой материалистической философии имели важное не только теоретическое, но и общественно-политическое значение. Дело в том, что если в 40—50-х годах XIX в. интерес к естествознанию проявляли лишь передовые представители русской интеллигенции, то к 60-м годам положение изменилось. Широкие круги разночинной интеллигенции потянулись к изучению естественных наук. Вождь этой интеллигенции Н. Г. Чернышевский последовательно и резко ставил вопрос о том, что построение подлинно материалистического мировоззрения невозможно без развития естественных наук, упорно пропагандировал материализм и естествознание. Его призыв находил

широкий отклик в кругах русской интеллигенции. Следует отметить также, что интерес к естествознанию был связан с общественным подъемом 60-х годов. Развитие капитализма в России требовало развития науки и техники, создания технически подготовленных кадров, способных управлять производством. Вместе с тем это было время широкого идейного и политического подъема в России. Кризис крепостнического строя достиг своего апогея к 1859—1861 гг. Обострение классовой борьбы крестьян против помещиков привело к тому, что в это время сложилась революционная ситуация.

Пропаганда Н. Г. Чернышевским передового мировоззрения, опирающегося на достижение передовой материалистической философии и естествознания, играла важную роль в развитии крестьянской революции, в ее идейно-политической подготовке. Н. Г. Чернышевский был воинствующим материалистом. Его философские воззрения являются наиболее развитой и зрелой формой материализма в русской классической философии. Материализм он разрабатывал как теоретическую основу идей революционной демократии. В философии он видел науку, направленную на революционное изменение действительности.

В идейной борьбе против философского идеализма и религии, против всех форм крепостнической идеологии Н. Г. Чернышевский всегда опирался на достижения естественных наук. В своих философских работах он постоянно отмечал неразрывную связь философского материализма с естествознанием и показывал, что обоснование материализма невозможно без развития и обобщения достижений естественных наук. Н. Г. Чернышевский, труды которого, по мнению К. Маркса, «делают действительную честь России»¹, имеет большие заслуги и в решении вопроса о соотношении философии и естествознания.

Естествознание, считал великий мыслитель, дает научное, фактическое обоснование философским истинам, а также способно делать открытия, влияющие на все мировоззрение человека. Так, например, «открытия, сделанные Коперником в астрономии, — писал Н. Г. Чернышевский, — произвели перемену в образе человеческих

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 428.

мыслей о предметах, по-видимому, очень далеких от астрономии. Точно такую же перемену и точно в том же направлении, только в гораздо большем размере, производят ныне химические и физиологические открытия: от них изменяется образ мыслей о предметах, по-видимому, очень далеких от химии»².

Указывая на неразрывную связь материалистической философии и естествознания, Н. Г. Чернышевский придавал большое значение пропаганде достижений естествознания. Он считал невозможной успешную борьбу за материалистическое мировоззрение, если эта борьба не будет опираться на данные естествознания, так же как невозможна и естественнонаучная пропаганда без связи с основными положениями материализма. Смысл философской теоретической деятельности Н. Г. Чернышевский видел в том, чтобы выработать и распространить в массах такое мировоззрение, которое помогло бы им изменить действительность. Когда трудящиеся, — писал Н. Г. Чернышевский, — «будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал в общественной жизни»³.

Н. Г. Чернышевский не только следил за естественнонаучной литературой, но и критически откликался на те произведения естествоиспытателей, которые имели значение для формирования мировоззрения. В его работах подвергаются резкой критике те естествоиспытатели, которые отходили от материализма. «Законы природы, — писал он, — это сама природа, рассматриваемая со стороны своего действия»⁴. Не «абсолютный разум», а материя, сама природа, считал Н. Г. Чернышевский, являются основой действительности. Наука, ставящая своей целью служение человечеству в борьбе с природой, в его борьбе за переустройство общественной жизни, может развиваться лишь на материалистической основе.

В естественных науках Н. Г. Чернышевский видел важнейшее средство овладения силами природы, а с развитием и овладением естественнонаучным знанием массами трудящихся он связывал и возможность осу-

² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1938, с. 73.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 206.

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., с. 491.

ществления мечты о социализме. «...Мы принимаем,— писал он,— за арифметическую истину, что со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет [это] ему нужно, переделает все на земле сообразно со своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу. Этот один путь уже мог бы привести со временем к уничтожению несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения... Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне вышпается до такой степени умственная работа в людях просвещенных...»⁵.

Исходя из огромного значения естествознания, Н. Г. Чернышевский неоднократно подчеркивал роль пропаганды достижений естественных наук для широких масс. При этом он требовал глубоких философских обобщений, ясности, простоты и легкости изложения. Это требование Н. Г. Чернышевский полностью осуществлял сам, умея самые сложные вопросы естествознания разъяснять легко и живо, вкладывая вместе с тем глубокое философское содержание.

Исходя из материалистического принципа единства мира Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что и предмет познания всех наук один — материя. Отдельные отрасли науки имеют своей задачей познавать отдельные качества, стороны и свойства материи, но поскольку все науки объектом познания имеют материю и ее качества, то они при объяснении всех исследуемых явлений должны исходить из общих законов природы. Из принципа единства мира Н. Г. Чернышевский выводит и единство предмета наук, единство содержания познания, а значит, и единство метода исследования. Он подчеркивает необходимость союза философии с научным естествознанием и в изучении природы человека. «Основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке,— пишет Н. Г. Чернышевский,— точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе. Принципом философского воз-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609.

зрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видит медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его природе, то другой природы в нем нет»⁶.

Указывая на необходимость союза философии и естествознания, Н. Г. Чернышевский подчеркивает, что философия имеет и свой предмет исследования: Вопрос об отношении духа к материи Н. Г. Чернышевский не только выносит на передний план, считая его основным вопросом философии, но и последовательно отстаивает его материалистическое решение — о первичности материи и вторичности сознания.

В определении предмета философии, ее гносеологических функций, а также в решении вопроса о соотношении философии и естествознания Н. Г. Чернышевский был совершенно чужд решению этих вопросов в эклектической философии позитивизма. Правильно понимая, что естествознание и философия развиваются и должны развиваться в теснейшем союзе, в единстве и взаимодействии, он вместе с тем подчеркивал большое значение передовой философии для естествоиспытателей. Философия, отмечал Н. Г. Чернышевский, разрабатывает общие принципы и категории познания, без которых естествознание не может обойтись. Отсутствие философской подготовки большинства естествоиспытателей сказывается резко отрицательно на теоретическом уровне научных исследований. «Те натуралисты, — писал Н. Г. Чернышевский, — которые воображают себя строителями всеобъемлющих теорий, на самом деле остаются учениками, и обыкновенно слабыми учениками, старинных мыслителей, создавших метафизические системы...»⁷.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

⁷ Там же, т. II, с. 125.

Н. Г. Чернышевский подвергал решительной критике тех естествоиспытателей, которые считали, что «мы знаем не предметы, каковы они сами по себе, каковы они в действительности, а лишь наши ощущения от предметов, лишь наши отношения к предметам»⁸, и отмечал, что подобного рода взгляды являются чепухой, заимствованной простофилями-натуралистами из идеалистических философских систем. «Наше знание о нашем ощущении, — подчеркивал он, — это одно и то же с нашим знанием о предмете... Подлинник и копия одинаковы; наше ощущение одинаково с копией»⁹.

В. И. Ленин высоко ценил последовательно материалистическую позицию Н. Г. Чернышевского в области теории познания, отмечая его великие заслуги перед философией и естествознанием. «Чернышевский, — подчеркивает В. И. Ленин, — стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение „вещи в себе“, а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника»¹⁰.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

А. Л. СИМАНОВ, *канд. филос. наук*

Вторая половина XIX в. в России характеризовалась усилением борьбы реакции с прогрессивными тенденциями в развитии русской общественно-политической, философской и научной мысли. В результате падения крепостного права в 1861 г. Россия вышла на путь капитализма, но капиталистическое развитие страны тормозилось сильными и многочисленными пережитками крепостничества. Именно эта специфика данной эпохи и определила в значительной степени направления и методы развития социальных и научных взглядов, представлений, учений в России.

Растущее капиталистическое производство требовало прогрессивной науки и техники, обученной и дешевой рабочей силы. В условиях господства православно-рели-

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 273—274.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 275.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 382.

гнозного догматизма и немецкого идеализма для успешного развития науки имело большое значение развитие материалистической философии и ее борьба с идеализмом. Важной задачей материалистической философии в России была также борьба против скрытых идеалистических течений (позитивизм, агностицизм и их разновидности), прикрываясь которыми, русский либерализм пытался ограничить науку, примирить ее с православной идеологией царизма. Необходимо было, очистив естествознание от идеализма, поднять его роль и показать значение его для развития России, а также связать достижения науки с материализмом и на этой основе развивать его дальше.

Предпосылки решения этих задач были заложены еще в конце XVIII — первой половине XIX в. в период развертывания борьбы против крепостничества. Попытки царского правительства не могли задержать исторически неизбежный процесс разложения феодально-крепостнического строя и утверждения капиталистических отношений, остановить рост просвещения и прогрессивных идей, полностью подавить подъем общественного самосознания. Рост капиталистических отношений в этот период поставил перед естествоиспытателями ряд новых научных проблем, многие из которых были неразрывно связаны с развитием производительных сил, с запросами практики, с нуждами просвещения. В силу необходимости царское правительство, несмотря на усиление бюрократического аппарата, цензуры, преследования ученых-материалистов, вынуждено было способствовать, правда, в весьма ограниченных пределах, развитию науки, и поскольку развитие прикладных исследований вызывало меньше подозрений, постольку они пользовались «более благоприятной материальной обстановкой»¹.

В то же время теоретические исследования как в области естественных наук, так и, тем более, в области общественных наук не только ограничивались, но даже запрещались и преследовались. Особенно это касалось представителей материализма, активных борцов против религиозного мистицизма, агностицизма и метафизики.

Однако быстрое развитие капитализма в России, сметавшего крепостнический режим и культивировавшего новое, буржуазное, прогрессивное по тем временам отно-

¹ Тимязев А. К. Сочинения. М., 1939, т. 8, с. 147.

шение к науке, огромный подъем и авторитет международного развития науки требовали расширения теоретических, фундаментальных исследований и в России.

В 40-е годы XIX в. в мировой физике, в первую очередь, начался переворот, создавший классическую физику второй половины XIX в. А. Г. Столетов, Д. И. Менделеев и другие представители материалистического направления в русской науке приняли активное участие в этом перевороте и возродили на новой основе ломоносовскую систему и программу науки. Если до этого ломоносовская научная традиция и продолжала существовать, то в спорадической и неявной форме. Но во второй половине XIX в. она проявилась чрезвычайно ярко. Выдающиеся представители естествознания того времени легко обнаруживают типичные ломоносовские черты: передовой характер научных воззрений, глубокое понимание философско-теоретических основ науки, большую конкретность и материалистичность мышления, понимание единства не только различных научных областей, но даже связи науки и искусства, наконец, глубокое понимание значения единства теории и практики². И если эти ученые последовательно отстаивали материализм в естествознании, то в философских и социологических учениях существовала необходимость продолжить начатую Белицким, Герценом и Огаревым борьбу против идеализма и религиозно-мистических учений. Осуществление этой задачи в России 50-х — начала 60-х годов выпало на долю Н. Г. Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский отчетливо понимал, что развитие материалистической диалектики, философии невозможно без обобщения достижений естественных наук, хотя специально последним и не занимался. «Предметы моих ученых занятий, — писал он, — были очень далеки от естествознания как особого отдела науки. Но по связи всех отделов науки между собою, мне для моих ученых занятий необходимо было иметь отчетливое знание об основных законах и важнейших фактах всех отделов науки»³. Реализация этой мысли проявляется почти во всех трудах великого русского революционного демократа, особенно в тех его работах, где отстаивается материализм

² См.: Развитие физики в России. М., 1970, т. I, с. 211.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 71.

в науке, чистота материалистической диалектики, критикуется идеализм.

Идеалистической линии в философии и науке Н. Г. Чернышевский всегда противопоставлял линию философского материализма. В его произведениях подчеркивается роль Левкиппа, Демокрита, Бэкона, Гассенди, Локка, французского материализма. Он высоко ценил материализм Спинозы: «...ни Локк, ни Гьюм, ни Кант, ни Гольбах, ни Фихте, ни Гегель не имели такой силы мысли, как Спиноза. И до появления Фейербаха надобно было учиться понимать вещи у Спинозы,— устарелого ли, или нет, например, в начале нынешнего века, но все равно: единственного надежного учителя»⁴.

Н. Г. Чернышевский считал себя последователем Фейербаха и, разделяя содержащуюся в его сочинениях критику идеализма, теологии и агностицизма, продолжал в России дело, начатое Фейербахом в Германии. Таковы философские предпосылки материализма Н. Г. Чернышевского. Естественнонаучные основы материализма Н. Г. Чернышевского видятся в трудах выдающихся ученых-естествоиспытателей как Европы, так и России. Можно утверждать, что все философские представления Н. Г. Чернышевского в области материалистической диалектики существенным образом опирались на достижения естествознания, на их философское осмысление и обобщение.

В своих произведениях Чернышевский обосновывал материальное единство мира, материальную основу природы и общества, представление их развития как естественноисторический процесс. «Предисловием к истории человечества надобно ставить: астрономическую историю возникновения нашей планеты; геологическую историю земного шара; и историю развития того генеалогического ряда живых существ, в конце которого мы находим людей»⁵.

Цель науки, в том числе и философии, Чернышевский видел в раскрытии законов природы для того, чтобы «переработать природу» для удовлетворения человеческих потребностей, понимая под законами природы саму природу, рассматриваемую со стороны ее действия. «Весь

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 23.

⁵ Там же, с. 124.

мир составляет одно целое,— утверждает Чернышевский,— и, действуя на известную часть природы, мы до некоторой степени имеем дело со всей природою, потому что все части вселенной связаны между собою так, что изменение одной влечет за собой некоторое изменение во всех... Весь мир, как одно целое, стоит под законом, необходимо связывающим все части его»⁶. Иначе «каким же образом природа могла бы действовать не сообразно со своими законами, то есть не сообразно сама с собою?»⁷. Утверждая, таким образом, принцип материального единства мира и познаваемость последнего, Чернышевский отбрасывает неокантианский и позитивистский подход, согласно которому законодателем природы является человек, человеческий разум, а законы природы — это умо-зрительные конструкции.

На основе данных естествознания, особенно физиологии, Чернышевский доказывает единство человеческого организма, причинную зависимость ощущений, понятий, сознания человека от внешнего материального мира. «На человека надобно смотреть,— писал он,— как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам...»⁸. Этим самым Чернышевский опровергает дуализм в истолковании сознания, согласно которому существуют некие духовные субстанции, независимые от природы, от материи, т. е. некая вторая натура, в отличие от первой — телесной, материальной.

Чернышевский критиковал вульгарный материализм за отождествление материи и сознания, подчеркивая качественные различия между физиологическими и психическими процессами и явлениями, между материей и мышлением: «...при единстве природы мы замечаем в человеке два различных ряда явлений: явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает)»⁹. Таким образом, можно видеть, что при подходе к проблеме природы человека Чернышевский использовал диалектический метод познания,

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 165.

⁷ Там же, т. X, с. 988.

⁸ Там же, т. VII, с. 293.

⁹ Там же, с. 241—242.

который проявился в утверждении диалектического единства материального и идеального.

Чернышевский, опираясь на достижения естествознания, на конкретнонаучные представления, был уверен в познавательной способности людей, доказывал, в противовес кантианцам, что все предметы вполне познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях. Он явно видел, что в ходе развития науки человек приобретает возможность раскрывать в предметах и явлениях те стороны и свойства, которые ранее не были им познаны. «Мнения человека мыслящего не бывают никогда окаменелостями, — с течением времени он может во многих предметах замечать стороны, которые опускал из виду прежде, потому что они еще не были довольно раскрыты историческим движением»¹⁰. Он подчеркивал, что «наше время — время великих открытий, твердых убеждений в науке, и кто предается ныне скептицизму, свидетельствует этим лишь о слабости своего характера или отсталости от науки, или недостаточном знакомстве с наукою»¹¹.

Чернышевский понимал пагубность для естествоиспытателей увлечения кантианством и позитивистской философией: «Ни математику, ни вообще натуралисту непозволительно „смотреть“ ни на что „вместе с Кантом“»¹², так как кантовский идеализм и агностицизм направлены на то, «чтобы отстоять свободу воли, бессмертие души, существование бога, промысел божий о благе людей на земле и о вечном блаженстве их в будущей жизни, — чтобы отстоять эти дорогие сердцу его убеждения — от кого? — собственно, от Дидро и его друзей; вот о чем думал Кант»¹³.

Опираясь на закон сохранения и превращения энергии, на атомистическую концепцию, Чернышевский считал природу состоящей из материальных атомов, а движение, развитие в природе и природы — вечным и бесконечным. Пространство и время он рассматривал как объективные формы существования материи. Выступая против идеалистической, прежде всего кантианской интерпретации пространства и времени, он доказывал не-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 41.

¹¹ Там же, т. II, с. 681.

¹² Там же, т. XV, с. 198.

¹³ Там же, с. 198.

разрывную связь пространства и времени с материей. «Понятия о движении, о материи сами собой исчезают из нашего мышления, когда из него исчезли понятия о пространстве и времени»¹⁴.

Чернышевский высоко ценил великое открытие Коперника, разделял теорию Лапласа о развитии Солнечной системы, а также учение Лайеля о постепенном преобразовании земной поверхности в результате длительных изменений¹⁵. Из этих и многих других естественнонаучных открытий он сделал вывод о том, что вся материя подчиняется одному и тому же закону вечного и бесконечного развития, которое состоит из отрицания старых и возникновения новых явлений природы.

Исходя из закона сохранения и превращения энергии, Чернышевский выступал против идеалистических выводов из второго начала термодинамики, согласно которым Вселенной грозит якобы тепловая смерть. «Учение о сохранении энергии послужило основанием для составления формулы, по которой оказывается, что с течением времени всякое движение во вселенной исчезнет, превратившись в теплоту, и вселенная станет навсегда мертвенною массою.

Если бы могло настать когда-нибудь такое состояние, оно было бы уж наставшим с бесконечно давнего прошлого»¹⁶.

В понимании Чернышевского Вселенная — безначальная система колебаний, движений, не имеющих конца.

Доказывая, что достижения науки подтверждают истины материализма, Чернышевский дает тем самым критику идеализма, фальсифицирующего каждое новое открытие в естествознании. Методы критического использования данных естественных наук в процессе анализа тех или иных философских и методологических представлений и концепций, применяемые Чернышевским, могут и сейчас служить в качестве образца. Любой анализ философских проблем, связанных в той или иной степени с естественнонаучными теориями и концепциями, с необходимостью должен подразумевать знание этих теорий и концепций, образец чего и дает нам Чернышевский, его естественнонаучные взгляды.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 729.

¹⁵ См.: там же, т. XV, с. 260—263.

¹⁶ Там же, т. X, с. 991.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В ТРУДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

М. З. МАЛЫШЕВА, канд. филос. наук

Пути развития отечественного естествознания начиная с середины XIX в. теснейшим образом связаны с материалистической философией русской революционной демократии. Развивая материалистическую линию в философии, вожди революционной демократии всемерно укрепляли связь с передовым естествознанием своего времени, указывали, что подлинная наука может развиваться успешно, лишь преодолевая идеалистическую фальсификацию естествознания, извращающую естественнонаучные понятия и ложно толкующую его основные законы¹.

Н. Г. Чернышевскому по праву принадлежит крупная заслуга постановки и правильного решения проблемы взаимосвязи философии и науки. Утверждение А. И. Герцена — «философия без естествознания также невозможна, как естествознание без философии» — принимается им в качестве исходного принципа при анализе этой проблемы. Работы «Характер человеческого знания», «Предисловие и заметки к книге „Энергия в природе“ Карпентера», письма 1876—1878 гг., адресованные сыновьям из Вилуйской ссылки, посвящены исследованию проблемы взаимоотношения философии и естествознания. В «Антропологическом принципе в философии» также содержатся глубокие суждения по данной проблеме.

Н. Г. Чернышевский рассматривает этот вопрос в следующих аспектах: а) влияние естественных наук на развитие философии; б) необходимость материалистической философии для естествознания; в) отрицательное влияние идеализма и агностицизма на развитие науки.

В исследовании каждого из этих аспектов четко прослеживается становление качественно нового научно-материалистического подхода. Рассуждения Н. Г. Чернышевского часто совпадают по существу с мыслями основоположников марксизма.

На вопрос «Что определяет развитие философского знания?» — Н. Г. Чернышевский отвечает: «Какой характер имеет философия, господствующая в данное время,

¹ Герцен А. И. Избр. филос. соч. М., 1946, т. 1, с. 91—94, 97.

это определяется общим характером умственной и нравственной жизни передовых наций»², т. е. содержание философии — это вовсе не субъективное дело «специалистов по философии».

Заслуга последовательно научной разработки этой проблемы, поставленной Н. Г. Чернышевским, логическое завершение получает в марксизме³, вскрывшем глубинные связи философии с экономической жизнью общества, которые осуществляются косвенно через его базис и различные элементы надстройки, в том числе и через естествознание.

В чем же значение естественных наук для развития философии? Почему они оказывают влияние на ее движение? Потому, считает Н. Г. Чернышевский, что «естествознание изучает материю и способы действия существующих в ней качеств. О материи оно старается узнать факты; в изучении способов ее действия оно старается находить формулы законов природы». Поэтому «...естествознание достойно всякого уважения, сочувствия, ободрения»⁴. «...Я уважаю тех ученых, дельных специалистов, когда они... скромно трудятся по своим специальностям и, добросовестно трудясь над разъяснением тех специальных вопросов, к разработке которых добросовестно подготовили себя своими специальными занятиями, добросовестно говорят то, что понимают; это верное служение науке; и результаты его: дельные, скромные, почтенные работы, *верные духу научной истины* (выделено нами.— М. М.)»⁵. «Я не натуралист,— говорит Н. Г. Чернышевский.— Но с молодости твердо держусь того образа мыслей, которого стараются держаться корифеи естествознания»⁶.

Эта мысль всесторонне обосновывается в работе «Антропологический принцип в философии». Созданная Н. Г. Чернышевским философская система антропологического материализма основывалась на данных, полученных естествознанием.

В «Антропологическом принципе в философии» Н. Г. Чернышевский убедительно доказал, что адекватное

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 723.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 10—11; т. 21, с. 285.

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1951, т. 3, с. 704, 708.

⁵ Там же, с. 742.

⁶ Там же, с. 708.

понимание природы и сущности сознания и познания может быть получено лишь на основе естественнонаучного материала психологии и физиологии. При этом Н. Г. Чернышевский, что особенно важно, разграничивал два аспекта рассмотрения проблемы: гносеологический — ощущения, понятия являются отражением явлений действительности⁷; и естественнонаучный — раскрытие и физиологическое обоснование конкретного механизма этой связи призвано дать естествознание. Опираясь на весь опыт естествознания и критерий практики, Н. Г. Чернышевский приходит к выводу, что «никакого дуализма в человеке не видно»⁸, а есть два различных рода явлений — материальные (физиологические) и идеальные (психологические), являющиеся функцией мозга. Изучать же последние необходимо не через внутренний опыт (интроспекцию) — требование философов-идеалистов, а по их объективным проявлениям, ибо они, как и любые другие явления единого материального мира, причинно обусловлены.

Исходя из этого, психика, сознание рассматриваются Чернышевским, с одной стороны, в зависимости от строения мозга и функций нервной системы, с другой — от конкретно-исторических условий и отношений⁹. Таким образом; в центре теории Чернышевского стоит отнюдь не бесплотное, фйербаховское, существо, а конкретный земной человек с конкретными потребностями, сформировавшимися под воздействием условий его жизни в процессе активного практического взаимодействия субъекта с окружающим миром. Несмотря на то, что «тайна социальности человека» не была раскрыта Чернышевским в полной мере, шаг в научном понимании сущности человека был сделан.

С точки зрения Н. Г. Чернышевского взаимосвязь философии и науки важна не только для развития философии, она необходима и плодотворна для всех конкретных наук. Это проявляется прежде всего в поиске естествоиспытателями наиболее приемлемого для каждого из них мировоззрения. Поэтому философские положения,

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1951, т. 3, с. 236.

⁸ Там же, с. 185.

⁹ Там же, с. 264.

отмечает Н. Г. Чернышевский, занимают в воззрениях естествоиспытателей большое место: «философствовать они (натуралисты.— М. М.) почти все любят»¹⁰. Науки вне философии в действительности не существует, трудности познания вынуждают ученых постоянно обращаться к философии.

Продолжая начатые А. И. Герценом традиции в разработке вопроса о соотношении философии и естествознания, Н. Г. Чернышевский особое внимание уделяет обоснованию необходимости для естествоиспытателей философского материализма как «единственного» философского направления, ведущего науку к истине.

Н. Г. Чернышевский выделяет в науке область вопросов, «которые называются в строгом техническом смысле слова „философскими“» Этих вопросов, пишет Н. Г. Чернышевский, очень много.

Они очень широки: шире самых широких вопросов всякого специального отдела науки. Один из них — вопрос о достоверности наших знаний¹¹. Своими собственными силами разрешить эти вопросы естественные науки не в силах, а сам «натуралист, как натуралист, не может додуматься» до них.

Влияние материалистических идей Чернышевского на русских естествоиспытателей второй половины XIX в. огромно. Естественнонаучный материализм И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева, Д. И. Менделеева, Н. А. Умова, А. Г. Столетова развивался под воздействием и его философских идей в направлении становления нового, научного, мировоззрения.

Особенно отчетливо это проявилось в работах И. М. Сеченова, в его поисках материалистической трактовки закономерностей психической деятельности. Разгадка тайны человеческого сознания как активной деятельности целостного «земного явления»¹² обусловлена, несомненно, близостью И. М. Сеченова к философским воззрениям Н. Г. Чернышевского. Это особенно ярко проявилось в понимании И. М. Сеченовым принципа причинности.

Ученый отказывается рассматривать психофизиологические феномены как процессы, развертывающиеся линей-

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 708.

¹¹ См.: там же, с. 744.

¹² Сеченов И. М. Избр. произв. М., 1952, т. 1, с. 241—242.

но — от действия к эффекту, где одна сторона активна, а другая пассивна. Активность присуща всем составляющим причинного ряда. То есть сама причина есть непременно *взаимодействие* активных начал.

Есть основания предполагать, что работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» явилась естественнонаучной основой философского материализма Н. Г. Чернышевского. Именно эта работа, подведя итог спору противоположных мировоззренческих установок, нанесла удар его противникам — идеалистам Юркевичу, Каткову и др.

Нам представляется, что в деятельности этих двух выдающихся представителей русской науки середины XIX в. — Н. Г. Чернышевского и И. М. Сеченова — идея творческого союза материалистической философии и передового естествознания нашла свое реальное воплощение.

Показав, что руководствоваться в изучении природы можно лишь материалистической философией, Н. Г. Чернышевский раскрывает отрицательное воздействие на науку идеализма и агностицизма. Идеализм, указывает он, извращает данные естествознания, содействует распространению среди народных масс суеверия и мистики, тормозя тем самым дело просвещения народа. Идти за идеалистами, утверждает Н. Г. Чернышевский — значит сбиться с правильного пути, затормозить процесс познания, разделить участь того «умного мужика», который усердно рубил сук, на котором сидел. «Этот мужик, уму которого дивились проезжие и прохожие, — несомненно „общий предок“ всех тех философствующих по Платону и Канту натуралистов»¹³.

«Что ожидает натуралистов, попавшихся в сети идеализма?» — спрашивает Н. Г. Чернышевский. — И отвечает: «Они выйдут из этой переделки „оплеванные и одураченные“»¹⁴.

Эти строки написаны более 100 лет назад, в марте 1878 г., в канун новейшей революции в естествознании. Чернышевский предвидел ее, дав характеристику основным чертам надвигавшегося кризиса в науке и «физического идеализма». Как известно, В. И. Ленин в «Матери-

¹³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 812.

¹⁴ Там же, с. 761.

ализме и эмпириокритицизме» отмечал, что Н. Г. Чернышевский со всей остротой видел значение этих вопросов и сумел дать им единственно правильное в то время материалистическое истолкование¹⁵.

Каковы же общие принципы подхода Н. Г. Чернышевского к философской разработке новейших достижений естествознания?

Во-первых, анализ философских проблем науки Н. Г. Чернышевский связывает с дальнейшей разработкой основ философского материализма.

Во-вторых, беспощадная критика всех разновидностей идеализма и агностицизма выдвигается им в качестве принципиального требования при анализе философских проблем естествознания.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 381—384.

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ В ТРУДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

НА ПУТИ ОТ УТОПИЧЕСКОГО К НАУЧНОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Л. Г. ОЛЕХ, *д-р филос. наук*

В. И. Ленин отмечал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹. Ближе всех к научному социализму в России в середине XIX в. подошел Н. Г. Чернышевский.

Деятельность Н. Г. Чернышевского относилась к периоду острого кризиса крепостнического строя. Феодалские производственные отношения и самодержавный политический режим сковывали развитие производительных сил, сдерживали переход к более высоким ступеням социального прогресса. В стране назревала революционная ситуация, резко обострялось массовое недовольство крестьянства и формирующегося пролетариата. В этих условиях Н. Г. Чернышевский выступает идеологом революционных крестьянских масс. В «Письмах без адреса» он отмечает вредность для государства и народа самой сущности крепостного права, подобной всему порядку социального устройства России в канун и во время Крымской войны².

Идеям социализма Чернышевский был верен в течение всей своей жизни. О приверженности этим идеям он заявил уже в 20-летнем возрасте и никогда не отступал от них.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв. М., 1951, т. 3, с. 498.

Социализм он считал не случайностью, а исторической необходимостью, обусловленной экономическим развитием общества. Сами социалистические идеи представляют собой, по его мнению, отражение экономических процессов и порождение их.

Средством достижения социализма Чернышевский считал крестьянскую революцию, которая должна свергнуть самодержавие и создать демократическую республику, выкорчевать остатки феодализма, уничтожить все виды эксплуатации и ее экономическую основу — частную собственность. Излагая 20 января 1850 г. в дневнике для «самого себя» свои представления о перспективах развития России, он связывает их, во-первых, с неодолимым ожиданием близкой революции, во-вторых, с завоеванием демократии, народного правления, переходом власти «в руки самого низшего и многочисленного класса — земледельцы + поденщики + рабочие...»³. В дальнейшем Чернышевский непосредственно выступает как вождь крестьянской революции. В воззвании к «Барским крестьянам» он призывал народ к топору, для достижения свободы и ликвидации классового угнетения.

Изучая развитие революционного процесса на Западе, Чернышевский проявляет понимание важной роли рабочего класса в нем. Он отмечает, что одновременно с ростом капитализма растет и количество работников, их просвещение, обоснованность их требований, которые они выдвигают в борьбе против эксплуатации. Сама эта борьба, по его мнению, объективно обусловлена, исторически необходима. В понимании объективных экономических основ классовой борьбы в капиталистическом обществе Чернышевский был на голову выше всего утопического социализма. Он писал: «Мы видели, что интересы ренты противоположны интересам прибыли и рабочей платы вместе. Против сословия, которому выделяется рента, средний класс и простой народ всегда были союзниками.

Мы видели, что интерес прибыли противоположен интересу рабочей платы. Как только одерживают в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и (сословие) работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего

³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 3, с. 854—855.

сословия с народом»⁴. При известной нечеткости терминологии, мы видим здесь подход к тем позициям, на которых стоял марксизм в понимании содержания, структуры и сущности классовой борьбы между буржуазией (средним сословием) и народом (теми, кто получает рабочую плату).

Характеризуя ход и перспективы этой борьбы, Чернышевский подчеркивает неодолимость революционного процесса. Рассматривая отдельные этапы классовой борьбы во Франции, Чернышевский отмечает ее временные поражения, которые оцениваются им как мимолетная задержка торжества новых, прогрессивных экономических интересов. С его точки зрения, суровость мер подавления революционного движения силами правящей реакции есть свидетельство близости краха старого порядка. Чернышевский пишет: «И если с каждым годом старому порядку вещей приходится принимать для своего поддержания меры все более и более крутые, то не ясно ли сам он свидетельствует этим, что сила его противников с каждым годом увеличивается»⁵. В этой связи представления Чернышевского о перспективах классовой борьбы в капиталистических странах пронизаны настроением исторического оптимизма.

Хотя Чернышевский и не преодолел многих слабостей утопического социализма, как представитель этого направления он был связан с высшей его ступенью — критически-утопическим социализмом. Критика Чернышевским капитализма, для которой характерны историчность и глубокий экономический анализ причин, порождающих социальные антагонизмы капиталистического общества, качественно отличается от критики этого строя его предшественниками. Он рассматривает капитализм как относительно прогрессивную ступень развития человечества, которая выше ей предшествовавших. Однако ход истории должен превзойти ее, так как она не устраняет эксплуатации трудящихся. В «Очерках из политической экономии (по Миллю)» Чернышевский писал: «Его недостатки (капитализма.— Л. О.) — недостатки не по сравнению с патриархальными формами..., а с теми формами, каких

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 516.

⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 497.

требует разум»⁶. Эта ступень создает экономические предпосылки для перехода к социализму. Основные пороки капитализма зарисуют, как считает Чернышевский, от разделений функций собственника и производителя, и это разделение выражает самую глубокую экономическую сущность капиталистического строя.

20-летний Чернышевский приходит к выводу, что главными в общественном устройстве являются не поверхностные политические формы, а глубинные реальные экономические отношения. Он выражал свое негодование против тех политиков, которые спекулировали словом «свобода» и связывали свое тяготение к «свободе» только призывами изменения законов, не обращая внимания на необходимость уничтожения социального порядка, при котором 9/10 народа — рабы и пролетарии. Так, 8 сентября 1848 г. Чернышевский записывал в своем дневнике: «...не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»⁷.

Чернышевский считал, что в разных странах должна быть определенная специфика при переходе к социализму. Этот переход рассматривался им как целая историческая эпоха, заполненная революционными преобразованиями всех сторон общественной жизни.

Он гениально предвосхитил этапность развития будущего социального строя — выделял в нем два периода. Первый, базирующийся на общественной собственности на средства производства, еще не дает полного экономического и социального равенства всех его членов. Второй, более высокий, создает все необходимое для полного удовлетворения потребностей всех членов общества.

В статье «Экономическая деятельность и законодательство» Чернышевский подчеркивает, что с развитием просвещения и «здорового взгляда на жизнь» будет расти производительность труда, все меньшая его часть будет тратиться на производство предметов «бесполезных». Изменится характер труда, на основе новых экономических отношений его организация будет отличаться новизной. Изменение природы социальных отношений

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 419.

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 3, с. 821.

поведет и к коренному изменению природопользования. «Человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько ему будет нужно, переделает все на земле согласно со своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу»⁸.

Следствием развития производства, овладения силами природы и изменения социальных отношений явится всестороннее развитие личности. Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности⁹.

Представления о социалистическом будущем у Чернышевского проистекали и из анализа социальной действительности середины XIX в., и из усвоенных им социалистических идей своего времени. Но он не был слепым подражателем западных образцов. Вне всякого сомнения, он испытал влияние со стороны Фурье и Оуэна. Нельзя не согласиться со следующим выводом Г. В. Плеханова: «Даровитые социалисты того времени все испытали на себе это влияние (критически-утопического социализма.— Л. О.), собственными силами дополняя теории своих учителей и устраняя из них ненаучные, фантастические элементы. Чернышевский находился именно в таком положении»¹⁰.

В работе «Июльская монархия», напечатанной в трех номерах журнала «Современник» за 1860 г., Чернышевский вместе с тем отмечал ограниченность сенсимонизма, высоко оценивая тем не менее историческую важность этого учения. Под мистической оболочкой он находил рациональное содержание. Чернышевский популяризовал и идеи Фурье.

Элементы утопизма содержатся в конструкциях Чернышевского пути к социализму. С точки зрения Чернышевского, Россия могла избежать зрелых форм капитализма и двигаться к социализму, используя сельскую общину.

Отрицанием идеи строя частной собственности является «идея о союзе и братстве между людьми: люди

⁸ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 597.

⁹ Там же, с. 597.

¹⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1958, т. 4, с. 109.

должны соединяться в общества, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для наивыгоднейшего всем производства и для экономного потребления производимых ценностей»¹¹. В земледелии это должно выразиться в переходе земли в «общинное владение», в промышленности — в переходе фабричных и заводских предприятий в «общинное достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе». Так будет открыт путь к благосостоянию для всего народа.

Чернышевский не считает общину уникальным историческим институтом. Она существовала до капитализма у всех западных народов. Она может исчезнуть и в России в связи с предстоящим ей вовлечением «в сферу полного действия закона конкуренции». Но община — это то «спасительное» учреждение, с помощью которого можно «сознательно встретить события и управлять их ходом»¹².

Благо государства, благо народа требуют сохранения общинного пользования землей — таково заключение Чернышевского. Те же идеи развивались и в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858 г.).

Решая вопрос об общине, Чернышевский ставит и более универсальную проблему о возможности перехода к высшей ступени социального развития, по существу, мнущая капитализм. Он пишет: «Нас занимает вопрос: должно ли данное общественное явление проходить в действительной жизни каждого общества все логические моменты или может, при благоприятных обстоятельствах, переходить с первой или второй степени развития прямо на пятую или шестую, пропуская средние, как это бывает в явлениях индивидуальной жизни и в процессах физической природы?»¹³.

Чернышевский признает возможность «сокращенного» пути развития. Но для этого необходимы определенные условия:

1) в обществе должна реально существовать высшая социальная ступень, к которой совершается переход от низших ступеней;

¹¹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 97.

¹² Там же, с. 97, 102, 105.

¹³ Там же, с. 487.

2) ускорение совершается за счет сближения более отсталого народа с передовым через развитие их контактов;

3) под влиянием передового более отсталый народ «прямо с низшей ступени перескакивает на высшую, минуя средние ступени»;

4) средние ступени не становятся фактами действительности для отставших ступеней, переходящих к передовым;

5) если они и достигают реального осуществления, то только самого незначительного (имеется в виду необязательность форм зрелого капитализма. — Л. О.)¹⁴.

В статье «Капитал и труд», напечатанной в журнале «Современник» в 1860 г., Чернышевский приходит к выводу, что коммунизм есть отражение социальных противоречий в капиталистическом обществе между его основными классами. Он пишет: «Открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм»¹⁵. Свое отношение к коммунизму он выражает в «теории трудящихся», противопоставляя ее «теории капиталистов». Раскрывая содержание этой теории, он показывает экономическую основу общества будущего, характеризуя ее как совпадение качеств собственника и работника в одном и том же лице.

Такой принцип соединения труда и собственности определяет и принцип распределения ценностей «по средней цифре». Чернышевский отдает при этом определенную дань идеям уравнительного социализма. Но вместе с тем он обосновывает всеобщность и обязательность труда.

Отталкиваясь от установки А. Смита, согласно которой произведение должно принадлежать тому, кто произвел его, Н. Г. Чернышевский отмечает: «Задача состоит только в том, чтобы открыть способы экономического устройства, при котором исполнись бы это требование здравого смысла»¹⁶. Весь механизм распределения Чернышевский представляет следующим образом: «Одна часть

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 488—489.

¹⁵ Там же, с. 727.

¹⁶ Там же, с. 734.

этой прибыли пойдет на содержание церкви, школы, больницы и других общественных учреждений, находящихся при товариществе; другая на уплату процентов из казны и на ее погашение; третья на запасный капитал, который будет служить, так сказать, застрахованием товарищества от разных случайностей... За покрытием всех этих расходов, должна остаться значительная сумма, которая пойдет в дивидент всем членам товарищества, каждому по числу его рабочих дней»¹⁷. Здесь высказаны идеи о выделении необходимых средств на общественные нужды и общественные формы удовлетворения личных потребностей и о распределении по труду.

Чернышевский исходит из того, что общественная собственность порождает в производстве качественно новую форму отношений — товарищество, гармонию интересов.

Предложенный Чернышевским план осуществления теории трудящихся, создания промышленно-земледельческих товариществ допускал использование первоначального пособия от правительства и управление этой ассоциацией доверенным лицом правительства. В дальнейшем, как считал Чернышевский, в товариществах устанавливается самоуправление.

Здесь, несомненно, проявилось влияние идей утопизма. Однако необходимо считаться и с тем, что предложение публиковалось в подцензурном издании, иначе оно и не увидело бы свет.

Разумеется, социалистические идеи Чернышевского были ограниченными. Представляя социализм закономерным этапом социального прогресса, сами закономерности общественного развития он понимал идеалистически. Интеллектуальное развитие он трактовал как базисное по отношению ко всему социальному прогрессу.

Ограниченность взглядов Чернышевского была объективно обусловлена неизжитыми в России феодальными отношениями, недоразвитостью капитализма.

Пролетариат в России в это время еще не являлся решающим элементом социальной структуры общества и ведущей силой в политической борьбе. Чернышевский не-

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 757.

дооценивал роли пролетариата в революционном процессе.

В. И. Ленин писал: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹⁸.

Г. В. Плеханов сделал следующий вывод: «Мысль Чернышевского шла по тому же самому пути, который привел западноевропейскую мысль к марксизму; но неблагоприятные условия русской общественной жизни сделали то, что мысль нашего великого писателя не дошла до конца этого пути, остановившись на предпоследнем этапе, т. е. на философии Фейербаха»¹⁹. Эта оценка верна, за исключением последней части фразы. В отличие от Фейербаха Чернышевский был диалектиком, диалектику он рассматривал как алгебру революции. И как революционер-демократ связывал теоретическую деятельность с потребностями практического движения, — и в этом отношении он, вне всякого сомнения, пошел значительно дальше великого немецкого философа. Он вплотную подошел к научному социализму.

Им был творчески переработан примерно тот же идейный материал, что и Марксом и Энгельсом (критический утопический социализм, английская политическая экономия А. Смита и Д. Рикардо, немецкая классическая философия, труды Гегеля и Фейербаха).

Он до конца жизни был революционером-демократом, как и Маркс и Энгельс в начале их творческого пути. В его социологических взглядах доминировал, вне всякого сомнения, революционный демократизм. Теоретическая и практическая деятельность Чернышевского — большой вклад в развитие российского освободительного движения. Вне всякого сомнения, Н. Г. Чернышевского следует рассматривать как ближайшего предшественника российской социал-демократии, проводника социалистических идей, глубокого и оригинального мыслителя.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

¹⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 4, с. 407.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, В. Г. БЕЛИНСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. Я. ДЬЯКОВ, *д-р филос. наук*

В нашей советской стране, как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, материалистическое мировоззрение давно уже стало господствующим¹. В этой всемирно-исторической победе есть немалая заслуга великих предшественников марксизма — материалистов В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского.

В. И. Ленин, с гордостью отмечая солидные материалистические традиции в России, среди домарксистских мыслителей отнюдь не случайно называл Николая Гавриловича Чернышевского — гениального ученика и великого продолжателя Виссариона Григорьевича Белинского.

Белинский и Чернышевский — эти два великих имени слиты воедино в сознании всех образованных людей планеты. Любовь Чернышевского к Белинскому была беспредельной, трогательной и волнующей. Посетив на Волковом кладбище Петербурга заброшенную могилу Белинского, объявленного после смерти «государственным преступником», имя которого было запрещено называть в печати, Н. Г. Чернышевский с чувством огромной боли и вместе с тем гордости за своего учителя писал: «На днях привелось мне быть на кладбище... Погруженный в мысли, я машинально брел по пустынным тропинкам... я забылся... Вдруг чей-то твердый и полный какой-то торжественности голос вызвал меня из раздумья.

— Вот могила N. N., которой хотел ты поклониться. Я поднял глаза: перед простым черным крестом остановились, шедшие по другой тропинке, поперек моей дороги, двое мужчин: старший, человек лет сорока пяти, указывая взглядом этот крест младшему, юноше лет двадцати.

«Так вот она, могила моего бедного друга, которую так напрасно искал я много раз, о которой напрасно спрашивал общих наших знакомых, бывших здесь во время его смерти!...».

Мне стало неловко и стыдно за себя и за всех нас, так много, так бесконечно много обязанных этому другу...

¹ См.: *Материалы XXV съезда КПСС*. М., 1976, с. 87.

Без посторонней помощи я не мог бы найти и могилы его, а через пять лет и не найдет его могилы юноша, ставший человеком, благодаря ему...

...Тысячи людей сделались людьми, благодаря ему. Целое поколение воспитано им. А слава? Многие стали славны только потому, что он упомянул о них, многие другие только потому, что успели понять две-три его мысли. Другие, лучшие, стали славны потому, что учились у него, пользовались его советами. И когда я перечитываю наши нынешние журналы, я всегда вспоминаю о нем. Вот ученая статья — она производит эффект в публике, приобретает автору уважение в кругу ученых — отчего это? Оттого, что она писана под влиянием *его* мысли, писана на тему, которую и указал, и объяснил он; вот критическая статья, которую называют все умною и благородною, — опять-таки все, что есть в ней хорошего, подсказано им, и автор не считает нужным даже намекнуть о том; напротив, он даже усиливается говорить о нем свысока, как о человеке, правда, умном, но увлекавшемся, малообразованном и поверхностном: видно, чувствует автор, что нужно ему отстранить это имя, чтобы казаться самому чем-нибудь; видно, знает автор, что при *нем* он ничто. Вот повесть, которую называют прекрасною — опять это только плод его учения: он указал и мысль и форму, в которую должна облечься эта мысль... Повсюду *он!* Им до сих пор живет наша литература!...²».

На могиле В. Г. Белинского не было тогда памятника. Своими гениальными «Очерками гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевский воздвиг незабвенному, страстно любимому учителю вечный, непреходящий, сохраняющий научную ценность до сих пор, величественный памятник. Из «Очерков...» для молодого Ленина по его признанию, выяснилась революционная фигура Белинского.³

Н. Г. Чернышевский, ведя неустанную и бескомпромиссную борьбу против всех и всяких клеветников и фальсификаторов бесценного наследия «Неистового Виссариона», неопровержимо доказал, что в лице В. Г. Белинского Россия имела гениального мыслителя-титана,

² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1950, т. 2, с. 36—38.

³ См.: Наследие В. И. Ленина и наука о литературе. Л., 1969, с. 66.

оригинального, самостоятельного, великого ученого-энциклопедиста.

За революционную, антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин» Белинский в 1832 г. был исключен из Московского университета. Враги кричали, что Белинский — это «недоучившийся студент», «невежественный человек». Чернышевский, с негодованием отбрасывая эти вздорные измышления, утверждал, что об учености автора надо судить по его творениям. Он писал: «...Изучение сочинений Белинского самым неоспоримым образом опровергает всякие сомнения в основательности его знаний. У нас мало было писателей, которых можно было бы сравнить с ним в этом отношении. Кажется, нельзя сказать, чтобы круг вопросов, обнимаемых его сочинениями, был тесен, а, между тем, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всех вопросах, каких ни касался он, он имел понятия очень основательные, которым могли бы позавидовать многие ученые писатели. Что же касается его специальной науки — истории русской литературы, он был и до сих пор остается первым знатоком ее. В этом отношении никто из наших ученых не мог до сих пор сравниться с ним. Вообще, надо признаться, Белинский, будучи значительнейшим из всех наших критиков, был и одним из замечательнейших наших ученых»⁴.

Энциклопедическое наследие величайших русских революционеров, гигантов русской общественной мысли — Белинского и Чернышевского — имеет мировое и весьма актуальное значение, причем не только их достоинства, но и вполне очевидная и понятная их историческая ограниченность.

Борьба за и против Белинского и Чернышевского, начавшаяся еще при их жизни, не только не утихает, но в настоящее время все более обостряется, рельефно свидетельствуя о непреходящем значении многих их идей, научных открытий, их гениальных творений, их безупречного морального облика.

«Честнейшим русским человеком» называл В. Г. Белинского А. М. Горький. На совести Белинского, как и его гениального продолжателя Чернышевского, поистине не было ни одного пятнышка. Из 61 года жизни 27 лет Чернышевский провел в заточении — в крепости, на ка-

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 754—755.

торге и в ссылке, сохранив непоколебимую верность своим революционным и материалистическим убеждениям.

В. И. Ленин, беззаветно любивший и высоко ценивший Н. Г. Чернышевского, с чувством законной национальной гордости писал о нем: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года оставаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»⁵.

В условиях современной идеологической борьбы можно и должно несколько по-новому взглянуть на жизнь и деятельность Белинского и Чернышевского. Автора могут упрекнуть в модернизации, нарушении принципа историзма и т. п.

Попробую защититься от этих возможных упреков, сославшись на Белинского. Начиная одиннадцать гениальных статей о Пушкине, великий диалектик писал: «...новое мнение о таком великом явлении, как Пушкин, не могло образоваться вдруг и явиться совсем готовое; но, как все живое, оно должно было развиваться из самой жизни общества; — каждый новый день, каждый новый факт в жизни и в литературе должны были изменять и образ воззрения на Пушкина... Чем выше явление, тем оно жизненнее, а чем жизненнее явление, тем более зависит его сознание от движения и развития самой жизни»⁶.

Говоря языком критика-мыслителя, Белинский и Чернышевский — это гигантские явления XIX в., наполненные исключительной жизненной силой, осознать которые нам гораздо легче, чем их современникам.

Только с позиций марксизма-ленинизма можно по достоинству оценить мировоззрение Белинского и Чернышевского. Начнем с анализа их политических взглядов, совершенно отвлекаясь от эволюции воззрений Белинского и Чернышевского и принимая во внимание только высшие их достижения.

Белинского по праву называют родоначальником, отцом революционных демократов в России и славянских

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 101.

странах. Правда, некоторые ученые это высокое звание связывают с именем первого русского революционера, автора «Путешествия из Петербурга в Москву» — А. Н. Радищева. Из последних работ можно назвать книгу С. С. Степанищева «Развитие общественной мысли в трудах русских революционеров-демократов»⁷. Эта книга в целом вызывает удивление: автор доказывает, что М. В. Ломоносов — «сторонник народно-республиканских порядков»⁸, А. Н. Радищев — «...ранний предшественник русских марксистов, первый крестьянский профессиональный революционер России...»⁹. «Гоголь 30-х годов и начала 40-х годов... по своим социально-политическим взглядам являлся антикрепостником, противником царизма, защитником угнетенного народа, демократом, сторонником народно-республиканских порядков...»¹⁰ и т. д. Неудивительно, что столь воинствующий автор критикует всех и вся, кто не разделяет его «оригинальных» взглядов. Изрядно достается и автору данной статьи за монографию «Мировоззрение В. Г. Белинского». Противоречия во взглядах Белинского 30-х годов — бесспорный факт. Из этой аксиомы С. С. Степанищев делает неожиданный вывод: «И. Я. Дьяков изображает Белинского рассматриваемой поры каким-то неискренним мыслителем и деятелем»¹¹. На такого рода «критику» отвечать не стоит. Но вернемся к Белинскому, родоначальнику революционных демократов. Поставим вопрос, были ли Белинский, а вслед за ним и другие революционные демократы России, национально ограниченными мыслителями? Очевидно, нет. Почему же до сих пор господствует точка зрения, согласно которой русские революционные демократы, современники Маркса и Энгельса — идеологов пролетариата, мало интересовались борьбой западноевропейских пролетариев, не задумывались над будущим пролетариата? Неужели для Белинского и Чернышевского, великих диалектиков, неясен был исход борьбы между пролетариатом и буржуазией? Разве произведения Белинского и Чернышевского не свидетельствуют о том, что грядущая

⁷ Степанищев С. С. Развитие общественной мысли в трудах русских революционеров-демократов. Минск, 1975.

⁸ Там же, с. 65.

⁹ Там же, с. 141.

¹⁰ Там же, с. 161.

¹¹ Там же, с. 40.

победа пролетариата над буржуазией не вызывала у них сомнений? Достаточно в этой связи вспомнить статью Белинского «Парижские тайны», многочисленные труды Чернышевского, в которых он дает гениальный классовый анализ событий во Франции 1848—1850 гг., в том числе восстания парижских пролетариев в июне 1848 г.

Как Белинский, так и Чернышевский превосходно понимали, что пролетариат пока еще слаб в политическом отношении, но будущее принадлежит ему, утверждали великие демократы, а не торжествующей буржуазии.

В статье «Франция при Людовике Наполеоне»¹² Н. Г. Чернышевский, твердо убежденный в неодолимости нового, в закономерном характере победы нового, прогрессивного над старым, реакционным, писал: «Существенный смысл борьбы, начатой французской нацией при Луи Филиппе Орлеанском, ясен даже для людей самых непроницательных: все говорят, что волнения возникли от недовольства городских работников своим экономическим положением. Из этого начала не ясен ли конец? Промышленная деятельность во Франции с каждым годом увеличивается, следовательно возрастает и число работников. С тем вместе они становятся год от году просвещеннее. Не ясно ли, что они приобретают силу предъявить свои требования с большей настойчивостью, с большей расчетливостью, следовательно с большим успехом? Не ясно ли, что победы старого порядка вещей над ними могут быть только мимолетными задержками окончательного торжества новых экономических интересов? ...И не ясно ли, что чем круче средства, за которые должен браться старый порядок вещей, чтобы удержаться против напора новых интересов, тем яснее свидетельствуется ими сила новых интересов? Крутые меры принимаются только против сильного и опасного врага. И если с каждым годом старому порядку вещей приходится принимать для своего поддержания меры все более и более крутые, то не ясно ли сам он свидетельствует этим, что сила его противников с каждым годом увеличивается? И не приближается ли смерть его самыми теми отчаянными средствами, к которым он принужден прибегать для поддержания своей жизни?»¹³.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 393—440.

¹³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 497.

Не ясно ли, что Чернышевский в этих своих высказываниях совершенно прав. А отсюда следует, что характеризовать политические взгляды Белинского и Чернышевского только как революционно-демократические явно недостаточно, такая характеристика будет неполной. Следует признать, что в революционно-демократических воззрениях Белинского и Чернышевского были элементы, зачатки, порой весьма значительные, иной, а именно — пролетарской революционности. Характерно, что С. С. Степанищев, прослеживая историю русской общественной мысли начиная с Ломоносова, в этом вопросе — о характере политических взглядов Белинского — придерживается рутинных представлений.

Однако С. С. Степанищев критикует нашу точку зрения, впервые сформулированную еще в книге «Мировоззрение В. Г. Белинского»¹⁴, о том, что в революционно-демократических взглядах Белинского 40-х годов были элементы, зародыши пролетарской революционности. Он пишет: «Однако для появления последней в крепостной России не могло быть социальной базы. Автор оторвал критика от российской действительности того времени, не вскрыл социально-экономических корней и идейных истоков его взглядов и приписал ему то, чего не было в его общественно-политических воззрениях»¹⁵.

Вдумайтесь в эти аргументы — я говорю о том, что Белинский проявлял глубокий интерес к борьбе западноевропейских пролетариев, а наш оппонент опровергает этот бесспорный факт тем, что в крепостной России не было социальной базы для пролетарской революционности. А где и когда я утверждал, что в крепостной России была социальная база для пролетарской революционности, — ведь у меня речь идет о Франции, Англии, Германии, а не о крепостной России!? Обо всем этом можно было бы и не говорить, если бы подобные взгляды не преобладали в литературе о русских революционных демократах. Без уяснения того, что в революционно-демократических взглядах Белинского и Чернышевского, несомненно, были элементы, зачатки пролетарской революционности, невозможно правильно понять и объяснить их

¹⁴ Дьяков И. Я. Мировоззрение В. Г. Белинского. Благовещенск, 1962.

¹⁵ Степанищев С. С. Указ. соч., с. 40.

философские, социологические, экономические, эстетические, этические и др. взгляды. Почему? По той простой причине, что политические взгляды — это основа основ мировоззрения русских революционных демократов. Конечно, могут быть такие деятели, у которых передовые эстетические взгляды (Бальзак, Гоголь) совмещаются с консервативными политическими воззрениями, но речь идет не о них, а о Белинском и Чернышевском — величайших революционерах и гениальнейших мыслителях.

Говоря о политических взглядах Белинского и Чернышевского, нельзя обойти молчанием важный вопрос об их отношении к утопическому социализму. Были ли они социалистами-утопистами? Да, были. Но не был ли социализм Белинского и Чернышевского переходной ступенью к научному социализму? Какие элементы преобладали в их социалистических взглядах — утопические или научные? Анализ произведений Белинского и Чернышевского показывает, что эти великие революционеры были убежденными сторонниками социалистического переустройства общества. Их идеал — социалистическая, коммунистическая Россия, как это особенно ярко видно из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Социалистический, коммунистический идеал Белинского и Чернышевского, убежденных противников всякого эксплуататорского строя, всякого гнета — социального, национального, религиозного и т. д. — бесконечно близок и дорог нам, строителям коммунистического общества.

Почему их считают утопистами? Обычно на этот вопрос отвечают так: они полагали, что путь к социализму лежит через крестьянскую революцию, а зародыш социализма видели в общинном владении землей.

Надо сразу же сказать, что подобные аргументы лишены всякого основания применительно к социалистическим взглядам В. Г. Белинского. Учитель Чернышевского был убежден, что Россия не минует капитализма¹⁶. Крестьянская революция, считал он, не является социалистической, она может только ускорить развитие капитализма. Община должна исчезнуть в ходе экономического развития капитализма, как это было видно на примере западноевропейских стран¹⁷. Однако Белинскому недо-

¹⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 266.

¹⁷ См.: Белинский В. Г. Письмо к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. Полн. собр. соч., т. XII.

ставало осознания всемирно-исторической роли пролетариата, необходимости пролетарской революции для перехода к социализму. Что касается Н. Г. Чернышевского то он, действительно, считал крестьянскую революцию путем к социализму, а общину — средством, облегчающим этот переход. Он надеялся, что Россия сможет миновать ненавистный капитализм, избежав тем самым «язвы пролетариата». На первый, поверхностный, взгляд кажется, что Чернышевский по всем этим вопросам сделал только шаг назад от заветов Белинского, не приобретя ничего взамен.

Но если проникнуть в сущность этих взглядов Чернышевского, следует признать, что он сделал, как минимум, два шага вперед в сравнении с Белинским. В условиях революционной ситуации Чернышевский не только теоретически, но и практически готовил крестьянскую революцию в России, о чем Белинский мог только мечтать. Не вина, а трагедия Чернышевского, как и всех домарксистских революционеров в России, в том, что наш великий народ не был тогда в силах совершить революцию.

В связи с этим в известной статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин писал: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции сказал: „жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы“». Откровенные и прикровенные рабы — великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть»¹⁸.

Чернышевский был согласен с Белинским, что община — это остаток старины, свидетельство экономической отсталости России¹⁹. Но не может ли это явное зло — при определенных условиях (победа народной революции) — превратиться в добро? Белинский даже не ставил этого вопроса. Чернышевский не только поставил его, но и дал глубокий ответ на него.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

¹⁹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 303—349 и др.

В большой работе «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский, руководствуясь диалектическим законом отрицания отрицания, пришел к неопровержимому в теоретическом отношении выводу: «1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом. 2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»²⁰.

Другими словами: от общинного владения землей можно, минуя капитализм, перейти к коллективной обработке земли при социализме. Применительно к тогдашней России этот вывод оказался ошибочным, утопическим, использованным позднее народниками. Этот вывод мог бы стать истинным и во времена Чернышевского при условии победы пролетарской революции в западноевропейских странах и помощи победившего пролетариата революционному крестьянству России. Так решали этот сложный вопрос Маркс и Энгельс.

Ошибочный вывод Чернышевского применительно к России является вместе с тем глубоко истинным в общесоциальном плане: отсталые народы, пользуясь поддержкой передовых народов, ставших на путь социалистического развития, могут, минуя капитализм, перейти к социализму (пример — Монголия, многие народы Азии и Африки).

Не ясно ли, что Чернышевский в своих социалистических взглядах сделал несколько шагов вперед в сравнении с Белинским? Проблема, над которой бился гениальный Чернышевский в конце 50-х годов XIX в., получила подлинно научное решение в марксизме-ленинизме, особенно в докладе В. И. Ленина на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г., в документах съездов КПСС, мирового коммунистического и рабочего движения. Переходя к анализу философских взглядов Белинского и Чернышевского, следует отметить, что эти классики русской философии были не только выдающимися материалистами и воинствующими атеистами, но и гениальными диалектиками.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 490.

Философские взгляды Белинского и Чернышевского — это высший этап в развитии мировой домарксистской философской мысли, это — материализм, диалектические принципы которого нашли блестящее применение при истолковании природных процессов, но не были последовательно распространены на область социальных явлений.

Только марксисты-ленинцы являются до конца последовательными материалистами-диалектиками. В. И. Ленин указывал: «...Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»²¹.

Белинский не только великолепно знал и высоко ценил диалектику Гегеля, но и — что особенно важно — осознал необходимость ее материалистической переработки. В этом легко можно убедиться, прочитав письмо критика к Боткину от 17 февраля 1847 г.²² Критик знал материалистическую философию Л. Фейербаха, но относился к ней в отличие от Чернышевского довольно скептически. Метафизический, антропологический материализм Фейербаха вызывал недоверие у великого русского диалектика. Чернышевский не только унаследовал высшие достижения философской мысли своего гениального учителя, но и значительно развил, обогатил их на основе обобщения опыта освободительного, революционного движения всего тогдашнего прогрессивного человечества, достижений естественных и общественных наук, которые глубоко знал энциклопедически образованный великий русский мыслитель.

В «Антропологическом принципе в философии» Н. Г. Чернышевский писал: «Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ... Кант принадлежал к той партии, которая хотела водворить в Германии свободу революционным путем, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошел несколькими шагами дальше: он не боится и террористических средств. Шеллинг — представитель партии, запуганной революцией, искавшей спокойствия в средневековых учреждениях,

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII.

желавшей восстановить феодальное государство, разрушенное в Германии Наполеоном I и прусскими патриотами, оратором которых был Фихте. Гегель — умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде не допустить до развития революционный дух, служащий ему орудием к ниспровержению слишком ветхой старины»²³.

Как много сходного и общего в этих суждениях Чернышевского с тем, что писали классики марксизма-ленинизма о представителях немецкой классифической философии!

Значительный интерес представляют социологические воззрения Белинского и Чернышевского. Обычно говорят и пишут: все домарксистские философы остановились перед историческим материализмом, все они были идеалистами в понимании истории. Верно ли это? Безусловно, верно. Материалистов в понимании истории до Маркса и Энгельса действительно не было. Разумеется, доля истины содержалась уже в идеалистических взглядах на историю. Были и зерна, зачатки материалистического понимания истории. А если поставить такой вопрос: чего больше — материализма или идеализма — в социологических взглядах Белинского и Чернышевского? Такой вопрос применительно к Чернышевскому давно уже был поставлен Плехановым. Ответ Плеханова известен: несмотря на значительные элементы материализма, идеализм преобладал в социологических взглядах Чернышевского. С этим выводом не соглашаются отдельные советские ученые, в том числе и М. Г. Федоров²⁴. Более того, М. Г. Федоров выдвинул и аргументированно обосновал новую точку зрения: Белинский и Чернышевский, наряду с историческим идеализмом общего, выработали материалистический принцип особенного и правильно, с позиций стихийного материализма, решали основной вопрос социологии: общественное бытие первично, общественное сознание вторично.

Научный анализ бессмертных творений Белинского и Чернышевского свидетельствует, что материализм значи-

²³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 163—164.

²⁴ См.: Федоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX века от географического детерминизма и революционной демократии к историческому материализму. Новосибирск, 1974, с. 24, 27 и др.

тельно перевешивал идеализм в понимании ими исторического процесса. Они в основном верно понимали роль труда, материального производства, экономики в развитии общества. В романе «Что делать?» Чернышевский глубоко и убедительно доказал определяющую роль условий материальной жизни в формировании нравственного облика людей. Труд играет главную роль в жизни людей. Где праздность, там гнусность, писал Чернышевский. Глубокое решение Белинским и Чернышевским экологических проблем, сложнейших взаимоотношений природы и общества актуально и теперь.

Классовый подход их к анализу и оценке всех общественных явлений не подлежит ни малейшему сомнению. Они не только понимали необходимость идеологической борьбы, но и оставили грядущим поколениям немеркнущие высочайшие образцы принципиальной, бескомпромиссной идеологической борьбы. Достаточно в этой связи вспомнить «Письмо к Гоголю» Белинского, «Полемические красоты» Чернышевского²⁵, не говоря уже о том, что все их богатейшее наследие носит острополемический характер. Разоблачение ими лживой, фальшивой, лицемерной, антинародной буржуазной демократии и теперь вызывает приступы бешеной злобы у современных апологетов одряхлевшего капитализма.

Белинский и Чернышевский превосходно понимали решающую роль народа в истории. Верными были их представления о роли личности в истории²⁶. Актуальна и злободневна их беспощадная борьба против слепого преклонения перед авторитетами, против идеалистической теории культа личности — этого проклятия веков и тысячелетий.

Классики русской социологии глубоко и верно решали также вопросы происхождения и роли искусства в жизни общества. Искусство и наука, доказывал Белинский, лишь различные формы воспроизведения бытия²⁷. Говоря о происхождении искусства, Белинский и Чернышевский выдвинули и обосновали знаменитую формулу: «жизнь выше искусства». Подчеркивая огромную роль искусства

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII.

²⁶ Подробнее об этом см.: Дьяков И. Я. Народные массы — решающая сила общественного развития. Роль личности в истории. Благовещенск, 1956.

²⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 411 и др.

в жизни общества, Белинский отдавал предпочтение искусству перед действительностью. Художественная правда как обобщенное, типическое отражение действительности значительно превосходит жизненную правду — подобно тому, говорил Белинский, как очищенное золото дороже и лучше неочищенного.

Даже это беглое перечисление вопросов, которые в основном верно решали Белинский и Чернышевский, дает представление о материалистической, научной ценности их богатого социологического наследия.

В разработке политической экономии Чернышевский пошел значительно дальше Белинского, но в одном они — подлинные друзья народа — были абсолютно солидарны: главное назначение политической экономии — не буржуазной, а политэкономии трудящихся — всемерно способствовать повышению благосостояния народных масс, что звучит необычайно актуально. Белинский начал, а Чернышевский завершил критику буржуазной политической экономии, которая в лице Джона Стюарта Милля пришла к своему банкротству, что, как писал К. Маркс, «мастерски показал уже в своих „Очерках из политической экономии (по Миллю)“ великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»²⁸.

Экономические взгляды Белинского и Чернышевского, будучи составной частью их мировоззрения, значительно способствовали продвижению их по пути к историческому материализму²⁹. А. В. Луначарский был абсолютно прав, когда писал о Чернышевском: «В его сочинениях мы находим очень много идей, неприемлемых для нас, с нашей точки зрения отсталых... Рядом с этим мы находим, однако, такое проникновение в сущность социальной жизни, такой глубокий анализ, который поднимает самостоятельную мысль Чернышевского почти до уровня марксистской мысли, несмотря на то, что базой для него была отсталая Россия. Это почувствовал и понял прежде всего сам Маркс, внимательно читавший произведения Чернышевского...»³⁰.

Для нас, строителей коммунизма, неопределимое значение имеет и эстетическое, и литературно-критическое наследие Белинского и Чернышевского.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 17—18.

²⁹ Подробнее об этом см.: Дьяков И. Я. Указ. соч., гл. 4.

³⁰ Луначарский А. В. Собр. соч. в 8 т. М., 1963, т. 1, с. 229.

Эстетика Белинского и Чернышевского нужна не только народам мировой социалистической системы, она необходима — в условиях распада и маразма буржуазной эстетической мысли — всему прогрессивному человечеству. Пламенная борьба Белинского и Чернышевского за народное, высокоидейное, реалистическое искусство, беспощадное разоблачение ими реакционной теории «искусства для искусства» имеют непреходящее мировое значение. Белинский и Чернышевский доказывали: вне действительности нет и не может быть искусства. Действительность прекрасна сама по себе, она существует объективно, независимо от наших восприятий, от нашего сознания: Искусство — это художественно-образное познание действительности. Белинский разработал стройную теорию типического. Художественный тип — это всегда открытие, это, по словам критика, «знакомый незнакомец». Для художника «должна существовать только разумная действительность. Но и в отношении к ней он не раб ее, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в нее свои идеалы и по ним — преображает ее»³¹.

В диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевский в борьбе с идеалистической эстетикой иногда слишком прямолинейно доказывал превосходство действительности над искусством, называл искусство «суррогатом действительности», но разве эти полемические издержки перечеркивают научную ценность и актуальность его гениального труда?

О литературно-критической деятельности классиков можно не говорить: даже враги признают их величие, особенно Белинского, в этой области.

Что касается этических взглядов Белинского и Чернышевского, то и в этом отношении они создали такие непреходящие ценности, которые и теперь имеют первостепенное актуальное значение. Их моральные принципы и нормы не только эстетически прекрасны, но и бесконечно дороги нам тем, что гениальные творцы их — никогда, ни в чем и нигде в своей общественной жизни и деятельности — не отступали от этих величественных принципов и норм.

Моральный кодекс³² Белинского включает в себя не менее пятнадцати ценнейших этических положений. Их

³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 493.

³² См.: Дьяков И. Я. Указ. соч., гл. 5.

можно сформулировать так: 1. Беззаветная любовь к народу, пламенная и неустанная защита его интересов. 2. Личность может быть счастлива только в обществе, где счастлив народ. Эгоистическое счастье отдельной личности — безнравственно. 3. Подчинение личных интересов общественным. 4. Революционный патриотизм, глубокое уважение к другим народам, их свободе и независимости, ненависть к национализму и космополитизму, беспощадная борьба против любых проявлений антипатриотизма. 5. Ненависть ко всякому социальному и религиозному гнету. Борьба против всякой эксплуатации человека человеком, за социалистическое переустройство общества. 6. Критика, включая и критику оружием («пильотина»), эксплуататорского строя и эксплуататорской бесчеловечной морали. 7. Нравственное образование выше и важнее всякого иного. 8. Истина и красота — величайшие моральные ценности, подлинное добро. Сознательное искажение истины, надругательство над красотой — проявления безнравственности, антигуманизма. 9. Кто способен трудиться, но не трудится — ведет себя безнравственно. 10. Взаимная любовь в семье, правильное воспитание детей. Семья, не основанная на любви, безнравственна. 11. Быть правдивым и честным, простым и скромным, высоко ценить свое человеческое достоинство. 12. О нравственном облике человека надо судить не по его словам, а по его делам, поступкам. 13. Равенство женщины с мужчиной в общественной жизни. 14. Непримируемость ко всякой несправедливости, подлости, бесчеловечности, лживости, зазнайству, несамокритичности, беспринципности. 15. Чистая совесть, высокая принципиальность, настойчивость и твердость в достижении благородной цели.

Моральный кодекс Белинского поистине эстетически прекрасен!

Н. Г. Чернышевский не только унаследовал эти моральные заповеди своего великого и любимого учителя, но и развил и обогатил их. В этой связи достаточно назвать роман Чернышевского «Что делать?», который сохраняет свое высоконравственное значение до сих пор.

Роман Чернышевского «Что делать?» был моральным кодексом славной плеяды революционеров 70-х годов, он оказал могучее воздействие на Александра Ульянова, Плеханова, Димитрова, Ленина. Владимир Ильич говорил,

что роман Чернышевского всего его перепыхал, помог ему стать революционером.

В заключение необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что Белинский и Чернышевский — наши боевые современники в борьбе за коммунизм, за создание духовной культуры коммунистического общества. Они вместе с нами в идеологической войне против ненавистной буржуазии, против всех и всяких реакционеров и мракобесов.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Г. А. АНТИПОВ, *канд. филос. наук*

В культурном наследии Н. Г. Чернышевского особое место занимает разработка им целого ряда исторических проблем. Не будучи специалистом-историком, не занимаясь специально логико-гносеологическим анализом исторического познания, он тем не менее коснулся таких фундаментальных проблем в методологии истории, самоосознание которых можно рассматривать как достижение, не утратившее своего значения до настоящего дня.

Прежде всего нетривиален общий подход Чернышевского к оценке места и роли историографии в социальной культуре. В данном отношении характерным для него является, например, следующее рассуждение: «Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого или латинского языков, химии, можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком, но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно»¹. Речь при этом идет вовсе не о риторически преувеличенном, но, в сущности, не основанном на учете реального положения дел благожелании. Напротив, есть все основания считать это выражением вполне осознанного и последовательно проводимого представления, согласно которому историческое сознание выступает в качестве существенно важного условия функционирования и развития как общества, так и отдельной личности.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 546.

Реконструируя взгляды Н. Г. Чернышевского на феномен исторического сознания в целом, можно выделить несколько характерных моментов. Во-первых, история как наука, составляя важную часть исторического сознания, его не исчерпывает, ибо, говоря словами Грановского, «нельзя отрицать в массах известного исторического смысла, более или менее развитого на основании сохранившихся преданий о прошедшем...»². Во-вторых, важнейшей функцией истории является формирование картины единой исторической связи, своего рода моста «прошлое — настоящее — будущее». Так, говоря о перспективах развития исторической науки, Грановский, с позицией которого в данном вопросе Чернышевский отождествлял как позицию «всякого истинно современного историка»³, так и свою собственную, писал: «История делается в высшем и обширнейшем смысле, чем у древних, наставницею народов и отдельных лиц и явится нам не как отрезанное от нас прошедшее, но как цельный организм жизни, в котором прошедшее, настоящее и будущее находятся в постоянном между собою взаимодействии...»⁴. В-третьих, историческое сознание выступает как фактор, опосредующий течение процесса социальной практики и в определенном смысле ее детерминирующий: «Разрабатывается историческое знание; от этого уменьшаются фальшивые понятия, мешающие людям устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успешнее прежнего»⁵. Правда, конкретная интерпретация данного обстоятельства выглядит порой достаточно наивной. Например, говоря об «истинной цели истории — служить истолковательницей настоящего»⁶, Чернышевский понимает это в том смысле, что, допустим, история Рима может служить ключом для объяснения и даже средством точного прогнозирования истории современной Франции или Англии⁷. В-четвертых, социальная практика сама воздействует на историческую мысль, возбуждая в ней адекватные воздействиям реакции. Так,

² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 26.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 645.

⁶ Там же, с. 380.

⁷ См.: там же, с. 373.

характеризуя состояние немецкой историографии начала XIX в., Чернышевский писал: «Владычество французов в Западной Германии и уничтожение Пруссии возродило в немцах нелюбовь ко всему, что более или менее носило отпечаток французских нововведений, пробудило симпатию к старым славным временам немецкой империи, когда Оттоны были могущественнейшими государями Западной Европы, когда французские короли были перед ними незначительными князьями, возродило воспоминание о временах Арминия, сокрушившего завоевателей, пришедших из Галлии, о временах, когда сыны Германии покорили Галлию и Италию и германская народность торжествовала над юго-западными своими соперницами»⁸. Наконец, в-пятых, существенно важно, чтобы историческое сознание общества стало достоянием личности, слилось с ее биографией, превратилось «в личное воспоминание»⁹. Отсюда вполне логично вытекает оценка Н. Г. Чернышевским истории «по самому существу своему... самой популярной из всех наук, призывающей к себе всех и каждого»¹⁰. Понятен и тот сарказм, с которым он отзывался об исторических сочинениях, написанных в духе плоской кабинетной премудрости, рассчитанных лишь на узкоцеховое употребление¹¹.

Итак, резюмируя все сказанное, можно сделать общий вывод о том, что по крайней мере имплицитно Чернышевский исходит из наличия в духовной жизни общества, в социальной культуре особого рода реальности — исторического сознания. Историческое сознание в его концепции выступает связью в человеческой истории, существенно важным элементом механизмов общественной жизни, необходимой предпосылкой самой истории.

Отчасти эту «связь в человеческой истории» (Маркс) можно представить как своего рода диалог настоящего с прошлым, принимая во внимание то, что люди активно, сознательно и целенаправленно относятся к своему прошлому.

Сама же возможность такого диалога определяется наличием в культуре, в общественном сознании форм,

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 371.

⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 26.

¹⁰ Там же, с. 34.

¹¹ Там же.

ответственных за поддержание исторической коммуникации. В частности, одной из подобных форм выступает историческая наука. Причем речь должна идти действительно об универсуме, проявлением жизнедеятельности которого выступают, скажем, жанр исторического романа в литературе, сохранение памятников прошлого и т. д. Существованием единой связи исторической коммуникации обусловлена, в конечном счете, и возможность исторического познания.

На последнее обстоятельство совершенно определенно указывал Н. Г. Чернышевский. Примером может служить следующая иллюстрация: «„Афиняне победили персов при Марафоне“ — достоверно это или сомнительно? — „Греки победили персов при Саламине“: „греки победили персов при Платее“ — и т. д., и т. д., — возможно ли образованному человеку иметь хотя малейшее сомнение в достоверности этих его знаний, сформулированных этими простыми, краткими словами? — Подробности наших сведений, например о Марафонской битве, могут и должны быть предметом проверки, и многие из них, кажущиеся очень достоверными, могут оказаться или сомнительными, или неверными. Но сущность знания о Марафонской битве уже давно проверена каждым образованным человеком, проверена его чтением не то что лишь рассказов собственно об этой битве, а всем его чтением, всеми его разговорами, всеми его знаниями о жизни цивилизованного мира, — не прошлой только, но, главное, нынешней жизни цивилизованного мира, — той жизни, в которой фактически участвует он сам. Если б не было Марафонской битвы и если бы не победили в ней афиняне, весь ход истории Греции был бы иной, весь ход всей следующей истории цивилизованного мира был бы иной, и наша нынешняя жизнь была бы иная: результат Марафонской битвы — один из очевидных для образованного человека факторов нашей цивилизации.

А к таким крупным фактам примыкают факты, достоверность которых непоколебимо опирается на их достоверность.

И что же такое оказывается относительно наших исторических знаний? В составе их бесспорно находится много, очень много сведений недостоверных, очень много ошибочных суждений; но есть в их составе такие знания, достоверность которых для каждого образованного чело-

века так непоколебима, что он не может подвергать их сомнению, не отрекаясь от разума»¹².

Обратимся непосредственно к анализу Н. Г. Чернышевским проблем исторической науки. Пестрая на первый взгляд мозаика сделанных им по разным поводам высказываний, при детальном рассмотрении складывается в достаточно четко выраженное и последовательно проводимое представление о задачах и перспективах развития истории, о таких критериях, соответствие которым только и позволит ей приобрести статус науки.

Основанием для такого рода подхода Н. Г. Чернышевскому послужила оценка общего состояния этой отрасли познания, достигнутого ею к середине XIX в. «Что же касается до истории как науки,— писал Чернышевский в 1854 г.,— обработка ее принадлежит еще будущему»¹³. Нетрудно сослаться и на другие его высказывания, аналогичные вышеприведенному, например: «...В сущности вся история продолжает быть по преимуществу сборником отдельных биографий, а не рассказом о судьбе целого населения, то есть скорее похожа на сборник анекдотов, прикрываемых научною формою, нежели науку в истинном смысле слова»¹⁴. Такие оценки не означают, однако, что Чернышевский нигилистически отвергал развитие предшествующей историографии. Было бы не верно толковать в подобном смысле и те утверждения, где ей отводится роль — служить «сборником материалов для будущей обработки»¹⁵. Позиция Чернышевского в данном вопросе не поддается столь однозначному определению. Скажем, он вполне отчетливо осознавал ущербность гиперкритицизма в историографии, в связи с чем писал: «Первою обязанностью историка считалась некогда критическая поверка рассказов, сообщаемых невежественными или склонными к риторике летописцами. Все невероятное в то время предписывалось откидывать из истории или стараться объяснить правдоподобным образом. Сколько превосходных анекдотов было тогда объявлено недостоверными или просто выдуманнами!»¹⁶.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 735.

¹³ Там же, т. 2, с. 678.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 21.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 678.

¹⁶ Там же, с. 639.

Правильное понимание подхода Чернышевского к интерпретации исторического знания требует учета прежде всего того факта, что это знание рассматривается им как явление развивающееся. Уже одно это делает его позицию далеко неординарной, причем не только в ретроспективном плане. Конечно, сейчас вряд ли кто станет отрицать развитие сферы исторического познания. Чаще всего, однако, в работах по истории исторической мысли оно отождествляется с простым накоплением знаний и с появлением новых теорий, хотя не в меньшей (если не в большей) степени речь должна идти об изменениях, касающихся гносеологической структуры исторической науки.

Обращение Н. Г. Чернышевского к гносеологическим аспектам развития историографии основывается, вероятно, на двоякого рода предпосылках.

Во-первых, это идея историзма, идея развития, разрабатывавшаяся в европейской философской традиции как применительно к обществу вообще, так и к историографии в частности. Например, Гегель выделяет три вида историографии, которые в общем и целом выступают и как исторические этапы ее развития: «первоначальную», «рефлексивную» и «философскую»¹⁷. Причем основой для данной классификации служат параметры гносеологического характера. Интересно, что принимаемые здесь Гегелем и Чернышевским определения подчас почти дословно совпадают. «Он,— читаем у Гегеля о «первоначальном» историке (Геродот, Фукидид, Гвичардини),— описывает то, в чем он более или менее принимал участие, или то, что он по крайней мере переживал»¹⁸. Подобное же у Чернышевского: «Геродот — рассказчик, бывалый человек, и его история похожа на простодушные, интересные, но бессвязные рассказы всех бывалых людей»¹⁹. Во-вторых, на позиции Чернышевского сказывается постоянное обращение его к опыту естествознания. Рассматривая в качестве эталона математику и естествознание²⁰, он соответствующим образом задает и перспективу развития самой истории. По сути, в творчестве Чернышевского мы сталкиваемся с попыткой построить гносеоло-

¹⁷ Гегель. Сочинения. М.—Л., 1935, т. VIII, с. 3—9.

¹⁸ Там же, с. 4.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. I, с. 318.

²⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 680.

гическую парадигму исторической науки, исходя исключительно из опыта естествознания. Речь идет об исходных принципах, или алгоритмах, расчленения и интерпретации действительности, свойственных именно науке и отличающих ее от других форм освоения человеком действительности.

Приведем несколько отрывков, иллюстрирующих те или иные стороны этой, в терминологии психологии, установки, принятие которой только и могло, согласно мнению Н. Г. Чернышевского, поставить историю на рельсы науки. «Дикари и полудикие, — писал он, — совершенно одинаковы повсюду и всегда. Все племена, стоящие на той же позиции развития, как североамериканские краснокожие, совершенно похожи на них; все племена, стоящие на ступени развития бедуинов, как две капли воды похожи на бедуинов»²¹. Эта мысль представлена и в общей форме: «При данных обстоятельствах должна возникнуть известная историческая форма, — вот суждение, приличное историку»²².

Как можно заметить, во всех приведенных примерах представлен способ рассуждения не только типичный для естествознания, но характеризующий в определенном смысле существо его подхода к анализу действительности. Скажем, то же самое содержание применительно к физической реальности могло бы быть выражено так: «В любое время, в любом месте, если физическое тело или система будут находиться в некотором состоянии, они перейдут в некоторое другое специфическое состояние»²³. Принципиальное значение подобного способа рассуждения заключается в том, что вместе с ним в сферу анализа привносятся представления о закономерности, причинности, необходимости.

Таким образом, напрашивается вывод: в работах Чернышевского закладываются элементы того подхода, который был назван Марксом «естественноисторическим» и который рассматривался В. И. Лениным как подход к научному объяснению истории²⁴. Правда, у Маркса помимо естественнонаучной установки вводится еще поня-

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 375.

²² Там же, т. X, с. 443.

²³ Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. с. 263.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—149.

тие общественно-экономической формации, чего нет у Чернышевского. Нельзя сказать, что Чернышевский не осознавал невозможности научной интерпретации истории без соответствующих теоретических моделей. «Без истории предмета нет теории предмета,— писал Чернышевский,— но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»²⁵. Однако, как конкретизируется этот вывод? Именно в данном пункте аргументация Чернышевского разворачивается в ином, принципиально отличном от марксистского, направлении, ибо формирование теоретических построений в сфере самой истории связывается им исключительно с антропологией²⁶.

Последнее есть выражение очевидной и хорошо известной ограниченности позиции Н. Г. Чернышевского, что, впрочем, не должно заслонять конструктивного вклада, внесенного им в разработку методологических проблем исторического познания и не потерявшего своего значения в настоящее время.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ЕГО ПОНИМАНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ

А. И. УВАРОВ, *д-р филос. наук*

Проблема исторического опыта — одна из мало разработанных в философии истории. Исторический опыт является центральной основополагающей категорией исторической науки. Она связана со всеми понятиями исторической науки, являясь тем отправным пунктом, опираясь на который, можно изложить всю систему ее категорий.

Если иметь в виду проблему исторического опыта во всем ее объеме, то ее следовало бы охарактеризовать с онтологической, гносеологической, социальной, мировоззренческой, методологической, методической, логической, общекультурной, классовой, психологической, этической и эстетической, а также аксиологической сторон. Кроме того, необходимо было бы рассмотреть такие вопросы, как, например, исторический источник и его зна-

²⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 303.

²⁶ Там же, т. 2, с. 21—22.

чение для передачи исторического опыта последующим поколениям, исторический источник и социальная память и т. д. В настоящей статье мы остановимся в основном на тех аспектах исторического опыта, которые нашли применение в трудах Н. Г. Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский широко использует категорию исторического опыта в своих работах, посвященных анализу социальных процессов. В первую очередь он обращается к опыту народных масс, особенно их революционному опыту. Оценивая события 1848 г., он писал: «По одному большому сражению в начинающейся вековой борьбе за социализм было уже дано в обеих передовых странах Западной Европы. Во Франции это была июньская битва на улицах Парижа; в Англии колоссальная апрельская процессия хартистов по лондонским улицам. Обе битвы... были проиграны. Но на нашем веку еще будут новые битвы...»¹.

Из приведенного высказывания видно, что Н. Г. Чернышевский рассматривает исторический опыт не только как важное условие познания настоящего, но и как гносеологическую предпосылку для прогноза будущего, в том числе оптимистических выводов о будущем, даже если предшествующие революционные события заканчивались поражением. Последнее объясняется тем, что Н. Г. Чернышевский в прошлом стремился видеть существенное, главное (конечно, в рамках своего мировоззрения). «Чрезвычайно часто бывает, что при рассуждении о какой-нибудь вещи забывается одна неважная штука — сущность вещи,— замечает Н. Г. Чернышевский по поводу сочинений современных ему историков.— Сколько толкуют, например, о благодетельных последствиях какой-нибудь войны, забывая лишь одно то, что война разоряет обе воюющие стороны...»².

Значение исторического опыта для современности он определяет через значение исторической науки: «Разрабатывается историческое знание; от этого уменьшаются фальшивые понятия, мешающие людям устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успешнее прежнего»³.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 833.

² Там же, т. VII, с. 645.

³ Там же.

Особое место Н. Г. Чернышевский отводит всеобщей истории. Историческую науку он рассматривает, по существу, как всеобщую историю, которая разрабатывается, начиная с трудов Гегеля, Гизо, Нибура и Шлоссера; «только в творениях этих великих ученых и их последователей мы находим первые значительные опыты дать человечеству полный и точный рассказ о его жизни», — писал Н. Г. Чернышевский в статье «Сочинения Т. Н. Грановского»⁴. При этом Н. Г. Чернышевский делает критические замечания по поводу одностороннего подхода к истории со стороны этих мыслителей, указывает на отсутствие интереса у них, в частности, к материальной стороне общественной жизни.

Однако отечественная история, — отмечает Н. Г. Чернышевский, — истолкованная как часть всеобщей истории, ближе и понятней человеку⁵.

Всеобщая история по сравнению с историей конкретной страны дает, естественно, более богатый исторический опыт, позволяет выявлять глубинные необходимые связи в социальной жизни — в этом ее ценность. Но зато история отдельной страны содержит конкретный опыт, который при анализе конкретных исторических событий может быть не менее важным и значительным. Однако исторический опыт отдельной страны может быть правильно понят лишь через призму всемирного опыта, причем в плане не только обнаружения общесоциологических законов, но и большей его содержательности, насыщенности. Опыт всеобщей истории чаще всего носит опосредованный характер (если, разумеется, речь не идет об обобщениях, касающихся глобальных процессов), тогда как опыт отдельной страны характеризуется прежде всего своей непосредственностью (хотя и он может приобретать опосредованный вид; например, в случае, если исторический опыт одной страны используется для анализа событий другой страны и т. д.).

Важное место в исторической науке Н. Г. Чернышевский отводит общим понятиям, справедливо рассматривая их как неперемное условие научного анализа социального прошлого. Характеризуя свою точку зрения по этому вопросу, он пишет: история — «...рассказ о жи-

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 356.

⁵ Там же, т. VII, с. 268.

тейских делах людей. Поэтому чаще, больше всех других отделов системы общих научных понятий надобны для ее понимания те общие научные понятия, которые принадлежат, собственно, к отделу понятий о человеке и его житейских делах. Но по связи человека и его дел с другими отделами фактов надобно было мне прилагать к историческим вопросам и понятия из другого отдела системы общих научных понятий,— из того отдела, который относится прямым образом к содержанию так называемых, в тесном смысле слова, естественных наук»⁶.

В данном высказывании Н. Г. Чернышевского обращает на себя внимание его верное утверждение о необходимости использования естественнонаучных понятий в исторической науке, хотя и обосновал он это, как видно из его других замечаний, ссылаясь на антропологический принцип. Указанное обстоятельство не позволяло ему в полную меру понять взаимосвязи социальных и естественнонаучных понятий, единства методов в гуманитарном познании.

Н. Г. Чернышевский высказывает глубокую мысль о тесной связи исторического опыта с принципом партийности, о важной роли исторического опыта в обосновании данного принципа. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали,— писал он в работе „Антропологический принцип в философии”,— и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»⁷.

Действительно, через понятие исторического опыта принцип историзма оказывается связанным с принципом партийности, а также с другими философскими и общенаучными принципами, что не исключает иных положений, связывающих эти принципы в единую систему. Будучи диалектиком, Н. Г. Чернышевский заметил это. Отсюда его постоянное обращение к истории, историческому опыту и выводам из него.

Исторический опыт он рассматривает, как правило, в динамике, конкретно, с учетом противоречивости со-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 119.

⁷ Там же, VII, с. 223.

циальной жизни. За основу опыта Н. Г. Чернышевский принимает факты, понимаемые им как реальные события прошлого. Он подчеркивает, что исторические факты следует рассматривать в их естественной связи, не меняя порядка следования, в особенности не искажая причинно-следственных отношений между событиями, отделяя явление от сущности и сохраняя правильный масштаб при анализе событий прошлого, т. е. не преувеличивая и не преуменьшая значения любого из них.

Н. Г. Чернышевский использует исторический опыт не только для обоснования своих взглядов по различным вопросам (политическим, экономическим, историческим, философским и т. д.), но и для критики общественного строя тогдашней России, для разоблачения внутренней и внешней политики царизма, хотя приходилось ему это делать чаще всего в очень осторожной форме из-за цензурных соображений. «„Погибоша аки Обре” — эти слова повторяет история над каждым народом, над каждым сословием, впадшим в гибельную для таких людей галлюцинацию о противоположности своих выгод с общечеловеческим интересом», — пишет он в «Антропологическом принципе в философии»⁸.

В опровержении ложных воззрений современных ему историков Н. Г. Чернышевский также опирается на реальный исторический опыт. В одном из писем к Пыпиным он подчеркивает: «...мой понятия о ходе человеческой истории во многом не одинаковы с теми, которые господствуют в ученом мире. Например, разницы между расами, тем более между народами одной расы, между сословиями и проч. в их исторической жизни я объясняю исключительно историческими фактами, а не расовыми, народными или сословными особенностями, рассуждения о которых считаю пустыми фантазиями самохвальства вообще белой расы, в частности европейцев, господствующих народов Европы, ученого сословия (то есть среднего или высшего сословия) этих народов»⁹.

Особенно восставал Н. Г. Чернышевский против поверхностных исторических аналогий и произвольного оперирования фактами, против их подтасовки, справедливо считая подобные доказательства ненаучными.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 289.

⁹ Там же, т. XV, с. 592.

Исторический опыт Н. Г. Чернышевским понимается широко. Он не ограничивается сферой экономики, политики, быта, но включает также исторические данные из различных областей жизни (литературы, искусства, естественных и гуманитарных наук, тем более исторической науки), использует поговорки, пословицы, наблюдения психологического характера, т. е. исторический опыт связывается Н. Г. Чернышевским с социальной памятью. Диалектический подход к пониманию исторического опыта позволил ему широко использовать знания о прошлом в анализе современных событий и предсказывать их дальнейшее развитие.

Вместе с тем идеалистическое в целом понимание истории отрицательно повлияло на трактовку Н. Г. Чернышевским исторического опыта. В ряде случаев он рассматривает прошлое односторонне, абстрактно, с идеалистических позиций. Так, рецензируя книгу Б. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке», Н. Г. Чернышевский останавливается на причинах возникновения и утверждения воеводского управления в России. Он отмечает, что сначала воеводы были временными правителями округов, находившихся на военном положении. И продолжает: «В этом качестве, разумеется, они имели чрезвычайную (дискреционную) власть. Когда все области были на военном положении, такие полномочные правители явились повсюду; власть их была удержана и тогда, когда обстоятельства, подавшие повод к их установлению, миновали — явление, очень обыкновенное в истории почти каждого народа: власть стремится к всегдашнему удержанию объема, приобретенного по поводу скоропреходящих обстоятельств». ...И далее: «В учреждении воеводского управления все было делом произвола и случая, начиная от пределов округа, поручаемого воеводе, до пределов вручаемой ему власти»¹⁰.

Конечно, такого рода объяснение утверждения той или иной формы правления, тем более функционирования политической власти, носит явно поверхностный и абстрактный характер. Имеются у Н. Г. Чернышевского и другие ошибки в понимании исторического опыта. Однако в целом его взгляд на исторический опыт, его

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 573—574.

сущность и функции как в социальной действительности в целом, так и в исторической науке в частности представляет большой научный интерес и позволяет полнее раскрыть мировоззрение Н. Г. Чернышевского, его историческую концепцию.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Н. В. ПАЛИВАЙКО

В процессе усвоения идей марксизма-ленинизма для формирования целостного научного мировоззрения личности немаловажное значение имеет уяснение идей тех социологов, которые стояли на пути к марксизму. Наиболее яркой фигурой в домарксистской социологии является Н. Г. Чернышевский. Ценность исторической концепции великого мыслителя для формирования научного мировоззрения личности состоит в тех материалистических тенденциях, которые проявились в его учении более определенно, чем у других предшественников марксизма-ленинизма, поскольку исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками.

Рассмотрим наиболее важные моменты исторической концепции Чернышевского в плане ее влияния на формирование научного мировоззрения личности.

Прежде всего обращает на себя внимание мысль исследователя о решающей роли экономического фактора в развитии общества. Чернышевский писал, что исторические события находятся в прямой зависимости от «материальной стороны... быта», играющей едва ли не первую роль в жизни, составляющей коренную причину почти всех явлений и в других сферах жизни¹. Среди всех жизненных условий человека главным, по мнению великого мыслителя, является «...материальный быт: жилища,

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 740.

пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми доставляются житейские радости и скорби»², да «...что такое вся экономическая деятельность, как не переработка природы для удовлетворения человеческим потребностям»³. В примечаниях к переводу «Введения в историю XIX в.» Г. Гервинуса Чернышевский, указав на мысль английского историка Бокля, заключающуюся в том, что «история движется развитием знания», писал: «Если дополним это верное понятие политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования»⁴.

Заметим, что обратить внимание на громадное значение материальных процессов в истории Чернышевскому позволило приложение принципа антропологизма к исследованию общественной жизни, и за исходный момент процесса производства принималась человеческая натура. Но для формирования научного мировоззрения личности важны те новые выводы, которые делает мыслитель из своих исходных посылок и которые содержат попытку дать материалистическое объяснение закономерности общественного развития. И это в то время, когда в социологической литературе о материальных условиях быта едва упоминалось, «да и то самым слабым и неудовлетворительным образом»⁵.

Признание чрезвычайной роли «материальных условий быта» в жизни общества позволило Н. Г. Чернышевскому дать глубокую характеристику капиталистическому способу производства, основанному на частной собственности, в таких работах, как «Капитал и труд», «Июльская монархия», «Основания политической экономии» и др. Совершенно справедливо мыслитель указывает на тот факт, что при капиталистическом способе производства общественное богатство увеличивается в гораздо больших масштабах, чем на предшествующих

² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв. М., 1950, т. 2, с. 20.

³ Там же, с. 592.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 441.

⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 21.

этапах исторического развития. Но тем не менее увеличение богатства не улучшает положения трудящихся, а «ведет к упадку рабочего класса в экономическом отношении»⁶, вытеснению мелкого производителя, пролетаризации мелких собственников и т. п.

Выясняя суть капиталистического производства, Чернышевский пытался обосновать неизбежность победы социализма. Признавая, что Россия становится на путь капиталистического развития, он высказывал надежду, что этот этап в истории России будет кратковременным. После него наступит социалистический строй с присущими ему новыми коллективными формами производства, отвечающими коренным интересам народа: «...В настоящем положении дел так противоестественно и тяжело, что необходимо должны были явиться новые стремления, которыми отстранились бы невзгоды прежнего, одностороннего идеала..., люди должны соединиться в общества, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для наивыгоднейшего всем производства и для экономного потребления производимых ценностей. В земледелии братство это должно выразиться переходом земли в общинное пользование, в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общинное достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе»⁷.

Учение Н. Г. Чернышевского о социалистическом способе производства — еще один важный для формирования научного мировоззрения момент в исторической концепции мыслителя.

«Сущность социализма, — писал Н. Г. Чернышевский, — относится собственно к экономической жизни»⁸. Она заключается в том, чтобы «трудящийся человек пользовался всеми плодами своего труда, а не видел их достигающимися в чужие руки»⁹.

Если предшествующие Чернышевскому историки объясняли развитие истории человеческого общества гением ума, то для мыслителя данный процесс является результатом смены форм собственности. Начальная фор-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 190.

⁷ Там же, т. IV, с. 740.

⁸ Там же, т. IX, 828.

⁹ Там же, т. VI, с. 337.

ма собственности — первобытнообщинная, затем она сменяется индивидуальной формой собственности, которая заменяется коллективной. Эти идеи Н. Г. Чернышевского очень близки к учению Ф. Энгельса о развитии форм собственности. Энгельс писал, что у всех народов форма собственности «...в ходе общественного развития отменяется... частной собственностью... Подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития — такова задача социальной революции»¹⁰.

«Мысль Чернышевского шла по тому же самому пути, который привел западно-европейскую мысль к марксизму, но неблагоприятные условия русской общественной жизни сделали то, что мысль нашего великого писателя не дошла до конца этого пути, остановившись на предпоследнем этапе»¹¹.

Обосновав необходимость «экономического» анализа общества, Чернышевский создал во многом оригинальное и интересное учение о роли народных масс и личности в истории. Логика рассуждения мыслителя такова: изменения общества в конечном итоге опосредствуются производством. Производственная деятельность определяет материальные условия быта и духовную жизнь общества. Производственная деятельность — процесс коллективный. Продукт, возникающий в процессе производства, есть результат труда народных масс. Народ является творцом всех материальных благ общества. Но производя материальные блага, сам народ находится в жесточайшей эксплуатации.

Изнурительный труд, отсутствие образования, духовное прозябание народных масс порождает их апатию. Но эта апатия имеет преходящий характер, утверждает мыслитель. Изменяются обстоятельства — энергично начинает действовать народ. В статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский показывает, что пробуждаются «энергичные» люди в русском простонародье. Наступает пора «энергичных действий». Стремление народных масс к улучшению своего материального положения побуждает их к борьбе за изменение материальных условий

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 640.

¹¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1958, т. IV, с. 407.

жизни, и эта борьба является источником прогрессивного общественного развития.

Разносторонне обосновывая роль народных масс в истории, Чернышевский отнюдь не отрицал роли личности.

Отдельные даже самые выдающиеся личности не творят истории, но они играют важную роль в исторических событиях, если связывают свою деятельность с обстоятельствами жизни страны, в которых они действуют, опираются на поддержку народа. Так, он писал: «Простолюдины давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только это охлаждение массы к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 г.»¹².

Русский революционер признавал важную роль классовой борьбы в обществе. Вся история человеческого общества представлялась ему как история борьбы классов и сословий угнетенных против угнетателей.

Причина классового деления общества, делал вывод Чернышевский, кроется в различии материальных интересов¹³.

Противоречия же, основывающиеся на различии материальных интересов, могут быть решены только материальной силой народных масс, при помощи революции как высшей и наиболее организованной формы классовой борьбы в обществе. Революционные восстания масс — это неизбежный, не отвратимый никакими силами спутник исторического развития всех обществ, состоящих из угнетателей и угнетенных.

Совершавшиеся в истории революции являлись, по убеждению Чернышевского, самым смелым и глубоким подтверждением решающей роли народных масс в историческом процессе.

В своей исторической концепции Чернышевский последовательно отстаивал мысль о всеобщей истории

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 153

¹³ Там же, т. VI, с. 337.

человечества, идею единства человеческого рода, ибо сходные обстоятельства жизни обуславливают одни и те же этапы в историческом развитии разных народов, определяют единство законов общественного развития. Народы развивались и развиваются в одном прогрессивном направлении, что является неотвратимым законом развития общества.

И, наконец, остановимся на разработке Чернышевским проблемы о нациях и расах, чрезвычайно важной в его исторической концепции.

Чернышевский писал: «В числе предрассудков, ...которые без всякого сомнения теоретически несправедливы и практически вредны, когда принимаются за полную и очень важную для практики истину, очень заметное место занимает предрассудок, будто особенные племенные свойства, происходящие от особенностей самого организма, играют очень сильную роль в судьбе народов; будто один народ по самой своей прирожденной натуре, по своей расе, не способен к тому, к чему способен другой народ также по своей расе»¹⁴.

Однако уровень развития разных наций определяется не расовыми признаками, указывал мыслитель. «Нельзя найти никаких физиологических причин, почему белый или желтый, или черный цвет кожи мог бы считаться благоприятным или неблагоприятным для высокого развития умственной жизни или результатом какого-нибудь ее состояния»¹⁵.

Своеобразие проявления общих качеств человеческой природы у различных групп людей Чернышевский объяснял влиянием обстоятельств исторического развития: «Все расы произошли от одних предков. Все особенности, которыми отличаются они одна от другой, имеют историческое происхождение»¹⁶.

Великий русский мыслитель поднял свой голос против расизма еще в те годы, когда шла борьба между северными и южными штатами Америки за отмену невольничества негров. «Хотя великий революционер не предвидел возникновения империалистической геополитики, обосновывающей географией завоевательные вой-

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 23.

¹⁵ Там же, т. X, с. 820.

¹⁶ Там же, с. 819.

ны, расизм, уничтожение других народов, его разящий меч саркастического презрения к „общей ноте мычания” современных ему „панпрусских” и иных „географических националистов”, интернационалистические аргументы его революционной теории против националистического чванства не утратили своей силы правдивости и теперь...»¹⁷.

Таким образом, отмеченные выше основные моменты исторической концепции Н. Г. Чернышевского имеют исключительно важное значение в формировании научного мировоззрения личности и в современных условиях развитого социализма, ибо сейчас, как никогда, значимо такое методологическое высказывание мыслителя: «...у кого не уяснены принципы во всей логической полноте и последовательности — у того не только в голове сумбур, но и в делах чепуха»¹⁸.

Научное мировоззрение личности является духовным регулятором деятельности личности, а деятельность — критерием сформированности научного мировоззрения. Какой бы шаг в своей практической деятельности человек ни совершал, какой бы сознательной деятельностью ни занимался, он всегда руководствуется своим мировоззрением.

Вся деятельность великого мыслителя революционера-демократа Н. Г. Чернышевского — яркий тому пример: замечательным идеям, вплотную подошедшим к материалистическому объяснению развития общества, — соответствие практики революционной борьбы, активной жизненной позиции. «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если только буду убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только в этом буду убежден»¹⁹.

¹⁷ Федоров М. Г. «Русская прогрессивная мысль XIX в. От географического детерминизма к историческому материализму». Новосибирск, 1972, с. 111—112.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв. М., 1937, т. 2, с. 435—436.

¹⁹ Литературное наследие. М.—Л., 1928, т. I, с. 343.

**К ТЕОРИИ ПРОГРЕССА
В РАБОТАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Е. Н. МИРОНОВ

Идеи общественного прогресса в русской общественно-политической мысли XIX в. составляли ядро философии истории. Данными вопросами интересовались Герцен и Огарев, Чернышевский и Добролюбов, Лавров и другие теоретики русского освободительного движения. Это было вызвано в первую очередь размышлениями о судьбах России, и, как правильно указывает А. И. Володин, острота в постановке этой проблемы определялась необходимостью «указать основу закономерного движения истории именно в направлении к социализму»¹.

В трудах всех предшественников марксизма в России мы видим, что впервые в истории домарксистской социологии они вплотную подошли к признанию роли экономических условий в поступательном движении человечества, к оценке прогресса с точки зрения решающей созидательной силы общества — трудящихся масс. Передовая мысль России, по словам В. И. Ленина, «...жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области»².

Среди современных исследователей истории русской общественно-политической и философской мысли стало общепризнанным положение о том, что философия русских революционных демократов — это попытка синтеза широкого круга передовых идей и течений общественной мысли (материализма и диалектики, материалистической философии и идей социализма, идей социализма и революции). И верность этой характеристики оправдывается прежде всего анализом трудов Н. Г. Чернышевского.

В философской литературе много внимания уделяется рассмотрению идей теории прогресса Н. Г. Чернышевского. Полнее всего изучена теория общественного прогресса в целом, как она представлена в трудах великого социолога. И явно недостаточно внимания уделяется

¹ Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973, с. 217.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

рассмотрению категории «прогресс» применительно к биологическому развитию, развитию морали, науки, искусства и т. д. Учитывая, что без такого рассмотрения теория прогресса Чернышевского выглядит явно неполной, попытаемся обратить внимание на эту сторону его воззрений.

Философским обоснованием объективности общественного прогресса является у Чернышевского идея о том, что прогресс как непрерывное нарастание все новых и новых сил в природе и обществе является всеобщим законом развития. Характерную особенность диалектики он видел в принципе движения, развития, прогресса, изменения жизни.

Идею универсальности и всеобщности прогресса русский мыслитель основывал на всеобщности закона отрицания, который обосновывал, в частности, в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения»³ и других работах.

Все в природе — от раскаленных газовых масс до млекопитающих и человека, утверждал Н. Г. Чернышевский, развивается от низшего к высшему, несмотря на отдельные регрессивные отклонения.

Всеобщность прогресса, как нам представляется, следует из идеи Чернышевского о всеобщей связи явлений и частей мира. Он писал: «Весь мир составляет одно целое, и, действуя на известную часть природы, мы до некоторой степени имеем дело со всею природою, потому что все части вселенной связаны между собою так, что изменение одной влечет за собой некоторое изменение во всех... весь мир, как одно целое, стоит под законом, необходимо связывающим все части его»⁴.

Великий русский мыслитель прекрасно понимал, что идея прогресса останется пустой фразой, если не будет доказана на естественнонаучном материале. Он неоднократно обращается к естественным наукам, внимательно изучает труды естествоиспытателей.

В 1830 г. состоялся знаменитый диспут между Жоффруа Сент-Илером и Кювье. «Формально спор шел по специальным вопросам морфологии животных. Фактически же это был спор об эволюции или постоянстве видов.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 357—392.

⁴ Там же, т. II, с. 165.

За этим вопросом скрывались еще более широкие вопросы мировоззрения. Это была борьба между представителями нового, прогрессивного направления в науке и одним из самых сильных защитников старого, но все еще господствовавшего мировоззрения»⁵. Исход этого диспута нанес сильный удар идее эволюции. Под влиянием учения Кювье, писал Чернышевский, большинством натуралистов были забыты всякие мысли о происхождении нынешних видов растений и животных от прежних⁶. Любопытно, что эту задержку в развитии биологии Чернышевский объясняет не только авторитетом Кювье, но и политическими причинами, ибо «...общий характер этой системы понятий (речь идет о взглядах Кювье — Е. Миронов) соответствовал духу времени, стремившемуся восстановить предания и отвергнутому все не согласное с ними. Кювье был в естествознании представителем того направления мыслей, которому желал дать господство в умственной жизни Наполеон и которое получило владычество над нею при Реставрации»⁷.

Обращение Н. Г. Чернышевского к биологическому материалу интересно и тем, что дает возможность прояснить некоторые частные аспекты теории прогресса. Не пользуясь терминами «филогенез», «онтогенез» (введенными в науку Геккелем), Чернышевский пытается доказать, что причины биологического прогресса могут быть двоякого рода: воздействие человека на животный мир и имманентное развитие самих животных. «...Научный анализ открывает несправедливость голословных фраз, будто животные вовсе лишены разных почетных качеств, как, например, некоторой способности к прогрессу. Обыкновенно говорят: животное всю жизнь остается тем, чем родилось, ничему не научается, не идет вперед в умственном развитии. Такое мнение разрушается фактами, известными каждому: медведя научают плясать и выкидывать разные штучки, собак подавать поноску и танцевать... — этого всего обученные животные не делали без ученья; ученье дает им качества, которых без него не имели бы они... Гораздо яснее обнаружи-

⁵ История биологии. М., 1972; с. 268.

⁶ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 742—744.

⁷ Там же, с. 743.

вается в животных способность к прогрессу тогда, когда они развиваются по собственной надобности, по собственному побуждению»⁸. Чернышевский приближается к идее противоречивости биологического прогресса, когда утверждает, что домашние животные прогрессируют в одних отношениях, в тех, которые нужны их господину, и деградируют в других⁹. Здесь видна прямая связь с известной мыслью Ф. Энгельса: «Каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»¹⁰.

Биологические науки оказались более развитыми в том отношении, что на их материале можно было вести разговор о критерии прогресса. Мы не находим у Чернышевского употребления категории «критерий прогресса» применительно к социальному прогрессу, нравственному, художественному и т. д. И только на указанном материале он четко фиксирует категорию «критерий биологического прогресса». «Как скоро в организме есть нервная система, главная норма для определения степени совершенства этого организма — степень развития нервной системы... Это главный критериум. Придаточный критериум: степень способности всего остального организма служить требованиям нервной системы»¹¹.

Пусть то, что утверждает русский мыслитель, не совсем соответствует нашим сегодняшним представлениям о критерии биологического прогресса, для нас важно отметить другое: на материале биологии Чернышевский утверждал идею всеобщности развития и прогресса, противоречивость прогресса, его непрямолинейность («вырождение», «деградация», «понижение организации» — термины, которыми он пользовался, выражая мысли о биологическом регрессе). Рассмотрение биологического прогресса Чернышевским не является каким-то чужеродным «довеском» в его общей концепции прогресса. В. А. Малинин пишет по этому поводу: «Общественная жизнь человека основывается на процессах, которые

⁸ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. в 3-х т. М., 1950—1951, т. 3, с. 229—230.

⁹ Там же, с. 230—231.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 621.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 709—710.

идут „вниз“, в природе. Чернышевский видит в этом первичное условие прогресса. Человеческое общество будет непрерывно получать подкрепление из природы...»¹² и тем самым «...исторический прогресс будет неудержимо идти своим чередом»¹³. Таким образом, Чернышевский проводит еще одну мысль: о неодолимости поступательного развития.

Стремясь обосновать в конечном итоге идеи социального прогресса, великий русский мыслитель немало внимания уделил рассмотрению различных аспектов прогресса, их взаимосвязи (речь идет о нравственном, художественном и научном прогрессе).

Идея всеобщности прогресса, которую он отстаивал, позволяет нам реконструировать взгляды этого мыслителя и в тех случаях, когда мы не находим у него достаточно категорических высказываний по тем или иным аспектам прогресса. Это, например, относится отчасти к нравственному прогрессу.

По мнению Чернышевского, развитие просвещения оказывает влияние на общественные нравы: «История действительно говорит, что развитие ума ведет к замене насилия убеждением», «народ приобретал знания, от этого изменялись его понятия, от перемены понятий изменялись нравы...»¹⁴. Русские революционеры-демократы XIX в. боролись за полную эмансипацию человека, и в степени этого освобождения они видели критерий нравственного прогресса. «В учении об этом критерии русские революционные демократы сделали значительный шаг вперед по сравнению с этическими системами прошлого, где данный вопрос оставался в плоскости голых абстракций»¹⁵.

Н. Г. Чернышевский связывал воедино нравственный прогресс, научный и общественный: «Нельзя отвергать того, что с течением времени европейские общества становятся гуманнее: потому в ком более новых идей, в том должно быть больше гуманности», «прогресс самую суц-

¹² См.: Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., 1977, с. 195.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 622.

¹⁴ Там же, т. III, с. 138, 615.

¹⁵ Куликова Н. Н. Содержание и критерий нравственного прогресса. М., 1966, с. 18.

ностью своей вызывает в своих последователях расположение к мягкому и гуманному образу действий»¹⁶.

Именно эта идея тесной связи гуманизма и прогресса давала Чернышевскому возможность оценивать те или иные политические партии. Он считал, что гуманность разных партий вообще пропорциональна их прогрессивности, а жестокость соразмерна отсталости. Все это ясно показывает, что идея прогресса была острым оружием в политической борьбе, которую приходилось вести революционеру-демократу.

Как теоретик искусства и художественный критик Н. Г. Чернышевский не мог обойти вопроса о художественном прогрессе. Для него Белинский и Гоголь были величайшими авторитетами — каждый в своей области, и все же это не остановило Чернышевского перед утверждением, что «эпоха высшего развития» русской литературы сделает неудовлетворительной даже и критику Белинского¹⁷, а относительно Гоголя он утверждал: «Мы настолько верим в будущее лучшее, что даже о Гоголе не сомневаясь говорим: будут у нас писатели, которые станут на столько же выше его, на сколько выше своих предшественников стал он»¹⁸.

Революционный демократизм Чернышевского, принципы его реалистической эстетики приводили его к идее глубочайшей связи прогресса искусства и потребностей общества: «Во всех отраслях человеческой деятельности только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вяло и бледно...»¹⁹. От этой общей мысли революционер-демократ переходит к конкретному анализу современного ему искусства и утверждает, в частности, что живопись находится в довольно жалком положении в связи с «отчуждением этого искусства от современных стремлений», а «из всех искусств одна только литература сохраняет свое могущество и свое достоинство, потому что одна она поняла необходимость освежать свои силы живыми вдохновениями века»²⁰.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 64—65.

¹⁷ Там же, т. 1, с. 756.

¹⁸ Там же, с. 646, примечание.

¹⁹ Там же, с. 783.

²⁰ Там же, т. 1, с. 787.

В связи с этим важно отметить позицию Чернышевского в решении вопроса о природе и сущности искусства вообще²¹.

Как видно из рассмотренного, прогресс, по мнению великого критика, обладает универсальным характером, пронизывает собой развитие самых различных областей действительности.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ТЕОРИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Г. М. КОРОСТЕЛЕВ, *д-р филос. наук*

Исследование вопросов народонаселения в России к середине XIX в. уже имело определенную традицию. У ее истоков мы видим имена Ю. Крижанича, И. Т. Посошкова, М. В. Ломоносова. Их дело продолжили М. Д. Чулков, С. Г. Зыбелин, Н. С. Мордвинов и др. В ряду представителей этой традиции стоят имена А. Н. Радищева, просветителей А. С. Кайсарова и В. Ф. Малиновского, декабристов Н. Бестужева и И. Д. Якушкина, А. И. Герцена и Н. А. Огарева, петрашевцев, в особенности В. А. Милютина. Среди передовых представителей русской науки определенный вклад в критику мальтузианства и в позитивную разработку некоторых вопросов демографической статистики внесли К. И. Арсеньев, В. П. Андросов, Т. Степанов и др.

Опираясь на эту традицию, Н. Г. Чернышевский сделал новый шаг вперед как в критике теории народонаселения Т. Р. Мальтуса, расизма и социал-дарвинизма, так и в исследовании некоторых теоретических вопросов, составивших позднее предмет демографии. О борьбе Н. Г. Чернышевского с мальтузианством существует довольно обширная литература (правда, специальных монографических работ, посвященных анализу этой критики, нет)¹, мы обратим внимание лишь на те аспекты этой критики, которые ранее не рассматривались.

²¹ Там же, с. 305.

¹ См.: Валентей Д. И. Проблемы народонаселения. М., 1961; Он же. Теория и политика народонаселения. М., 1967; и др.

Критика мальтузианства Н. Г. Чернышевским, данная им прежде всего в «Примечаниях» в книге Д. С. Милля „Основания политической экономии”, отличается особой полнотой и научностью. Недаром она произвела огромное впечатление на современников и последующие поколения передовой русской общественности. Известно, что Маркс высоко отозвался о ней в «Капитале»².

Применяя диалектический принцип конкретно-исторического подхода к истине³ (хотя и не всегда последовательно в силу антропологизма), Н. Г. Чернышевский раскрывает условия, породившие теорию народонаселения Т. Мальтуса, показывает ее классовый характер и антисоциальную направленность. На последнем мы остановимся несколько подробнее. Одним из первых на эту черту учения Мальтуса обратил внимание известный советский демограф М. В. Птуха⁴.

В своем «Опыте о законе народонаселения» Т. Мальтус выступал вообще против всех и всяких идей равенства (в том числе и взглядов А. Кондорсе, которые отнюдь не были социалистическими), ибо видел в них прямую угрозу существующему эксплуататорскому строю. Равенство, по его мнению, несущественно потому, что «не представляет достаточно сильного побуждения к труду и победе над естественной ленью человека»⁵. Против равенства, утверждает Мальтус, и открытый им «закон» природы: любая система равенства в самом непродолжительном времени должна привести к всеобщей бедности, ибо «все люди не могут жить в довольстве. Невозможно, чтобы благоденствия природы разделились на них поровну»⁶. Мальтус выступает и против социального утопизма В. Годвина, и против утопического социализма Р. Оуэна.

Эту антисоциалистическую направленность учения Мальтуса о народонаселении верно подметил Н. Г. Чер-

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 17—18.

³ См. об этом подробнее в кн.: Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов. Россия XIX—начала XX века. М., 1978, гл. 2.

⁴ Птуха М. В. Учение о народонаселении Т. Р. Мальтуса. Демографические тетради. Киев, 1972, выш. 4—5.

⁵ Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения П. А. Бибикова. Спб., т. 2, 1868, с. 37.

⁶ Там же. с. 21.

нышевский: «Дух книги Мальтуса таков: ...не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое дается нынешним коренным его принципом, частной собственности»⁷. Отсюда ясным становится и отношение Мальтуса к идее прогресса.

В конце XVIII — начале XIX вв. идея общественного прогресса получила весьма широкое распространение. К числу наиболее видных прогрессистов того времени относились А. Ж. Тюрго, А. Кондорсэ, В. Годвин и др. Однако сам Т. Р. Мальтус выступил против доведения идеи прогресса до признания необходимости изменения существующего строя в Англии, да и вообще против всякого признания социальной революции. Поэтому Н. Г. Чернышевский и отмечает, что Мальтус был «друг улучшений, лишь бы не коренных улучшений»⁸, Мальтус призывал лишь «заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их»⁹.

Мальтус при этом анализирует влияние роста народонаселения на общественное развитие. Известно, что первые подходы к пониманию роли демографического фактора общественного прогресса были сделаны еще в XVII (В. Петти) и в XVIII вв. (Вольтер, К. А. Гельвеций, Ж. Кондорсэ, Ж. Ж. Руссо и др.). Их взгляды по данному вопросу носили прогрессивный характер. Так же, как меркантилисты и физиократы, они положительно относились к возрастанию численности населения. Однако Д. Таунсенд, Д. Ортез и ряд других экономистов пропагандировали противоположный взгляд, и именно их взгляды были использованы и развиты Т. Мальтусом. По его мнению, рост населения неизбежно приводит к перенаселению, что и является непосредственной причиной пауперизма, нищеты и революций. Как указывал К. Маркс в «Капитале», «закон народонаселения», медленно вырисовывавшийся в XVIII в., потом с помпой возвещенный среди великого социального кризиса как

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв. соч. М., 1948, т. III, ч. I, с. 354.

⁸ Там же, с. 358. Возможно, слово «друг» здесь не совсем подходит.

⁹ Там же, с. 354.

несравненное противостояние против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию»¹⁰.

Великий русский мыслитель, как известно, пришел к выводу, что критерием истинности человеческого знания является «практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли»¹¹. Исходя из данного принципа, Н. Г. Чернышевский показывает, что теория народонаселения Т. Мальтуса не выдерживает критической проверки действительностью. Это доказывает им при анализе как тенденций размножения (так называемой «геометрической прогрессии» роста народонаселения), так и тенденций развития производства продовольствия («арифметической прогрессии»). Эта критика довольно подробно освещена в марксистской литературе¹², и мы не будем на ней останавливаться.

Однако Н. Г. Чернышевский не только отверг мальтузианскую концепцию народонаселения, — он предпринял попытку позитивной разработки ряда вопросов теории народонаселения. Н. Г. Чернышевский указывал: «Мы желали бы сами дойти» до истины, «притом желали бы мы дойти не до одной отвлеченной истины, а также и до того, чтобы хотя приблизительным образом определить, как велики и какого именно рода были бы усилия людей в передовых странах, чтобы приобрести благосостояние...»¹³.

В противовес подходу Мальтуса к объяснению проблем народонаселения Н. Г. Чернышевский исходит из того, что и нищета, и рост средств к существованию, и размножение людей зависят от человеческих (общественных) отношений. Он отмечает, что Мальтус пытается свалить вину за нищету «на закон природы..., между тем как вина тут вовсе не в природе»¹⁴.

Мы видим у Чернышевского анализ зависимости размножения (точнее — процессов репродуктивного по-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 630, примечание.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 102—103.

¹² См.: Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. VI, а также: Валентей Д. И. Проблемы народонаселения и др.

¹³ Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв., т. III, ч. I, с. 396.

¹⁴ Там же, с. 433.

ведения, пользуясь современной терминологией) от социальных условий. Он близко подходит к признанию социально-классовых различий в рождаемости и различий в направленности действия на рождаемость одних и тех же факторов у различных классов (слоев) в одном и том же обществе или в разных обществах. «Если в некоторых слоях некоторых европейских обществ обстоятельства, неблагоприятные размножению, уменьшают число рождений, то в других слоях тех же обществ и во всей массе населения других обществ эти обстоятельства, напротив, доводят число рождений до величины, какой не могло бы оно достигать при большем благосостоянии и меньшей грубости нравов»¹⁵. Он показывает это на примере некоторых европейских стран, где «фабричные работники» и «многие люди среднего сословия» удерживаются «нуждою» от вступления в брак, и земледельческих стран, где «нужда, опасение нужды или расчеты, свойственные нуждающемуся сословию,—увеличивают в земледельческом населении этих стран количество браков, принуждают молодых людей вступить в брак раньше, чем они желали бы...»¹⁶.

Одним из первых в XIX в. Н. Г. Чернышевский обращает внимание на связь между положением женщины в обществе и ее репродуктивным поведением. Более независимое положение женщины, считает Н. Г. Чернышевский, должно привести к понижению рождаемости. Он вообще убежден, что «по мере улучшения общественных отношений и домашнего быта процент рождений должен уменьшаться без малейшего стеснения органических влечений человека»¹⁷.

Доказав зависимость роста средств существования и размножения людей от общественных отношений, великий русский мыслитель делает вывод: «Думать людям следует не о переделке своего организма, по совету Мальтуса, а разве о том, не могут ли быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой натуры»¹⁸.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв., т. III, ч. I, с. 409.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 452—453.

¹⁸ Там же, с. 456.

Но в указанных положениях Н. Г. Чернышевского проявляются и его слабые стороны, связанные с тем, что его материализм не был последовательным, носил антропологический характер. Это, в частности, проявляется у него в рассуждениях о человеческой природе, о внешних препятствиях к размножению и т. п. Непонимание им диалектики личности и социальной среды (общественных отношений) и особенно определяющей роли способа производства материальных благ по отношению к другим сторонам (сферам) общественной жизни (в том числе социальной, частью которой является, по нашему мнению, и демографическая сфера) не позволили Н. Г. Чернышевскому прийти к созданию подлинно научной теории народонаселения. Это было сделано К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И П. Л. ЛАВРОВ О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

В. Я. БАРКАЛОВ, *канд. филос. наук*

Народнический социализм, классической формой которого является теория общинного социализма, разработанная А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Н. Г. Чернышевским, П. Л. Лавровым, М. А. Бакуниным, П. Н. Ткачевым, занимает важное место в истории борьбы за социализм не только в нашей стране, но и во всем мире. История показывает, что путь к научному коммунизму лежит через преодоление различных форм народнических утопий.

По социальному составу, классовой направленности философии и социологии, пониманию целей и задач русского освободительного движения революционные народники полностью могут быть отнесены к лагерю революционной демократии. Попытка революционных народников 70-х годов развить теоретическое наследие революционных демократов в целях удовлетворения революционной практики логически привела к усилению моментов идеализма в этом наследии. Ограниченность методов антропологического материализма, характерного для тех и дру-

гих, наиболее полно проявилась в столкновении теории с практикой в условиях 70—80-х годов.

Вместе с тем Ленин считал, что «народничество сделало *крупный шаг вперед* против наследства, *поставив* перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. *Постановка* этих вопросов есть *крупная историческая заслуга* народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни есть) решение этим вопросам, заняло *тем самым* передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли»¹.

С точки зрения преемственности в философско-социологических взглядах революционеров-демократов и революционных пародников из всех идеологов последних ближе к Н. Г. Чернышевскому стоял П. Л. Лавров. Этому способствовало то обстоятельство, что формирование революционных убеждений Лаврова происходило под влиянием непосредственного общения со сторонниками «Современника», которое привело будущего идеолога народничества в ряды революционной организации «Земля и Воля», созданной под идейным руководством Чернышевского. Следует заметить, что в конце 50-х и первой половине 60-х годов Лавров принадлежал к лагерю Чернышевского, и начало его революционной деятельности должно рассматриваться как деятельность демократа-шестидесятника. Лавров принимал активное участие в дискуссии, развернувшейся вокруг «Современника», выступая при этом на стороне лагеря Чернышевского.

Чернышевский и Лавров развивали в философии идеи антропологического материализма Фейербаха. В XIX в. антропологический материализм был философской основой утопических проектов социализма и коммунизма, отражающих социальный протест мелкого собственника (в первую очередь крестьян) в период перехода от феодализма к капитализму в тех странах, где буржуазия вследствие своей слабости была неспособна на революционную борьбу и ограничивалась постепенными

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 531.

устушками феодалов, что приводило к усилению эксплуатации и бесправия средних и низших слоев общества.

Рассматривая человека в центре проблем не только философии, но и всего знания вообще, Чернышевский и Лавров в отличие от Фейербаха материалистически решали вопрос о выборе средств осуществления социального равенства. У Фейербаха этим средством является изменение чувств и мыслей человека путем просвещения, а у Чернышевского и Лаврова — революционное преобразование материальных отношений людей.

Обращение Чернышевского и Лаврова к революционной практике как к единственному средству уничтожения социальной несправедливости выдвинуло в ряд главных проблем социологии революционных демократов проблему роли народных масс и личности в истории, которая в народнический период деятельности Лаврова находит свое завершение в его теории революции. Фейербах устранил из своей социологии вопрос о роли народных масс в истории, сводя общественные отношения к чувственному диалогу «Я и Ты». Постановка этого вопроса была крупным вкладом революционных демократов (начиная с Герцена) в развитие антропологического материализма. Вместе с тем ограниченность антропологического принципа не позволила им до конца научно решить поставленный вопрос. Наличие материалистических элементов в социологии русских представителей антропологического материализма обязано тому, что они постоянно выходят за его рамки, пытаясь преодолеть их ограниченность.

Чернышевский не сомневался в том, что трудящиеся массы — главная сила исторического развития общества, так как они являются созидателями материальных благ, которые служат «условием всякого высшего развития»². Однако признание Чернышевским решающей роли народных масс в истории не является еще свидетельством научности решения им вопроса.

Высшим развитием общества, которое дает право называть жизнь исторической, Чернышевский считает развитие сознания в форме науки. Народ далек от науки, поэтому не участвует в исторической жизни. Чернышевский считает, что нынешнее состояние массы в самых передовых странах «достаточно ручается», что она до сих пор

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 66.

еще не жила исторической жизнью, а продолжала искони веков дремать младенческим сном³. Позже Лавров придает концепции деления жизни людей на историческую и доисторическую, или антропологическую, революционный смысл.

Лавров считает, что антропологическая и историческая жизнь — это две формы отношения человека к миру, в котором он живет. Человек либо должен приспособиться к условиям жизни, либо изменить их. Контрадикторный смысл человеческой деятельности — «или приспособиться, или изменить» — определяет ее неисторический или исторический характер. Приспособление к имеющимся условиям не связано с критическим, т. е. научным, мышлением, ему присуще обыденное массовое сознание. Альтернативой приспособительной деятельности выступает преобразующая деятельность человека, которая является истинно человеческой деятельностью и потому составляет содержание истории. Основу этой деятельности составляет наука. Стремление человека к изменению окружающей действительности становится для человека потребностью развития, научно-критического осмысления действительности и ее преобразования.

Требование преобразования действительности на основе науки восходит к Герцену. «Личность человека, — считает Герцен, — противопоставляет себя природе, борясь с естественной непосредственностью, развертывает в себе родовое вечное, всеобщее, разум. Совершение этого развития — цель науки... Без ведения, без полного осознания нет истинно свободного деяния...»⁴. Противопоставление приспособительной и преобразующей деятельности как неисторической и исторической жизни людей, начатое Герценом и Чернышевским, резко обозначается в философии Лаврова. Это следствие, с одной стороны, антропологического понимания человека, согласно которому сущностью человека считается деятельный разум, а с другой — обоснования теории революционного переустройства общества на основе данного принципа. Приспособление к существующим условиям без стремления преобразовать их есть примирение с действительностью, против которой боролись революционеры, поэтому дан-

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 369.

⁴ Герцен А. И. Соч. М., 1955, т. 2, с. 86.

ный вид деятельности не является историческим, а жизнь таких людей не может быть признана исторической. Признание изменения действительности истинно человеческим делом, значит историческим, стало теоретическим обоснованием правомерности революционного переустройства общества.

Идеологи демократов-шестидесятников и революционных народников не отрицали роли материального фактора в жизни общества. Во время революционных ситуаций, когда роль народных масс становилась особенно зримой, материальные интересы оказывались под пристальным вниманием теории. Так, в 50—60-е годы XIX в. прослеживается усиление материализма в философии и социологии Чернышевского. Лавров создает свою социологию в период спада революционного движения, что объясняет усиление идеализма в его взглядах. Однако с подъемом революционной активности народных масс в конце 70-х — начале 80-х годов Лавров обращает пристальное внимание на материальный фактор общественного развития. Он считает нужным через двенадцать лет после выхода «Исторических писем» добавить к ним шестнадцатое письмо, в котором заявит, что «... приходится прежде всего разглядеть под скромными формами привычек и под роскошными покровами религиозных, научных, философских, художественных, нравственных продуктов человеческой деятельности экономические интересы личности и общества и интересы личной и общественной безопасности, так как интересы должны быть удовлетворены прежде всего, так как без удовлетворения их общество не может иметь ни прочности, ни солидарности, а личность не может нравственно развиваться»⁵.

Считая, что трудящиеся массы еще не стали творцами подлинной истории, так как в существующих условиях им не доступно просвещение и они не участвуют в развитии науки, Чернышевский и Лавров отводят особую роль в истории тем личностям, которые в своей деятельности отражают потребности народа и исторической необходимости. «Сильные» личности, по мнению Чернышевского, своей деятельностью придают «...тот или другой характер неизменному направлению событий,

⁵ Лавров П. Л. Философия и социология. М., 1965, т. 2, с. 277

ускоряют или замедляют его ход и сообщают своей преобладающей силой правильность хаотическому волнению сил, приводящих в движение массы»⁶. Считая народные массы движущей силой революции, Чернышевский и Лавров с их концепцией роли народа в истории не могли не обратить пристального внимания на роль личности, и в первую очередь личности революционера. Необходимость преувеличения в теории роли личности идеологами второго этапа освободительного движения объясняется, на наш взгляд, и объективной неспособностью крестьянства самостоятельно и сознательно подняться на революционную борьбу за социализм.

В романе «Что делать?» Чернышевский художественными средствами описывает свой идеал личности революционера-подвижника. Людей типа Рахметова он называл «двигателями двигателей», солью «соли земли». Лавров развивает идеал Рахметова в своей этической теории революционного альтруизма, выдвигая требование: «... Ты должен отдать обществу все твои силы и довольствоваться от него лишь необходимым для твоего существования и для твоего развития»⁷.

Подробный анализ Лавровым роли личности в истории был вызван потребностью революционного движения в создании теории движущих сил революции. Нельзя считать, что Лавров, сделав в социологии (особенно в 60-е годы) акцент на роли личности, тем самым уменьшил историческое значение народных масс. Объявив личность движущей силой истории, Лавров вместе с тем был твердо уверен в том, что отдельные личности, несмотря на всю их гениальность, сами по себе ничего в истории сделать не могут. Лавров подчеркивает реакционность разрыва личности с массами в философии Ницше. Сверхчеловек Ницше, противопоставляя себя народу, неизбежно гибнет. Основным условием, при котором личность становится движущей силой прогресса, является ее связь с массами через партию, способную бороться за социальный прогресс. Только «в одном народе есть достаточно свежести, чтобы совершить революцию... Но народ не знает своей силы, не знает возможности низверг-

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 70—71.

⁷ Лавров П. Л. Философия и социология, т. 2, с. 436.

путь своих экономических и политических врагов»⁸. Задача революционера заключается в том, чтобы внести в народные массы революционное сознание.

Выяснение влияния Чернышевского на философию и социологию революционных народников важно для понимания логики развития идеологии второго этапа освободительного движения в России, единства процесса революционной борьбы трех отрядов освободительного движения.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Р. А. БАШМАКОВА, *канд. филос. наук,*
Б. В. ЕМЕЛЬЯНОВ, *канд. филос. наук*

Выдающийся русский философ-материалист и революционер Н. Г. Чернышевский создал наиболее законченную в домарксистской социологии теорию личности. Различные аспекты философии Н. Г. Чернышевского, ее влияние на русскую общественную мысль исследованы в марксистской историко-философской литературе достаточно полно. Тема же личности не нашла еще, по нашему мнению, адекватного отражения.

Постановка и решение проблемы личности Н. Г. Чернышевским были связаны прежде всего с потребностью преодоления социальных противоречий в русской и западноевропейской действительности, когда велись непрекращающиеся поиски новой, революционной теории изменения основ социальной жизни.

Обращение Н. Г. Чернышевского к проблеме личности можно объяснить в основном следующими причинами: 1) антропологический подход выдвигал на первое место проблему человека и его существования; 2) широкое распространение получили биолого-социологические теории (социал-дарвинизм, органицизм, мальтузианство и др.), выросшие на абсолютизации биологического в человеке.

Среди теоретических источников решения этой проблемы необходимо выделить прогрессивные традиции ев-

⁸ См.: Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1926, с. 96.

ропейской и русской общественной мысли. Общеизвестно влияние на мировоззрение русского мыслителя антропологического материализма Л. Фейербаха и диалектики Гегеля. Несколько меньше обращается внимания на преемственную связь мировоззрения Н. Г. Чернышевского с идеями французского и русского Просвещения, с его рационализмом, гуманизмом, апологетикой естественной природы человека.

Просветительская идеология утверждает необходимость разумного устройства общества, раскрытия природных потенций человека. Сущность человека предполагает его верность «натуре», природе, которая объявляется нормой его существования, полезной и разумной. Эта «норма» неизменна, а ее реализация и определяет социальный прогресс. В социологии Чернышевского идея «натурального» человека явилась одним из ее теоретических источников, что доказывается рядом его высказываний. Так, он писал: «Только то, что составляет природу человека, признается в науке за истину; только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро: всякое отклонение понятий известного народа или сословия от этой нормы составляет ошибку: галлюцинацию...»¹.

Следование естественной норме является добродетельным, разумным и полезным: «Если полезным называется то, что служит источником множества наслаждений, а добром — просто то, что очень полезно, тут же не остается ровно никаких сомнений относительно цели, которая предписывается человеку, — не какими-нибудь посторонними соображениями или внушениями, не какими-нибудь проблематическими предположениями, таинственными отношениями к чему-нибудь еще очень неверному, — нет, предписывается просто рассудком, здравым смыслом, потребностью наслаждения: эта цель — добро. Расчетливы только добрые поступки, рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр»². К просветительской традиции относятся такие понятия, как «здравый смысл», «потребности» и другие, а также успешно разрабатываемая Чернышевским теория «ра-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 288—289.

² Там же, с. 291.

зумного эгоизма», наполненная им революционным содержанием³.

Вместе с тем понимание сущности человека у Чернышевского во многих моментах расходится с просветительской социологией. Во-первых, в определении сущности человека русский мыслитель исходит не из разума, а из человеческого организма как психофизиологического образования, воплощения единства материального и идеального. Во-вторых, Н. Г. Чернышевский иначе решает проблему взаимоотношения человека и внешней среды. Просветители человеческую деятельность рассматривали лишь как приспособление к внешней среде. По мнению же русского мыслителя, человек как натура деятельная изменяет внешнюю среду в собственных нуждах. Он пишет: «... Было замечено, что вся человеческая деятельность состоит в переделке природы, что каждое действие и каждое желание человека состоит в замечании факторов и отношений, даваемых природою, другими факторами и отношениями, более сообразными с потребностями человека»⁴. Наконец, великий мыслитель с большим уважением относится к разуму человека, однако он уже понимает, что один лишь разум, «рассудок чуть ли не совершенно бессилён в истории»⁵; «обстоятельства» жизни, объективные противоречия в развитии человеческого общества должны быть учтены при разработке проблемы личности.

В рамках просветительской идеологии, особенно русской начала XIX в. с её вниманием к «природному» человеку и разработкой антропологического принципа⁶, были заложены методологические основы нового подхода к человеку, которые в работах Чернышевского превратились в важнейший методологический принцип, позволяющий развернуть критику идеализма.

³ На связь теории разумного эгоизма французских просветителей и Н. Г. Чернышевского обратил внимание еще Г. В. Плеханов.— См.: Плеханов Г. В. Соч. в 24-х т. М., 1925, т. 5, с. 40, 217, 227.

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. в 3-х т. М., 1951, т. 2, с. 612.

⁵ Там же, с. 396.

⁶ См.: Каменский З. А. Философские идеи русского Просвещения (действительно-материалистическая школа). М., 1971; Розенфельд У. Д. О русских источниках антропологизма Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Вопросы философии и психологии. Л., 1965.

Как известно, Фейербах полагал, что нужно «исходить из сущности человека», ибо в человеке «материя предваряет дух, бессознательность — сознание, бесцельность — цель, чувственность — разум»⁷. Человек в философии Фейербаха — специфическая отправная точка всей философской системы; «как субъект новой философии», как действительный, цельный человек, он противопоставлялся гегелевскому абстрактному духу. Не абсолютный дух, а человек в его субстанциональном единстве с природой является, по его мнению, подлинным предметом философии. И все же, несмотря на материалистическое содержание, философской системе Фейербаха свойственен ограниченный, натуралистический характер, поскольку природа, рассматривавшаяся им отвлеченно от человеческой деятельности, и «сущность человека», взятая вне общественных отношений, понимается абстрактно, односторонне. Связь человека с природой и человека с человеком не выходит, по Фейербаху, за рамки природных отношений, а потому философия должна видеть в человеке то же, что и физиология, химия, медицина.

Русский мыслитель, как и Фейербах, придерживался антропологического принципа. Наиболее четко этот принцип был изложен Чернышевским в его главном философском произведении «Антропологический принцип в философии», утверждавшем монистический, материалистический взгляд на человека. Такой подход обусловлен, по его мнению, всем ходом развития науки, прежде всего материалистической философии в союзе с естествознанием. Он пишет: «Принципом философского мировоззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма: наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека»⁸.

Антропологический принцип рассматривает сущность человека в единстве материальных, природных процессов. Антропологизм Чернышевского допускал преувеличение «биологического» в человеке, что имело свои причины: одной из них является распространение буржуазных натуралистических теорий.

⁷ Фейербах Л. Избр. филос. произв. в 2-х т. М., 1955, т. 1, с. 266.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

Чернышевский вел активную борьбу с буржуазными биолого-социологическими теориями⁹, которые односторонне преувеличивали воздействие биологической природы организма на личность. Утверждая, что «подлинная природа» человека неизменна и асоциальна, социал-дарвинизм, например, рассматривал взаимодействие человека и личности как вечный конфликт между враждебной обществу «природой» индивида и абиологическими тенденциями общества, а «борьбу за существование», «естественный отбор», индивидуализм и т. д. — как неискоренимые следствия этого конфликта.

Роль Чернышевского в борьбе против социал-дарвинизма, против абсолютизации биологического особенно велика. Он нашел то главное слабое звено в биолого-социологических построениях, что рушило эти концепции в самом основании. Чернышевский решительно выступил против механического переноса положений из естествознания в область общественных наук¹⁰. Выступая против биологизации личности, Чернышевский, на наш взгляд, делает попытку найти единый принцип взаимодействия биологического и социального, который не допускал бы ни сведения одного к другому, ни эклектического их соединения.

Правда, Чернышевский не ставил задачи четко разграничить понятия «человек», «личность», чаще всего эти категории он рассматривает как однопорядковые. Биосоциальной сущностью наделяется и личность, и человек.

Н. Г. Чернышевский в своих теоретических рассуждениях говорит о человеке вообще, о личности вообще, о ее природообразности, потребностях и интересах в самом отвлеченном смысле. Это мешало ему показать социальную сущность личности, изменение социальной «природы» человека в процессе прогрессивного развития общества.

Антропологический принцип у Н. Г. Чернышевского сохранил статус отправной точки в разрешении пробле-

⁹ См.: Башмакова Р. А. Социальный дарвинизм в России и его критика. — В кн.: Вопросы социологии народонаселения. Свердловск, вып. 2, 1974.

¹⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 643, 644, 654, 676—677.

мы исторического бытия людей, но дополнился требованием всестороннего анализа различных сторон деятельности человека как участника общественных отношений: «Жизнь рода человеческого, как и жизнь отдельного человека, складывается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби. Из этих элементов только немногие до сих пор введены в состав рассказа о жизни человечества»¹¹. Можно утверждать, что русский мыслитель ввел большую часть названных «элементов» в социологический анализ проблемы личности, наполнив ее тем самым новым содержанием.

Стремления человека, цели его деятельности, по Чернышевскому, выводятся из бытия человека. Он подчеркивает при этом, что человек в своей деятельности руководствуется «личной выгодой», собственными интересами, «... поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия»¹². С личными запросами Чернышевский связывает заинтересованность человека в труде, посредством которого человек удовлетворяет свои потребности. Русский мыслитель доказывает, что человек заинтересован не во всяком труде, а в таком, «... при котором данная масса ценностей производит наибольшую массу благосостояния или наслаждения»¹³. А это возможно лишь в том случае, когда труд и собственность соединены в одном лице. Труд — естественен, он «единственный элемент производства, лежащий в организме самого человека»¹⁴. Кроме того, «труд есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящихся в ней свое наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производст-

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 356.

¹² Там же, т. VII, с. 285.

¹³ Там же, т. VII, с. 19.

¹⁴ Там же, т. IX, с. 156.

ву предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организма»¹⁵.

Русский мыслитель раздвигает рамки антропологического подхода, считая, что реализация сущности человека возможна путем преодоления двух объективных препятствий на пути человека к прогрессу: «противных потребностям человека условий внешней природы» и социальных «обстоятельств общественного бытия человека». В данном случае Н. Г. Чернышевский прямо указывает, что «... самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей»¹⁶, заостряя тем самым внимание на устранении «зла» в общественном бытии человека. Он пишет: «Жизнь и славу нашего времени составляют два стремления, тесно связанные между собой и служащие дополнением одно другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни. К этим основным идеям примыкают, от них получают свою силу все остальные частные стремления, свойственные людям нашего века: вопрос о народности, вопрос о просвещении, государственные, юридические стремления оживляются этими идеями, решаются на основании их, вообще интересуют собою современного человека только по мере связи их с тенденциями к гуманности и улучшению человеческой жизни»¹⁷.

Оба эти «стремления», включающие весь комплекс общественных явлений, Чернышевский выводит из материальных интересов, средства же их осуществления зависят, по его мнению, от «обстоятельств». Категория «обстоятельств» является одной из важных в социологии русского мыслителя. Они объективны и выступают детерминантами не только общественных явлений, но и обычаев и привычек. В конечном итоге обстоятельства определяют все действия человека, в том числе его характер и нравственность. «... Все явления нравственного мира происходят одно из другого и из *внешних* обстоятельств по закону причинности», — утверждает Чернышевский¹⁸. Но если это так, если обстоятельства препят-

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 154.

¹⁶ Там же, т. VII, с. 265.

¹⁷ Там же, т. III, с. 322.

¹⁸ Там же, т. VII, с. 260.

ствуют раскрытию природной сущности человека, они должны быть изменены.

Н. Г. Чернышевский утверждает также важность научного знания для решения проблемы человека, он признает только ту науку, которая является «служительницей человека». Более того, он утверждает, что наука является незаменимым условием общественного прогресса, что «... она творит все: создаваемое ею знание ложится в основание всех понятий и потом всей деятельности человечества, дает направление всем его стремлениям, силу всем его способностям»¹⁹.

Применительно к проблеме личности наука рассматривается Чернышевским в двух аспектах. Во-первых, она познает истинную сущность человека, «обстоятельства» его существования и связи с природой. Во-вторых, она вырабатывает цель жизнедеятельности, программу поведения личности, следование которым позволяет в полной мере человеку реализовать свою природную сущность. В качестве такой программы философ выдвигает теорию «разумного эгоизма».

Теория «разумного эгоизма» — осознанная практика социального действия человека, в которой утверждается единство личного и общественного, полезного и доброго, разумного и расчетливого: «Расчетливы только добрые поступки, рассудителен только тот, кто добр и ровно настолько, насколько добр»²⁰. Человек как природное существо следует естественному удовлетворению своих потребностей, закону эгоизма. Однако природное стремление к удовольствию еще не определяет сущности человека. Как пишет Чернышевский, «Кто действует исключительно по расчету эгоизма, тот действует наперекор человеческой природе, подавляет в себе врожденные и неискоренимые потребности»²¹. Поскольку человек не может существовать вне общества, связан с ним, он должен учитывать и общечеловеческие интересы. «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой враща-

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 5.

²⁰ Там же, т. VII, с. 291.

²¹ Там же, т. III, с. 229.

юсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, т. е. исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? В чем останется участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах»²². Чтобы этого не произошло, человек должен разумно соотносить свои эгоистические устремления с общественными интересами, и не просто соотносить, а подчинять им. В этом случае разум, наука как внутренние убеждения каждого здравомыслящего человека превращаются в инструмент социального преобразования.

Таковы, на наш взгляд, теоретические истоки и философские основания теории личности Н. Г. Чернышевского. В отличие от своих предшественников русский мыслитель в понимание человека вводит новые моменты: а) всесторонность анализа сущностных сил человека, особенно его деятельности по активному усвоению окружающего его мира; б) диалектику личного и общественного; в) анализ «обстоятельств», определяющих существование человека. Все это заслуживает ту высокую оценку, которую дали теоретической и революционной деятельности Н. Г. Чернышевского классики марксизма-ленинизма.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

О МОТИВАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(в письмах к сыновьям, 1876—1878 гг.)

И. А. НОСКОВА

Письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям, написанные в Вилуйском остроге, представляют для социологов несомненный интерес, так как в них он первым в истории общественной мысли России с материалистических позиций ставит вопрос о мотивах человеческой деятельности.

В период ссылки Н. Г. Чернышевский познакомился с работами К. Маркса «Капитал» и «К критике политической экономии». Как известно, материалистическая

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 169.

тенденция в социологии Чернышевского наметилась еще до ссылки, а произведения К. Маркса, прочитанные в годы сибирской ссылки, усилили эту тенденцию. К анализу мотивов человеческой деятельности он подошел несравненно глубже, чем это делали его предшественники. Революционер-демократ и в ссылке продолжал отстаивать и развивать свои взгляды по общетеоретическим вопросам социологии. В письме от 15 июля 1877 г. Н. Г. Чернышевский замечает: «К истории я не охладел»¹.

Как случилось, что социологические воззрения Н. Г. Чернышевского, изложенные им в письмах к сыновьям, не нашли должного освещения в философской литературе? Одна из причин — существовавшая некоторое время точка зрения, авторы которой выдвигали на первый план воспитательный аспект писем, умаляя при этом их социологическую значимость. Так, Е. А. Ляцкий писал: «Письма на материалистические темы предназначались ближайшим образом для старшего сына Александра, математика по образованию. Письма исторические адресовались младшему Михаилу, тогда заканчивающему еще гимназический курс. Но по общей постановке вопросов в письмах Н. Г. Чернышевского они, по-видимому, предназначались для обоих юношей, одинаково нуждающихся, как ему думалось, в указании простых и ясных путей к истинному знанию и добру жизни»². Н. Г. Чернышевский не отрицал воспитательной направленности писем к сыновьям. «Для разнообразия и для исполнения обязанностей отцовской любви — разве не побеседовать ли опять с Сашей о Дарвине и всей компании ближайших открывателей Америки»³. Вместе с тем эти письма имели для Н. Г. Чернышевского и другое значение, — социальный подтекст, о котором он говорил иносказательно, 27 апреля 1876 г.: «Рассуждаю я с нашими возлюбленными детьми всюю по-ученому. А они — совершенно еще дети»⁴.

В письмах к сыновьям от 11 апреля 1877 г. Н. Г. Чернышевский рекомендует желающим подробнее

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 70.

² Цит. по: Романов И. М. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 г. Якутск, 1958, с. 116.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 546.

⁴ Там же, с. 649.

познакомиться с его взглядами на человеческую природу, читать работы Людвига Фейербаха, в частности «Лекции о религии». Л. Фейербах в этой работе отмечал: «Я по натуре — если брать ее теоретическую сторону, — гораздо менее предназначен быть учителем, чем мыслителем, исследователем»: Л. Фейербах раскрывает мотивы своей научной деятельности: «Я меньше всего ученый скупец или эгоист, собирающий и сберегающий только для себя: нет, то, что я делаю и мыслю для себя, я должен делать и мыслить для другого»⁵.

Н. Г. Чернышевский в письме от 1 марта 1878 г. признавался: «Я один из тех ученых, которых называют мыслителями, один из тех мыслителей, которые неуклонно держатся научной точки зрения»⁶.

Все это позволяет полагать, что для Н. Г. Чернышевского письма к сыновьям были статьями-трактатами, выступали средством выражения главной цели — донести до прогрессивной общественности России слово революционера-демократа.

В письмах к сыновьям от 15 сентября и 30 октября 1876 г., 11 апреля 1877 г. Н. Г. Чернышевский, взяв в качестве объекта изучения мотивы человеческой деятельности как частный вопрос, стремится обеспечить ему прочную основу. Для этого Н. Г. Чернышевский расширил частный вопрос в общий. «Как это я делал? Я прилагал к разбору мелочей от важного в нем в общие научные понятия. И когда я успевал рассмотреть, какие общие всем людям мысли и желания управляли их поступками, частный исторический вопрос о них разрешался легко и просто»⁷.

Основным тезисом, выдвинутым Н. Г. Чернышевским в рассуждении «К вопросу о мотивах человеческой деятельности», является тезис о социальной детерминации. Рассматривая мотив как побудительную причину действия людей, Н. Г. Чернышевский называет одним из основных факторов формирования мотивов человеческой деятельности «материальные условия». Они, по мнению

⁵ Фейербах Л. Лекции о сущности религии, т. 2, с. 494.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 165.

⁷ Там же, т. XIV, с. 119.

Н. Г. Чернышевского, составляют «коренную причину всех занятий и в других сферах жизни»⁸.

Н. Г. Чернышевский замечает: «Крестовые походы это было религиозное дело. Да, участвовали тут и религиозные мотивы..., но какими мотивами руководствовались почти все начальники? Желаниями завоевать себе на востоке обширные владения и отличиться храбростью... Это о предводителях. А о толпах, шедших за ними,.. почти у всех рыцарей и простолюдинов мотивы были чисто житейские»⁹.

Таким образом, не в политических или каких-либо других идеях и теоретических воззрениях Н. Г. Чернышевский видит причину возникновения мотивов человеческой деятельности. Материальные условия, общественные отношения определяют политические, философские теории и мотивы человеческой деятельности.

И хотя Н. Г. Чернышевский не смог научно объяснить, чем определяются изменения самих общественных отношений в целом, заслуга его состоит в том, что он сумел разглядеть с материалистических позиций социальную обусловленность мотивов человеческой деятельности. Конечно, в силу определенных причин Н. Г. Чернышевский не говорит, что определяемые материальными условиями жизни интересы, проходя через сознание человека, приобретают свою внутреннюю структуру и выступают в виде мотивов. «Беру для примера мои заметки об иезуитах. Вам показалось, будто я считаю иезуитов бескорыстными слугами так называемой папской власти... Вы считаете, что иезуиты служат папе не бескорыстно и себя самих любят усерднее, чем папу. И Вам показалось, будто я считаю это Ваше мнение ошибочным. Нет, оно вполне справедливо и на мой взгляд.

Отчего же возникло Ваше недоразумение? Я забыл изложить общие мои понятия о качествах человеческой природы, о степени ее способности к бескорыстной любви»¹⁰. В каком случае может быть «бескорыстная любовь» или, иными словами, бескорыстные мотивы деятельности? Только в том случае, когда интересы челове-

⁸ Шулунов Н. Д. Социологические воззрения Н. Г. Чернышевского. Автореф. канд. дис. М., 1950, с. 9.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 715.

¹⁰ Там же, т. XV, с. 22.

ка и общества совпадают. В современном Н. Г. Чернышевскому обществу высшими интересами для человека, согласно официальной морали господствующего класса, выступают своекорыстные интересы: «Берите какое хотите благотворительное общество. Масса его — люди, очень равнодушные к пользе людей»¹¹.

Н. Г. Чернышевский не только показывал связь между мотивами деятельности и интересами человека, но выходил на понимание социально-группового характера интересов. «Моя ошибка в моей маленькой трактации об иезуитах состояла в том, что я забыл упомянуть: никакая корпорация не служила бескорыстно никакому делу, всякая корпорация всегда ставила выше всяких своих практических стремлений на чужую пользу и выше всяких теоретических убеждений собственные интересы».

И, наконец, в своих рассуждениях по вопросу о мотивах человеческой деятельности Н. Г. Чернышевский подвергает критике тезис «цель оправдывает средства», в котором подразумевается хорошая цель и дурные средства.

По мнению Н. Г. Чернышевского, «она не может оправдывать их, потому что они вовсе не средства для нее. Хорошая цель не может быть достигаема дурными средствами. Характер средств должен быть таков же, как характер цели, только тогда средства могут вести к цели. Дурные средства годятся только для дурных целей, а для хорошей годятся только хорошие, если цель — воровство, то обманывать людей, которых вор хотел обокрасть, это может вести вора к успеху в его деле, воровстве, но если цель честно управлять порученным имуществом, то управитель, когда скрывает правду от хозяина, вредит успешности своего управления имуществом»¹².

Таким образом, выдвинутый Н. Г. Чернышевским тезис о социальной детерминации мотивов человеческой деятельности находит свое подтверждение в теоретических размышлениях в письмах к сыновьям.

Признание истинности этого тезиса с необходимостью приводит Чернышевского к выводу о том, что необходи-

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. т. XV, с. 23.

¹² Там же, с. 687.

мо изменить материальные условия жизни так, чтобы исчезли своекорыстные мотивы человеческой деятельности и ее результаты, не ведущие «ни к чему полезному людям».

Этот вывод согласуется с мировоззрением Н. Г. Чернышевского — революционера-демократа, открыто выступавшего с острой критикой общественного строя России.

Кроме того, считая свой личный путь революционера-демократа и мыслителя-материалиста единственно верным, Н. Г. Чернышевский стремился к тому, чтобы увлечь своих детей следовать по стопам отца. Раскрывая мотивы, ради которых они должны бескорыстно служить людям, он писал: «Будем жить, трудиться, мыслить и будем понемножку делаться сами лучше и лучше устраивать нашу жизнь»¹³.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В. И. ПОСКОТИНА, канд. филос. наук

Выдающееся революционное наследие Н. Г. Чернышевского, его социально-экономические и политические идеи представляют собой значительный вклад в марксистско-ленинскую теорию.

В буржуазной идеологии, стремящейся доказать случайный характер социалистической революции в России, предпринимаются попытки изолировать русских большевиков от традиций революционной демократии, отрицать преемственность в развитии революционной теории в России. В идеологических извращениях политических позиций Н. Г. Чернышевского можно выделить два основных направления: в одних случаях Н. Г. Чернышевский предстает как либерал, кабинетный ученый, все интересы которого сосредоточивались на литературной деятельности, чуждой всякого революционного содержания и значения¹; в других — он признается родоначальником «русского экстремизма», нашедшего якобы свое про-

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 24.

¹ Зевин В. Я. Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 16.

должение в деятельности Нечаева и Ленина². Особенно широкое хождение в современной буржуазной идеологии получила последняя версия, первоисточником которой была полицейская клевета на революционеров во время процесса 1871 г., когда личность Нечаева, его анархистские принципы деятельности были отождествлены с идеалом революционера вообще.

В имеющихся в советской исторической и философской литературе исследованиях политических взглядов Н. Г. Чернышевского предпринята аргументированная критика обоих направлений идеологического извращения революционного наследия Н. Г. Чернышевского³.

Однако чтобы дать еще более убедительный и «своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»⁴, необходимо, на наш взгляд, использовать достижения современного социального знания в области политики, методологической основой которого являются труды классиков марксизма-ленинизма. В этой связи представляется плодотворным проследить связь политических взглядов Н. Г. Чернышевского с ленинскими идеями о политической культуре.

Проблема культуры вообще и политической культуры в частности занимает одно из ведущих мест в марксистско-ленинской теории научного коммунизма. Выдвижение в наши дни на первый план проблем формирования и воспитания субъектов коммунистического строительства обнаруживает непосредственное смыкание, внутреннее единство политических и культурных задач развития общественного организма. Поэтому вопросы политической культуры советских людей находятся постоянно в центре внимания нашей партии⁵.

Актуальность проблемы и недостаточность ее разработки в советской философской литературе обращает нас к методологическому анализу категории «политическая культура».

² См.: Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976, с. 11.

³ См.: Зевин В. Я. Указ. соч.; Володин А. И. и др. Указ. соч.

⁴ Брежнев Л. И. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — В кн.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 74.

⁵ Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму. — Проблемы мира и социализма, 1977, № 12, с. 8.

В анализе категории политической культуры мы исходим из ее связи с категориями «политика», «социальное управление», «культура». Прежде всего политическая культура — элемент политической системы⁶. Как известно, выражением сущности политической системы являются политика и управление: при этом управление при социализме выступает как стержень научной политики, ее смысл и главное содержание.

К. Маркс показал в «Капитале» двойственную природу социального управления: оно имеет, с одной стороны, социально-политический аспект (определение целей и постановка задач деятельности), с другой — организационно-технический (выбор средств и способов решения поставленной задачи, технология ее осуществления)⁷.

Характеристику политической культуры мы встречаем в ленинских работах в первые годы Советской власти. «...Цель политической культуры, политического образования, — писал В. И. Ленин, — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся классам победить старый порядок и вести дело строительства государства... Это возможно, только овладев всей суммой знаний...»⁸. И далее В. И. Ленин подчеркивает, что трудящиеся, вооруженные знаниями, должны учиться «на примере этого строительства, повторяя его большое количество раз»⁹.

Будучи элементом политической системы, политическая культура сама предстает как сложная подсистема, в состав которой входят: а) социально-политические знания; б) организационно-технические знания; в) умения и навыки политической деятельности.

Социально-политические знания — это осознание классовых интересов, целей и задач борьбы за уничтожение антагонистических общественных отношений и построение нового общества.

Организационно-технические знания охватывают круг вопросов, связанных с выбором средств осуществления поставленных целей и определением принципов деятельности.

⁶ См.: Бурлацкий Ф. М. Политическая система развитого социализма. — *Вопр. философии*, 1977, № 8, с. 24—25.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 343.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 404.

⁹ Там же, с. 408.

Наконец, умения и навыки политической деятельности являются специфическим элементом политической культуры и отражают достигнутый на данной ступени общественного развития уровень развития способностей людей к участию в политике.

Таким образом, понятие политической культуры включает не только предметные результаты деятельности людей и духовные ценности, но и субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности¹⁰. Овладение политической культурой В. И. Ленин считал залогом успеха в строительстве нового социалистического, а затем и коммунистического общества. Сегодня мы являемся современниками и соучастниками создания выдающегося документа высокой политической культуры развитого социализма — новой Конституции СССР.

Необходимо не только отметить тот факт, что ленинские идеи о политической культуре нашли свое воплощение и дальнейшее творческое развитие в политических документах нашей партии, но и рассмотреть преемственность в развитии этих идей между двумя поколениями русских революционеров — Н. Г. Чернышевского и В. И. Ленина.

Все элементы политической культуры находятся в органической взаимосвязи, составляют единое целое.

Без осознания классовых интересов, целей и задач политики политическая деятельность не может быть успешной. Н. Г. Чернышевский придавал огромное значение политическому просвещению масс. В работе «Капитал и труд» Н. Г. Чернышевский приходит к выводу, что народ «...в политическом отношении до сих пор служил только орудием для среднего и высшего сословий в их взаимной борьбе, не сохраняя постоянного независимого положения в политической истории...»¹¹.

Причину такого положения дел Н. Г. Чернышевский видел в аполитичности масс, их отрешенности от корен-

¹⁰ Такое понимание политической культуры соответствует все более утверждающемуся в советской философской литературе подходу к определению культуры вообще. — См.: Арнольдов А. И. Культура и современность. М., 1973; Он же. Социалистический образ жизни и культура. М., 1976; Келле В. Ж. Великий Октябрь и развитие исторического материализма. — Вопр. философии, 1977, № 10; Межуев В. М. Культура и история. М., 1977; и др.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 35.

ных общественных проблем, отсутствии ясных и твердых политических убеждений¹². Тем самым он подводил читателя к пониманию того, что не может быть высокой политической культуры трудящихся в обществе, где они отчуждены от политической власти. И Чернышевский, бичуя деспотизм старого порядка во Франции с его бюрократической централизацией, сумел в то же время увидеть сохраняющуюся и развивающуюся тенденцию бюрократизма и отчуждения власти в буржуазном государстве¹³. «Эти формы управления (бюрократия и централизация) были организованы Наполеоном сообразно деспотическому характеру всей его системы»¹⁴, — писал он. Чудовищного развития, подчеркивал Чернышевский, достигла бюрократическая централизация во Франции во времена бонапартизма.

Критический анализ бюрократических порядков во Франции был скрытым намеком на положение дел в России. В «Письмах без адреса», которые так и не смогли преодолеть цензурного барьера, Чернышевский пытался публично пригвоздить бюрократическую систему царской России к позорному столбу, обнаружить тайну бюрократии. Ему удалось показать, что бюрократическая система — это замкнутый «порочный круг», из которого не только не способны выбраться сами представители этой системы, но который исключает возможность воздействия на него и извне, со стороны заинтересованных в решении данных вопросов масс. Характеризуя деятельность редакционных комиссий по составлению проекта реформы освобождения крестьян, Чернышевский показывает прямую зависимость комиссий и губернаторов, на суд которых был послан проект, от правительства и подчеркивает заранее предрешенный характер обсуждения проекта. «Вы хотите только спросить — ваш вопрос принимают за решение; вы хотите посоветоваться — ваши слова принимаются за приказание; вы ищете опоры — все, до чего вы касаетесь, гнется перед вами. Так уж заведено в бюрократическом порядке, и ничего иного не добьетесь вы от него»¹⁵.

¹² См.: там же, т. V, с. 44; т. VI, с. 416.

¹³ Там же, т. VII, с. 666.

¹⁴ Там же, с. 96.

¹⁵ Там же, т. X, с. 111.

Главная мысль «Писем без адреса» — монархическая система с ее бюрократической централизацией не способна на проведение радикальных общественных преобразований. Это должны знать наиболее заинтересованные в крестьянской реформе слои населения — сами крестьяне. Поэтому не следует, подобно либералам, возлагать надежды на реформы сверху — нужно готовиться к революционной борьбе за освобождение от крепостничества.

Обоснованию политических целей этой борьбы Чернышевский уделял самое серьезное внимание. Завоевание даже относительной свободы «политического устройства» — представительной формы правления, самоуправления, свободы слова, печати — необходимо для развития политического сознания масс, овладения политической культурой. Здесь мы должны отметить, какое огромное значение придавал В. И. Ленин наличию демократических традиций в управлении государством для приобщения масс народа к государственной деятельности.

Вместе с тем, признавая относительную прогрессивность буржуазной демократии по сравнению с царским самодержавием, Чернышевский умел показать ее ограниченность, урезанность, формальный характер, коренящийся в социальном неравенстве. Государственная машина, «защищая интересы „избранного меньшинства“, — писал он, — по необходимости должна... действовать против элементов, несогласных с интересами господствующих сословий или кругов»¹⁶. При этом государство не может «довольствоваться одним законодательным существованием учреждений, дающих ему („избранному меньшинству“.— В. П.) власть, потому что одной этой гарантии слишком недостаточно, — оно должно также иметь всегда наготове вооруженную силу для усмирения беспорядков...»¹⁷. Отдавая должное представительной системе, значительной роли парламента в развитии политической активности народа, Чернышевский вместе с тем критиковал буржуазный парламентаризм.

Эта система, по определению Чернышевского, основывается на том, что «нужда и невежество отнимают у народа всякую возможность понимать государственные де-

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 445.

¹⁷ Там же, т. VII, с. 401.

ла и заниматься ими, — скажите, будет ли дорожить, может ли он пользоваться правом парламентских прений?»¹⁸. Таким образом, Чернышевский приходит к выводу, что народ не должен питать иллюзий не только в отношении самодержавной власти, но и республиканской формы правления, если она не основывается на социальном равенстве. Не случайно политический строй, который должен установиться в результате крестьянской революции, Чернышевский называет «социальной демократией», «социальной республикой», подчеркивая тем самым принцип социального равенства как основу будущего государственного устройства.

Мы не останавливаемся здесь на ошибках идеалистического порядка, допущенных Н. Г. Чернышевским в вопросе о происхождении государства и об условиях его отмирания в будущем; преодоление этих ошибок является величайшей заслугой классиков марксизма-ленинизма. Для нас более существенно подчеркнуть четкую позицию выдающегося русского революционера-демократа по вопросу о необходимости государства после победы народной революции, позицию, которая противостоит анархистским идеям Бакунина и Нечаева. Просвещение масс относительно различных форм государственности, разоблачение эксплуататорской сущности государства в антагонистическом обществе преследовало цель развития у широких народных масс «привычки к серьезному мышлению», утверждения «непоколебимых и ясных политических убеждений», осознания политических задач в революции, в конечном счете — формирования социально-политического аспекта политической культуры.

Важное значение придавал Н. Г. Чернышевский и организационно-техническим знаниям: определению способов достижения поставленных целей, выбору средств и путей решения задач революционной борьбы. Учитывая уроки Великой французской революции, он отчетливо видел связь успехов и неудач революции с проблемой организации восставшего народа. Сплотить воедино, направить, организовать эту массу, считал Чернышевский, под силу только людям недюжинным, «особенным», революционерам до мозга костей. Рахметов в романе «Что делать?» воплощает в себе (правда, в гиперболизирован-

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 217.

ном виде) лучшие черты революционера-демократа: не укротимую энергию, стремление к знаниям, умение самозабвенно отдаваться делу и подавлять личные потребности и желания.

Н. Г. Чернышевский ясно осознавал реальное противоречие революционной борьбы — между гуманными целями и насильственными средствами, которые приходится применять в случае сопротивления отживающих социальных сил. «Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем опрятное»¹⁹. Целесообразность «не совсем опрятных» действий для благородных целей у Чернышевского совсем не однозначна с оправданием любых средств для достижения цели, как это пытаются утверждать «знатоки русской истории», ставя в один ряд Чернышевского и Нечаева. В своих письмах из Сибири (70-е годы) Н. Г. Чернышевский характеризует формулу «цель оправдывает средства» как «знаменитое подлое правило» и подчеркивает, что «хорошая цель не может быть достигнута дурными средствами». Характер средств должен быть таков же, как характер цели, только тогда средства могут вести к цели. Дурные средства годятся только для дурной цели, а «для хорошей годятся только хорошие»²⁰.

Материалистическая позиция Чернышевского, который много раз подчеркивал, что сам выбор средств диктуется объективными условиями борьбы²¹, противостоит субъективно-идеалистическим, волюнтаристским принципам революционной деятельности Нечаева, которая вела, по существу, и к подмене цели: борьбу против самодержавия и деспотизма он превратил в погоню за удовлетворением своего большого честолюбия, создав организацию, построенную на шпионаже, диктаторстве и деспотизме.

Авантюристическая сущность «нечаевщины» была справедливо осуждена еще в 1870 г. комитетом Русской секции I Интернационала, который писал К. Марксу:

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 923.

²⁰ Там же, т. XIV, с. 684—685.

²¹ См.: так же, т. VI, с. 414; 417—418; и т. д.

«Настоятельно необходимо разоблачать лицемерие этих ложных друзей политического и социального равенства, мечтающих на самом деле только о личной диктатуре по образцу Швейцера...»²². Отвечая на это письмо, Маркс особо отметил выдающийся вклад Чернышевского в развитие действительно революционного движения в России. В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», вышедшей в 1873 г., была вскрыта классовая сущность «нечаевщины» и доказана необходимость ее публичного разоблачения: «Против всех этих интриг есть только одно средство, обладающее, однако, сокрушительной силой, это — полнейшая гласность. Разоблачить эти интриги во всей их совокупности — значит лишить их всякой силы»²³.

Отсюда видно, какое важное значение придавали К. Маркс и Ф. Энгельс просвещению масс относительно не только целей, но и средств и методов революционной борьбы.

Эту же задачу ставил и Чернышевский. Можно сказать, что Чернышевский был выдающимся просветителем своего времени, так как считал, что просвещению принадлежит огромная роль в развитии общественной жизни; однако в отличие от просветителей XVIII в. средство приобщения масс к политической деятельности он видел не в просвещении, а в исторических событиях, преобразующих отношения классов, условия труда, праздничные учреждения; «не книгами, не журналами, не газетами пробуждается дух нации — он пробуждается событиями»²⁴. И если трудящиеся в основной своей массе еще не включились в активную политическую жизнь, если «главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности»²⁵, то главная обязанность по приобщению их к политической жизни лежит на революционерах, которые должны являть собой пример «ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительно-

²² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 169—170.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 300.

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 875, 272, 765.

²⁵ Там же, т. VII, с. 666.

сти, хладнокровной практичности»²⁶. Не случайно Чернышевский подчеркивает необходимость для революционера овладеть не только знаниями, но и умениями и навыками политической борьбы.

Характерно, что Нечаев тоже пытался выработать революционные характеры в деятельности, в борьбе; но при этом превращал саму деятельность в фарс, в игру в революцию²⁷.

Если важнейшей чертой политической деятельности Чернышевского, как и других революционеров-демократов, была постоянная учеба в «школе революции», стремление сверять с опытом истории каждый сделанный шаг, то у анархистов, начиная от Ипшутина, Нечаева и кончая Бакуниным, революционная практика (если можно ее так назвать) не была ни в малейшей степени опосредована глубокой работой ума по извлечению уроков из поражений. Поэтому их революционная деятельность и обращалась в авантюру.

Высоко оценивал отношение Н. Г. Чернышевского к овладению навыками политической деятельности В. И. Ленин. «„Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта“ (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист домарксистского периода Н. Г. Чернышевский»²⁸. Могут быть просчеты и ошибки, блуждания и разочарования. Но правильное понимание целей борьбы, выбор соответствующих этим целям средств и постоянное активное участие в исторических событиях — вот необходимые условия развития способностей к политической деятельности. А это и есть основные компоненты политической культуры, о которых писал В. И. Ленин.

Учитывая это, правомерно, на наш взгляд, считать политические взгляды и политическую деятельность Н. Г. Чернышевского образцом высокой политической культуры русских социалистов домарксистского периода.

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 144.

²⁷ См.: Володя А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Указ. соч., с. 253—254.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

КРИТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ
БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ
И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ЗАЩИТНИКИ

Б. И. ПАРФУЛИН

В. И. Ленин, высоко оценивший деятельность и идейное наследие Н. Г. Чернышевского в целом, отмечал, в частности, в его творчестве и такую черту, как критическое отношение к капитализму, в том числе и буржуазной демократии. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» он писал, что «от его (Чернышевского.— Б. П.) сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая донныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»¹.

В условиях феодально-крепостнической России революционный демократизм Чернышевского проявлялся не только в том, что он был врагом самодержавия, но и в том, что в стране, где капитализм только начинал свое развитие, он сумел увидеть ограниченность и лицемерие буржуазной демократии. Нужно отметить, что буржуазные авторы не раз пытались извратить мировоззрение Н. Г. Чернышевского и доказать, что великий революционер-демократ был сторонником буржуазной демократии. Подобные измышления получали должный отпор со стороны советских авторов².

Признавая известную прогрессивность капитализма и буржуазной демократии, Н. Г. Чернышевский видел, что буржуазия не может удовлетворить чаяния народа о счастье. Приближаясь к пониманию сущности буржуазного государства и демократии, Чернышевский высказал ряд ценнейших идей, жизненных и в настоящее время. Еще в юношеских дневниках он писал: «Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не унич-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

² Песков Е. Ричард Хейер клеветет.— Большевик, 1952, № 10.

тожают социального порядка, при котором 9/10 народа — рабы и пролетарии; не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»³.

Провозглашение демократических свобод — для Чернышевского не самоцель. Демократию он всегда связывал с коренным изменением материального и политического положения трудящихся масс, причем показывая невозможность этого ни при царизме, ни в условиях буржуазного государства. В этих же дневниках, отвечая самому себе, он пишет: «...теперь я решительно убежден в противном — монарх, и тем более абсолютный монарх, — только завершение аристократической иерархии, душой и телом принадлежащие к ней. Это все равно, что вершина конуса аристократии. То, когда самая верхушка у конуса отнята, не все ли равно? Низшие слои изнемогают под высшими, будет у конуса верхушка или нет...»⁴.

Будучи глубоким критиком капитализма, Н. Г. Чернышевский большое внимание уделял именно критике буржуазной демократии. Одной из характерных ее черт он считал ограниченность формально провозглашенных буржуазных политических свобод. Понимая, что всеобщее избирательное право в капиталистических странах способствует политическому воспитанию трудящихся, Н. Г. Чернышевский тем не менее видел, что реальная власть в этих странах находится в руках буржуазии. Отсюда, делал вывод мыслитель, «мнение нации и решение парламента — две различные вещи, очень часто немало несходные»⁵. Актуальна и мысль Чернышевского о том, что неимущий человек не может быть равноправным, даже если он получил юридические права. «...Человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя по букве закона и провозглашалась его независимость»⁶. Английский парламент, по замечанию Н. Г. Чернышевского, никогда не станет на сторону трудящихся,

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 110.

⁴ Там же, с. 356.

⁵ Там же, с. 142.

⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1950, т. 2.

«он не может при настоящем своем составе справедливо решить вопрос, например, о так называемых strike'ах или взаимных отношениях фабриканта к работникам, потому что в английском парламенте находятся представители только одной из этих двух сторон»⁷.

Великий русский революционный демократ обратил внимание и на такие характерные для буржуазных государств явления, как подкуп государственных деятелей, продажность чиновничества, зависимость прессы от денежного мешка⁸. Актуальны и замечания Н. Г. Чернышевского о методах работы буржуазных ученых, защищающих интересы правящих классов. Такой «специалист» «сам не одарен такими умственными силами, чтобы составить теорию, которая удовлетворяла бы его желанию опровергнуть коммунизм»⁹, и поэтому «искажает и определения, и факты, чтобы предохранить своих читателей от коммунистической заразы...»¹⁰. Кому служат такие поборники «демократии»? Ответ на этот вопрос мы также находим у Н. Г. Чернышевского. «Без них, без этих людей, так прочно и добросовестно утвердивших за собой репутацию либералов и демократов, реакционеры были бы бессильны»¹¹.

Для Н. Г. Чернышевского демократия была властью «простого народа», призванной уничтожить всякое угнетение. И хотя он не смог сделать вывода о том, что только диктатура пролетариата порождает новый тип демократии — демократии социалистической, его глубокая критика буржуазной демократии сыграла огромную роль в политическом воспитании русских революционеров. И сейчас, когда буржуазные фальсификаторы, пытаясь скрыть бесправие миллионов трудящихся в капиталистических странах, клеветуют на социализм, идейное наследие Н. Г. Чернышевского является сильнейшим оружием борьбы против современных фальсификаторов.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 800.

⁸ См., например: там же, т. III, с. 548.

⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 729.

¹⁰ Там же.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. в 5-ти т., т. 5, с. 210.

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА РЕВОЛЮЦИОННУЮ МЫСЛЬ РОССИИ
70-х ГОДОВ XIX в.**

Ю. Д. МИШИН, *канд. филос. наук*

Революционный демократизм в России, рожденный ненавистью к угнетению, был поддержан непоколебимой убежденностью в торжестве новых общественных отношений, которые воздвигнет освобожденный от эксплуатации и политического деспотизма народ. Социальным идеалом революционной России был социализм. Социалистическая направленность русской революционно-демократической мысли является особенностью ее развития и главной традицией.

Социалистические идеи в русское революционно-демократическое движение привнесли В. Белинский и А. Герцен еще в 40-е годы XIX в. А. Герцена В. И. Ленин назвал «основоположником „русского“ социализма»¹.

Социалистические идеи В. Белинского и А. Герцена оказали заметное влияние на становление представлений о будущем социальном устройстве России революционеров-демократов 50—60-х годов, среди которых Н. Г. Чернышевскому по праву принадлежит ведущее место. Авторитет социалистических концепций в России в эти десятилетия значительно вырос в связи с деятельностью Н. Чернышевского и близких к его идейной позиции революционеров.

Развивая мысли А. И. Герцена и В. Г. Белинского о социализме, Н. Г. Чернышевский еще определеннее и последовательнее, чем они, связал учение о социализме с необходимостью радикальной политической борьбы против существующего строя. «Чернышевский,— писал В. И. Ленин,— развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом»².

Признав социалистические перспективы крестьянских общин и рабочих артелей, Н. Г. Чернышевский попытал-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

² Там же, т. 25, с. 94.

ся раскрыть их экономические возможности и социальную обусловленность. Он различал три последовательные ступени эволюции общинных связей в будущем: общинное владение, общинное производство и общинное потребление (коммунизм). Социалистическим догадкам Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других западноевропейских социалистов-утопистов Н. Чернышевский, связав социалистические идеи с анализом экономического строя общества, противопоставил в ряде случаев силу научно обоснованного предвидения, основанного на анализе экономического строя общества. Сущность социализма, подчеркивал Н. Чернышевский, относится собственно к экономической жизни и заключается в том, чтобы трудящийся человек пользовался всеми плодами своего труда, а не видел их достигающимися в чужие руки³. Разумеется, сказанное не является достаточным основанием утверждать, что Н. Чернышевский выводил необходимость социалистических преобразований из законов экономического движения, а социалистическую революцию рассматривал как способ разрешения экономико-политических противоречий буржуазного общества. Но нельзя не видеть, что Н. Г. Чернышевский своим особым вниманием к экономической истории делает решительный шаг навстречу научному социализму. Надо, очевидно, согласиться с А. И. Володиным, полагающим, что Н. Г. Чернышевский «категорически отказывается от того, что Маркс называл догматическим предвосхищением будущего, и переходит к изучению исторического процесса „рождения нового общества из старого“»⁴.

Экономический подход к рассмотрению общественных отношений позволил Н. Чернышевскому понять, что социалистические изменения в обществе не наступят неожиданно, вдруг, без борьбы и трудной созидательной работы. В отличие от многих других утопистов он выступал в своих сочинениях 60-х годов как трезвый реалист, хорошо осознающий, что «те чувства и требования, которые вызываются и поддерживаются действительностью, гораздо сильнее всех фантастических стремлений и надежд»⁵. Выдающийся революционер-демократ не же-

³ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 337.

⁴ См.: Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973, с. 200.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 231.

лал гадать на истории. На вопрос: «Сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство... простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим?» Н. Чернышевский отвечал уклончиво: «По всей вероятности, это будет история очень длинная»⁶. Вместе с тем он допускал возможность значительно сократить это время, благодаря скачку через промежуточные исторические этапы⁷.

Н. Г. Чернышевский сознательно дифференцировал будущее общество на две главные фазы: социалистическую и коммунистическую, считая принципы коммунистического общественного устройства более совершенными и рациональными. «Эпоха коммунистических форм жизни,— замечал мыслитель,— вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма»⁸.

В представлениях Н. Г. Чернышевского о грядущих социальных переменах также прослеживается его избирательный интерес к экономике, стремление опереться на знание экономических процессов. Думается, что объяснение этому следует искать и в специфике философской позиции русского революционера-демократа. Антропологический подход к действительности и ее познанию у Н. Чернышевского отличался от антропологического принципа в философии Л. Фейербаха. Последовательный революционер-демократ Н. Чернышевский сумел преодолеть абстрактность размышлений известного немецкого философа о сущности человека и человеческого, введя в содержание принципа аспект активного действия субъекта истории. Для Н. Чернышевского сущность человеческого раскрывалась не в виде абстрактной любви, а в форме экономических потребностей человека в коллективной жизни, в труде. При этом, по Н. Чернышевскому сама экономическая история движется к осуществлению сущности человеческого. «Человечество, действительно,— писал он,— идет к заменению вражды, при-

⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. соч., М.—Л., 1935, т. II, полутом II, с. 546.

⁷ См.: Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения.— Полн. собр. соч., т. V, с. 357—392.

⁸ Там же, т. IX, с. 487.

нимающей в промышленных делах форму конкуренции, товариществом, союзом»⁹.

Антропологический подход к истории общества в некотором смысле раздвинул границы традиционного утопизма, предоставив мыслям Н. Чернышевского возможность эволюционировать в направлении к материалистическому научному толкованию общественной жизни. Но антропологизм (Л. Фейербаха, Н. Чернышевского) был всего лишь теоретической предпосылкой исторического материализма, а через него и научного коммунизма. Чтобы понять действительную сущность «естественно-исторического процесса» общественной жизни, необходим был творческий союз диалектики и материализма. Н. Чернышевский до конца использовал возможности антропологического подхода, еще раз подтвердив тем самым, что являлся выдающимся мыслителем своей эпохи, но преодолеть ограниченность самого антропологического подхода он не смог. Он преувеличивал роль крестьянской общины. Н. Чернышевский, подчеркивал Ф. Энгельс, «не был совсем свободен» от веры «в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение»¹⁰. Еще определеннее оценил социалистическое наследство революционера-демократа В. И. Ленин: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹¹.

Но несмотря на это, историческое значение разработанной Н. Чернышевским социалистической концепции неоспоримо и многообразно. Во-первых, в ней аккумуляровался лучший опыт социалистических исканий в России и отчасти зарубежной. Во-вторых, ее автор сумел творчески осмыслить теоретические достижения предшественников, высказать ряд оригинальных положений и критически оценить господствующие в утопическом социализме идеи Сен-Симона и Фурье¹². В-третьих, от-

⁹ Там же, т. VII, с. 168—169.

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 451.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 828—829.

четливо видя важность теоретических исследований для революционного преобразования мира, Н. Чернышевский постоянно направлял теорию на решение задач практического революционного действия. Он был непримиримым противником схоластических, беспочвенных рассуждений и стремился к конкретности идей, их предметности.

Социалистические представления Н. Чернышевского, тесно связанные с революционной деятельностью, отразившие сильные и слабые стороны русского революционного демократизма, вобравшие в себя страдания и надежды трудового народа России, мощь и ограниченность крестьянского протеста, не только питали сознание его современников, но и становились идейной платформой дальнейшего развития социалистической теории в 70—80-е годы. Учение о социализме Н. Чернышевского явилось мощным стимулятором революционных идей, силой, направляющей и организующей сознание протеста, борьбы. Однако революционная Россия и в дальнейшем продолжала мучительный поиск социалистической теории, адекватной русским историческим условиям, подключая новые силы и вырабатывая новые планы под впечатлением замыслов Н. Чернышевского, А. Герцена, Н. Добролюбова.

Фальсификаторы истории революционной мысли России пытаются доказать, что русские революционеры 70-х годов были нигилистами-разрушителями и не располагали никакими определенными планами созидания. Они преднамеренно искажают основные черты русского революционного демократизма.

Общественным идеалом революционеров России 70-х годов был социализм. Только с социализмом они связывали уничтожение социального и национального неравенства, беспрепятственное развитие просвещения, науки, культуры. Они были убеждены, что социалистические общественные отношения, основанные на творческом труде, навсегда искоренят войны — источник разрушений и страданий, освободят человечество от религиозного дурмана. Но в 70-е годы резче, чем в 40—60-е, предстали течения внутри революционно-демократической идеологии, а следовательно, и различия в понимании социализма. Одни из них остались верны сложившейся методологической традиции, другие предпочли дополнить

общую теорию социализма частными размышлениями о будущем. Необходимо, однако, отметить, что потребность детально представить преимущества нового общественного строя не была следствием преклонения перед идеями западноевропейских социалистов-утопистов. Она была обусловлена спецификой революционной деятельности в России в тот период.

Пропаганда и агитация в народе, широко развернувшиеся в 70-е годы, требовали от революционеров особого отношения к социалистической теории. Сторонниками социалистического устройства будущего оказались те идеологи русского освободительного движения, кто считал неизбежным подготовительный период народной революции и выступал в пользу социалистической пропаганды и агитации: П. Лавров, П. Кропоткин, В. Танеен и др. Против разработки детальных программ социалистического преобразования высказался категорически М. Бакунин. Отрицал целесообразность детального конструирования будущего М. Салтыков-Щедрин. Не имели, по существу, подробного плана будущих социалистических перемен и некоторые революционные организации.

Отказ от детализации в социалистических представлениях не означал единодушия в исходных суждениях социалистов. Если М. Бакунин, например, отрицал частный анализ социальной перспективы по причине открытого недоверия к научному предвидению¹³, то М. Салтыкова-Щедрин, напротив, сдерживала глубокая вера в науку и открытое недоверие к умозрительной схоластике.

Своеобразную позицию в диалоге заняла Московская организация революционеров. Активный ее участник И. Джабадари писал, что руководство организации имело довольно подробную программу социалистического переустройства России, но до рядовых членов союза этот план не дошел. «Мы все хорошо сознавали,— сообщает И. Джабадари,— что прежде чем удастся восторжествовать социалистическому строю, неизбежно будут переходные экономические и политические формы жизни, которые, вопреки нашим теоретическим построениям, будут

¹³ «Наука, самая революционная и глубокая,— писал М. Бакунин,— не может угадать форм будущей общественной жизни. Она может определить только отрицательные условия, вытекающие из строгой критики существующего общества».— См.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века. М., 1964, т. I, с. 38—39.

приняты народом в силу необходимости. Поэтому мы решили никому не показывать детальной программы»¹⁴. Продолжая мысли А. Герцена и Н. Чернышевского об особенностях победы социализма в России, революционеры 70-х годов остро ставили вопрос о возможности миновать капиталистический этап на пути к социализму и стремились решение его выразить в практической революционной деятельности.

Развитие и конкретизация в трудах «семидесятников» социалистических представлений предшественников об экономическом содержании социалистической революции, о необходимости всеобщего труда, о переходном периоде к социализму и его сложности, о революционных силах социальной революции, о необходимости всестороннего развития рациональных задатков личности, о национальном равноправии убедительно подтверждают вывод о том, что в 70-е годы «русский» социализм заметно обогатился теоретически, укрепил свои связи с практическим революционным движением, расширил социальную базу действия, а социалисты организовали активную и широкую пропаганду и агитацию среди городских рабочих. Достижения «семидесятников» — закономерное явление логики развития социалистических идей в России, важнейшим моментом которого явилось учение о социализме Н. Г. Чернышевского.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РУССКОЙ ОБЩИНЕ

И. П. МУСАТКИН, *канд. ист. наук*

Годы революционной деятельности Н. Г. Чернышевского совпали с переломным периодом общественной жизни, глубоким кризисом феодально-помещичьего строя России. В середине XIX в. крепостническая Россия находилась накануне революции, что вынуждало царское правительство приступить к реформам, к ликвидации крепостнических порядков. Ход развития капиталистических отношений в экономике страны вел к коренному изменению общественных отношений, классовой структуры общества, положения многомиллионного крестьянства.

¹⁴ Былое, 1907, кн. 8—10, с. 81.

Перед русским революционно-демократическим движением, во главе которого стоял Н. Г. Чернышевский, на протяжении всей своей жизни выступавший как непримиримый враг самодержавия и крепостничества¹, встал вопрос о судьбах крестьянской общины.

Вопрос об отношении Н. Г. Чернышевского к крестьянской общине — архаической форме землевладения, как своеобразной экономической основе нового строя в России, по тому или иному поводу освещался в литературе. Большинство исследователей сходятся на том общем выводе, что вера в особый уклад русской жизни, развиваемые им идеи общинного социализма ошибочны, утопичны. Однако при объяснении конкретных исторических фактов заключения и оценки великого мыслителя и революционера нередко противоречивы. Они получили далеко не полное, порой одностороннее, освещение.

Изучение взглядов Н. Г. Чернышевского на общину имеет не только научно-познавательное, но и идеологическое значение. Великий Октябрь изменил облик мира, пробудил сознание колониальных народов, в результате чего многие государства добились государственной независимости.

Значительной части крестьянства освободившихся стран присущи такие черты классической общины, как традиции совместного труда, внутриобщинный коллективизм в сочетании с социальной обособленностью общины, психология и практика взаимопомощи, консерватизм общинного крестьянства и т. д.

Логика некапиталистического пути развития ставит перед освободившимися странами Азии и Африки практическую задачу преобразования общинных отношений. Процесс этот непосредственно связан с минованием освободившимися от гнета империализма странами капиталистической общественно-экономической формации. «Исключительно важно, — отмечает Л. И. Брежнев, — что многие освободившиеся государства отклоняют капиталистический путь развития и ставят своей целью построение общества, свободного от эксплуатации, ориентируются на социализм»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

² Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. — Правда, 1977, 3 ноября.

В этих условиях империализм, пытаясь взять реванш за понесенные им поражения, оказывает поддержку реакционным кругам в развивающихся странах, тормозит ликвидацию отсталых социальных структур, стремится всячески навязать им капиталистический путь развития. В политике неокOLONиализма большая роль отводится идеологической борьбе, фальсификации марксизма-ленинизма, в том числе извращению теории некапиталистического пути развития.

В. И. Ленин отмечал, что у Чернышевского «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное целое»³. Н. Г. Чернышевский полагал, что Россия может избежать капитализма, и мечтал о переходе к социализму через крестьянскую земледельческую общину, рассматриваемую в качестве экономической основы нового строя. Ф. Энгельс отмечал, что в русской крестьянской общине Чернышевский видел «средство для перехода от современной общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западноевропейское общество с его классовыми противоположностями»⁴.

В крестьянской общине России 50—60-х годов, не имевшей тогда ни развитой промышленности, ни развитого рабочего класса, Чернышевский не мог видеть, что только капитализм создает материальные предпосылки, а пролетариат — общественную силу для осуществления социализма. Именно экономическая отсталость России того времени, отсутствие в ней развитого пролетариата придали его социалистическим идеалам утопический характер⁵. Но великий русский революционный демократ преодолел и многие коренные недостатки западноевропейских утопистов домарковского социализма и намного превосходил своих предшественников.

Если утопические социалисты первой половины XIX в. мечтали о мирном переходе к «промышленному обществу» (Сен-Симон), «социатарному строю» (Ш. Фурье) или «поселениям единения и взаимного сотрудничества» (Р. Оуэн), то Н. Г. Чернышевский выступал как убежденный революционер, считавший, что для осуществле-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 280.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 442.

⁵ Там же, с. 441—442.

ния социализма необходимо революционное свержение самодержавия.

Утописты на Западе относились холодно к политической, классовой борьбе пролетариата, поддерживали позицию классового мира. Чернышевский, разочаровавшись в русской общине, пришел к выводу, что путь к социализму лежит через народную крестьянскую революцию. «От его сочинений,— писал В. И. Ленин,— вест духом классовой борьбы»⁶.

Основоположником теории «русского общинного социализма» был А. И. Герцен. В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. он считал, что Россия может миновать капиталистический путь развития, избежать пролетаризации деревни и перейти к социализму на базе крестьянской общины. Под «русским социализмом» он понимал общественный строй, «который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего предела полей, от общинного владения и общинного управления и идет вместе с работничьей артелью навстречу той, экономической справедливости, к которой стремится социализм и которую подтверждает наука»⁷. А. И. Герцен считал, что уклад русской жизни носил особый характер, и в этой связи рассматривал крестьянскую общину как проявление «славянского духа» в русском народе, как зародыш социализма. «Россия... является совсем особенным миром,— писал он в феврале 1857 г.,— с своим естественным бытом, с своим физиологическим характером — не европейским, не азиатским, а славянским»⁸. По мнению А. И. Герцена, русский народ ближе всех европейских наций стоит к новому социалистическому устройству, он может использовать естественные формы и перейти к социализму раньше и быстрее, чем страны Запада.

В отличие от А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевский не идеализировал общину,— эту архаическую форму землевладения. Он не считал ее исключительно русским или славянским явлением, выражением русской самобытности, особого социалистического духа русского крестьянства. «Этот общинный дух,— подчеркивал он,— мы вовсе

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

⁷ Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 127—128.

⁸ Там же, т. 12, с. 429.

не расположены считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре»⁹.

С научных позиций Н. Г. Чернышевский рассматривал объективную закономерность перехода от феодализма к капитализму, единство закономерностей исторического развития русского и западноевропейских народов. Он указывал, что община существовала в свое время и в западноевропейских странах, а затем постепенно сошла с исторической арены. В своей знаменитой статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» он считал общину признаком русской отсталости: «Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще никому не следует гордиться, какую бы то ни было стариною потому, что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития. Сохранение общины в поземельном отношении, исчезнувшей в этом смысле у других народов, доказывает только, что мы жили гораздо меньше, чем эти народы»¹⁰. Причину отсталости он объяснял сохранением самодержавно-крепостнического строя в России.

В. И. Ленин отмечал, что «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом»¹¹.

Н. Г. Чернышевский верил в возможность России миновать капиталистическую стадию развития и на основе общинных начал в поземельных общественных отношениях в деревне перейти к социализму. Но будущее общины он связывал с народной революцией, свержением самодержавия, ликвидацией помещичьей собственности на землю. Лишь с переустройством общественного строя, превращением государства в орудие выражения интересов большинства населения возможно сохранение и развитие общины на социалистических началах¹². По его мнению, навыки общинного землевладения облегчат задачу управления общественными делами, объединение

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 341.

¹⁰ Там же, т. V, с. 362—363.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 758.

крестьянских масс в коллективные хозяйства, способные применять усовершенствования техники. Они помогут экономически отсталой России значительно сократить промежуточную фазу развития и перейти к социализму.

Чернышевский защищал общину и боролся за то, чтобы она была сохранена. Он утверждал, однако, что крестьянская община явится ячейкой социализма в том случае, если произойдет крестьянская революция. Реформа же, как он полагал, разрушит общину. Чернышевский понимал, что реформа приведет к обезземеливанию и расслоению крестьянства. И, следовательно, допускал капиталистическое развитие русской деревни после реформы.

Таким образом, Чернышевский выступал за сохранение общинного владения только при строго определенных условиях. В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» в 1858 г. он пишет: «Таковыми гарантиями должны считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого еще мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения... По тому, когда человек уже не так счастлив, чтобы получить ренту, чистую от всяких обязательств, то, по крайней мере, предполагается, что уплата по этим обязательствам не очень велика в сравнении с рентой, если он находит выгодным для себя ввод во владение. Только при соблюдении этого второго условия люди, интересующиеся его благосостоянием, могут желать ему получение ренты»¹³.

Из этого следует, что отстаивать сохранение общинного землевладения имеет смысл лишь в том случае, если доход от него будет полностью поступать в распоряжение самих крестьян.

Однако когда к концу 1858 г. был ясен буржуазный характер крестьянской реформы, по которой крестьянство получало землю не безвозмездно, а за выкуп, т. е. оказывалось «обременено кредитными обязательствами», Чернышевский убедился, что его защита общинного землевладения — «глупым образом начатое дело». В той же

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 360.

статье «Критика философских предубеждений» он пишет: «Не все смотрят на него с тем чувством отвращения и негодования, какое внушает оно мне теперь, по разрушении надежд, в которых было начато мною. Теперь я уже сказал, я желал бы, быть может, чтобы все оно пропало»¹⁴. Глубоко разочаровавшись, Чернышевский, по выражению Г. В. Плеханова, «совершенно махнул рукой на русскую общину»¹⁵.

Чернышевский пытался доказать, что революционным путем возможно избежать развития капитализма в России. Он был убежден, что русское крестьянство совершит социалистическую революцию и утвердит новый мир, мишу капитализм.

К. Маркс, высоко оценивая Чернышевского как «оригинального мыслителя»¹⁶, вместе с тем не разделял его взглядов на русскую общину. Наиболее благоприятным случаем для осуществления этих идей Чернышевского К. Маркс считал революционную ситуацию, предшествовавшую реформе 1861 г.

Чернышевский не понимал буржуазной природы предстоящей в России революции. Грядущую революцию он считал социалистической, а крестьянство — главной силой революции. И в этом был его утопизм. Мысль о крестьянской революции зародилась на почве экономической отсталости страны. В те годы пролетариат в России был малочислен, не развит политически, не имел своей пролетарской партии. Преимущество же стонущего под гнетом самодержавия и помещиков невежественного крестьянства состояло в том, что оно составляло подавляющее большинство населения страны. Поэтому Чернышевский и связывал социализм не с пролетариатом, а с крестьянством и его революцией.

Он еще до отмены крепостного права осознавал, что крестьянская реформа породит разорение крестьянства, вызовет революционное брожение, которое выльется со временем во всенародную революцию. Ее первым шагом будет свержение самодержавия, а вторым — установление народного правления, т. е. власть перейдет в руки «земледельцев».

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 361.

¹⁵ Плеханов Г. В. Соч. т. 6, с. 34.

¹⁶ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 46.

Чернышевский считал, что можно миновать капиталистический путь развития, избежать пролетаризации деревни и на базе крестьянской общины перейти к социализму. Но он не понимал, что для этого необходимо было, чтобы крестьянская революция в России совпала с пролетарской революцией на Западе. Только поддержка и помощь пролетарской революции в Западной Европе могла обеспечить победу крестьянской революции в России, а общинному землевладению — облегчить переход к социализму¹⁷. Без такого союза революционного крестьянства в России с революционным пролетариатом Запада победа была бы невозможна.

Известно, что в конце 70-х — начале 80-х годов К. Маркс и Ф. Энгельс, задумываясь над судьбами русской общины, в принципе не исключали возможность некапиталистического пути развития России. Они считали, что при условии революционного демократического преобразования страны и совпадения русской крестьянской революции против самодержавия с пролетарской революцией в Западной Европе крестьянская община с ее общинной собственностью могла бы стать исходным пунктом социалистического развития. «Если русская революция,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в предисловии к русскому изданию “Манифеста коммунистической партии” в 1882 г.— послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹⁸.

В новых исторических условиях В. И. Ленин развил и конкретизировал идею К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что с появлением на мировой арене социалистического строя народы отсталых стран благодаря помощи победившего пролетариата могут сократить путь к высшей общественно-экономической формации, минуя целые эпохи всемирной истории. «...С помощью пролетариата передовых стран,— указывал В. И. Ленин,— отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹⁹.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 137.

¹⁸ Там же, т. 19, с. 305.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

В современных условиях ленинские принципы интернационального союза рабочего класса, осуществившего социалистическую революцию, с трудящимися освободившихся стран получили убедительное подтверждение во всемирной поддержке борьбы народов бывших колоний за национальное и социальное освобождение.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Н. П. ПУТИЛОВ

Н. Г. Чернышевский вошел в историю общественно-политической мысли как великий представитель русского утопического социализма. Основные социалистические идеи Чернышевского изложены в его работах «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858), «Капитал и труд» (1860), «Очерки из политической экономии (по Миллю)» (1861), «Рецензия на книгу Вильгельма Рошера «Начала народного хозяйства» (1861) и в романе «Что делать?» (1863).

Утопический социализм Н. Г. Чернышевского существенным образом отличается от западноевропейского первой половины XIX в. Хотя Чернышевский и не дошел до идеи материализма в социологии, тем не менее, по сравнению с предшественниками научного социализма на Западе, он сделал шаг вперед в этом направлении.

Утопические социалисты Запада, указывает Плеханов, «сводя дальнейшую историю мира к пропаганде и практическому осуществлению своих реформаторских планов», ни в коей мере «не могли удовлетворить своими учениями человека такого сильного критического ума, как Чернышевский»¹. Он был поставлен перед необходимостью «самостоятельно искать» реальные «исторические условия» перехода к социализму как для капиталистического Запада, так и для полуфеодальной России².

Н. Г. Чернышевский далек от мысли, что дальнейшая история человеческого общества будет разворачиваться на

¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. I, с. 143.

² См.: там же, с. 142—143.

основе изобретения гениального ума. Для него будущее человечества, новая форма общественного строя обуславливается предшествующим развитием общества. Основным критерием перехода от одного общественного строя к другому он считал изменение форм собственности. За исходное положение Чернышевский принимал первобытную коллективную собственность, которая сменялась индивидуальной. Последняя в свою очередь снова сменялась коллективной собственностью³. Анализируя работу Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», Плеханов пишет, что у него «первый шаг цивилизации» есть отрицание коллективной собственности, «второй будет отрицанием отрицания, возвратом к коллективизму»⁴.

Попытаемся сравнить взгляды Чернышевского и классиков марксизма на развитие форм собственности. Все народы, пишет Ф. Энгельс, «начинают с *общей* собственности. Почти у всех народов она в ходе общественного развития отменяется, *отрицается*, вытесняется... частной собственностью... Подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития — такова задача социальной революции»⁵. Как видно, точка зрения Н. Г. Чернышевского на развитие форм собственности близка к взглядам Ф. Энгельса. Но близость еще не означает тождества. По мысли Энгельса, частная собственность сменяется общественной собственностью в общегосударственном масштабе. Чернышевский же в замене индивидуальной собственности общественной видит возврат к общинной форме собственности на более высоком уровне развития⁶.

Рассматривая развитие форм собственности, Чернышевский допускал возможность, что у отдельных народов первобытная коллективная собственность может перейти в высшую форму общинного коллективизма, минуя период господства индивидуальной формы собственности⁷. К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, не исключали воз-

³ См.: Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. в 3-х т., М., 1950, т. 2, с. 473.

⁴ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. II, с. 220.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 640.

⁶ См.: Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. в 3-х т., т. 2, с. 473—474.

⁷ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 220.

возможности минования отдельными народами периода господства частной собственности, но при одном условии, если будут существовать достаточно развитые социалистические страны⁸.

Важно особо подчеркнуть, что период господства индивидуальной формы собственности Чернышевский определяет как период классовой борьбы между различными социальными слоями и считает, что переход от индивидуальной формы собственности к общественной должен произойти не автоматически, а именно через классовую борьбу.

В истории развития классового общества, во взаимоотношениях различных классов между собой Чернышевский видел классовую борьбу. А последняя определяется материальными отношениями и приводит в конечном итоге к победе неимущих классов над классами имущими. Здесь взгляды Чернышевского, резюмирует Плеханов, «поразительно совпадают со взглядами Маркса и Энгельса»⁹.

Однако, говоря о совпадении взглядов Чернышевского со взглядами основоположников научного социализма на взаимоотношение классов и классовую борьбу в истории, Г. В. Плеханов имеет в виду лишь близость воззрений Чернышевского к исходным позициям марксизма, и только. Чернышевский не решил вопроса, являющегося главным в марксизме, вопроса об исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и творца нового общества. С точки зрения Маркса и Энгельса, классовую борьбу против последнего эксплуататорского класса в истории — буржуазии ведет рабочий класс, призванный уничтожить всякие классы и всякую классовую борьбу. Согласно же Чернышевскому, борьбу против буржуазии ведет «народ», все «сословие работников». Не проводя «никакого различия между различными слоями трудящегося населения» в капиталистическом обществе, Чернышевский, отмечает Плеханов, подобно социалистам-утопистам Запада, не видел рабочего класса, а следовательно, реальных путей перехода к социализму¹⁰.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 445—446.

⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. IV, с. 298.

¹⁰ См.: там же, с. 117—119.

Исходя из своих общетеоретических воззрений на развитие общества, Н. Г. Чернышевский ищет пути переустройства общественных отношений на началах социализма как для стран Западной Европы, так и для России. В соответствии с этим поиском Г. В. Плеханов, исследуя с позиций марксизма взгляды Н. Г. Чернышевского на преобразование общества на социалистических началах, рассматривает, с одной стороны, его воззрения на пути и условия перехода западноевропейских стран от капитализма к социализму, а с другой — его представления о русской крестьянской общине как основе социализма в России.

Изучая западноевропейские капиталистические общественные отношения, Чернышевский делает правильный вывод, что при капиталистическом способе производства в значительно больших масштабах, по сравнению с предыдущим этапом исторического развития, увеличивается общественное богатство. Вместе с тем Чернышевский видит, что увеличение богатства при капитализме не улучшает благополучия трудящихся, а наоборот, «...ведет к упадку рабочего класса в экономическом отношении»¹¹. Отмечая «упадок рабочего класса в экономическом отношении» и признавая историческую необходимость замены капитализма, основанного на господстве частной собственности, социализмом, Чернышевский, как утверждает Плеханов, невольно пришел к «тому выводу, который лег впоследствии в основу программы Интернационала и который гласит, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»¹². Однако уяснив ту истину, что только сами трудящиеся могут добиться своего освобождения, Чернышевский не видит ясной перспективы перехода западноевропейских стран к социализму. Социалистическое переустройство этих стран он связывает с возвратом к общинному землевладению, с переходом к групповой (общинной) собственности. При этом, с точки зрения Чернышевского, переход Запада к общинной форме собственности будет далеко не из легких. «Мы видим, — писал он, — какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собствен-

¹¹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 190.

¹² Плеханов Г. В. Избр. филос. прозв., т. IV, с. 110.

ности и как тяжело вернуть западным народам свою утрату»¹³.

В ошибочности взглядов Чернышевского на переход западноевропейских стран к социализму Плеханов выделяет два момента. Во-первых, непонимание Чернышевским объективных закономерностей экономического развития общества. Чернышевский не понял, говорит Плеханов, «что для западных народов путь к социализму лежал и лежит от общины через частную собственность, а не наоборот, не от частной собственности через общину»¹⁴. Во-вторых, непонимание Чернышевским того, что социализм может явиться только следствием захвата политической власти пролетариатом¹⁵. Чернышевский не выделял пролетариат из общей массы страдающего и угнетенного народа и не задумывался над его исторической ролью. Причиной непонимания Чернышевским пролетариата как решающей силы в борьбе за социализм Плеханов считает тот факт, что после поражения революции 1848 г. западноевропейский рабочий класс «не подавал никаких признаков политической жизни»¹⁶. Чернышевский, следовательно, не имел возможности наблюдать революционные выступления пролетариата. Кроме того, считает Плеханов, Чернышевский недостаточно глубоко изучил социально-экономическое развитие Запада, вследствие чего не до конца понял место рабочего класса в общественном производстве.

Таким образом, Н. Г. Чернышевский, признавая антагонистическую сущность капиталистического общества и необходимость замены его социализмом, не смог определить реального пути перехода от капитализма к социализму. Основная причина неудачного поиска Чернышевским пути Запада к социализму состояла в том, что он рассматривал буржуазное общество с классовых позиций революционного демократа и не увидел в пролетариате главной революционной силы, призванной уничтожить капитализм.

Не найдя реального пути перехода западноевропейского буржуазного общества к социализму, Чернышевский не увидел реальной перспективы социализма и в

¹³ Цит. по: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 142.

¹⁴ Там же, с. 143.

¹⁵ Там же, т. IV, с. 117.

¹⁶ Там же, с. 116.

России. Он не понял, что в конце 50-х годов прошлого века Россия стояла перед необходимостью развития капиталистических общественных отношений, перед буржуазной революцией. Развивая вслед за Герценом концепцию «русского социализма», Чернышевский связывал переход России к социализму с сохранившейся в стране крестьянской поземельной общиной. «Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта...»¹⁷. В том, что Россия имеет такое средство, как сельская община, «в то время, как Запад его не имеет, — писал Ф. Энгельс, — в этом Чернышевский видит преимущество России»¹⁸.

Крестьянская поземельная община, по мнению Чернышевского, облегчала переход России к социализму, с одной стороны, потому, что русский крестьянин, будучи общинником по отношению к земле как основному средству производства, уже по своей природе был коллективист, а не индивидуалист, а с другой — потому, что социализм в представлении Чернышевского должен иметь форму ассоциированного товарищества трудящихся, прообразом которого, по его мнению, и являлась русская земельная община¹⁹. Социалистический строй представлялся Чернышевскому, пишет Плеханов, в виде отдельных ассоциированных хозяйств. Поэтому он и отстаивал русское общинное землевладение, так как община «представлялась ему готовой исторической подкладкой для земельных ассоциаций»²⁰. В сельской общине, следовательно, Чернышевский видел ту «форму землевладения, которая помогла бы крестьянину начать новую экономическую жизнь при наиболее выгодных условиях»²¹. Благодаря наличию сельской поземельной общины, Россия могла бы, по мысли Чернышевского, перейти к социализму раньше Запада, минуя «мучительную стадию капитализма».

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс допускали возможность перехода России к социализму, минуя капитализм, но при условии, если произойдет пролетарская

¹⁷ Цит. по: Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 142.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 442.

¹⁹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 54.

²⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. IV, с. 115.

²¹ Там же, т. I, с. 140.

революции в Западной Европе. В этом случае, писали основоположники научного социализма, «русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»²².

Ф. Энгельс ограниченность воззрений Чернышевского па преобразование общественных отношений в России объясняет двумя факторами: во-первых, наличием «интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы»; во-вторых, экономической отсталостью России²³. Неразвитость экономических отношений в стране была связана непосредственно с крепостным правом, существование которого сдерживало развитие производительных сил, стояло на пути формирования рабочего класса «непреодолимым препятствием». Именно в силу существования в России крепостничества Чернышевский, по определению В. И. Ленина, не видел и не мог видеть, «что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»²⁴.

Однако, несмотря на то, что взгляды Чернышевского на перспективы социализма в России были ошибочными, отмечал Г. В. Плеханов, тем не менее эти взгляды «все-таки были в высшей степени важными и благотворными, они будили русскую мысль и толкали ее на тот путь, на который ей не удалось вступить в предшествующий период: на путь исследования общественных и экономических вопросов»²⁵.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

О НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Ю. Ю. ВЕЙНГОЛЬД, *д-р филос. наук*

Основное содержание современной эпохи всемирной истории человечества составляет переход от капитализма и докапиталистических общественно-экономических формаций к социализму. Одна из характерных черт современной эпохи состоит в том, что возникновение социализ-

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 305.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 441—443.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

²⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. прозв., т. IV, с. 121.

ма знаменует собой наступление эры освобождения колониальных народов. После второй мировой войны более 70 стран, в которых проживает половина человечества, обрели политическую независимость. Народы этих стран оказались на историческом перепутье, перед проблемой выбора пути развития, пути ликвидации социально-экономической отсталости.

В этих условиях особую актуальность приобретает проблема некапиталистического развития, исследование специфики революционного перехода докапиталистических укладов в социалистический, минуя капитализм.

Понятие «некапиталистическое развитие» введено в научный обиход основоположниками научного коммунизма в 50-х годах XIX в. Первоначально в этом понятии закреплялся результат познания того, что с победой социалистической революции во всех или в ряде передовых капиталистических стран мира для отсталых стран открывается возможность «встать на путь такого сокращенного процесса развития», как переход к социализму, минуя капитализм¹. Вывод о возможности такого перехода развивающихся стран к социализму был сформулирован К. Марксом в 1853 г. Эту возможность К. Маркс связывал с тем, что «великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов»².

Исследуя социально-экономическое развитие России после реформы 1861 г., основоположники научного коммунизма пришли к выводу, что Россия стоит на пороге великой народной революции, которая будет иметь всемирно-историческое значение. Видя буржуазный характер тех общественных отношений, в которые стихийно вступили русские крестьяне, борясь за освобождение от крепостничества, К. Маркс отмечал, что если Россия и дальше пойдет по пути капитализма, то русская крестьянская община неминуемо погибнет. Обосновывая свою точку зрения на возможность при соответствующих благоприятных условиях иного пути социально-экономического развития России, чем путь, пройденный Западной Европой, К. Маркс подчеркивал, что Россия была

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 446; т. 9, с. 230.

² Там же, т. 9, с. 230.

современницей высокоразвитых капиталистических стран Европы, стоявших на пороге социалистической революции. Он указывал, что русская община «не только является современницей капиталистического производства, но и пережила тот период, когда этот общественный строй сохранялся еще в неприкосновенности... Словом, перед ней капитализм — в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма»³.

Убежденные в близости и огромном международном значении русской революции основоположники научного коммунизма признавали возможность ускоренного общественного развития в России под воздействием победоносной пролетарской революции в передовых странах Запада. В предисловии ко второму изданию «Манифеста Коммунистической партии» они проблематично ставили этот вопрос так: «Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада»? И отвечали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴.

В письмах к русским политическим деятелям К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали, что если крестьянская демократическая революция в России произойдет при победе социалистической революции в решающих передовых странах Европы, то победивший пролетариат этих стран поведет за собой русское крестьянство и окажет ему помощь в переходе от мелкого, индивидуального хозяйства к крупному, коллективному производству, устраняя необходимость прохождения капиталистического пути развития.

Возможность некапиталистического развития отсталых стран основоположники научного коммунизма рассматривали как реальную перспективу, вытекающую из

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 401—402.

⁴ Там же, т. 19, с. 305.

закономерного процесса развития человеческого общества и объективного хода развития международного революционного движения. Эта перспектива неразрывно связывалась ими с судьбами социалистической революции в Западной Европе.

Идеологи демократической крестьянской революции в России пришли к выводу о необходимости некапиталистического развития России⁵. Так, Н. Г. Чернышевский писал: «Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»⁶. Он считал возможным при условии победы крестьянской революции переход России к социализму через общину, минуя стадию капитализма. Борьба крестьянских масс за свержение всех старых властей, освобождение крестьян с землей и без выкупа были, по его убеждению, гарантией нового развития России.

Н. Г. Чернышевский из всех теоретиков домарксистской философии наиболее глубоко обосновал возможность некапиталистического пути развития к социализму, в частности, в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения». Рассматривая исторические перспективы развития России в связи со спором западников и славянофилов об исторических судьбах России, Н. Г. Чернышевский не только сделал важные замечания по поводу некапиталистического развития, но и внес значительный вклад в разработку этой проблемы⁷.

Общесоциологическую закономерность этого процесса он выводил из своей теории исторического прогресса,

⁵ Подробнее об этом см.: Хессин Н. В. Н. Г. Чернышевский о путях экономического развития России.— В кн.: История русской экономической мысли. М., 1958, т. I, ч. I; Михайлютин П. Ф. Историческая закономерность некапиталистического развития отсталых стран к социализму. Фрунзе, 1966; Вейнгольд Ю. Ю. Некапиталистическое развитие и социальная воля. Очерки социологического исследования социальной воли как элемента субъективного фактора перехода ранее отсталых народов к социализму. Фрунзе, 1970.

⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв. в 3-х т. М., 1950, т. 2, с. 490.

⁷ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 357—392.

отстаивавшей существование объективных законов истории, сопоставимых с законами естествознания. Таков «закон прогресса», который, по его мнению, является «чисто физической необходимостью». Вместе с тем он отмечал неодолимую тенденцию всемирной истории в движении всего общества от первобытной общины через частную собственность к социализму. Считая перспективу некапиталистического развития России реальной, с точки зрения науки, осуществление такого развития Н. Г. Чернышевский ставил в зависимость от степени цивилизованности страны⁸.

Н. Г. Чернышевский делает попытку определить не только общие причины, но и движущие силы этого развития. На исторических примерах он показывает, что преодоление отживших форм общественного устройства у отсталых народов может совершаться гораздо быстрее под влиянием передовых стран. Однако воздействие соседних стран, отмечал Чернышевский, не может отметить самостоятельного внутреннего развития отсталых народов. Поэтому внутренние условия каждого народа определяют его потенциальные возможности воспринять и усвоить высокие ступени общества, минуя отжившие этапы экономического развития.

Конкретная формула некапиталистического развития, предложенная Н. Г. Чернышевским, — патриархальная община + достижения науки + крупная машинная индустрия — не могла не быть утопичной в ту историческую эпоху. И хотя его надежды на крестьянство, на крестьянскую революцию и на сельскую общину делают его социализм крестьянским утопическим, но социализм Чернышевского нельзя отождествлять с западноевропейским утопическим социализмом. Это более высокая ступень утопического социализма. Н. Г. Чернышевский не мыслил социализма вне революции.

По мнению Н. Г. Чернышевского, после победы революции сельская община должна стать точкой опоры социального возрождения России, т. е. она должна послужить отправным началом для процесса обобществления средств производства, а следовательно, и средством, ускоряющим процесс социалистического преобразования России.

⁸ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 617.

Однако Н. Г. Чернышевский не смог выявить закономерностей развития общественной жизни, а поэтому и не смог научно объяснить исторический процесс. Чтобы стать элементом социалистического переустройства России, сельская община нуждалась в серьезной поддержке извне, со стороны победоносной социалистической революции на Западе. В России развитие капитализма в промышленности и связанные с этим общественные процессы прямо предопределяли разрушение крестьянской общины. Однако реальное значение крестьянского социализма Н. Г. Чернышевского, его концепция минования капиталистического развития выходили за рамки социальной утопии — это была блестящая попытка найти оригинальный, «сокращенный», исторический путь развития стран, отстающих в социально-экономическом развитии, путь, соответствующий интересам трудящихся масс. Именно по этой причине социализм Н. Г. Чернышевского — неразвитый, утопический — выражал действительное требование века. В XIX в., пишет он, уже невозможно одновременно считать себя современным ученым и «...сомневаться в окончательном торжестве нового стремления к союзному производству и потреблению»⁹.

Решение Н. Г. Чернышевским проблемы некапиталистического развития позволило ему диалектически и своеобразно обосновать неизбежность и необходимость победы социалистического общественного строя. Он указывал, что ход истории неуклонно определяется реальным соотношением классовых сил, что основным содержанием истории является борьба эксплуатируемых с эксплуататорами.

Если К. Маркс и Ф. Энгельс не только поставили проблему некапиталистического развития, но и разработали отправные моменты этой проблемы, то Н. Г. Чернышевский был в этом отношении своеобразным «предтечей» основоположников научного коммунизма.

Дальнейшее развитие проблемы некапиталистического развития связано с именем В. И. Ленина. Он не только отстаивал марксистскую идею о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран к социализму от нападок оппортунистов, но и творчески развил и всесторонне обосновал ее.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 741.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

П. Н. ГУЙВАН, *канд. филос. наук*

Философское творчество Н. Г. Чернышевского отличается сплетение двух тенденций теоретического мышления. Одна из них истоком своим имеет антропологизм и связана с различными проявлениями абстрактно-рационалистического истолкования им человека и его общественного бытия. Другая исходит из анализа мыслителем конкретных процессов общественного развития, из его размышлений над конкретными фактами и проблемами недавней истории и современной ему общественной жизни.

Приложение принципов антропологизма к исследованию общественной жизни позволило Чернышевскому обратить внимание на громадное значение материальных процессов и обстоятельств в истории. Указывая на недостатки исторической науки своего времени, он пишет, что они «заключаются не в одних частных несовершенствах исполнения, но еще более в недостаточности общего плана, односторонности и неполноте воззрения на жизнь человечества»¹. Жизнь эта складывается из взаимного проникновения многих элементов, среди которых большую роль играет «материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби»². Однако о «материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах жизни, едва упоминается, да и то самым неудовлетворительным образом, так что лучше было бы, если б вовсе не упоминалось»³. Даже самые лучшие из историков оставляют почти совершенно без внимания «историю отношений человека к природе», тогда как «в природе источники человеческой жизни и вся жизнь коренным образом определяется отношениями

¹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв. в 3-х т. М., 1950, т. 2, с. 20.

² Там же, т. 2, с. 20.

³ Там же, с. 21.

к природе»⁴. И надежды свои на прогресс исторического знания Чернышевский связывает с развитием антропологии, которая преодолевает «узость и отвлеченность обыкновенного взгляда на человеческую жизнь»⁵, позволяет уяснить большую важность естественных наук в развитии исторических исследований.

Производство — важнейший факт человеческой жизни, констатирует Чернышевский. Необходимость его вытекает из отношения человека к природе. Человек как материальное существо имеет определенные потребности. Удовлетворение одних (к примеру, потребности дышать) не ставит перед людьми каких-либо особых проблем. Но не так обстоит дело с другими потребностями (есть, пить, укрываться от холода и т. п.), для которых «внешняя природа не удобна». Средства, ею предоставляемые, недостаточны, поэтому она должна быть изменена. Этой цели и служит производство. Экономическая деятельность, полагал он, есть не что иное, как «переработка природы для удовлетворения человеческим потребностям»⁶.

Отправной точкой анализа Чернышевским процесса производства служит человеческая натура, ее силы и потребности. С нею-то и «должна соотносываться экономическая деятельность». «Мы можем браться только за то, что в наших силах. Мы должны делать так, как велят наши потребности. Часть природы, человек, старается переделать согласно себе остальные части»⁷.

Чернышевский указывает на наиболее абстрактные и всеобщие моменты производства. Человек в качестве субъекта производства предстает у него как материально-природное тело, а производство — природный материально-технологический процесс. Социально-исторические характеристики производства и человека при таком подходе снимаются. Человек вообще не может жить, не занимаясь производством, — на таком уровне абстракции движется мысль Чернышевского. И подобного рода абстракция, в принципе, вполне допустима и правомерна. «...Все эпохи производства, — подчеркивал К. Маркс, — имеют некоторые

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв. в 3-х т. М., 1950, т. 2, с. 21.

⁵ Там же, с. 22.

⁶ Там же, с. 592.

⁷ Там же, с. 612.

общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа — одни и те же, не были забыты существенные различия»⁸.

Но у Чернышевского выделяемые им абстракции производства и человека выступают в качестве непосредственной предпосылки, отправляясь от которой, он пытается объяснить развитие производства, его реальную диалектику, сформулировать идеал желаемого экономического устройства. А это приводит его к тому, что абстракции из средства фиксирования всеобщих признаков, «избавляющего нас от повторений» и позволяющего не забыть «существенные различия», превращались в свою противоположность. В мире, сконструированном на их основе, не было места для «существенных различий». Поскольку же в эмпирической действительности такие различия фиксировались, они объяснялись как отклонение, как деформация истинного экономического устройства, согласующегося с теми «здоровыми экономическими понятиями», в которых выражены требования человеческой природы.

В рассматриваемом отношении весьма характерна рецензия Чернышевского на книгу Гизо «История цивилизации в Европе». Причина прогресса, полагает Чернышевский, заключена «в натуре самих европейских народов», во «внутреннем стремлении массы к улучшению своего нравственного и материального быта, а формы, под влиянием которых должен вырабатываться этот прогресс, не всегда благоприятны ему, потому что происходят совершенно из других начал и поддерживаются совершенно другими средствами»⁹. Таков, в частности, феодализм, происшедший из завоевания, державшийся насильем и имевший целью присвоение плодов чужого труда. Феодализм только ослаблял энергию труда, «да и самый труд беспрестанно прерывался насильями всякого ро-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 21.

⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 3, с. 272.

да»¹⁰. Феодализм, таким образом, как исторически определенная общественная форма производственно-трудовой деятельности людей оказывается, в понимании Чернышевского, лишь внешней надстройкой над этой деятельностью, искажавшей ее внутреннюю логику.

Исходя из абстрактных определений человеческой природы, ее потребностей и удовлетворяющего их производства, Чернышевский полагает возможным сформулировать «наивыгоднейшие для общественного благополучия» условия общественной организации производства и распределения ценностей¹¹. Эти условия предполагают прежде всего соединение работников и средств труда, принадлежность им всего созданного их трудом. Этим обеспечивается максимальная «энергия труда», удовлетворение потребностей человеческой природы, достижение общественного блага. Иначе говоря, речь идет о социалистической организации экономики и всей общественной жизни.

В рамках антропологической методологии желаемое социалистическое будущее представало не как необходимый результат реального развития производства, не как порождение его имманентных противоречий, а как предпосланный реальной истории идеал и критерий ее оценки.

Чернышевский рассматривает смену конкретных исторических форм социальной организации производства не с точки зрения их внутренних противоречий саморазвития, а прежде всего с учетом того, насколько они способствуют (или препятствуют) удовлетворению потребностей и развитию стремлений человеческой природы, насколько они соответствуют (или не соответствуют) наилучшим условиям общественного благосостояния. Критикуя с этой точки зрения капиталистическое производство, Чернышевский пишет: «...Так как человек есть не экономическая машина, а живое существо, одаренное, с одной стороны, различными потребностями, с другой — разумом, то и над слепым, неразумным и безжалостным принципом отношения между запросом и предложением должен в человеческом образе возвышаться другой принцип — закон удовлетворения естественным потребностям человека и разумной организации экономических сил»¹².

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 3, с. 273.

¹¹ См.: там же, т. 2, с. 701—707.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 713.

Но антропологизмом не исчерпывается мировоззрение Чернышевского. Во взаимопереплетении и борьбе с линией антропологизма в его творчестве присутствует и тенденция к конкретно-историческому объяснению общественного развития. Обнаруживается она в его понимании материальных процессов и отношений общества, в стремлении раскрыть социальную обусловленность отношения человека к природе. Большой интерес, например, представляют суждения, высказанные Чернышевским по поводу «гражданского устройства народов». Чернышевский очень широко и неопределенно употребляет этот термин. В данное понятие он включает экономические отношения (невольничество в древности), положение и роль церкви в общественной жизни страны, характер управления и администрации и т. д. Более определенно употребляется им этот термин в политическом обзоре (за февраль 1861 г.). Здесь он, указывая на различие гражданского устройства Севера и Юга США, имеет в виду господствующие в обществе экономические отношения и обусловленное ими преобладающее положение определенного класса¹³.

В различных работах Чернышевского можно найти немало указаний на внутреннюю связь социально-экономических отношений общества с развитием его производства. Так, он считает, что «общинная собственность — существенная принадлежность не земледельческого, а бродячего, пастушеского или звероловского быта»¹⁴. В примечаниях к «Основаниям политической экономии» Милля он пишет, что качество труда, характер положения работников в производстве (раб или свободный) определяются степенью развития производственных процессов¹⁵. В работах «Июльская монархия», «Капитал и труд» и некоторых других Чернышевский дает достаточно глубокую характеристику буржуазного производства, основанного на господстве частной капиталистической собственности, движимого интересами прибыли, сотрясаемого глубокими противоречиями. Столкновение и противоположность экономических интересов различных классов, конкуренция, вытеснение мелкого производства крупным

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 410—414.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 1, с. 399.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 220—223.

и пролетаризация массы мелких самостоятельных собственников, кризисы, — все это, считает Чернышевский, составляет неотъемлемые черты именно буржуазной организации производства. Вскрывая апологетический характер вульгарной политэкономии, пытавшейся представить специфические черты капиталистической экономики как принадлежащие производству вообще, Чернышевский отмечает, что заботой их теории является «не развитие производства вообще, а именно развитие той формы его, успехи которой измеряются расширением оборотов каждого отдельного хозяина»¹⁶.

Выясняя внутренний механизм капиталистического производства, Чернышевский пытался найти обоснование неизбежности социализма. В такой устремленности теоретических воззрений Чернышевского — его величие как мыслителя, сыгравшего видную роль в формировании научно-материалистического подхода к коренным проблемам общественного развития.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ КАК СОЗДАТЕЛЬ ПОЛИТЭКОНОМИИ ТРУДЯЩИХСЯ

И. М. МУСАТОВ, *канд. экон. наук*

Значение Н. Г. Чернышевского в истории русской и мировой прогрессивной культуры трудно переоценить. Он оставил позади себя буржуазную немецкую классическую философию, английскую классическую политическую экономию и французский утопический социализм. Из всех утопических социалистов он наиболее близко подошел к научному социализму.

Творчество Н. Г. Чернышевского — энциклопедично. Он — философ, экономист, историк, теоретик народной революции и социализма, искусства и литературы, художник слова. По мнению Ю. М. Стеклова, исследователя жизни и творчества Н. Г. Чернышевского, по силе своего ума и по разносторонности знаний наш великий соотечественник вряд ли уступал основателю научного социализма — К. Марксу¹.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв., т. 2, с. 720.

¹ См.: Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность. 1828—1889. 2-е изд., М.—Л., 1928, т. 1, с. 11.

В истории мировой экономической мысли между Д. Рикардо и К. Марксом нет ни одного мыслителя, кого можно было бы поставить рядом с именем Н. Г. Чернышевского, который, по оценке К. Маркса, мастерски показал банкротство всей буржуазной политической экономии в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)»².

Революционная и научная деятельность Н. Г. Чернышевского протекала в один из переломных моментов российской истории. Вокруг «крестьянской реформы» 1861 г. развернулась острая политическая борьба между различными направлениями, особенно между либералами и революционными демократами, которых возглавлял Н. Г. Чернышевский.

Идеологи буржуазии не мирились с крепостничеством, но они боялись и революции, движения народных масс, способных уничтожить монархию. Поэтому либералы ограничивались борьбой за дележ власти между крепостниками и буржуазией. Такова была обстановка в России. Специфическими особенностями отличалась и обстановка в западноевропейских странах. Буржуазные революции в Англии и Франции были завершены. Крепостнический строй в этих странах был ликвидирован; его пережитки остались лишь в Германии.

К этому времени в капиталистических странах резко обозначилось действие всеобщего закона капиталистического накопления. В руках буржуазии скапливались огромные богатства, и наряду с этим росло обнищание рабочего класса, разорялось трудовое крестьянство, обострялась классовая борьба пролетариата с буржуазией. С выстрелами на баррикадах лионских ткачей и парижских пролетариев, как выразился К. Маркс, «пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии... Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»³.

Несколько раньше К. Маркса Н. Г. Чернышевский писал о рутинных французских буржуазных экономистах: «Нынешний французский экономист, которому каждая

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 17—18.

³ Там же, с. 17.

блуза, встреченная на улице, представляется символом коммунизма, грозящего разрушением французскому обществу, не может ни одной буквы написать, не думая о коммунизме. Как победить этого ненавистного врага? Он сам не одарен такими умственными силами, чтобы составить теорию, которая удовлетворяла бы его желание опровергнуть коммунизм. Он может переписывать старую теорию, но при этом вычеркивать все, что, по его мнению, может служить подтверждением коммунизма: он искажает и определения, и факты, чтобы предохранить своих читателей от коммунистической заразы. Особенно отличается в этом Бастиа. Адам Смит или Рикардо ужаснулись бы, увидав себя в его переделках»⁴.

В противоположность буржуазной апологетической политэкономии Н. Г. Чернышевский весь свой гений направлял на разоблачение капиталистического строя и его идеологов с позиций преимуществ желательного «естественного» разумного социалистического строя.

Н. Г. Чернышевский ставил перед собой задачу — обосновать некапиталистический путь развития, т. е. социалистический, как единственно разумный, правомерный, отвечающий интересам трудящихся. Он противопоставляет социализм со всеми его выгодами для народных масс капитализму, который несет народным массам разорение и обнищание, эксплуатацию и узурпацию, голод, вымирание и подобные явления.

Политэкономия трудящихся Н. Г. Чернышевского, на наш взгляд, нельзя рассматривать в отрыве от его социалистического учения вообще и от теории народной революции в частности. По Н. Г. Чернышевскому, народная революция служит тем политическим условием, в рамках которого только и может осуществляться политическая экономия трудящихся. В свою очередь теория политэкономии трудящихся служит экономическим обоснованием необходимости народной революции.

Социалистическое учение Н. Г. Чернышевского удивительно цельно. По своей целенаправленности и многогранности оно уступает только марксизму. Исходным пунктом в деле строительства социализма в России Н. Г. Чернышевский считал осуществление крестьянской

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. соч. в 5-ти т. М.—Л., 1937, т. 2, полугом II, с. 360—361.

революции, которая, уничтожив крепостничество, обеспечила бы переход к социализму.

Основой для перехода к социализму Н. Г. Чернышевский считал, во-первых, крестьянскую общину с ее общинным землепользованием, во-вторых, сам революционный русский народ, который, осознав свои классовые интересы, должен совершить революцию и осуществить социалистические преобразования.

Мечты Н. Г. Чернышевского о переходе к социализму через старую полуфеодальную крестьянскую общину были утопией. Но это не вина Н. Г. Чернышевского, а его беда, ибо он не мог понять исторической миссии пролетариата в 60-е годы XIX в.

Для перехода России к социализму, по учению Н. Г. Чернышевского, необходим длительный период, в течение которого народно-демократическое государство должно играть решающую роль в социалистическом преобразовании России. «Сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим! По всей вероятности, это будет история очень длинная», — писал великий мыслитель⁵.

Из учения Н. Г. Чернышевского явствует, что коммунистическое общество состоит из двух фаз — социализма и собственно коммунизма. «Коммунизм... берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем... принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, тоже очень далекие времена, когда делается возможным полное осуществление социализма»⁶. Социализм и коммунизм отличаются друг от друга, по Н. Г. Чернышевскому, развитием производительных сил и состоянием нравственности.

Будущее социалистическое общество, по представлению Н. Г. Чернышевского, должно базироваться на общественной социалистической собственности и состоять из системы промышленно-земледельческих товариществ, ве-

⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв. М., 1949, т. III, ч. II, с. 658.

⁶ Там же, с. 656.

дущих крупное хозяйство. Вследствие этого при социализме исчезнет эксплуатация человека человеком. Труд людей будет облегчен благодаря применению передовой техники. Благосостояние трудящихся непрерывно должно расти на основе планомерного развития производительных сил социалистического общества.

Теорию политической экономии трудящихся Н. Г. Чернышевский разрабатывает на фоне критики апологетической буржуазной политэкономии.

Разоблачая «рутинных политэкономистов» — апологетов капитализма, Н. Г. Чернышевский не приемлет и теорию Смита и Рикардо, которая, по его справедливому замечанию, стоит на позиции «трехчленного деления продукта», т. е. капитализма.

«Прибыль и рента,— говорит Н. Г. Чернышевский,— стремятся разрушить трехчленное деление продуктов,— рента стремится поглотить прибыль и рабочую плату; прибыль стремится поглотить рабочую плату и через то самым успехом своим низвергнуть устройство, через которое достигают успеха»⁷.

Предметом политэкономии трудящихся согласно учению Н. Г. Чернышевского является анализ благосостояния трудящихся. «„Политическая экономия“,— указывает он,— есть наука о материальном благосостоянии человека, насколько оно зависит от вещей и положений производимых трудом»⁸.

Центральной проблемой политэкономии трудящихся является распределение. С позиций распределения и подвергается критике капиталистическое трехчленное распределение продукта между тремя классами — капиталистами, земельными собственниками и рабочими.

Интересна постановка в политэкономии Н. Г. Чернышевского и проблемы потребностей. «Потребности,— указывает Чернышевский,— с экономической точки зрения делятся на потребности материального благосостояния, потребности умственной деятельности и эстетического наслаждения»⁹. Исходя из потребностей, и распределение производительных сил в социалистическом обществе будет организовано планомерно. При капитализме же, считает

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. соч. в 5-ти т., т. 2, полутом I, с. 635.

⁸ Там же, с. 38.

⁹ Там же, с. 40.

Н. Г. Чернышевский, «распределение производительных сил между различными занятиями определяется распределением покупательной силы общества»¹⁰.

В социалистическом обществе, по учению Н. Г. Чернышевского, «труд по своей неотделимости от самого человека не должен быть предметом купли и продажи, т. е. не должен иметь меновой ценности»¹¹.

Анализируя капиталистическое производство, Н. Г. Чернышевский пришел к заключению, что «труд как деятельность — мерило ценностей, однако, не должен сам быть ценностью»¹². Здесь Н. Г. Чернышевский вплотную подошел к открытию товара «рабочая сила». Однако решить ему эту проблему не удалось. Ее решил К. Маркс.

Современные защитники монополистического капитализма в капиталистических странах стремятся изобразить Н. Г. Чернышевского как ученика Смита и Рикардо.

Н. Г. Чернышевский превзошел классиков буржуазной политэкономии. Но научные элементы их теории он принимает за исходный пункт для создания новой политической экономии, отвечающей потребности нового времени. Н. Г. Чернышевский пишет: «Принимая за истину главные результаты исследования великих английских основателей науки, мы не думаем, что их трудами исчерпывается вся истина»¹³.

Смит и Рикардо были представителями буржуазии, поэтому их истина не могла удовлетворить Н. Г. Чернышевского, он выступил как создатель новой теории политэкономии — политэкономии трудящихся, которая только и соответствует потребностям нового времени в противоположность отсталой, но господствующей теории, которую Н. Г. Чернышевский называет теорией капиталистов. Следовательно, теория политэкономии трудящихся выступает в качестве антипода отсталой, но господствующей теории капиталистов.

Создатель политэкономии трудящихся во всех своих экономических работах, в которых анализируются проблемы политэкономии капитализма, вскрывает антагонизм буржуазного общества, которое неизбежно должно погибнуть

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Избр. соч. в 5-ти т., т. 2, полутом I, с. 46.

¹¹ Там же, с. 32.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 611.

в результате классовых битв. Социализм, по воззрению Н. Г. Чернышевского, обязательно придет на смену капитализму, и тогда во всех странах все, что создано трудом, будет принадлежать трудящимся¹⁴. Однако критика капитализма дается Н. Г. Чернышевским с позиции домарксистского социализма: он не выделял еще пролетариата из всей массы трудящихся.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ТРУДЕ, ЕГО МЕСТЕ И РОЛИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В. Л. ЛИВШИЦ

Известный интерес в плане изучения социологического наследия Н. Г. Чернышевского представляет его учение о труде, его месте и роли в жизни общества.

В диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности», а также авторецензии на нее труд провозглашается мыслителем (пока еще без достаточной категориальной разработки его содержания) источником красоты и содержанием «действительности»¹. Красота, как и все другие эстетические явления в жизни общества, есть следствие активной трудовой деятельности человека. В диссертации прослеживается диалектическая взаимосвязь умственного и физического труда на примере искусства. Образ, идея в искусстве являются «началом всякой техники, всякого труда, направленного к созданию и совершенствованию всяческих надобных нам предметов»². Само искусство становится у Чернышевского разновидностью диалектического синтеза умственного и физического труда, таким же трудом, как и всякий другой. Всякий труд, по Н. Г. Чернышевскому, есть свидетельство ума и силы человека. Он писал: «...как человеку не уважать человеческого труда, как человеку не любить

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. соч. в 5-ти т., т. 2, полумтом I, с. 635.

¹ О понятии «действительность» у Н. Г. Чернышевского см.: Полн. собр. соч., т. II, с. 71, 106.

² Чернышевский Н. Г. Эстетическое отношение искусства к действительности.— В кн.: Памятники мировой эстетической и критической мысли. М., 1958, с. 151. (см.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 76, где эта цитата звучит несколько иначе, но по содержанию они идентичны).

человека, не дорожить произведениями, свидетельствующими об уме и силе человека?»³

В своей диссертации Н. Г. Чернышевский последовательно проводит мысль о том, что труд человека носит творческий характер, ибо только неутомимое трудолюбие человека может сообщить природе новую, высшую красоту взамен дикой первобытной красоты.

Труд не только занимает центральное место в процессе формирования представлений о прекрасном у трудящихся слоев общества, но и является основой и непременным условием представлений трудящихся о «хорошей жизни», «наилучшем» устройстве общества.

С позиции антропологического подхода Н. Г. Чернышевский делает вывод о том, что для трудящегося стремление к «хорошей жизни», как она должна быть, «заключается в понятии» жить без работы нельзя⁴, и это стремление человека трудиться — естественное проявление человеческой природы.

Уже в первоначальном рассмотрении труда русский мыслитель анализирует деятельный характер отношения человека к окружающей действительности. Эта деятельность, труд носит материальный характер. Если труд Гегель понимает только как один из видов труда, а «именно, абстрактно-духовный труд», то Чернышевский даже такое сложное духовное явление в жизни общества, как искусство, рассматривает в качестве разновидности диалектического синтеза конкретных видов труда, умственного и физического, т. е. труда, связанного самым тесным образом с материальной деятельностью.

Мысль Н. Г. Чернышевского о глубокой связи явлений искусства и труда, последовательно проводимая в диссертации, позволила ему преодолеть в известной мере в рамках антропологической философии «основной недостаток всего предшествующего материализма, включая фейербаховский — созерцательность»⁵.

Отказавшись от бесплодного, умозрительного конструирования теоретических положений, Н. Г. Чернышевский обращается к фундаментальному исследованию труда,

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 72.

⁴ Там же, с. 10.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

сделав его одним из основных предметов своего философского анализа.

В общеметодологическом плане труд представляется ему единственным средством и источником создания общественной жизни; средством очеловечивания природы, создания искусственной материальной среды, материальных оснований собственно человеческой истории, движения общества к социальному равенству.

В «Основаниях политической экономии (по Миллю)» Чернышевский проводит всесторонний анализ труда. Он рассматривает его субъективные и объективные предпосылки, продолжает анализ диалектического деления труда на умственный («деятельность, составляющая функцию головного мозга») и физический (деятельность «мускулов и организма человека») ⁶. Формы труда, считает мыслитель, зависят от внешних природных обстоятельств, от субъективной готовности человека к труду, от цели, которую при этом он преследует. Как форма, так и содержание труда у него диалектичны, но анализируются им через призму антропологического подхода к действительности. Для Чернышевского нет труда исключительно умственного или исключительно физического — «...каждый труд — есть умственно-физический» ⁷. Такова конкретизация Чернышевским применительно к анализу труда антропологического тезиса; принципом философского воззрения на человека со всеми его феноменами служит «выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма», отстраняющая «всякую мысль о дуализме человека» ⁸.

Утвердив в «Эстетическом отношении искусства к действительности» мысль о материальном характере деятельности человека, Чернышевский в «Основаниях политической экономии (по Миллю)» говорит о труде как о материальном, целенаправленном процессе. Он выделяет различные «отрасли труда» в соответствии с теми целями, которые ставит перед собой человек в процессе преобразования окружающего мира. В «Капитале и труде» подчеркивается антропологический характер решения этого вопроса. «...Цель практической деятельности постановляется природою человека, то есть элементом, присутствующим

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 154.

⁷ Там же.

⁸ Там же, т. VII, с. 240.

щим постоянно»⁹. В итоге цель, по Чернышевскому, вытекает из самого характера человеческой деятельности и возникает вместе с трудом, который является «единственным элементом производства, лежащим в организме самого человека»¹⁰.

Труд признается естественным состоянием человека в условиях «нормальной» социальной жизни. «Ненормальность» и связанные с ней «неприятные ощущения... проистекают не из сущности самого труда, а из принудительного его характера в силу внешних обстоятельств, обычно сопровождающих эту деятельность при нынешнем состоянии общества, но устраняющихся от него другим экономическим устройством»¹¹.

Чернышевский видел отчужденный характер труда в эксплуататорском обществе и считал, что снятие его «через улучшение быта трудящихся» возможно лишь в результате революционного переустройства общества.

Н. Г. Чернышевский разворачивает характеристики труда, рассматривая его как источник богатства, источник стоимости, как товар и капитал. При анализе соотношения труда и капитала он показывает, что капитал является превращенной формой труда, так как «капитал составляет только видоизменение труда и притом видоизменение очень мимолетное, которое поддерживается постоянным воспроизведением его через труд и по сущности дела не имеет ни малейшей независимости от труда, который один и создает, и сохраняет его»¹².

Противоречие между трудом — источником стоимости и трудом — товаром было научно разрешено К. Марксом в его учении о рабочей силе как товаре. Чернышевский в работе «Капитал и труд» поставил эту проблему¹³.

В «Капитале и труде» Чернышевский развивает свои представления о месте труда в будущей «действительной теории трудящихся»¹⁴. Он видит, что у трудящихся нет причин «зложелательствовать друг против друга... Напротив, они имеют прямую экономическую необходимость

⁹ Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч., т. VII, с. 14.

¹⁰ Там же, т. IX, с. 156.

¹¹ Там же, с. 75.

¹² Там же, с. 164.

¹³ Там же, т. VII, с. 163.

¹⁴ Там же, с. 49.

искать взаимного союза»¹⁵, форма союза — «товарищество»¹⁶.

По мнению Чернышевского, поскольку всякая ценность производится трудом, постольку трудящийся должен быть единственным владельцем производимых ценностей. И только в этом случае «труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности...»¹⁷.

Основной недостаток философского анализа труда Чернышевским заключается в наличии натуралистических наслоений в трактовке процесса труда, целеполагания в труде, преувеличенного внимания к физиологическим аспектам труда, когда порой трактовка труда, по словам самого мыслителя, не отличается ни от какой другой органической деятельности¹⁸. Наличие этих моментов обусловлено общей антропологической установкой Чернышевского. Но сила и значение, своеобразие великого русского мыслителя заключаются не только в применении антропологического метода к анализу труда, но и в преодолении его при решении целого ряда частных проблем, связанных с функциями общественного труда, общественного характера разделения труда и т. д.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ ТРУДА

А. И. ГОЛУБЕВ

В советской философской литературе принято относить Н. Г. Чернышевского к предшественникам марксизма независимо от того, что он жил и работал одновременно с основоположниками научного коммунизма и, можно предполагать, был знаком с отдельными работами К. Маркса и Ф. Энгельса.

Последовательная классовая политика, проводимая Н. Г. Чернышевским в течение всей его жизни, его мысли о том, что угнетенный класс — крестьянство — сможет освободиться от эксплуатации только в результате побе-

¹⁵ Там же, с. 52.

¹⁶ Там же, с. 58.

¹⁷ Там же, т. V, с. 609.

¹⁸ См.: там же, т. IX, с. 80 и др.

доносной крестьянской революции, его острая и бескомпромиссная критика буржуазной политической экономии и капиталистических производственных отношений делает его непосредственным предшественником марксизма в идейном отношении.

В своих взглядах на роль труда в жизни общества Н. Г. Чернышевский также сделал крупный шаг в сторону марксизма, понимая труд как источник жизни нации.

Так, в «Очерках политической экономии» Чернышевский пишет, что «...целая нация может поддерживать и увеличивать свое благосостояние только собственным трудом; всякое обстоятельство, отвлекающее нацию от этого единственного источника ее жизни, разоряет нацию»¹.

Чернышевский критикует господствовавшие в то время идеалистические взгляды буржуазных социологов и историков, которые умалчивают «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений»². Вся история в их изложении была представлена в виде сборника биографий полководцев и правителей, а не анализа жизни «целого населения». Под понятием «население» Чернышевский подразумевал «поселян», трудящиеся массы, для которых «в понятии „жизнь“ всегда заключается понятие о работе»³. Лишь взгляд на историю человечества как на рассказ о судьбе всего трудящегося населения является научным, по мнению русского социалиста.

Признание Чернышевским решающей роль народных масс в истории, ведущее к признанию решающей роли труда в развитии человеческого общества, является важным моментом в его взглядах на исторический процесс, приближающим его к историческому материализму.

Отмечая огромную роль труда в жизни «нации», Н. Г. Чернышевский считает необходимым прививать людям любовь к труду. Одним из средств достижения этой цели для него является формирование соответствующего общественного мнения. «Сделаем, например, гипотезу,— пишет он в «Антропологическом принципе философии»,—

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 92.

² Там же, т. III, с. 357.

³ Там же, т. II, с. 10.

... что праздность приятна, а труд неприятен; если эта гипотеза станет господствующим мнением, каждый человек будет пользоваться всеми случаями, чтобы обеспечить себе праздную жизнь, заставив других работать за себя; из этого произойдут все виды порабощения и грабежа, начиная от собственно так называемого рабства и от завоевательной войны до нынешних более тонких форм тех же явлений. Эта гипотеза действительно была сделана людьми, действительно стала господствующим мнением (и господствует до сих пор), и действительно произвела (столько) страданий [что нет им ни числа, ни меры]»⁴.

Последовательно применяя в своих исследованиях классовый подход, русский социалист считает, что «цель производства для трудящегося есть потребление произведенных ценностей, а для капиталиста — сбыт их в другие руки для выигрыша через обмен»⁵.

Здесь следует отметить ошибку Чернышевского, утверждающего, что «выигрыш» капиталист имеет «через обмен», а не в результате эксплуатации рабочих, как это установил К. Маркс.

Трудящийся, считал Чернышевский, не находится к другим лицам той же специальности во враждебном отношении, тогда как капиталист старается отбить покупателей у других «промышленников», занимающихся тем же делом. Отсюда следует, что трудящийся, у которого потребности насыщаемы хотя бы потому, что он удовлетворяет их посредством собственного труда (здесь речь идет о вещественно-предметных потребностях, потребностях потребления, а не потребностях созидания, творчества, которые действительно не знают границ), является сторонником добрососедства и мира, а капиталист, у которого стремление к получению прибыли неистощимо, заинтересован в конкурентной борьбе и даже в войне.

Н. Г. Чернышевский доказывал, что для трудящегося человека всякая война разорительна. И потому, признавая необходимость революционного насилия с целью освобождения трудящихся от эксплуатации, он мечтал о том времени, когда войны исчезнут. Это произойдет, по его убеждению, тогда, когда трудящиеся приобретут решительное влияние на государственные дела.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 271.

⁵ Там же, с. 49.

Известно, что для христианской религии труд является наказанием рода человеческого за его «грехи», что у Платона труд, хозяйственная деятельность — удел людей, занимающих низшее положение в общественной иерархии, и что даже у А. Смита, согласно мнению которого всякий труд, занятый в производстве, является создателем стоимостей, этот самый труд представляет собой проклятье для человека⁶.

И тем контрастнее выступает величие мысли социалистов-утопистов, доказывавших, что труд есть первая потребность человека и дело его чести. Впервые в истории об этом догадывается Кампанелла, затем эту мысль подхватывает и развивает Ш. Фурье.

Почетное место в решении этой проблемы принадлежит также Н. Г. Чернышевскому. Обосновывая ее в основном данными физиологии, он писал: «Выражаясь техническим языком, движение составляет функцию мускулов, как зрение составляет функцию глаза, слушание — функцию ушей, мышление — функцию головного мозга, пищеварение — функцию желудка. Естественные науки говорят, что приятное ощущение получается каждым из наших органов тогда, когда он с известною степенью энергии занят своею функциею»⁷. Недостаточное количество труда вызывает в мускулах человека состояние неудовлетворенности, подобное чувству голода, тоски.

Чернышевский формулирует и условия, при которых труд становится приятным. Это: а) отсутствие слишком сильно препятствующих труду внешних помех; б) данный труд человек выполняет в результате осознания его необходимости или полезности для него самого, а не по внешнему принуждению; в) этот труд не продолжается долее того времени, пока мускулы совершают его без изнурения, разрушающего организм⁸.

Русский социалист считал, что в будущем коммунистическом обществе товарищеский труд, основанный на крупном производстве, «...из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных»⁹.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 112.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 80.

⁸ Там же, с. 76.

⁹ Там же, т. V, с. 609.

В «Основаниях политической экономии» Н. Г. Чернышевский дает следующее определение труда. «Труд,— пишет он,— есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящих в ней свое наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производству предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организма»¹⁰.

Таким образом, труд в понимании Чернышевского выступает как способ удовлетворения человеческих потребностей: потребности в деятельности и потребности потребления. В этом заключена одна из непреходящих ценностей труда.

Признавая первостепенную роль труда в создании общественного богатства, приближаясь к мысли о большом значении трудовой деятельности масс в развитии общества, русский социалист тем не менее не смог выяснить значения труда в появлении человека, не смог создать теории, обосновывающей решающую роль труда в происхождении человека.

В своем анализе проблем труда Чернышевский исходил из принципа антропологизма, из понятия о натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях. Но иногда он покидал почву антропологизма (например при рассмотрении вопроса об определяющей роли трудящихся масс, а следовательно, и труда, в развитии общества) и двигался в направлении материалистического понимания истории.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX, с. 154.

Раздел III

ЭТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЭТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

О. П. ЦЕЛИКОВА, *д-р филос. наук,*
М. Н. ПЕУНОВА, *канд. филос. наук*

Составной частью философского наследия великого русского революционера и мыслителя Н. Г. Чернышевского является учение о морали, знаменующее собой высший этап развития этического знания в домарксистский период. Впитав достижения предшествующей этической мысли и переосмыслив их с революционно-демократических позиций, Чернышевский создал оригинальное учение о морали, которое стало нравственным обоснованием освободительного движения в России, борьбы против царизма и крепостничества, социального угнетения и неравенства во имя торжества социалистических идеалов. Этика Чернышевского способствовала уяснению нравственных задач, стоящих перед передовой интеллигенцией, формированию нескольких поколений революционеров.

Историческое значение нравственного учения Чернышевского заключается не только в передовом для своей эпохи решении теоретических проблем, служившем обоснованием революционной борьбы, но и в подготовке идейной почвы для восприятия и развития этики марксизма.

В. И. Ленин в своих работах «От какого наследства мы отказываемся?», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» показал, что истинными хранителями и продолжателями передовых революционных традиций и высоких нравственных идеалов Чернышевского и других его соратников стали русские марксисты. В. И. Ленин в Н. Г. Чернышевском видел самого выдающегося и ближайшего предшественника российской социал-демократии, называл его величайшим представителем утопического социализма в России; после-

довательным и боевым демократом, который умел и «подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров»¹.

Теоретическим основанием этики была для Чернышевского материалистическая философия в ее антропологической форме. В качестве альтернативы господствовавшим религиозно-идеалистическим теориям морали он ставил целью создать нравственное учение, которое базировалось бы на научных основах и обладало такой же достоверностью, как науки о природе. Поэтому он апеллировал к «натуре» человека, его природной сущности, как основанию нравственности. Этот подход к явлениям нравственности генетически восходит к этике Гельвеция и особенно Фейербаха, но интерпретация Чернышевским антропологического принципа применительно к морали имела существенные отличия. В противовес Фейербаху, истолковывавшему межличностные отношения как религиозные, он выступал решительным противником религиозно-идеалистического понимания морали и связывал этические проблемы личности с революционной борьбой за преобразование общества на началах демократизма и социализма, за просвещение и нравственное обновление человека. Этические проблемы, в понимании Чернышевского, не были замкнуты в его антропологии, а находили непосредственный выход в сферу революционных преобразований.

Свои материалистические посылки Чернышевский стремился связать с диалектическим подходом к действительности. В применении диалектики к нравственным явлениям он опирался на учение Гегеля, Белинского и Герцена. Высказывания Чернышевского об этическом и эстетическом идеалах во многом согласуются с выводами Гегеля о соответствии идеала и действительности и Герцена о том, что идеал есть та же действительность, очищенная от случайностей. Диалектические идеи Чернышевского раскрываются в конкретно-историческом подходе к решению ряда проблем этики, противоречивого процесса ее развития, в создании системы моральных ценностей. Но следует отметить, что ограниченность исходных посылок, порожденных антропологическим принципом, не позволила ему в полной мере развить диалек-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.

тические идеи в этике, преодолеть метафизичность и схематизм в истолковании ряда ее проблем.

Исходной предпосылкой понимания нравственных явлений было для Чернышевского признание единства законов природы и натуры человека. Это единство, по Чернышевскому, обуславливает то, что явления «нравственного порядка» вытекают из явлений «материального порядка». «Основанием всему, что мы говорим о какой-нибудь специальной отрасли жизни,— писал он,— ...должны служить общие понятия о натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях»². Антропологическое истолкование человека как части природы, подчиняющейся в своем развитии ее закономерностям, служило у него основой материалистического решения вопроса о соотношении материи и сознания, отрицания философского дуализма с его противопоставлением природы и сознания, тела и духа, как якобы имеющими принципиально различную субстанцию.

Исходя из антропологического принципа, Чернышевский развил взгляд на человека, как имеющего единую, целостную природу: «...на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам»³.

Полемически заостренно противопоставляя свою точку зрения религиозно-идеалистическим концепциям человека, Чернышевский выводил нравственность из природной сущности человека, его стремления избегать страдания, искать удовлетворения своих потребностей, стремиться к пользе, добру.

Антропологический подход к решению данной проблемы привел Чернышевского к признанию человека в качестве единственной реальности, основы нравственных явлений, понимаемых им в расширительном смысле. Но несмотря на «узость» исходных посылок, Чернышевский не ограничивался абстрактными рассуждениями о человеке и его нравственности вообще. В той мере, в какой ему позволял уровень развития общественных отношений, он разрабатывал материалистическую идею зависимости нравственности людей от материальных условий их жизни. «Улучшение общественного и материального положе-

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 240.

³ Там же, т. IV, с. 293.

ния — вот необходимейшее предварительное средство для возможности распространяться просвещению и улучшаться правам»⁴. Но эта гениальная догадка не получила у него последовательного глубокого научного исследования. Антропологический подход не позволил раскрыть сущность нравственных явлений как результата социального развития.

В центре этики Чернышевского — теория разумного эгоизма, которая означала прежде всего реабилитацию земных и реальных интересов человека. Она была направлена против религиозно-идеалистического понимания нравственности, игнорировавшего реальные интересы личности, переносившего их в потусторонний мир. Эту сторону теории разумного эгоизма подчеркивал В. И. Ленин в своем конспекте «Лекций о сущности религии» Фейербаха. «Под эгоизмом я разумею не эгоизм „филлистера и буржуа“, а философский принцип сообразности с природой, с разумом человека, вопреки „теологическому лицемерию, религиозной и спекулятивной фантастике, политической деспотии“»⁵.

Характерная черта теории разумного эгоизма Чернышевского заключается также в провозглашении высшим нравственным принципом служение общественным и общечеловеческим интересам, что в условиях российской действительности того времени означало борьбу за интересы угнетенного народа, как совпадающие с интересами большинства человечества. «...Общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной пации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного»⁶, — писал Чернышевский.

Принцип разумного эгоизма раскрывается Чернышевским в этических категориях и понятиях — добра, пользы, интереса, любви, дружбы и т. д. Нравственное поведение и поступки людей имеют, по Чернышевскому, своим источником разумный расчет, который определяет полезность того или иного действия человека и является «прочным источником долговременных наслаждений». Отсюда разумность выступает как бы главенствующей категорией, ибо она заложена в сущности человеческой натуры. Стре-

⁴ Чернышевский Н. Г., т. IV, с. 842.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 45.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 286.

мясь к удовольствию, человек думает о полезности своих поступков, именно таких, которые бы вели к добрым делам и максимально искореняли злые действия. Отсюда Чернышевский рассматривает категорию добра в этике как наиболее общую.

Связующим и переходным звеном от разумности к добру является понятие пользы, составляющее «истинную натуру» добра. Исходя из этих посылок, Чернышевский дает следующее определение добра: «Только то, что составляет натуру человека, признается в науке за истину, только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро»⁷. Но польза, продолжает далее Чернышевский, может дать наслаждения как более или менее преходящие, так и долговременные. Одни из них окажутся прочными, другие, напротив, очень непрочными. Поэтому не всякие наслаждения могут выражать высшую степень понятия пользы, обобщенное понятие добра. Добро это как бы превосходная степень пользы, как бы очень полезная польза⁸.

Эта «очень полезная польза» дает личности наивысшее и долговременное наслаждение, которое выражается в счастье. Категории добра и счастья в учении Чернышевского поэтому тесно взаимосвязаны и внутривпереплетены. А так как добро и счастье по-настоящему достижимы на основе разумности, все они представляют собой единое целое, связаны диалектическими переходами друг в друга: «Добро и разумность — это два термина в сущности равнозначущие. Это одно и то же качество одних и тех же фактов, только рассматриваемое с разных точек зрения: что с теоретической точки зрения разумность, то с практической точки зрения — добро; и наоборот: что добро, то непременно и разумно»⁹.

Из этих построений логически вытекает единство противоположных добру и разумности понятий зла и неразумности. Поэтому честь и достоинство личности заключаются в борьбе на основе разумности за добро и счастье человечества, ибо, по выражению Н. Г. Чернышевского, «одинокое счастья нет». Утверждение добра и счастья, борьба против всего того, что мешает этому утвержде-

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 288.

⁸ См.: там же, с. 290.

⁹ Там же, т. XIV, с. 645.

нию, — в таком единомысленном процессе Чернышевский видел путь к достижению общественного идеала, идеала утопического социализма.

Важнейшую категорию этики — долг Чернышевский рассматривает, в отличие от Канта, в связи с разумным личным интересом и тем самым снимает противоречие между личными склонностями и общественным долгом. Человеком долга выступает у него герой романа «Что делать?» Рахметов, у которого чувство долга продиктовано «пламенной любовью к добру», к народу, и соответствует его убежденности.

Подчеркивая связь добра и долга, Чернышевский критикует понимание долга как орудия внешнего принуждения (не совпадающего с внутренними стремлениями личности). Эти положения направлены против долга официальной морали господствующего класса, такого долга, который способствовал порабощению личности, игнорировал интересы большинства членов общества, т. е. трудящихся масс.

Чернышевский большое внимание уделял анализу понятий любви и дружбы, которые также основываются на истинной человечности, неотделимы от добра и разумности. Он стремился раскрыть их сущность в контексте реальных отношений людей в обществе, художественных образов. Чернышевский отмечал, что настоящая любовь и дружба, достойные человека, могут существовать там, где есть «равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми»¹⁰.

Таким образом, система этических категорий и понятий в учении Чернышевского при всей ее ограниченности, обусловленной идеалистическим пониманием общественных явлений, в основе своей носила прогрессивный характер. Она отражала борьбу мыслителя за свободу человеческой личности, ее человеческое достоинство, пробуждение и развитие в ней всего истинно человеческого. Его концепция была направлена против условий жизнедеятельности, которые порабощали человека, подавляли в нем подлинную натуру и тем самым вызвали неразумность его поступков и действий. Только революционное преобразование общества и просвещение, считал Чернышевский, могут преобразить человека, вызвать в нем

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 275.

самые разумные и добрые побуждения по отношению к обществу и друг к другу, активную борьбу за идеалы человеческого счастья.

Н. Г. Чернышевский неоднократно обращался к критике этического догматизма, «абсолютных» нравственных категорий, принципов и норм, господствовавших в религиозно-идеалистической этике того времени. Классовый антагонизм в обществе находит, по Чернышевскому, отражение в морали, в противоположности интересов эксплуатируемых и эксплуататоров, в различном понимании добра, пользы. Отсюда он заключал, что мораль и ее принципы не абсолютны, а детерминированы общественными условиями жизни людей, исторической эпохой. Так, он считал, что для «эпикуреизма», возникшего в определенную эпоху, время миновало, оно «решительно неблагоприятно для эпикуреизма».

В проведении принципа детерминизма в морали Чернышевский сделал значительный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Раскрыв принцип детерминизма моральных явлений, их изменение и развитие в процессе общественной жизни, великий революционер-демократ в то же время искал критерий действительной ценности, присущей представлениям, принципам и нормам поведения. Разумность как исходная категория в ее абстрактном понимании не могла быть критерием оценки действительной ценности добра, идеала, счастья. Тождественная добру, она замыкала круг теоретических размышлений автора.

Как революционер-демократ Чернышевский понимал, что практическая польза членов общества должна стать общей пользой, причем состоящей не из простой суммы интересов и потребностей представителей классов, сословий или отдельных членов, а из чего-то более высокого, качественно нового. Такой высший критерий в определении моральных ценностей он усматривает в общественном, в общечеловеческом интересе. Тем самым Чернышевский находит правильный выход из замкнутого круга системы этических категорий в практику революционной деятельности, которая направляется общественным интересом, борьбой за социализм, за счастье большинства членов общества.

Сущность теории разумного эгоизма Чернышевского нашла наиболее адекватное проявление в истолковании

им-практической деятельности и поведения людей. Исследуя проблему соотношения общественного и личного интересов, Чернышевский все более отходит от решения ее французскими материалистами XVIII в., а также утилитаристами (Бентамом, Миллем и др.), уточняет сущность самого общественного интереса с позиций революционного демократизма.

Ход рассуждений Чернышевского состоит в следующем: человек, как член общества, зависит от жизнедеятельности всего общества, взаимосвязан с другими людьми и нуждается в их помощи. Вместе с тем он сам должен оказывать помощь другому, чтобы на основе этой взаимопомощи могли сложиться добродетельные отношения между людьми. Однако в эти рассуждения, имеющие налет антропологизма, Чернышевский вносит существенный корректив, который приближает его к классовому пониманию проблемы: поскольку интересы «простолудинов», т. е. трудящихся масс, и привилегированных сословий не совпадают и поскольку интересы и нормы морали трудящихся наполнены здоровым содержанием по сравнению с интересами и моралью эксплуататорских классов, постольку именно они выражают сущность самого общественного интереса. Хотя эти мысли и облекались Чернышевским в утопическую форму, хотя он и не смог увидеть в обществе действительной силы для его преобразования, его понимание общественного интереса содержит несомненные зачатки материализма. Связывая общественный интерес с борьбой крестьянства за освобождение и свои права, Чернышевский видит пути его реализации в изменении социальных основ в жизни, в создании таких общественных условий, при которых восторжествовали бы равенство и свобода, «общее благо» и «общая польза». Вместе с тем это путь решения проблемы соотношения личного и общественного. «Лучше не развиваться человеку, — писал Чернышевский, — нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них»¹¹.

Хотя теория разумного эгоизма Чернышевского по форме примыкает к учениям западноевропейских мыслителей — Гельвеция о личном интересе и Фейербаха об эгоизме, — она существенно отличается от них своей со-

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 169.

циальной направленностью, обоснованием в качестве неотъемлемого свойства каждой мыслящей личности борьбы за «общее благо», за претворение в жизнь принципов социализма. Но эти положения были облечены в антропологическую оболочку, что придавало им порой налет искусственности. Чернышевский полагал, что человек, как разумное существо, творит добро себе и другим, ибо разумные поступки — только добрые поступки. Тот же, кто неразумен, наносит вред и себе, и обществу. Тем самым он лишает себя расположения окружающих людей, их помощи, а в конечном счете, и помощи общества. Отсюда удовлетворение потребностей личностью, получение наслаждения органически связано с тем, чтобы другие люди не были лишены этих наслаждений, могли также удовлетворить свои потребности. Тем самым Чернышевский связывает интерес личности, как вытекающий из ее природы, с общей пользой, со свободным подчинением общему делу. По существу, эгоизм в его действительном содержании в теории Чернышевского исчезает, оставляя лишь формальную сторону выражения, «эгоизм» раскрывается как альтруизм. Учение Чернышевского о сочетании общественных и личных интересов вплотную подходит к марксистскому пониманию, но с той лишь существенной разницей, что оно своим основанием имеет утопический социализм, практически неосуществимый на тех принципах, которые выдвигали утописты.

Следует отметить, что расширительное толкование Чернышевским понятия эгоизма не только не адекватно отражало его содержание, но вело к сближению полярных понятий эгоизма и альтруизма, тем самым затушевывало материальные основы, их порождающие. Здесь проявилось непонимание мыслителем того факта, что и эгоизм, и альтруизм имеют реальные корни в самой противоречивой жизни классового общества.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «...коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой»¹².

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 236.

В теории разумного эгоизма Чернышевский пытался слить эгоизм и самоотверженность личности, рассматривая их как две стороны единого целого. Смешивая полярные понятия, он интерпретировал самоотверженность во имя интересов народа как внутреннюю естественную потребность разумного человека, как порождение «эгоизма». «Разумный эгоист» Чернышевского шел по внутреннему убеждению на величайшие жертвы, вплоть до самопожертвования, чтобы служить общественному делу, борьбе за счастье других людей. Самопожертвование ради других Чернышевский считал величайшим счастьем: «...Хороша жизнь, но самое лучшее счастье,— не пожалеть, если надобно, и самой жизни своей для блага людей!»¹³

Вместе с тем Чернышевский был далек от отождествления самопожертвования и жертвенности. Самопожертвование человек совершает разумно, по внутренней убежденности, выбирая наилучший вариант поведения, соответствующий его «человеческой натуре». Самопожертвование для великого дела дает высшее счастье индивиду. Жертвенность же, по мнению Чернышевского, часто неразумна, не освящена великой идеей, порой случайна и не вытекает из внутренней естественной природы человека. Чернышевский, исходя из данных предпосылок, резко критикует ненужную, неразумную жертвенность индивида и противопоставляет ей разумность борьбы за общее дело. Таким образом, главным содержанием теории разумного эгоизма является у Чернышевского гармоническое сочетание личного интереса, личной пользы с пользой общества, с общественным интересом.

Углубляя и развивая теорию разумного эгоизма, Н. Г. Чернышевский резко критикует узкоиндивидуалистическое, мещанское, обывательское понимание личного интереса и личного стремления. Как бы отвечая своим критикам (современным ему и последующих времен), которые игнорировали общее содержание его теории и цеплялись за слово эгоизм, он писал: «...несправедливо было бы считать положительным человеком холодного эгоиста. Любовь и доброжелательство (способность радоваться счастьем окружающих нас людей и огорчаться их страданиями) так же врождены человеку, как и эгоизм. Кто действует исключительно по расчетам эгоизма, тот дей-

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 324.

ствует наперекор человеческой природе, подавляет в себе врожденные и неискоренимые потребности... Искать счастья в эгоизме — ненатурально, и участь эгоизма немало не завидна: он урод, а быть уродом неудобно и неприятно»¹⁴.

Борьба за общее дело предполагает, по Чернышевскому, непримиримость к корыстным интересам, грубому низменному эгоизму, мешанству и злу, уродующим жизнь человека. Настоящая любовь к людям не может быть без настоящей ненависти к тем, кто унижает человеческое достоинство, подавляет и угнетает личность. Борьба со злом поэтому — обратная сторона борьбы за счастье всех людей. А конечной целью разумного эгоизма является достижение таких условий, при которых всем живется хорошо, все могут наслаждаться жизнью. Эту мысль он выразил в романе «Что делать?» устами Рахметова: «Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности»¹⁵.

Теория разумного эгоизма широко распространяется великим мыслителем на личные дружеские и интимные отношения между людьми. И здесь Чернышевский исходит из разумности и добра, которые, сделанные для других, обернутся добром и для себя.

Как видим, теория разумного эгоизма Чернышевского отнюдь не эгоистическая, о чем нередко писали и пишут буржуазные авторы. Чтобы правильно оценить эту теорию, важно глубоко вникнуть в то содержание, которое вкладывалось в понятия «эгоизм», «польза», «расчет», «интерес». Чернышевский интерпретирует их не с точки зрения индивидуалистической морали буржуазии и эксплуататорских классов, а с точки зрения революционного демократизма.

А. В. Луначарский в статье «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности» писал, что основной вывод Чернышевского о необходимости социальных преобразований во имя земного счастья человека

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 229—230.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1951, с. 266.

составляет суть этики Чернышевского: «Чтобы сделать жизнь действительно разумной, чтобы она стала счастьем людей, для этого нужен социальный переворот. А раз это так, то единственное подлинное разумное счастье, единственно подлинное оправдание жизни — это участие в революционном движении, в том, чтобы отдать этой работе свои силы...»¹⁶

В разработке проблемы этического идеала, являющейся доминирующей частью его учения о морали, Чернышевский исходил из признания детерминированности морали в целом социальным развитием. Именно социальный прогресс, как непреложный закон жизни общества, создает необходимые предпосылки реализации идеалов. «Идеалы будущего, — писал он, — осуществляются развитием цивилизации...»¹⁷.

Этот идеал будущего Чернышевский видел в социализме, к которому в силу объективных законов идет историческое развитие народов. Подчеркивая эту мысль, он отвечал своим критикам, что сколько бы они ни обрушивались на идеалы социализма, а все-таки хода истории им не остановить¹⁸. Контуры социалистического общества (в их утопическом выражении) были изображены Чернышевским в романе «Что делать?». В борьбе за социализм, который выражает кровные интересы трудящихся масс и создает условия свободного развития личности, заключаются, по Чернышевскому, смысл человеческой жизни и цель деятельности всех прогрессивных людей.

В связи с проблемой смысла жизни и нравственного идеала Чернышевский анализирует этическую ценность труда. Он считал обязательным содержанием подлинно человеческого осмысленного существования трудовую деятельность. В идеале, в будущем социалистическом обществе Чернышевский видел труд, свободный от эксплуатации, труд коллективный на общее благо. В таком обществе люди избирают себе деятельность, которая соответствует их способностям, тем самым дает им наибольшее удовлетворение.

В романе «Что делать?» его новые люди Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Рахметов уже не могут жить без труда. Труд для них — необходимая форма жизне-

¹⁶ Луначарский А. В. Статьи о Чернышевском. М. 1958, с. 46.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 738.

¹⁸ См.: там же, т. IX, с. 833.

деятельности¹⁹. В труде и той пользе, которую они приносят обществу и людям, они испытывают наслаждение; любой труд, пусть это будет тяжелый, физический, должен быть облагорожен высокой идеей, трудом во имя человечества, во имя будущего. Очень хорошо о значении труда в жизни новых людей Н. Г. Чернышевского сказал Д. И. Писарев: для новых людей «труд действительно необходим более, чем наслаждение; для них труд и наслаждение сливаются в одно общее понятие, называющееся удовлетворением потребностей организма... Без наслаждения они могут обходиться очень долго; без труда для них немыслима жизнь»²⁰.

Таким образом, новый человек, олицетворяющий идеал человека будущего, немыслим без творчества, без сознательной трудовой деятельности, направленной на общее благо.

Раскрывая мораль будущего, Чернышевский придает большое значение отношениям любви, дружбы, а также брачно-семейным отношениям. Идеал глубоко нравственных отношений между мужчиной и женщиной Чернышевский связывал с изменением общественных отношений, с уничтожением эксплуатации человека человеком и на этой основе с раскрепощением женщины и приобщением ее к общественно полезному труду; участие в нем женщин будет способствовать не только их интеллектуальному развитию, равенству полов, но и значительному прогрессу всего общества.

«Каким верным, сильным, пронизательным умом одарена женщина от природы! — пишет Чернышевский. — И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает его, а история человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы этот ум не был отвергаем и убиваем, а действовал бы»²¹.

Нравственный идеал Чернышевского в семейно-бытовых отношениях, в дружбе и любви звал людей к лучшему будущему. Он увлекал как современников Чернышевского, так и многие последующие поколения подлинно человеческим содержанием, призывал к активной борьбе за его претворение в жизнь.

¹⁹ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609 и др.

²⁰ Писарев Д. И. Соч. М., 1956, т. 4, с. 12.

²¹ Чернышевский Н. Г. Что делать? с. 429.

Чернышевский воплотил идеал новых людей в образах Веры Павловны, Кирсанова, Лопухова, Рахметова и других, изобразил их как деятельных, активных борцов за новые общественные устои, имеющих твердые убеждения, высокие и благородные порывы, веру в светлое будущее.

Чернышевский подчеркивал, что тип новых людей порожден условиями жизни: «Недавно зародился у нас этот тип. Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть не могли иметь главной черты этого типа, не могли иметь хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности»²².

Завершенным воплощением нового типа людей является «необыкновенный» человек Рахметов, в образе которого Чернышевский показал профессионального революционера. Общественное значение деятельности таких людей огромно: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее силы и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»²³.

Создавая образ революционера с его выдающимися личными качествами, неприсклонной волей и самозабвенной преданностью общему делу, Чернышевский ясно осознавал, что путь борца за идеалы социализма, за народное благо очень труден, чреват суровыми испытаниями; но только в самоотверженной борьбе осуществляются идеалы будущего. «Все хорошее настоящее приобретено борьбой и лишениями людей, готовивших его; и лучшее будущее должно готовиться точно так же»²⁴.

Этика Чернышевского, как и все его творчество, пронизана историческим оптимизмом, горячей верой в светлое будущее человечества. Она призывает к разуму человечества сделать жизнь счастливой и прекрасной, достойной величайшего творения природы — человека. Вдохновен-

²² Чернышевский Н. Г. Что делать? с. 190—191.

²³ Там же, с. 278.

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XII, с. 645.

ный призыв великого мыслителя бороться за реализацию идеалов социализма актуально звучит и в наше время: «...Будущее светло и прекрасно, любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, захватывайте из него в настоящее, сколько можно захватить,— настолько будет светла и добра, полна радости и наслаждения Ваша жизнь»²⁵.

В. И. Ленин высказал мысль о воспитательном значении романа «Что делать?», его глубоком воздействии на формирование нескольких поколений революционеров: «Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Перед этой заслугой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени»²⁶.

Этика Н. Г. Чернышевского оказала огромное влияние на развитие русской этической мысли второй половины XIX в. Под ее воздействием развивалась революционно-демократическая этика (нашедшая разработку в трудах Добролюбова, Писарева, Шелгунова и других), некоторые ее аспекты были восприняты идеологами народничества и других общественных направлений.

Особенно велико влияние этики Чернышевского на революционное движение.

В этическом учении Чернышевского российские социал-демократы нашли неисчерпаемый источник революционного вдохновения и великую нравственную силу. Революционно-демократические идеалы, пробуждая сознание широких народных масс, имели огромное значение в формировании героизма и мужества пролетариата в борьбе с самодержавием. Характеризуя пролетарский коммунистический идеал как цель рабочего движения, В. И. Ленин широко опирался на учение русских революционных демократов. Чтобы двинуть вперед дело революционного развития масс, надо, учил Ленин, показы-

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 591.

²⁶ Ленин В. И. о литературе и искусстве. М., 1969, с. 655.

вать массам «во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал»²⁷.

Неиссякаемый источник мужества, героизма, великой веры в идеи социализма и убежденности в достижении коммунистических идеалов нашли в романе «Что делать?» и в его повых людях все последующие поколения революционеров не только России, но и многих стран мира.

Именно потому, что этика Чернышевского неразрывно связана с освободительной борьбой, с идеалами социализма, она была и остается до нашего времени объектом острой идеологической борьбы. Она вызывала яростные нападки современников Чернышевского, выступавших на страже социального неравенства и религиозной морали, затем врагов марксизма и демократии Гогоцкого, Юркевича, Страхова сменил В. Соловьев, затем Струве, Франк, Бердяев, Гершензон и др. Их всех объединяла ненависть к освободительному движению, идеям социализма, попытки защитить религиозную мораль. Излюбленным приемом их борьбы против этики Чернышевского была фальсификация его учения, подмена его теории разумного эгоизма плоским, человеконенавистническим эгоизмом.

Эта линия откровенно враждебной фальсификации этики Чернышевского была продолжена в трудах белоэмигрантских авторов — Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, Д. Чижевского и других и взята на идейное вооружение многими современными буржуазными авторами. Стремясь защитить «экзистенциалистские» и мистико-религиозные основы русской философии, якобы только и соответствующие духу русского народа, они сводили этику Чернышевского к утилитаризму, персонализму, грубому эгоизму. В. Зеньковский, например, писал, что будто бы «социализм и этический персонализм» совершенно искусственно подводят Чернышевского «к новому пониманию человека», что «только гипнозом „сциентизма“ можно объяснить то, что этический идеализм облекается у Чернышевского „в неподходящую сюда систему того плоского учения, которое считает итогом науки сведение всей активности человека к эгоизму“»²⁸.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

²⁸ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 1956, т. 1, с. 305.

Аналогичную трактовку теории разумного эгоизма можно встретить в книгах А. Кокару и Ф. Помпера²⁹. Последний утверждает, что этические построения шестидесятников имели «эгоцентрическую» направленность, сводились к «индивидуальному самосовершенствованию», к эгоизму³⁰ и т. д.

Попытки современных буржуазных авторов исказить истинное содержание идейного наследия Н. Г. Чернышевского означают борьбу против передовых традиций русской философии и культуры, которые наследует советский народ и развивает дальше.

Использование советской наукой морально-этического наследия Н. Г. Чернышевского включает его критическую переработку применительно к современным условиям, с последовательной опорой на принципы историзма, являющиеся основой методологии марксистско-ленинской этики. Значение этического наследия Н. Г. Чернышевского для дальнейшего развития марксистско-ленинской этики трудно переоценить. Научный, с марксистско-ленинских позиций, подход к этическому наследию Н. Г. Чернышевского дает величайшие плоды как для развития этической мысли, так и для воспитания современного человека — строителя коммунизма.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ИСКУССТВА И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. П. КОНЕВ

К числу малоизученных проблем в наследстве революционеров-демократов относятся их взгляды на взаимоотношения науки и искусства. Между тем эта проблема неоднократно ставилась ими в работах и получила определенные решения, которые имеют существенное значение для современного познания, в частности для исследования интеграционных процессов, происходящих в

²⁹ Cognart A. Dmitri Pisarev (1840—1868) et ideologie du nihilisme russe. P., 1948; Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia. N. Y., 1970.

³⁰ Pomper Ph. Op. cit., p. 101.

настоящее время между этими формами сознания и деятельностью.

Именно с этой точки зрения мы предполагаем рассмотреть взгляды В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского на взаимодействие искусства и исторической науки. Их интерес к этой проблеме не случаен. Он связан с возникновением нового этапа в художественном развитии общества — реализма. Его появление было вызвано крупным поворотом в общественном сознании, заключающемся в отказе от идеалистического и догматического подхода к действительности и ориентации на правдивое отражение жизни, научное познание закономерностей исторического развития.

Первая половина XIX в. характеризовалась подъемом в развитии историографии. С 20-х годов XIX в. историческая проблематика для общественной мысли приобретает решающее значение. «Век наш,— пишет В. Г. Белинский,— по преимуществу *исторический* век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного познания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее невозможно постижение ни искусства, ни философии»¹.

В. Г. Белинский указал на две тенденции, появившиеся в его время в исторической науке и искусстве. История, как и искусство, начинает избавляться от элементов правоучительства, схоластики, идеализации прошлых событий, развивается историческая критика, «состоящая в сличении и проверке материалов, разборе фактов и т. п.»² На место повествовательной приходит научная история. Это связано с тем, что история рассматривается Белинским как закономерный процесс.

В движении исторических событий есть «внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл». И «в общем ходе истории, в итоге исторических событий нет случайностей и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности»³. Поэтому «история требует единства основной мысли...»⁴.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 90.

² Там же, т. VII, с. 51—52.

³ Там же, с. 53.

⁴ Там же, т. I, с. 214.

Со своей стороны искусство тоже сделало шаг вперед. Оно, по словам Белинского, не «ограничивается страдательной ролью — подобно зеркалу, безучастно и верно отражать в себе природу, но вносит в свои изображения живую личную жизнь, которая даст им цель и смысл. Поэт нашего времени есть в то же время и мыслитель»⁵. Наука, философия идут навстречу друг другу. Как отмечает Белинский, поэзия и философские науки «часто до того сливаются друг с другом, что иное философское сочинение прежде всего назовете вы поэтично-философским»⁶. Особенно интересно этот процесс происходит в исторической науке, которая с некоторых пор, отмечает В. Г. Белинский, «есть вместе и искусство и в которой сходятся сухое физическое знание, холодный рассудочный анализ, высшее философское созерцание, рабская подчиненность действительности, живое поэтическое чувство и творческая фантазия»⁷.

Такое, говоря современным языком, синтетическое значение историческая наука получила потому, что именно в истории «жизнь проявляется с... полнотою, глубиной и разнообразием...». Такое «стремление к единству и полноте прежде одиноко развивавшихся элементов жизни» история, по словам Белинского, получила лишь в новейшее время⁸. «Только умы ограниченные и сердца сухие могут видеть в историческом движении политику и войны, дела скучно-серьезные и сухо-важные: глубокий ум и живое сердце видят в нем биение пульса мировой жизни...»⁹.

По этому стремлению к целостному и всестороннему изображению прошлого (не только сцены и декораций, но и закулисных тайн) мало. Исторические сочинения «должны быть согреты живым участием автора в описываемых им событиях...»¹⁰.

Одной из характернейших черт искусства является его творческий характер. Элемент творчества присущ, по мнению Белинского, не только «чистому» искусству, но и

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 50.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 51.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, т. I, с. 218.

истории: «история требует творчества, как и поэзия...»¹¹.

Творчество историка как художника ведет, считает В. Г. Белинский, к созданию двух типов произведений. В первую группу входят произведения, в которых могут быть и отклонения от фактической истины. В этом случае художник-историк «вырава делать пропуски, неважные анахронизмы, выраве нарушать фактическую верность истории...»¹². Но он должен сохранить одну — «идеальную верность», верность «духу времени». Ибо цель историка (здесь особенно чувствуется влияние Гегеля) — «уловить дух изображаемого им народа или изображаемого им человечества в какую-нибудь эпоху его жизни таким образом, чтобы в его изображении видно было бытие этой жизни, чтобы сквозь рассказ трепетала та живая идея, которую выразил собою народ или человечество в ту или другую эпоху своего бытия»¹³. Именно за это В. Г. Белинский высоко ценил исторические романы В. Скотта¹⁴.

Кроме исторических романов, допускающих иногда значительную долю вымысла, В. Г. Белинский выделял еще одну группу сочинений. Если первая группа представляет собой синтез искусства и истории, в котором художественное произведение строится не только на вымысле, но и на достоверных фактах, то вторая группа произведений, в которых осуществляется этот синтез, построена на одних достоверных фактах. Таковыми, в частности, являются, по его словам, «поэтические биографии». «Это и не роман, и не биография, в точном смысле этого слова; по это дело ума и фантазии, это *поэтическая биография*, принадлежащая и к науке, и к искусству — род совершенно новый, оригинальный»¹⁵.

Если первая группа произведений ближе к «чистой» беллетристике, то вторая ближе к научно-историческому знанию. Поэтому для В. Г. Белинского исторический роман есть «дополнение истории, ее другая сторона»¹⁶. В рамках же исторического знания остаются произведения указанного «оригинального» жанра.

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 54.

¹² Там же, т. II, с. 132.

¹³ Там же, т. I, с. 134.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, т. II, с. 194.

¹⁶ Там же, с. 42.

Что же делает такие произведения художественными? В. Г. Белинский спрашивает: «Что делать искусству... там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее?» Необходимы фантазия, творчество. Трудность условий исторического таланта и заключается в том, что «в нем должно быть соединено строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим одушевлением и творческой способностью события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени»¹⁷.

«Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более, как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание». А для этого мало «эрудиции, а нужна еще фантазия... верно списывать с натуры также нельзя без творческого таланта, как и создавать вымыслы, похожие на натуру;»¹⁸ таким образом, «история требует творчества, как и поэзия»¹⁹.

Оценивая вышеизложенные взгляды В. Г. Белинского в целом, можно сказать, что он допускал синтез науки и искусства не как случайность, а выделял некоторые общие моменты этого синтеза: воспроизведение жизни в искусстве и в истории во всем ее многообразии, художественность достоверного изложения в истории.

Как и у В. Г. Белинского, у Н. Г. Чернышевского рассматриваемая проблема затрагивалась в исследованиях, посвященных в основном эстетике и искусству. Давая всестороннюю характеристику искусству, Н. Г. Чернышевский сравнивает его с наукой, в частности с исторической. Ее Чернышевский ставит выше всех других наук. «Как ни возвышенно,— пишет он,— зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы, человек важнее, интереснее для человека. Поэтому как ни высок интерес, возбуждаемый астрономиею, как ни привлекательны естественные науки,— важнейшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человеке»²⁰.

¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 52—53.

¹⁸ Там же, т. X, с. 316.

¹⁹ Там же, т. VII, с. 54.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 616.

Человек, с точки зрения Чернышевского, является объектом не только искусства, но и науки. Чем же отличается человек как объект искусства от человека как объекта науки или, говоря современным научным языком, какова специфика тех предметов, которые выделяются в этом объекте? В искусстве,— по словам Чернышевского,— «...произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как *чувствуют* и *поступают* люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большей частью создаются воображением писателя» (подчеркнуто нами.— В. К.)²¹. В этом определении искусства мы можем заметить удивительное сходство с характеристикой предмета реалистического искусства у Ф. Энгельса («типические характеры в типических обстоятельствах»).

Предмет истории — внешняя фактическая сторона деятельности человека. «История,— отмечает Чернышевский,— рассказывает о жизни человечества, заботясь более всего о фактической правде...»²². Она должна изучать всю полноту исторической деятельности человека: политические события, общественные отношения, а также «...нравы, обычаи, семейные отношения, наконец материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби»²³. Чернышевский категорически возражает против низведения истории к описанию только политических событий и деятельности выдающихся личностей, что было характерно для буржуазно-дворянской историографии.

Определенную общность Чернышевский находил и в способе отражения действительности в истории и искусстве.

Характерными для искусства Н. Г. Чернышевский считал следующие признаки. Искусство есть: 1) воспроизведение действительности; 2) объяснение действительности; 3) приговор над жизнью; 4) учебник жизни²⁴. Указывая на отличие науки и искусства в целом²⁵, он

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 313.

²² Чернышевский Н. Г. Эстетика. М., 1958, с. 170.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 356.

²⁴ См.: Каган М. С. Эстетическое учение Чернышевского. М.— Л., 1958.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, 1949, с. 90.

в то же время находил некоторые общие моменты, сравнивая искусство и историческую науку. Это сближение рассматривалось им, как и В. Г. Белинским, со стороны проникновения научных знаний в художественные произведения, а также со стороны сходства задач, при решении которых произведения искусства, *оставаясь в области искусства* (подчеркнуто нами. — В. К.) приобретают значение научное²⁶. Но эту проблему Н. Г. Чернышевский рассматривал и со стороны истории, с которой у искусства обнаруживалась определенная общность в подходе к действительности. Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что «искусство относится к жизни совершенно так же, как история...»²⁷.

Как и искусство, история должна «передать прошедшее», «воспроизвести жизнь», это «первая задача истории»²⁸. Во-вторых, история так же должна объяснить действительность²⁹. Третья задача истории, правда, «выполнимая не всеми историками, — произнести о нем (т. е. о прошедшем. — В. К.) приговор»³⁰. История, знание о прошлом, является также учебником жизни. При решении современных проблем — вопросов жизни «...при затруднительных или просто спорных случаях исторические соображения многим людям помогают утвердиться в уверенности о необходимости и основательности решения, требуемого настоящим»³¹. Таким образом, мы видим, что задачи и подход к действительности у художника и у историка одинаковы.

Н. Г. Чернышевский неоднократно подчеркивал различие между наукой и искусством, отмечал большое значение творческой фантазии, воображения художника, не отрицал значения вымысла и домысла в художественном произведении, в котором, в отличие от исторического сочинения, более важна не фактическая правда, а верность психологической и нравственной истине³². Но это вовсе не означало, что Чернышевский одобрял всякий вымысел. Он резко возражает против вымышленных исторических

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 87.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 87, 111.

²⁹ Там же, с. 90.

³⁰ Там же, с. 111.

³¹ Там же, с. 617.

³² См.: там же, с. 156—157.

героев, заслоняющих настоящих героев и выведенных «только затем, чтоб своими выдуманскими приключениями „придать поэтическое единство“ изображению эпохи, как будто нельзя пайти истинно поэтических событий в жизни настоящих героев романа?... К чему это бесцеремонное драматизирование действительных событий, которое так часто встречается в романах и повестях?»³³.

Кроме того, в некоторых случаях художник может вообще не прибегать к вымыслу. Это бывает тогда, когда «поэтичность» действительных событий не ниже, чем «поэтичность поэтических произведений». Н. Г. Чернышевский считает, что в действительности совершаются «драмы, романы, комедии, трагедии, водевили», которые часто имеют «художественную полноту и законченность»³⁴. Это доказывается «чтением первой хорошо написанной исторической книги, первым вечером, проведенным в беседе с человеком, много на своем веку выдавшим...» Есть очень много таких событий, «которые могли бы без всякого изменения быть переданы под заглавием „драма“, „трагедия“, „роман“ и т. п....»³⁵. «Но в чем же тогда выражается ваше „творчество?“ — в том, — отвечает Чернышевский, — что вы сумеете отделить пужное от непужного, принадлежащее к сущности события от постороннего»³⁶.

Таким образом, «в действительности есть много событий, которые надо только знать, понять и уметь рассказать...»³⁷. Отличается же изображение таких событий в «рассказе историка, писателя мемуаров или собирателя анекдотов от настоящих „поэтических произведений“ только меньшим объемом, меньшим развитием сцен, описаний и тому подобных подробностей»³⁸.

В заключение пужно сказать, что Н. Г. Чернышевский развивал ту же линию, что и В. Г. Белинский, не только проводя различие, между объектами и способами отражения действительности искусством и исторической наукой, но и утверждая их определенную общность, при этом не отождествляя их в целом.

³³ Чернышевский Н. Г. Эстетика, с. 339.

³⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 67.

³⁵ Там же, с. 67—68.

³⁶ Чернышевский Н. Г. Эстетика, с. 339.

³⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 68.

³⁸ Там же.

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Т. С. АВКСЕНТЬЕВ, *канд. филос. наук*

Эстетика Н. Г. Чернышевского характеризуется, как известно, революционностью, материалистическими взглядами на сущность прекрасного, на происхождение, значение, содержание и цели искусства. Его концепция пронизана стремлением подчинить искусство делу преобразования русской крепостнической действительности. Эстетические принципы Н. Г. Чернышевского не потеряли значение и по сей день для искусства социалистического реализма. Каковы эти принципы?

Во-первых, принцип объективности прекрасного. Прекрасное может выступать в трех различных формах, отмечает Н. Г. Чернышевский, — прекрасное в действительности, прекрасное в фантазиях и прекрасное в искусстве. Природа и жизнь производят прекрасное. Никакая фантазия не способна дать столько богатого материала для искусства, сколько дает сама жизнь. Бедность действительной жизни есть источник иллюзий и фантазии. По Чернышевскому, прекрасное в действительности выше прекрасного в искусстве, а прекрасное в объективной реальности есть источник прекрасного в искусстве¹.

Во-вторых, принцип единства объективного и субъективного в красоте. Прекрасное является объективным по своему происхождению, но субъективным по восприятию, это органическое единство объективного и субъективного. «... Прекрасное и возвышенное, — писал Н. Г. Чернышевский, — действительно существуют в природе и человеческой жизни. Но с тем вместе следует, что наслаждение теми или другими предметами, имеющими в себе эти качества, непосредственно зависит от понятий наслаждающегося человека: прекрасно то, в чем мы видим жизнь, сообразную с нашими понятиями о жизни, возвышенно то, что гораздо больше предметов, с которыми сравниваем его мы. Таким образом, объективное существование прекрасного и возвышенного в действительности примеряется с субъективными воззрениями человека»²

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 10.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 114—115.

Из этого принципа следует то, что предметом искусства, обладающего высокой степенью народности, становятся только переживания, которые имеют достаточно широкую социальную значимость и представляют непосредственный общественный интерес.

Н. Г. Чернышевский выдвигает природу человека в качестве мерила красоты, в чем прослеживается не только точка зрения «антропологизма», но и гуманистическая направленность эстетики русской революционной демократии. Революционным гуманизмом проникнут его роман «Что делать?», в котором во весь голос заявлено, «что счастье для людей возможно, что оно должно быть, что злора и горе не вечно, что быстро идет к нам новая светлая жизнь»³.

Анализируя субъективную сторону прекрасного, нельзя не отметить того, что особое внимание Н. Г. Чернышевский уделял обоснованию тезиса о бескорыстии эстетического наслаждения. «Мы бескорыстно любим прекрасное,—писал он,—мы любимся, радуемся на него, как радуемся на милого нам человека»⁴. Но он видел различие между эстетическим наслаждением и материальным интересом и указывал, что «действительный предмет может казаться прекрасным, не возбуждая материального интереса: какая же своекорыстная мысль пробуждается в нас, когда мы любимся звездами, морем, лесом (неужели при взгляде на действительный лес я необходимо должен думать, годится ли он мне на постройку или отопление дома?)»⁵.

Но Н. Г. Чернышевский не абсолютизировал противоположение эстетического наслаждения материальному интересу и высказывал мысли о том, что «наслаждение чем-нибудь изящным удобно человеку лишь тогда, когда его материальные потребности удовлетворены». Он высказал мысль о том, что когда честный труженик радуется плодам своего труда, то эта радость не противоречит эстетическому наслаждению. Только безудержная погоня за выгодой несовместима с эстетическими переживаниями. Поэтому капитализм, основанный на эксплуатации человека человеком, враждебен в целом красоте, ибо все об-

³ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1975, с. 175.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 9.

⁵ Там же, с. 46.

щественные отношения он свел к пассиве, к безобразному в общественной жизни.

В-третьих, принцип исторической обусловленности прекрасного и искусства. «Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации непременно требуют, чтобы мы перенеслись в ту эпоху, в ту цивилизацию, которая создала их»⁶, — отмечал Н. Г. Чернышевский.

Вместе с тем, показывая историческую относительность прекрасного, Н. Г. Чернышевский писал: «Жизнь стремится вперед и уносит красоту действительности в своем течении говорят [Гегель и Фишер] — правда, но вместе с жизнью стремятся вперед, т. е. изменяются в своем содержании, наши желания, и, следовательно, фантастичны сожаления о том, что прекрасное явление исчезает, — оно исчезает, исполнив свое дело, доставив ныне столько эстетического наслаждения, сколько мог вместить нынешний день; завтра будет новый день, с новыми потребностями, и только новое прекрасное может удовлетворить их»⁷. С глубокой убежденностью революционного демократа он отмечает, что «во всех отраслях человеческой деятельности только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вяло и бледно, не только не приобретает исторического значения, но и само по себе, без отношения к действию на общество, бывает ничтожно»⁸.

В-четвертых, принцип классовости эстетического сознания, литературы и искусства. Н. Г. Чернышевский утверждал социальную обусловленность эстетического идеала, который формируется в конкретной жизненной среде, и потому различные классы имеют разные представления о прекрасном. Он писал, что «понятия о красоте у простого народа несходны во многом с понятиями образованных классов общества... Простолюдин и член высших классов общества понимают жизнь и счастье жизни неодинаково, потому неодинаково понимают они и красоту человеческую»⁹.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 51.

⁷ Там же, с. 42.

⁸ Там же, т. III, с. 299.

⁹ Там же, т. II, с. 142—143.

Классовая позиция эстетической части мировоззрения Н. Г. Чернышевского ярко выражается в его острой критике «чистого искусства». По его взглядам в идеалистических воззрениях о происхождении искусства из чистого влечения к прекрасному прослеживается заинтересованность господствующих классов в притуплении социальной остроты искусства. «Последователи теории чистого искусства, выдаваемого нам за нечто должествующее быть чуждым житейских дел, обманываются или притворяются: ...слова „искусство должно быть независимо от жизни“ всегда служили только прикрытием для борьбы против не нравившихся этим людям направлений литературы, с целью сделать ее служительницей другого направления, которое более приходилось этим людям по вкусу»¹⁰, — писал Н. Г. Чернышевский. Сам он боролся за искусство, которое служит интересам угнетенного народа, освобождения его от пут эксплуатации.

Идеи великого русского социалиста о классовом характере искусства получили дальнейшее развитие В. И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература», в которой отмечается, что «свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»¹¹, что лишь в социалистическом обществе «это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»¹². Партийный подход к искусству, оценка его значения с позиций передового класса — главная эстетическая идея XXV съезда КПСС¹³. Таким образом, принцип классовости эстетического сознания, литературы и искусства, обоснованный Н. Г. Чернышевским, находится на вооружении социалистической эстетики.

В-пятых, принцип идейности искусства. В сочинениях по эстетике Н. Г. Чернышевский высказывает глубокие

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 301.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 404.

¹² Там же.

¹³ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 80.

мысли о роли идей в искусстве, о соотношении мировоззрения и таланта художника, о единстве содержания и формы, о критерии художественности произведения искусства, не потерявших актуальности и злободневности для современного искусства социалистического реализма. Он раскрыл закон развития подлинного искусства, суть которого заключается в том, что искусство прогрессирует лишь под влиянием великих и передовых идей века, отражающих интересы и нужды социального прогресса. Истинно художественное произведение должно отвечать не только на вопросы эстетической жизни, но и на коренные социальные, политические, моральные, правовые, военные и иные вопросы времени, т. е. оно должно быть универсальным духовным феноменом. Подлинный большой художник — это эхо времени, активное начало, преодолевающее рутинные стороны действительности. «...Только те направления литературы, — писал Н. Г. Чернышевский, — достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи»¹⁴.

Раскрывая значение передового мировоззрения для искусства, он отмечает, что талант без мысли не способен дать высокохудожественных произведений. Только сочетание таланта с передовым мировоззрением дает силу и смысл таланту, жизнь и красоту его произведениям¹⁵. «Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее»¹⁶. Искусство выражает идею не отвлеченными понятиями, а живыми индивидуальными фактами, ибо в природе и обществе нет ничего отвлеченного. Прекрасное — это единство идеи и образа. «Первое требование художественности состоит вот в чем: надобно изображать предметы так, чтобы читатель представлял себе их в истинном их виде»¹⁷, — так выразился Н. Г. Чернышевский словами героя романа «Что делать?».

Мысли Н. Г. Чернышевского об идейности, единстве формы и содержания в искусстве и сегодня находятся на вооружении в борьбе против формализма в искусстве, против буржуазных концепций безыдейности творчества

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 302.

¹⁵ См.: Там же, с. 303.

¹⁶ Там же, с. 663.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1975, с. 231.

и вигилизма по отношению к художественному наследию прошлого, против натурализма и формализма, против различных направлений модернизма.

В-шестых, принцип народности искусства. Искусство должно служить народу, подчеркивал Н. Г. Чернышевский, изображать существенные проблемы жизни, которыми живет народ.

В принципе народности искусства он выделял две взаимосвязанные стороны: 1) степень внимания, обращаемого литературой на те или другие предметы, соразмеряется со степенью важности, какую имеют предметы в народной жизни; 2) форма художественного произведения должна быть совершенно народна¹⁸.

Он ценил произведения тех писателей, которые, создавая свои произведения, были воодушевлены высоким патриотическим долгом, всегда связанного с интересами народных масс, среди них — М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, Т. Г. Шевченко, Н. А. Некрасов. Как считал Н. Г. Чернышевский, писатель должен быть органом желаний своего народа, его руководителем и защитником. Он призывал работников искусства стать в ряды активных борцов за освобождение народа и его светлое будущее.

Искусство должно объяснять народу, «какие явления действительности хороши и благоприятны для него, потому должны быть поддерживаемы и развиваемы его содействием, какие явления действительности, напротив, тяжелы и вредны для него, потому должны быть уничтожены или по крайней мере ослаблены для счастья человеческой жизни»¹⁹. В понятие принципа народности он органически включал патриотизм. По убеждению Н. Г. Чернышевского, лучшие писатели русского народа, создавая свои произведения, побуждались высоким патриотическим долгом, и в этом была их великая сила. Их искусство, опирающееся на принципы классовости и народности, оплодотворяемое высокими гуманистическими идеалами, стояло на стороне русского народа, боровшегося за социальное освобождение от гнета царизма и крепостничества.

В-седьмых, принцип критического реализма. Это ос-

¹⁸ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 655.

¹⁹ Там же, т. II, с. 117.

новой и наиболее плодотворный принцип художественного творчества русских писателей, стоящих на позициях интересов народных масс и мировоззрения революционных демократов. Этот принцип так выражен Н. Г. Чернышевским: «Воспроизведение жизни — обций, характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни»²⁰. Объективное воспроизведение жизни и приговор старому и обветшалому в ней — вот суть принципа критического реализма искусства.

Эстетические воззрения Н. Г. Чернышевского выражали его великий революционный дух, предшествовали эстетике русской социал-демократии. Его эстетика стала неотъемлемым элементом научного мировоззрения художников, деятелей искусства социалистического реализма. Она вдохновляет их на создание подлинно народных произведений искусства.

К АНАЛИЗУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ

В. С. ЕЖОВ

В эстетических воззрениях Н. Г. Чернышевского центральной идеей является «эстетическая реабилитация действительности», стремление показать генезис связи эстетики с жизнью людей, непосредственную «заинтересованность» эстетического переживания. В «эстетической реабилитации действительности» у Чернышевского проявилась идея демократизма эстетики, ориентация искусства на преимущественное изображение русских «простолюдинов» или изображение жизни преимущественно с точки зрения интересов «простолюдинов»¹.

Он пытался найти общие законы развития природы, исходя из изучения самой природы. В своих философско-эстетических воззрениях на человека он принял «антро-

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 92.

¹ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1969, т. IV, в. 1, с. 289.

пологический принцип», тем самым решительно и открыто заявляя, что его взгляды не есть воззрения одинокого ученого, а являются составной частью целого направления в истории философии, направления философов, «которые не были идеалистами»². Его главный трактат по эстетике «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) является попыткой применить основные идеи Фейербаха к разрешению некоторых вопросов в области эстетики и искусства.

В настоящей статье мы остановимся на тех теоретических положениях Чернышевского, которые проясняют некоторые аспекты исследования генезиса (становления) эстетического сознания.

Прежде всего нам видится, что правомерно рассматривать антропологизм того исторического времени во взглядах Чернышевского как своего рода методологический прием. Господство религиозно-идеалистического мирозерцания, которому было присуще резкое отделение органической природы от неорганической, сознания от физиологической деятельности человеческого организма, обязывало революционера-демократа в своих теоретических обоснованиях в резкой полемической форме отстаивать материализм в эстетических воззрениях через «антропологический принцип». Он доказывал материальность мира и вытекающее из него единство законов природы. «То, что мы называем законом природы, это способы действия сил. Это мой образ мысли»³.

За основу эстетических воззрений Н. Г. Чернышевский положил «антропологизм природы и натурализм», т. е. материалистическо-моническое восприятие человека. При этом он защищал и развивал эстетику критического реализма в соответствии с потребностями назревших революционно-демократических преобразований в России. Категорию прекрасного он рассматривал на уровнях: а) онтологическом; б) гносеологическом

В онтологическом плане он рассматривал человека как часть природы и пытался определить его место в общей цепи развития материи.

На ранних ступенях развития общества, когда производительные силы были слабо развиты, исключительно

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 650.

³ Там же, с. 675—676.

большую роль играла географическая среда, биологические потенции формирующихся людей, — затем они уступали место социальным факторам. «...Природа и климат страны имеют решительное влияние над народом только при начале его жизни, а впоследствии, при дальнейшем развитии общества, географическое и климатическое влияние... отодвигается на второй план»⁴.

Чернышевский принял на вооружение формулу Фейербаха, который в противоположность картезианскому духу: *cogito ergo sum* («я мыслю, следовательно, существую») выдвинул свою формулу: *sentio ergo sum* («я чувствую, следовательно, существую»). А это означало, что антропологический материализм являл миру чувствующего субъекта, развивающегося не только в пространстве, но и во времени.

Антропологизм выступает как «имманентный материализм». Нам видится, что отвлеченным характером такого универсального подхода Николай Гаврилович стремился выделить главный нерв жизни общества в его время, а именно: «два стремления, тесно связанные между собой и служащие дополнением одного другому: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни»⁵.

Чернышевский постоянно подчеркивал, что человек нуждается прежде всего в удовлетворении своих материальных потребностей, а высшие потребности, наслаждения становятся доступными человеку только при удовлетворении низших потребностей. Такой взгляд на разрешение проблемы был в его время крупным завоеванием в развитии эстетической мысли. «...Стремление к прекрасному, по натуральному закону человеческого действия, является служителем... сильных потребностей человеческой природы»⁶. Желая выяснить, что именно в действительности способно вызвать в человеке «чувство светлой, бескорыстной радости», он ищет самый общий, многообъемлющий, способный принимать самые различные формы предмет эстетических наслаждений — и приходит к выводу, что таким предметом является жизнь, точнее, жизнь, «какой она должна быть по нашим понятиям»⁷. Непреднамеренность прекрасного в жизни чело-

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 480.

⁵ Там же, т. III, с. 301.

⁶ Там же, с. 237.

⁷ Там же, т. II, с. 9—10.

века вообще является объективным признаком, эстетическое наслаждение не противоположно практике человека. Н. Г. Чернышевский, хотя и понимал, что человек не только существо «естественное», биологическое, но и социальное, вместе с тем не мог еще исследовать происхождение эстетического чувства из процесса труда, когда человек создает вещь в соответствии с ее назначением и мерой⁸.

С точки зрения гносеологического уровня понимание Чернышевским прекрасного оставляло широкий простор для преобразования человеком мира, с целью сделать окружающую действительность полностью отвечающей представлениям человека о жизни, какой она должна быть. Смысл бытия человека заключается в свободной творческой деятельности, в практическом переустройстве мира. В полемике с теми или иными представителями «чистого искусства» он резко противопоставлял красоту действительности и искусства. Он ставил вопрос, какое изображение сильнее, ярче, богаче — удаляющееся от жизни или то, которое не отрывается от нее? Это основа его позиции! Как материалист он разоблачал самообман, пустые мечты воображения эстетствующих сибаритов, «празднолюбцев». Их концепции сосредотачивали внимание на узкой полосе бытия, откуда извлекалось все многообразие культурных и социальных ценностей. Он страстно боролся за активное отношение к действительности в эстетике и искусстве, за формирование ими определенного типа характеров людей, отвечающих требованиям назревающей революционной ситуации.

Однако в полемике с идеалистами он иногда жертвовал диалектическим принципом развития ради материалистического монизма. Так, например, в трактовке проблемы перехода от «сознания» животных к человеческому сознанию он не понимал ясно качественного скачка и допускал «множество переходных форм, по которым можно проследить все степени развития»⁹.

В свете сказанного попытаемся проследить роль антропологического принципа как методологического приема в исследовании проблемы генезиса (становления) созна-

⁸ Мещеряков В. Т. Соответствие как отношение и принцип. Л., 1975, с. 51.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 274.

ния субъекта эстетической деятельности. Так, касаясь вопроса возникновения человеческого мышления, он писал: «Если существует нервная деятельность, если происходит непрерывная смена ощущений и впечатлений, то прежние представления непременно должны беспрестанно попадать в сочетание с новыми, а этот феномен уже и есть то самое, что называется воображением»¹⁰.

Чернышевский подчеркивал историческую обусловленность качеств человеческой природы вообще, причины изменений в качествах труда. Перемены в качествах труда обуславливаются переменами в качествах характера производящих процессов. «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно»¹¹.

Итак, изложенные выше мысли Н. Г. Чернышевского позволяют, по нашему мнению, предположить:

1) неизбежность улучшения качества труда коренится в самом развитии (совершенствовании) производящих орудий;

2) новая организация производства устанавливается через определенное время с усовершенствованием социальной практики. Как видно, в анализе основных движущих сил общественного процесса мысль Чернышевского «разрывала ткань антропологического материализма». «Само собой разумеется, что при сходстве форм суждение в конце безмерно богаче и выше нежели в начале»¹².

Таким образом, Чернышевский был далек от мысли, что «антропологический принцип» являлся «вечнымместилищем всех истин». Это видно из его слов о глубокой вере в бесконечное развитие жизни и научной мысли: «...всякая система... изменяется вместе с понятием времени..., а производящая система — только временный перелет для науки»¹³.

Хотя Чернышевский не поднялся до понимания законов исторического материализма, он понимал ограниченность метафизического мышления. Подлинное научное решение проблем о сущности эстетических отношений

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 277.

¹¹ Там же, т. IX, с. 220.

¹² Там же, т. V, с. 368.

¹³ Там же, т. II, с. 266.

людей к действительности и об эстетической сущности искусства ранее не было возможно ¹⁴.

В генезисе эстетическое сознание, в частности развитие ассоциативного мышления через орудийную деятельность первобытных людей, проходит, нам думается, ряд ступеней в своем развитии:

стадию рефлекторной деятельности, главным признаком которой, видимо, является познание свойств и качеств камня как основного орудийного материала и приобретение навыков, умения, сноровки формообразования;

стадию практических чувств, для которой характерно наличие у субъекта психофизиологического удовольствия от сделанного орудия, восприятия его формы;

стадию эстетического «проблеска», с которой связано возникновение у субъекта абстрактного мышления, а также осознание им эстетических представлений о формах первобытных орудий. Разумеется, разработка этих положений требует дальнейшего научного исследования в системном анализе археологических культур.

УЧЕНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО О ПРЕКРАСНОМ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЭСТЕТИКИ

В. С. КОРНИЕНКО, д-р филос. наук

Великий революционер-демократ России XIX в. Н. Г. Чернышевский внес большой вклад в развитие эстетической мысли своего времени. При этом эстетические идеи изучались им не ради простого любопытства, а представляли собой неотъемлемую сторону всей системы взглядов мыслителя. Эстетика явилась для Чернышевского той сферой, в которой он только и мог, в условиях жестокой цензуры, высказать свои прогрессивные воззрения по вопросам, являвшимся предметом острой идейной борьбы. Его эстетические работы оказались наполненными мыслями, отражавшими революционно-демократические устремления их автора и его ориентацию на достижения современной ему науки. Эти работы вы-

¹⁴ Кох Г. Марксизм и эстетика. М., 1964, с. 93—103.

звали резкую критику со стороны представителей реакционных кругов русского общества и явились предметом острой полемики, в которой русская революционно-демократическая мысль показала свое превосходство.

Учение Н. Г. Чернышевского о прекрасном является сердцевинной всей системы его эстетических воззрений. Оно занимает центральное место в таких трудах мыслителя, как «Эстетические отношения искусства к действительности» и «Критический взгляд на современные эстетические понятия»¹. Именно в теории красоты Н. Г. Чернышевский показывает несостоятельность эстетической доктрины Гегеля, господствовавшей в умах русского реакционно настроенного общества. Подвергая критике идеалистическое определение прекрасного как «выражения идеи в образе», Н. Г. Чернышевский с различных сторон показывает его научную несостоятельность. Утверждению идеалистической эстетики — «прекрасно то, что превосходно в своем роде» — он противопоставляет тезис, опирающийся на достижения естествознания — «не всё превосходное в своем роде прекрасно» (например, крот, амфибии, болото и т. д.). Определение прекрасного как «полное слияние идеи с образом» Чернышевский считает ограниченным, имеющим отношение лишь к искусству. Он подробно рассматривает «недостатки, выставляемые на вид немецкими эстетиками в объективном прекрасном»,² и убедительно доказывает, что в основе их лежит идеалистическое противопоставление духовного материальному.

В противоположность идеализму великий революционер-демократ выдвигает свое определение прекрасного: «Прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни»³. В основу этого определения Н. Г. Чернышевский кладет ярко выраженный материалистический взгляд на природу и человека. Он разъясняет, что под прекрасным в жизни человека он понимает «жизнь ума и сердца», что природу он рассматривает в ее действительном объективном существовании.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 5—92, 127—158.

² Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв. М., 1974, с. 99.

³ Там же, с. 72.

Таким образом, Н. Г. Чернышевский подхватил идущую сквозь века эстафету борьбы материализма против идеализма в понимании красоты действительности и искусства. Его выступление сыграло важную роль в этой борьбе и вошло в сокровищницу революционно-демократических традиций. Эти традиции наследует марксистско-ленинская эстетика, ведущая сегодня борьбу против различных направлений идеализма.

Современная буржуазная эстетика выхолащивает и искажает истинное содержание прекрасного в искусстве и жизни. Представители неотомизма, например, склонны даже признавать условия красоты объективно существующих предметов в духе эстетического учения Фомы Аквинского. Но основной их тезис гласит: «красота есть блеск формы», «она — молния, посредством которой дух освещает разумно устроенную материю»⁴. Субъективно-идеалистические направления в эстетике объявляют прекрасное то воображением (Р. Фрай), то интуицией (Б. Кроче), то выражением «опыта» (Д. Дьюи). Однако всем буржуазным теориям присущи такие черты, как релятивизм и устранение из понятия прекрасного того, что всегда составляло и составляет его сущность: выражение степени совершенства в развитии человека и общества, гуманистический пафос красоты в реалистическом искусстве. Отсюда: апология безобразного в искусстве современного авангардизма, оправдание и обоснование антигуманистической массовой буржуазной культуры.

Разоблачая реакционный характер современной буржуазной эстетики, мы наследуем материалистическое учение Н. Г. Чернышевского. Он — наш союзник в борьбе за гуманистическое понимание прекрасного в действительности и в искусстве. Его теория и сегодня служит надежным основанием для решения сложных эстетических вопросов, связанных с борьбой за реализм в искусстве и отражение в нем идеалов прекрасного.

Но не только в этом ценность учения Н. Г. Чернышевского. Главное заключается в созвучности, совпадении основных положений его теории с задачами пере-

⁴ Маритэн Ж. Красота и подражание.— В кн.: Современная книга по эстетике. М., 1957, с. 89.

устройства общества на основе коммунистического эстетического идеала.

В центре теории прекрасного у Н. Г. Чернышевского находится человек. Это в нем и для него существует красота действительной жизни. Мысль и чувство, разум и эмоции, жизнь, умственная и нравственная в их гармоничном сочетании, — являются важнейшими признаками человека-создателя и ценителя красоты. Наследуя традиции античной эстетики, рассматривавшей прекрасное как выражение внутреннего во внешнем, как единство содержания и формы, Н. Г. Чернышевский утверждает и развивает этот принцип прежде всего в понимании красоты самого человека. Революционно-демократическая концепция личности выступает у него в образе человека-груженника, патриота, революционера, отдающего все силы борьбе за раскрепощение народа. Неслучайно образ Рахметова из романа «Что делать?» оказал огромное воспитывающее влияние на целое поколение революционеров. Конечно, коммунистическая концепция личности, составляющая, как известно, центральное звено нашего эстетического идеала, шире, а главное, научно-обоснованней эстетической теории великого революционера-демократа. Вместе с тем понимание человеческой красоты Чернышевским во многом предвосхищает марксистское учение о прекрасном в человеческой личности.

При глубоком анализе определения прекрасного Н. Г. Чернышевским мы обнаруживаем еще ряд черт, созвучных нашим воззрениям. Великий революционер мыслил прекрасное не как нечто застывшее, а как развертывающийся процесс. Отвергая упрек идеалистов о непостоянстве прекрасного в действительности, Н. Г. Чернышевский говорит, что если бы прекрасное было неизменным, то «нам наскучило бы смотреть, и мы отвернулись бы, как это, впрочем, бывает часто в действительности»⁵. «Красота каждого поколения существует и должна существовать для этого самого поколения; и несколько не нарушает гармонии, несколько не противна эстетическим потребностям этого поколения, если красота его увядает вместе с ним, — у последующих будет своя, новая красота»⁶. Диалектический анализ прекрасного

⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 111—112.

⁶ Там же, с. 110.

го, таким образом, сочетается у Чернышевского с утверждением материалистического основания его, и это было значительным вкладом в эстетическую науку.

В определении прекрасного Чернышевский подчеркивает классовый характер восприятия красоты. В качестве объекта он рассматривает красоту девушки, которая воспринимается поселянином, представителем образованного общества или купечества различно, в зависимости от условий жизни и деятельности классов, к которым они принадлежат. Основу формирования различных эстетических потребностей и вкусов Н. Г. Чернышевский видит в труде. Его собственные симпатии на стороне народа, эстетические вкусы которого органично спаяны с трудом, здоровьем и равновесием сил в организме⁷. И хотя мысли Н. Г. Чернышевского по этому вопросу несвободны от налета некоторой доли антропологизма, хотя он и не дошел до последовательно-материалистического объяснения эстетического сознания общества и личности, утверждение классового характера восприятия красоты действительности было смелым шагом мыслителя, боровшегося за новые прогрессивные воззрения на прекрасное.

Нельзя не отметить и высказывания великого революционера-демократа о роли практики. Выдвигая в противоположность идеализму новое понятие прекрасного, Н. Г. Чернышевский опирался на достижения современной ему науки и практики. Критикуя мнимые, воображаемые стремления и болезненную фантазию приверженцев идеалистических доктрин, он спрашивает: кто будет судьей в различении истинных потребностей человека от мнимых, воображаемых устремлений? «Приговор дает сам человек, своею жизнью: «практика», этот непреложный пробный камень всякой теории, должна быть руководительницей нашей и здесь». «Практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли»⁸. Мыслитель разъясняет, что практическая жизнь обнимает не одну материальную, но и умственную, и нравственную деятельность человека.

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 72, 197.

⁸ См.: там же, с. 185—186.

Определение прекрасного тесно связано с этими мыслями Н. Г. Чернышевского. Оно несет в себе глубокое содержание, обобщающее «практику действительной жизни» в духе революционно-демократического идеала. Таким образом, мы снова фиксируем связь теории красоты с глубинными процессами жизни общества. И хотя понимание практики Н. Г. Чернышевским ограниченнее марксистского взгляда на этот вопрос, историческая ценность вклада великого мыслителя в материалистическую эстетику несомненна.

Следует обратить внимание также на значение эстетического наследия Н. Г. Чернышевского для понимания прекрасного в природе. Объективное существование прекрасного в природе было для мыслителя истиной, хотя он многократно подчеркивает относительную самостоятельность объективной и субъективной сторон при восприятии красоты. «Прекрасное и возвышенное действительно существуют в природе и человеческой жизни», — пишет он. «Но с тем вместе следует, что наслаждение теми или другими предметами, имеющими в себе эти качества, непосредственно зависит от понятий наслаждающегося человека... Таким образом, объективное существование прекрасного и возвышенного в действительности примиряется с субъективными воззрениями человека»⁹. В этом высказывании прослеживается понимание Чернышевским соотношения объективного и субъективного в прекрасном.

Однако далеко не все эстетики интерпретируют взгляды великого представителя революционно-демократической эстетики в их истинном значении. М. С. Каган, исследуя труды Н. Г. Чернышевского, пишет, например, следующее: «Впервые в истории эстетики Чернышевский гениально раскрыл диалектику объективного и субъективного в прекрасном, показав, что прекрасное не существует вне наших человеческих, общественных понятий, взглядов, отношения к жизни (подчеркнуто нами. — В. К.)»¹⁰. Подобное толкование теории прекрасного Н. Г. Чернышевского представляет собой явное искажение его мыслей и противоречит всему духу ут-

⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 200—201.

¹⁰ Каган М. С. Эстетическое учение Чернышевского. М.—Л., 1958, с. 54.

верждаемой мыслителем материалистической концепции. Это не что иное, как модернизация взглядов ученого XIX в. в духе одностороннего, «социологизированного» понимания прекрасного, несостоятельность которого убедительно показана в советской эстетической литературе.

Учение Н. Г. Чернышевского и сегодня служит нам теоретической основой эстетического отношения к природе. В условиях усложнившихся взаимоотношений общества и природы на основе научно-технической революции, в условиях все возрастающего значения проблем охраны природы научное понимание единства объективного и субъективного в эстетическом отношении к природе приобретает особое значение. Природа — не только первооснова существования человека и первоисточник материальных ресурсов для общества, она — средоточие первозданной, естественной красоты, приобретающей все большее значение в эстетическом воспитании человека.

Большое место в теории Н. Г. Чернышевского занимает искусство. Гегелевская эстетика утверждала превосходство искусства над действительностью и объявляла предметом искусства лишь прекрасное. Н. Г. Чернышевский восстал против такого взгляда и подверг обстоятельной, аргументированной критике все рассуждения эстетиков-идеалистов по этому вопросу. Он показывает, что истоки искусства следует видеть в самой жизни, что задачи искусства совсем не в приукрашивании действительности, что искусство имеет огромное практическое значение. «Природа и жизнь выше искусства», «действительность по красоте своей выше созданий фантазии, осуществляемых искусством»,¹¹ — вот вывод, к которому приходит мыслитель в результате подробного анализа этой проблемы. Идеализму, таким образом, было противопоставлено материалистическое толкование художественного творчества.

В отрицании идеалистической интерпретации искусства Н. Г. Чернышевский доходит и до резких, односторонних суждений, особенно при характеристике отдельных видов искусств. Архитектуре, например, он отказывает быть зачисленной в число «изящных искусств», инструментальную музыку объявляет подражанием пению,

¹¹ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 149, 190.

а само пение — подражанием и суррогатом (пения как произведения природы)¹². Это означает, что подлинная диалектика отражения действительности в искусстве, особенно в неизобразительных видах художественного творчества, не была им понята. Но было бы ошибкой делать из этого вывод о том, что Н. Г. Чернышевский недооценивал искусство и не видел его возможностей в отражении прекрасного в действительности. Прекрасное в искусстве может быть не чем иным, как воспроизведением прекрасного в жизни. Но при этом «прекрасно нарисовать лицо» и «нарисовать прекрасное лицо» — две совершенно различные вещи¹³, замечает ученый. Следовательно, красота содержания не должна подменяться красотой формы и наоборот.

В результате тщательного анализа роли искусства в жизни человека Н. Г. Чернышевский так определяет его функции: искусство — средство познания, его предметом выступает «все интересное для человека в жизни и природе». Оно — не только воспроизводит интересные явления жизни, но и дает им объяснение; искусство — учебник жизни и часто имеет значение приговора о явлениях жизни¹⁴. Мыслитель подчеркивает, что искусство, подобно науке, способно удовлетворять и развивать «благородные стремления ко всему высокому и прекрасному», что искусство «должно гордиться» тем, что оно занимает «неоспоримое и почетное место в числе деятельностей, служащих на благо человеку»¹⁵. Ни о каком умалении роли искусства, таким образом, у Н. Г. Чернышевского нет и речи. Весь пафос его мыслей направлен на утверждение искусства как средства реалистического отражения действительности, в том числе прекрасного, как одной из сторон жизни человека.

Несмотря на историческую ограниченность, мы находим в эстетике великого революционера-демократа материалистическое решение основного вопроса эстетики, непримиримость и страстность в борьбе против идеализма, глубочайший гуманизм, тесную связь с практикой

¹² Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 127, 137.

¹³ Там же, с. 70.

¹⁴ Там же, с. 172—173.

¹⁵ Там же, с. 202—203.

преобразования жизни в духе революционно-демократических идеалов. Вот почему эстетика Н. Г. Чернышевского остается «живой» теорией, помогающей прогрессивным силам в осуществлении коммунистического идеала.

**Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ**

Л. Б. ПОДГОРНЫХ

Н. Г. Чернышевский как литературный критик, искусствовед и романист является одной из центральных фигур середины XIX в.; представляя самое передовое мировоззрение своего времени, он является подлинным классиком истории и теории эстетической мысли.

Интерес Чернышевского к проблемам теории искусства и литературы не был случайным, ибо, как отмечал Герцен в «Былом и думах», в России «литературные вопросы за невозможностью политических были вопросами жизни». Это отлично понимал и Чернышевский. «Литература и поэзия,— писал он,— имеют для нас, русских, такое огромное значение, какого, можно сказать наверное не имеют нигде...»¹.

Идеи Чернышевского в области эстетики явились теоретическим основанием искусства критического реализма и своим политическим острием были направлены против современной ему действительности, против собственнического, эксплуататорского общества. Всесторонне и беспощадно разоблачая идеалистические воззрения по вопросам художественного творчества, Чернышевский отстаивал искусство, тесно связанное с реальной жизнью и практическими потребностями людей. Искусство должно служить на благо человека, и в той мере, в какой оно выполняет эту обязанность, оно имеет право на значимость и уважение со стороны человека.

Значение и авторитет искусства представлялись Чернышевскому в тесной связи с обязанностью его решать важные общественные задачи, играть активную социальную роль в общественной жизни. Неутомимая борьба за

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 94.

высокую идейность искусства, взгляд на эстетику как могучее идеологическое оружие и понимание искусства как «учебника жизни» и средства революционного воздействия на действительность — вот те философские, мировоззренческие и методологические основания, из которых складывалось понимание центрального вопроса любого вида и жанра реалистического искусства — вопроса о художественной правде.

Жизненная правда, соответствие художественных образов конкретно-исторической реальности — важнейшее условие, которое Чернышевский предъявляет к искусству. Вне этого условия художественное произведение не может выполнять своей общественной роли. «Во всех отраслях человеческой деятельности только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вяло и бледно, не только не приобретает исторического значения, но и само по себе, без отношения к действию на общество, бывает ничтожно»².

Искусство должно давать человеку истинную картину действительности, и лишь в той мере, в какой оно решает эту задачу, оно может воздействовать на жизнь, стать средством искоренения всего дурного, что в ней есть. Вместе с тем верность правде создает самые благоприятные предпосылки для развития таланта, его совершенствования и расцвета. Напротив, если художник изменяет жизненной правде, он становится на путь, который неотвратимо ведет к утрате таланта. И Чернышевский убедительно доказывает это на примере А. Н. Островского, тревогой за судьбу которого проникнута острая, резкая и принципиальная статья о пьесе «Бедность не порок» (1854 г.).

Резко и бескомпромиссно пишет Чернышевский, что писатель «впал в приторное прикрашивание того, что не может быть и не должно быть прикрашиваемо»³. В статье проводится замечательная мысль о нерасторжимом единстве в искусстве художественности и жизненной правды, о том, сколь важно для таланта писателя верное направление. «В правде, — подчеркивает он, — сила таланта;

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 299.

³ Там же, т. II, с. 240.

ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже в чисто художественном отношении»⁴.

Чернышевский озабочен не только содержательной стороной искусства, его идейной проблематикой, но и вопросами художественной формы. Эстетический анализ Чернышевского всегда основан на понимании глубокого единства содержания и формы. Выявление того, «что изображено», неразрывно в его исследованиях с тем, «как изображено».

Форма вторична по отношению к содержанию, но вне ее содержание не может проявиться. Этим объясняется, по мнению критика, громадная роль формы в искусстве. Он высмеивает людей, воображающих, будто бы «художественность состоит в красивой отделке подробностей, в украшении произведения заботливо сделанными картинками и ловко обточенными фразами»⁵.

Подлинная «художественность состоит в соответствии формы с идеею», — указывает Н. Г. Чернышевский. Чтобы оценить художественные достоинства произведения, необходимо как можно строже исследовать, истинна ли идея этого произведения. Если идея несостоятельна, фальшива, — о художественности не может быть и речи, ибо форма также будет фальшива и исполнена несообразностей.

Согласно Чернышевскому, художественным бывает лишь то произведение, в котором воплощена истинная идея, в котором форма соответствует идее, а критерием этого соответствия выступает художественная правда⁶.

Как видно, такой, вполне диалектический, подход был чрезвычайно плодотворным и для искусства и для самой критики. Для искусства потому, что высоко поднималась роль художественности; для критики — потому, что анализ художественной формы произведения органически связывался с его содержанием, идейной проблематикой и вследствие этого становился анализом наиболее всесторонним и глубоким. Он остается плодотворным и в решении сегодняшних проблем эстетики и теории искусства, в частности — в решении круга вопросов, связанных

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 240.

⁵ Там же, т. III, с. 663.

⁶ Там же.

с категорией художественной правды и ее критериев.

Художественная правда является важнейшим фундаментальным свойством художественного образа, определяющим его качественную специфику. Реальное конкретно-историческое содержание этой категории чрезвычайно многогранно. В литературе отсутствует единое, достаточно полное и конкретное, определение художественной правды. Чаще всего под художественной правдой понимают соответствие художественного образа сущности явления. В этой связи сущностные черты самой категории «Художественной правды» наиболее полно раскрываются через основные закономерности формирования художественного образа, а именно: через «типизацию, как форму открытия истины художником в процессе творчества»⁷, ибо в готовом произведении в сжатом виде отражен процесс его формирования. Типическое — это всегда открытие. Можно утверждать, что главной целью творчества писателя, художника и т. д. является создание художественных типов, конденсирующих в себе исторически значимые явления. Этому в конечном счете подчинены все творческие усилия и творческие поиски автора. Результаты глубоких раздумий, поисков, усилий писатель закрепляет в художественном типе, который, по его замыслу, должен дать представление об общественных отношениях, в которые поставлен жизнью его герой, о социальном бытии и возможностях личности.

Идея типического была понята Н. Г. Чернышевским именно как сущностная характеристика действительности, а не как слепое копирование ее. Чернышевский понимал, что для постижения сущности следует абстрагироваться от некоторых ее несущественных, пусть даже и многочисленных, проявлений.

Типическое, по его мнению, не обязательно связано с «множеством», с тем, что уже достигло своего развития, полного обнаружения. При решении проблемы положительного героя важно было показать ростки нового, находящегося еще на стадии развития, но именно такого нового, которому принадлежит будущее. Это было важным открытием в русском и мировом искусстве. Исходя из этого, Чернышевский вскрывает закономерности зарождения со-

⁷ Новиков В. Художественная правда и диалектика творчества. М., 1974, с. 14.

временного ему типа «нового человека», революционера-демократа. И в этом проявилась теснейшая связь искусства с общественной жизнью, принципиальный характер которой подчеркивал Чернышевский. По художественным типам, созданным великими русскими писателями (Чацкому, Онегину, Печорину, Рахметову, Власову и др.), мы можем судить об эпохе в ее конкретных изменениях, иметь образное представление об этапах развития общественной жизни России, об эволюции личности, о ее судьбе и одновременно о тех открытиях, которые сделал русский реализм, активно вмешиваясь в жизнь. Недаром Горький дал такое емкое определение типу: «Тип — это явление эпохи»⁸.

В типическом характере в неповторимой форме выражается единство социального и общечеловеческого, особенного (конкретно-исторического) и общезначимого. Силой своего таланта художник открывает типическое и утверждает его в художественных образах.

Типическое в жизни и его формы выражения, обобщения в искусстве (многообразные и развивающиеся) определяют особенности художественности в целом и особенности художественной правды в том числе. Художник силой своего творящего разума, «провидения» сущности проявляет способности организовывать свои разрозненные впечатления, придавать им гармоническое целое. И само произведение строится по принципу гармонии, целостной структуры, отражающей в себе бесконечное многообразие мира. «Главное свойство во всяком искусстве — чувство меры... То самое чувство меры, которое огромным трудом и изучением приобретают редкие художники...»⁹. И в этом рельефнее всего проявляются внутренние законы искусства: единство формы и содержания, соответствие форм типизации характерным явлениям, правдивость чувств, мыслей, поведения героев, правда деталей и обстановки — все то, что является признаками художественной правды.

На этой стадии творчества с особой силой проявляется тяга искусства обособиться от действительности, не только уйти в свой образный мир, где всегда чувствуется зависимость искусства от жизни (как доказывает Чернышевский, во всем, что творит художник, всегда проявля-

⁸ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 64.

⁹ Русские писатели о литературном труде. Л., 1955, т. 3, с. 531.

ется влияние жизни), но и встать над действительностью, утверждая кажущуюся независимость творчества как особую сущность искусства. В данном случае речь идет о формах соотношения субъективного и объективного в художественном творчестве, о мере такого соотношения. Здесь всегда возникают особые противоречия, которые имеют свои слабые и сильные стороны. Сильные — это когда искусство, впитав в себя лучшие достижения времени, в том числе философии, истории, проявляет способность самостоятельно перерабатывать эти основы и на этой почве открывать истину и выражать ее в своей особой форме. Способы выражения художественной правды в таких случаях могут быть самые различные: от фантазий Данте в «Божественной комедии» до гротеска Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле», от народных мифов о Прометее, Василисе Прекрасной и до философских поэм Мильтона, от романтических грез В. Гюго до реалистической панорамы Бальзака в «Человеческой комедии».

Главным критерием художественной правды здесь выступает общее требование — соответствие авторской концепции, выраженной в обратной форме, исторической правде, исторической тенденции своего времени, т. е. истинность художественных идей, лежащих в основе произведений искусства, реализованных в типических героях и типических обстоятельствах их жизни и их мыслей. Все компоненты произведений нас интересуют здесь не с точки зрения жизнеподобия, а с точки зрения полноты и глубины внутреннего содержания — художественного совершенства в выражении общей авторской концепции, т. е. во вторичном воплощении сущности. Вторичном, ибо первичная извлечена из жизни и силой художественного таланта вновь поставлена в конкретные, уже художником созданные обстоятельства.

Правда вымысла как форма, в которой сплавлены единицы субъективного и объективного, и здесь выступает в общем эстетическом плане в качестве критерия художественной правды.

Но могут быть и слабые стороны в этом сплаве при отрыве искусства от действительности, и тогда говорят о субъективизме (т. е. о преобладании субъективного над объективным). Причем чисто внешне, в деталях, все может быть «как в жизни». Порок кроется здесь зачастую именно в неверной идее, а это отражается на образном строе,

сюжете (или бессюжетности), форме и содержании, пусть то будет «псевдореализм» или абстракционизм. В основе и того, и другого часто обнаруживаем общее: связи с жизнью рвутся, образная структура вопреки законам искусства насильственно деформируется (абстракционизм), превращается в знаки и символы. Субъективные представления художника в таком случае не только не соответствуют правде жизни, они приходят в противоречие с ней, служат формой выражения заблуждений художника или, еще хуже, средством искажения действительности. Эти особенности искусства часто эксплуатируются декадентами, модернистами и псевдореалистическими направлениями.

Таким образом, типическое — ядро художественной правды. С него начинается освоение действительности и им заканчивается. В типическом отчетливо прослеживается связь художественного творчества с действительностью. Художественная правда закрепляется в каждом случае в особой форме, в конкретном произведении и выступает в одной из своих (и далеко немаловажной) функций — гносеологической. Это проявляется и в рельефном воспроизведении жизненных явлений, в раскрытии их внутреннего содержания, и в более глубоком постижении реального мира, человека, общественных отношений, социально-психологического климата эпохи и т. д., что определяет познавательную возможность и ценность искусства.

Диалектический подход к художественной правде, идея которого была еще намечена Н. Г. Чернышевским, позволяет рассматривать ее как сущностное проявление гносеологической природы искусства и критерий его художественности. В художественной правде проявляются способности искусства к самостоятельному открытию истины и выработке все новых и новых способов и средств освоения действительности.

АТЕИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

А. П. ГОРКУН, *канд. филос. наук*

Деятельность великого русского революционера и мыслителя Н. Г. Чернышевского была непосредственно связана с общественно-политическим движением 60-х

годов XIX в., движением революционно-демократических сил России против реакционного самодержавно-крепостнического строя. Эта борьба выражала столкновение двух мировоззрений: материалистического, на которое опиралась революционная демократия, и религиозно-идеалистического, являющегося духовной основой защитников царизма.

Н. Г. Чернышевский, будучи главой революционно-демократического направления, являлся воинствующим материалистом, последовательным борцом за атеистические убеждения. Его философский принцип — антропологический принцип — представлял собой по существу материалистическое решение основного вопроса философии. Раскрывая сущность этого принципа, Чернышевский писал, что «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма от головы до ног включительно, или, если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом»¹. Данное положение он противопоставлял «фантастическому (т. е. религиозно-идеалистическому. — А. Г.)² способу ненатурального дробления человека на разные половины, происходящие из разных натур»³.

Утверждение Чернышевского «о единстве человеческого организма» было направлено против одного из ключевых положений религии — о наличии в человеке «бессмертной души» как особой, нематериальной субстанции. При этом он опирался на научные данные. «...Наблюдениями физиологов, зоологов и медиков, — писал Чернышевский, — отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого

¹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1951, т. 3, с. 252.

² Чернышевский был вынужден по цензурным соображениям высказываться в отношении религии и идеализма намеками, иносказательно.

³ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 252.

дуализма в человеке не видно...»⁴. Присущие человеку «два различных ряда явлений»: материальные и идеальные, Чернышевский рассматривал как различные качества его организма.

Чернышевский стремился оградить науку от нападков со стороны религиозных идеологов, подчеркивал диаметрально противоположность научных истин и религиозных догм. Он полемизировал с церковниками, которые из факта, что «естественные науки еще не достигли такого развития, чтобы удовлетворительно объяснить все важные явления природы»⁵, делали теологические выводы. Значение этой полемики для борьбы против религии состоит в том, что, во-первых, Чернышевский на естественнонаучном материале доказывал «единство законов природы», отстаивал принцип материального единства мира, исключаящий наличие в нем сверхъестественных сил. Во-вторых, он разоблачил богословский прием, заключающийся в использовании бесконечности процесса познания и сохранения на каждом этапе развития науки еще не познанных явлений для того, чтобы «обосновать» невозможность дальнейшего движения науки и необходимость обращаться к единственному средству постижения «высших истин» — к религиозной вере. Несостоятельность этого приема демонстрирует сама наука, постоянно идя от незнания к знанию, ко все более глубокому овладению сущностью явлений действительности.

Чернышевский отводил науке решающую роль в формировании материалистического мировоззрения. «Говорят, — писал он, — что открытия, сделанные Коперником в астрономии, произвели перемену в образе человеческих мыслей о предметах, по-видимому, очень далеких от астрономии. Точно такую же перемену и точно в том же направлении, только в гораздо обширном размере, производят ныне химические и физические открытия: от них изменяется образ мыслей о предметах, по-видимому, очень далеких от химии»⁶.

Ученый понимал, что религия — серьезный противник, использующий разнообразные средства для укреп-

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 185.

⁵ Там же, с. 196.

⁶ Там же, т. 3, с. 200.

ления своих позиций. Он разоблачал стремление церкви истолковать в свою пользу и пропагандировать ложные выводы ученых. Так, успешное распространение теории катастроф Кювье объяснялось, по его мнению, тем, что она позволяла говорить о божественном творении мира⁷.

Одновременно Чернышевский критиковал тех естествоиспытателей, которые проявляли непоследовательность и колебания в мировоззренческих вопросах и оказывались под влиянием идеализма и религиозных догм. «...По научному мировоззрению,— отмечал он,— я держусь непоколебимо такой мысли: всякая иллюзия оказывает дурное действие на ход человеческих дел; и тем более вредны такие иллюзии, которые, как перевознесение своей группы во вред другим людям, имеют источником своим не какую-нибудь невинную ошибку, а побуждение дурное»⁸. К разряду «дурных иллюзий» великий революционер-демократ относил ошибочные взгляды некоторых ученых-естествоиспытателей, которые и оказывались в распоряжении «недобросовестных людей»⁹ (идеологов из религиозно-идеалистического лагеря.— А. Г.).

Типичным образчиком «дурных иллюзий» считал Н. Г. Чернышевский идею о якобы неизбежной «тепловой смерти» вселенной. Категорически отвергая это заблуждение, он писал: «Формула, предвещающая конец движению во Вселенной, противоречит факту существования движения в наше время. Эта формула фальшивая»¹⁰. Он видел несостоятельность «теории тепловой смерти» в несовместимости ее с принципом неуничтожимости движения.

В борьбе за союз материализма и естествознания Чернышевский подчеркивал органическую связь идеализма и религии и их враждебное отношение к материализму.

С этих позиций он разоблачал попытку позитивистов принизить роль науки в обществе, лишить науку мировоззренческого значения. Критически анализируя утверждение О. Конта о поэтапной эволюции человеческой мысли, началом которой якобы является религиозная ста-

⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 652.

⁸ Там же, с. 763.

⁹ Там же, с. 771.

¹⁰ Там же, с. 535.

дия, он писал: «...теологического периода науки никогда не бывало»¹¹.

Не менее резко он выступал против важнейшего принципа томизма — принципа гармонии веры и разума, служившего богословам удобным средством маскировать антагонизм науки и религии и проповедовать якобы существующую между ними связь. Он критиковал реакционера О. М. Новицкого, профессора Киевского университета, который высказывался в пользу этого принципа, «следуя заблуждению схоластов, смешивающих философию Аристотеля с истинами христианской религии...»¹². Новицкий хотел быть и ученым, и богословом. Осуждая подобных ученых, Чернышевский противопоставлял им «великих отцов церкви», которые были последовательны в отрицании связи между религией и наукой.

Борьба Чернышевского за союз материализма и естествознания против теологических спекуляций вокруг науки приобретает особую актуальность в условиях современной научно-технической революции, остро ставящей перед церковью проблему модернизации своего вероучения. Богословы активно ищут возможности «подвести» научную основу под религиозные догмы. Они ссылаются на «теорию» тепловой смерти Вселенной (о которой уже шла речь выше), якобы доказывающую ее творение богом¹³. В качестве аргумента в пользу догмата о «начале мира» привлекается также теория «расширяющейся Вселенной».

Объектом критики Чернышевского были и суеверия — особая разновидность веры в сверхъестественное, постоянный спутник религии. Они порождены отсутствием знаний о сущности вещей, закономерных связях между ними, основаны на «предположений, будто бы результат произведен фактом, только случайно совпадающим с другими фактами, обратить внимание на которые не хотят суеверные простаки и которые сами по себе уже очень достаточны для объяснения дела»¹⁴. Суеверные люди допускают логическую ошибку, принимая такое случайное совпадение явлений за причинную связь между ними. Но «...логика заклеяла такой легкий способ

¹¹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 691.

¹² Там же, с. 266.

¹³ См.: Философия естествознания. М., 1966, вып. 1, с. 126—127.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. II, с. 652.

отыскания истины знаменитою фразою *sum hoc, ergo propter hoc* и объявила, что подобные умозаключения решительно никуда не годятся... Все суеверия основаны на этой форме умозаключения»¹⁵. Чтобы оградить себя от подобных ошибок, необходимо опираться на практику и строгую логичность рассуждений.

Одновременно Чернышевский вскрыл социальную основу суеверий, которую видел в невежестве, темноте, классовом гнете. Им способствуют также неуверенность и страх перед завтрашним днем, корыстные интересы и цели знахарей, «ясновидцев» и т. д. Широкое распространение мистики и суеверий наблюдалось в период революционной ситуации в России 60-х годов XIX в. Чернышевский разоблачил шарлатана Юма, который выдавал себя за «ясновидца», «пророка» и вызвал сенсацию в Петербурге «своими фокусами»¹⁶.

История неоднократно свидетельствовала, что мистические настроения в значительной степени оживлялись в периоды острых социальных потрясений. Именно такая ситуация наблюдается в современном капиталистическом обществе, находящемся в состоянии глубокого кризиса. Отражая подъем мистической волны, американский социолог О. Тоффлер пишет: «Сегодня, когда со всех сторон поступают все новые доказательства того, что общество вышло из-под контроля, доверие к науке падает. Как следствие этого мы видим бурное возрождение мистицизма»¹⁷.

Для Чернышевского была совершенно очевидна связь между царизмом, крепостничеством, с одной стороны, и религией, освящающей монархический, эксплуататорский режим — с другой. Духовенство, писал он, «это мелкие прислужники действительных владык мира»¹⁸.

Борьбу против религии Чернышевский рассматривал как важную, неотъемлемую часть общего дела революционного обновления России, освобождения многомиллионного крестьянства от социального гнета. Горячий сторонник революционных действий, Чернышевский ставил борьбу с религией в связь с классовой борьбой:

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 2, с. 672.

¹⁶ См.: там же, т. 7, с. 241.

¹⁷ Toffler A. *Future Shock*. N. Y., 1971, p. 450.

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 3, с. 717.

«Пусть начнется угнетение одного класса другим, тогда будет борьба, тогда угнетаемые осознают, что они угнетаемы при настоящем порядке вещей, но что может быть другой порядок вещей, при котором они не будут угнетаемы; поймут, что их угнетает не бог, а люди...»¹⁹.

Объединенный лагерь реакции, в котором особую активность проявляла церковь, единым фронтом выступил против Чернышевского и совершил расправу над ним. В приговоре, вынесенном сенатом, ему было поставлено в вину то, что он являлся одним из главных сотрудников журнала «Современник», в котором «развивались по преимуществу материалистические и социалистические идеи, стремящиеся к отрицанию религии, нравственности и закона»²⁰.

Чернышевский до конца своих дней оставался непримиримым борцом против своих идейных врагов. Глубокая критика великим революционером-демократом идеализма, религии имеет большое значение и в настоящее время, в условиях современной идеологической борьбы, представляя собой верное оружие разоблачения различных мистических учений.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О НРАВСТВЕННОМ СОДЕРЖАНИИ НАУЧНОГО АТЕИЗМА

Н. А. КОСТЕНКО, канд. филос. наук

В огромном по богатству общественно-политической мысли творческом наследии Н. Г. Чернышевского и, в частности, в его работах «Антропологический принцип в философии», «Пolemические красоты», «Франция при Людовике Наполсоне», «Суеверия и правила логики», «Борьба пап с императорами» и других излагаются философско-материалистические, этические и атеистические взгляды русского революционно-демократического движения разночинной интеллигенции 50—60-х годов.

В. И. Ленин, называя революционных демократов предшественниками русской социал-демократии, писал:

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 356.

²⁰ Вороницын И. П. Николай Гаврилович Чернышевский и религия. М., 1933, с. 114.

«...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»¹.

В разработке идей философского материализма и нравственного содержания научного атеизма Н. Г. Чернышевский, выросший, кстати, в семье священника и имевший богословское образование, опирался на историю философской и атеистической мысли, в частности, на мировоззренческие идеи и взгляды французских материалистов XVIII в. Л. Фейербаха. При этом он рассматривал философию прежде всего как «теорию решения самых общих вопросов науки, обыкновенно называемых метафизическими, — например, вопросов об отношениях духа к материи, о свободе человеческой воли, о бессмертии души и т. д.»².

Н. Г. Чернышевский сумел преодолеть многие недостатки, присущие французским материалистам и Фейербаху. Если критика христианской морали у Л. Фейербаха отличалась своей непоследовательностью в отношении религии, что выразилось в попытках ее формирования и превращения в культ «любви» к абстрактному человеку, а у Гельвеция, при его открытой враждебности к религии, — формальным сохранением ее терминологии («бог», «универсальная религия» — синонимы разума, царства природы), то у Н. Г. Чернышевского этика «разумного эгоизма» тесно связана с научным атеизмом, она свободна от всякого влияния религии.

Ф. Энгельс писал: «Чтобы перейти от фейербаховского, абстрактного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях»³. Н. Г. Чернышевский, хотя и не смог до конца преодолеть антропологизм и в конечном счете идеализм атеизма и этики Л. Фейербаха, в своем учении о нравственном содержании научного атеизма основывается на ряде материалистических положений.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 239. Примечание.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 299.

В частности, он утверждает, «что все явления нравственного мира проистекают одно из другого и из внешних обстоятельств по закону причинности, и на этом основании признано фальшивым всякое предположение о возникновении какого-нибудь явления не произведенного предыдущими явлениями и внешними обстоятельствами»⁴.

Научный подход Чернышевского к нравственным проблемам атеизма есть прямой результат его зрелых философских взглядов, выработанных в процессе критического усвоения идей Гегеля и Канта.

Высоко ценя диалектический метод Гегеля, он осуждал идеализм и консерватизм его системы: «принимая его (Гегеля.— Н. К.) принципы, последовательному мыслителю надобно притти к выводам, совершенно различным от выставленных им выводов»⁵. Это подводит его вплотную к материалистическому пониманию истории. «Нравы изменяются,— доказывал Чернышевский,— вследствие изменения обстоятельств национальной жизни. Изменения эти производятся влиянием исторических событий, преобразующих отношения классов, условия труда, гражданские учреждения наций»⁶.

Критикуя Канта, Чернышевский доказывал, что кантовский агностицизм и идеализм направлены на то, «...чтобы отстоять свободу воли, бессмертие души, существование бога, промысел божий о благе людей на земле и о вечном блаженстве их в будущей жизни,— чтобы отстоять эти дорогие сердцу его убеждения от — кого? — собственно, от Дидро и его друзей; вот о чем думал Кант»⁷.

Чернышевский критиковал этику Канта за априоризм, доказывая ее никчемность для общества, особенно для революционного движения народа, в частности крестьянства,— прямой вред его теоретико-нравственных принципов, выводимых из разума при игнорировании реальных человеческих интересов и идеалов.

В своих социологических взглядах Чернышевский подошел ближе всех домарксистских материалистов к пониманию закономерной связи экономики с политикой,

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 260.

⁵ Там же, т. III, с. 202.

⁶ Там же, т. IV, с. 875.

⁷ Там же, т. VII, с. 258.

с классовой борьбой крестьянства против самодержавия с его христианской идеологией.

Н. Г. Чернышевский уделял значительное внимание проблемам происхождения религии и морали, рассматривая их как феномены общественного сознания, составляющие основы официальной эксплуататорской идеологии царизма и освящающие, оправдывающие и укрепляющие крепостнические отношения. «Светское могущество духовенства, т. е. епископов и монастырей,— писал он,— составляло одну основу феодального порядка»⁸.

Не имея возможности в условиях цензуры открыто критиковать православие и его мораль, их зависимость и подчиненность интересам господствующих классов России, Чернышевский, путем критики философско-этических воззрений Канта, Гегеля, профессоров-реакционеров русской православной церкви (А. Д. Юркевича, М. Каткова), а также официальных религиозно-нравственных доктрин западноевропейского католицизма, пытался внушить русскому «мыслящему читателю», что религиозно-этические принципы православной церкви составляют идеологическую опору царизма, являются духовным орудием угнетения и эксплуатации трудящихся, особенно русского крестьянства. Так, разоблачая на примере Испании вредное влияние религии и ее морали на жизнь общества, Чернышевский писал: «Через это в сильнейшей степени уменьшилось и народонаселение, и образование, и деятельность, а бедность увеличилась до такой степени, что даже до сих пор видны страшные следы ее»⁹.

На примере Франции Чернышевский показал, что духовенство повсеместно пользовалось исключительным правом, полученным из рук монархов, на организацию и руководство просвещением народа. «Таким способом,— писал он,— идет попытка без шума окинуть сетью монашеского воспитания... обучение низшего класса и уничтожить первоначальное светское образование, приносящее благодетельные плоды»¹⁰. Вот почему «улучшение общественного и материального положения...,— утверж-

⁸ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М.—Л., 1951, т. 2, с. 362.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 225.

¹⁰ Там же, т. II, с. 519.

дал Чернышевский, — ...необходимейшее предварительное средство для возможности распространяться просвещению и улучшаться нравам»¹¹.

Н. Г. Чернышевский утверждал, что прогресс в нравственном содержании атеизма достигается по мере приближения этики и научного атеизма к естествознанию: «Из мыслителей, занимающихся нравственными науками, все передовые люди стали разрабатывать их при помощи точных приемов, подобных тем, по каким разрабатываются естественные науки»¹². При этом он противопоставлял мировоззренческим и морально-этическим принципам русского православия и царизма свой антропологический принцип разумного эгоизма.

Исходя из последнего он критиковал ограниченность мировоззренческо-нравственных взглядов Фейербаха и особенно Гельвеция за то, что их мировоззрение, этика, эстетика и атеизм противоречат «социалистическим идеям о естественной привязанности человека к человеку»¹³.

Пытаясь преодолеть не разрешенную французскими материалистами, в частности Гельвецием, антитезу личного и общественного, Чернышевский писал, что «любовь и доброжелательство... так же врождены человеку, как и эгоизм»¹⁴.

Основу новой морали Чернышевский видел в труде. Герои его романов «Что делать?» и «Пролог» — люди труда. Для них труд, направленный на благо всего общества, составляет наслаждение и смысл их жизни. Только общественно полезный труд, по Чернышевскому, облагораживает человека.

Н. Г. Чернышевский как социалист-утопист, предвосхищая некоторые черты коммунистического общества, писал: «Мы принимаем за арифметическую истину, что со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет [это] ему нужно, переделает все на земле сообразно со своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 842.

¹² Там же, т. VII, с. 258

¹³ Там же, т. I, с. 385.

¹⁴ Там же, т. III, с. 229.

пользу. Этот один путь уже мог бы привести со временем к уничтожению несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения... Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных»¹⁵.

Важное значение для революционного преобразования общества Чернышевский придавал системе нравственного воспитания революционеров как «новых людей». Эту систему он строил на таких революционно-демократических принципах, как научность, исторический оптимизм, революционный гуманизм, классовая партийность, самоотверженность в служении и борьбе за свободу и счастье народа, а также на основе всесторонней критики христианской морали господствующих классов России. Подчеркивая, что герои его художественных произведений — прототипы реально существовавших в тогдашней России людей, он писал: «Все хорошее настоящее приобретено борьбою и лишениями людей, готовивших его; и лучшее будущее должно готовиться точно так же»¹⁶. «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества, — что может быть выше и вожделеннее этого?»¹⁷.

Его теория «разумного эгоизма» подсказывала необходимость создания в обществе такого по содержанию и характеру социального идеала «новых людей», который способствовал бы преобразованию их в реальную материальную силу для изменения убогой русской действительности.

А. В. Луначарский, отмечая положительное значение этических взглядов Н. Г. Чернышевского, писал, что когда молодой человек «ставит лично перед собой вопрос, как ему быть и куда идти и . . . как поступать впредь, Чернышевский говорит ему: ты остаешься эгоистом, ты служишь себе, ты строишь наилучшее из возможных для тебя благополучий и тогда, когда ты выбираешь путь жертвы, путь служения великой общей идее, ибо твой класс воспитал в тебе такого рода „человеческую натуру“.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609.

¹⁶ Там же, т. XII, с. 645.

¹⁷ Там же, т. XIV, с. 48.

которая влечет тебя именно в эту сторону и которая превратится в угрызающую тебя совесть, если ты отступишь от ее высоких велений и снизишься до мещанства. И помни..., что жертва, когда она принесена для великого дела, оправдывает себя и дает высшее счастье»¹⁸.

В соответствии с антропологическим принципом и теорией «разумного эгоизма» Чернышевский полагал, что любой индивид содержит в себе свойства общечеловеческого, принадлежит к миру природы, строго детерминирующей его сущность. «...При единстве натуры, — писал Чернышевский, — мы замечаем в человеке два различных ряда явлений: явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает)»¹⁹. Хотя эгоизм, по Чернышевскому, и является изначальной общественной формой стремления человеческой природы к личному удовольствию, однако он ограничен действием всеобщего закона причинности, обуславливающего развитие общества. Человек может действовать разумно тогда, когда он умело сочетает в своем сознании «естественные потребности» и «общественные привычки и обстоятельства». И только при таком условии выбор человеком прогрессивной тенденции и сообразования с ней своего нравственного поведения является действительно разумным выбором.

Однако переоценка природных задатков человека, абстрактность понятий «приятного и неприятного», «добра и зла» при нередких еще рассуждениях о «человеке вообще», «человеческом организме», его «естественных потребностях», а также натуралистическая терминология в нравственном содержании атеизма Чернышевского мешали полному пониманию Чернышевским диалектико-материалистической сущности нравственности как результата социального развития человечества.

Широкое просвещение и особенно пропаганду естественнонаучных знаний Чернышевский считал важнейшими средствами освобождения сознания широких народных масс крестьянской Руси от невежества, религиозных

¹⁸ Луначарский А. В. Н. Г. Чернышевский. М.—Л., 1928, с. 101—102.

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 241—242.

взглядов и суеверий. Вместе с тем он понимал, что в условиях тогдашней России ни времени, ни средств для образования у народа не было, да и сам царизм делал все возможное, чтобы не допустить «серьезных забот о просвещении парий»²⁰, а поэтому он считал возможным преодоление религиозно-нравственных пережитков в сознании народа лишь после победы в стране крестьянской революции. «...Важнейшие недостатки известного общества, — утверждал Чернышевский, — могут быть устранены только совершенной переделкой его оснований, а не мелочными исправлениями подробностей»²¹. «...То, чего хочет масса, — продолжал Чернышевский эту же мысль, — гораздо обширнее реформ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себе образованные сословия... Масса хочет коренных изменений в своем материальном быте»²².

Атеистические убеждения Чернышевского и основанное на них нравственное осуждение крепостничества и других форм эксплуатации народа, царизма и православия, идеи единства личных и общественных интересов, борьба за социализм как нравственный идеал человечества — все это органически сливалось в теоретических воззрениях Чернышевского с идеями крестьянской революции. «Он умел, — писал В. И. Ленин, — влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»²³. Поэтому не случайно философско-нравственные воззрения и, в частности, нравственное содержание атеизма Н. Г. Чернышевского, обогащенные жизненным опытом, сделали своей социально-нравственной программой революционные народники 70-х годов.

И в настоящее время, разрабатывая проблемы нравственного содержания научного атеизма в соответствии с решениями XXV съезда КПСС, мы обращаемся и к теоретическому наследию Н. Г. Чернышевского, используем его позитивные идеи.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 842.

²¹ Там же, т. V, с. 216.

²² Там же, т. VI, с. 374.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО СИБИРСКОГО ПЕРИОДА

В. Г. ТОМИЛОВ, *канд. филос. наук*

Н. Г. Чернышевский отправился в Сибирь, когда ему было 36 лет и вернулся в 55, почти двадцать лет были проведены в ссылке. Опубликованное наследие этого периода включает письма, художественные произведения и статьи. Предметы, на которых сосредоточивается здесь мысль Чернышевского, не потеряли своей актуальности и сегодня. Не потеряли значения ни его критика идеализма, ни решение им нравственных вопросов.

Одним из событий интеллектуальной жизни второй половины XIX в. было своеобразное возрождение философии Канта. Уже в 60-х годах А. Шопенгауэр превозносил кантовскую философию как «важнейшее учение, какое появилось за последние 2000 лет»¹. Возникли разного рода кантианские школы. Славословия философу начали раздаваться не только в Германии, но и в России². Даже такой оригинальный мыслитель, как Вл. Соловьев, по его собственному признанию, находился в 70-х годах под преобладающим влиянием Канта. Под его влиянием оказались и некоторые естествоиспытатели. В такой ситуации увлечения Кантом Н. Г. Чернышевский выступает с резкой критикой учения этого философа.

К. Маркс писал в «Святом семействе», что у реального гуманизма в Германии нет более опасного врага, нежели спекулятивный идеализм³. Оценка Чернышевского не менее бескомпромиссна. В письме сыновьям от 6 апреля 1878 г. он называет идеализм мудрствованием особой группы людей, ловким софизмом, пренебрегающим обыкновенным здравым смыслом и стремящимся выйти из-под контроля общественного мнения. «Цель этого очень ловкого софизма, — пишет Чернышевский, — ниспро-

¹ См.: Шопенгауэр А. Полн. собр. соч., т. III. М., 1903, с. 149.

² О распространении кантианства в России см.: Водзинский Е. И. Русское неокантианство конца XIX — начала XX веков. Л., 1966.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 3—230.

вержение всего истинного...»⁴. Главный порок идеализма Канта состоит, по его мнению, в иллюзорном убеждении, что якобы ему и только ему принадлежит монополия на истину и что граница между истинным и ложным знанием совпадает с границей между идеалистической философией и всем остальным человеческим познанием.

В этом превознесении себя как некой обособленной группы мыслителей над всем остальным человечеством и в противопоставлении себя последнему Чернышевский усматривает одну из характерных особенностей философского идеализма как такового. Вот как сам Кант оценивал значение своей книги «Критика чистого разума»: «Что касается достоверности, то я сам вынес себе следующий приговор: в такого рода исследованиях никоим образом не может быть позволено что-либо лишь предполагать; в них все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть пущен в продажу даже по самой дешевой цене... Ведь всякое познание, устанавливаемое интуитивно..., требует признания своей абсолютной необходимости... (и) ...должно служить мерилom и, следовательно, примером всякой аподиктической (философской) достоверности»⁵. В другом месте читаем: «Этим единственным оставшимся путем (т. е. путем критики познания.— В. Т.) пошел я теперь и льщу себя надеждой, что на нем я нашел средство устранить все заблуждения, которые до сих пор ссорили разум с самим собой...»⁶.

Не является ли исходная формула Канта о том, что мы знаем только наши представления о предметах, а самих предметов не знаем, лишь завуалированным противопоставлением идеализма всему остальному человеческому знанию, и не исчерпывается ли она лишь отрицательной оценкой последнего в целях превознесения первого? Для Н. Г. Чернышевского положительный ответ не оставляет никаких сомнений. «В огромном большинстве людей всякой такой группы,— шипит он,— постоянно развивается пренебрежение ко всему тому, что не составляет особенной принадлежности этой группы, ко всему, что не составляет отличия ее от остального об-

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 274.

⁵ Кант И. Соч. М., 1964, т. 3, с. 77.

⁶ Там же, с. 76.

щества. И, между прочим, развивается пренебрежение к обыкновенному, общечеловеческому здравому смыслу; предпочтение своего особенного мудрствования, мудрствования особой группы людей, разуму»⁷. Уже само это противопоставление и обособление, по мнению Чернышевского, говорит об иллюзорности их претензий на монополию истинного знания и заставляет предполагать за этими претензиями лишь безнравственные побуждения. «Всякая иллюзия, — пишет Чернышевский, — оказывает дурное действие на ход человеческих дел; и тем более, вредны такие иллюзии, которые, как превознесение своей группы во вред другим людям, имеют источником своим не какую-нибудь невинную ошибку, а побуждение дурное»⁸.

Эти идеи Чернышевского становятся еще более понятными, если мы обратимся к современным неокантианским концепциям. Что умалчивается учителем, то превозносится его учениками. Именно таким учеником Канта был Э. Гуссерль. Один из параграфов его главного сочинения «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» называется «Соверщение сущности и фантазия. Познание сущности независимо от всякого познания фактов». Гуссерль пишет следующее: «...Смысл феноменологической философии принципиально исключает всякую зависимость от результатов эмпирических наук... Чистые истины не содержат никаких утверждений о фактах...»⁹. Если у Канта эта мысль несколько завуалирована, то Гуссерль высказывается прямо, открывая тем самым путь для безграничного произвола в данной области. И этим не замедлили воспользоваться представители реакционных классов. Так, например, М. Хайдеггер применил метод Гуссерля для пропаганды ницшеанства. Он освободил учение Ницше от грубой откровенности, противоречивости и непоследовательности, окружил ореолом загадочности и таинственности и посредством невероятного словотворчества придал ему видимость основательности. Его «Бытие и время» сыграло для известной части немецкой интеллигенции роль идеологического моста, по которому она переходила

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 264.

⁸ Там же, с. 151—152.

⁹ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Haag, 1950, S. 17, 23.

в фашистскую «веру», воодушевлялась насилием и милитаризмом. Французский писатель и философ Ж.-П. Сартр использовал гуссерлианский метод для оправдания крайне индивидуалистической и пессимистической ориентации, также не блещущей каким-либо нравственным содержанием. Эти факты как нельзя лучше подтверждают вывод Чернышевского о том, что «Особое мудрствование» идеализма при соответствующих условиях оборачивается открытой пропагандой безнравственных и мизантропических учений.

Не меньшей критике подверг Чернышевский книгу Ф. Гельвальда «История культуры», в которой всякая перемена в жизни общества трактовалась как новая ступень прогресса. Гельвальд представлял исторический процесс как движение от первоначального состояния анархии и грубости к состоянию цивилизации, причем последняя через борьбу культуры с некультурностью и на основе так называемого вселенского идеализма должна осуществляться в конце концов в виде некоторого «всемирного союза государств». Однако этот оптимистический взгляд у Гельвальда причудливо сочетался с самым крайним пессимизмом, проявившимся в его утверждениях о неизменной порочности человека, о невозможности нравственного прогресса и т. д.¹⁰ Они-то, очевидно, и навели Чернышевского на мысль, что как односторонний оптимизм, так и односторонний пессимизм являются не только ошибочными, но и родственными воззрениями, выступая как бы изнанкой друг друга. Их объединяет презрение к истине: «Оптимизм искажает истину для истолкования дурных фактов человеческой жизни в хорошем смысле, пессимизм — для истолкования хороших фактов человеческой жизни в дурном смысле: искажения, противоположные одно другому, но получаемые посредством одинаковых приемов; поэтому родственные между собой и удобопревращаемые одно в другое... Верность правилу презирать истину — постоянное качество и оптимизма, и пессимизма»¹¹.

Главным фактором прогресса Гельвальд в духе социал-дарвинизма считал борьбу за существование и

¹⁰ Гельвальд Ф. История культуры. Спб., 1897, т. I, с. 19—20, 26 и др.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 504.

соперничество между людьми. Главный порок этого учения Чернышевский видит в том, что оно, меняя местами понятия добра и зла, рассматривает зло как источник блага и исходит в конечном счете из абсурдного тезиса: вредное полезно. Ибо соперничество, говорит Чернышевский, всегда вредно соперничающим и выгодно лишь для посторонних, не участвующих в нем. Так, соперничество между производителями выгодно покупателям и наоборот.

Что касается вопросов морали, то интерес к ним во время сибирской ссылки у Чернышевского даже несколько усилился. Роль субъективных нравственных мотивов в истории представлялась ему иногда в преувеличенном виде. Так, в письме сыновьям от 15 июня 1877 г., рассуждая о роли экономики в общественной жизни по поводу присланной книги кн. Васильчикова «Землевладение и земледелие», Чернышевский утверждает, что «все сводится к вопросам не материального, а нравственного порядка»¹².

Вслед за Фейербахом Чернышевский считает необходимым условием и основанием нравственности чувство любви к людям. Не случайно в качестве предисловия к оценке книги Ф. Гельвальда «История культуры» Чернышевский писал: «Законы человеческой природы: ум и честность — это одно и то же; ум и доброе сердце — это одно и то же. Бойкость речи, бойкость характера не ведут ни к чему полезному для людей, если мотивом слов и поступков бывает не чувство любви к людям»¹³. В этом утверждении также нельзя не видеть полемики с немецким идеализмом. Кант и Фихте были, как известно, сторонниками аскетической морали долга и в своей суровости доходили до полного отрицания всякой склонности, до непризнания за поступками, мотивированными чувством любви, статуса моральности. Гегель прямо не отрицал нравственного значения любви, но трактовал ее в духе своей системы таким образом, что, в сущности, от нее ничего не оставалось. Фейербах объявил весь этот аскетический идеализм крайне неестественным и антигуманным, противопоставив ему этику любви. Из нее исходит и Чернышевский. Человек, по его мнению, бывает

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 70.

¹³ Там же, т. XIV, с. 593.

добрым, когда условием своего счастья делает счастье других, а злым — когда извлекает «приятность себе из нанесения неприятности другим»¹⁴.

Однако в отличие от Фейербаха Чернышевский пытается подойти к понятию любви более конкретно, обращая внимание прежде всего на любовь семейную. Этим понятием он характеризует всю совокупность нравственных отношений, существующих в семье, как вертикальных, так и горизонтальных; отношений между поколениями и внутри них. Любовь, понимаемая как такое нравственное отношение человека к человеку, которое предполагает сопереживание, искренность, преодоление эгоизма, готовность к самопожертвованию и т. д., делает семью, по мнению Чернышевского, моральным универсумом, школой воспитания и зародышем общечеловеческой морали. «Семейная любовь,— писал Н. Г. Чернышевский,— наиболее распространенное между людьми и наиболее прочное, потому в смысле влияния на жизнь людей, самое важное и самое благотворное из всех добрых чувств человека... Любя кого-нибудь честным чувством, мы больше, нежели было бы без того, любим и всех людей. Такова научная истина о всех честных и добрых личных чувствах: это чувства, имеющие непреодолимое свойство расширяться с любимого нами человека на всех людей»¹⁵.

Ф. Энгельс справедливо упрекал Фейербаха в том, что он, развивая свою теорию морали, игнорировал анализ общественных условий ее функционирования. Однако едва ли было бы оправданным переносить этот упрек на Чернышевского. Его последние художественные произведения содержат в этом плане немало интересного. Реализм всегда был главным принципом творчества Чернышевского. Он не представляет себе любви вне борьбы со злом: «Кто гладит по шерсти всех и вся, тот, кроме себя, не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла»¹⁶. Этому правилу Чернышевский оставался верен до конца жизни. Сами семейно-любвные отношения рассматриваются Чернышевским не обособленно, а как зачаточная форма общественных отношений.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 264.

¹⁵ Там же, т. XV, с. 165, 173.

¹⁶ Там же, т. III, с. 22.

Все это позволяет сделать вывод, что и в данной области Чернышевский по сравнению с Фейербахом делает значительный шаг вперед. Буржуазные исследователи творчества Чернышевского прилагали и прилагают немало стараний, чтобы показать неоригинальность его взглядов. Одни доказывают, что Чернышевский был-де «поклонником этики утилитаризма» (В. Зеньковский и др.), другие — «позитивистом в духе Конта» (Т. Масарик и др.).

Изучение работ Н. Г. Чернышевского сибирского периода позволяет глубже понять многогранное научное наследие великого русского ученого и критика и извлечь дополнительные аргументы для борьбы с его извращениями.

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

О. Д. ОЛЕЙНИКОВА

Критика — это не только средство активного воздействия на развитие художественного процесса современности в самых широких масштабах, но и важный инструмент социального контроля над этим процессом. Проникая в мировоззренческие истоки произведения искусства, анализируя его как художественное целое, критика фиксирует общественную значимость продукта творчества, выступая тем самым необходимой частью механизма реализации социальной активности искусства.

Данная точка зрения на функции художественной критики нашла широкое освещение в нашей литературе¹.

В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» 1972 г. перед советской критикой были сформулированы конкретные задачи сочетания точности идейных установок, оценок с глубиной социального анализа, соединения бережного отношения к таланту с эстетической взыскательностью, с требованием осуществления непрерывного творческого поиска.

¹ Актуальные проблемы художественной критики. М., 1974; Современный литературный процесс и критика. М., 1975; Бурсов Б. И. Критика как литература. Л., 1976; Современная литературная критика. М., 1977; и др.

В связи с этими требованиями встает задача научно-теоретического анализа структуры критики, задача глубокого изучения «проблем теории и методологии литературно-художественной критики»² в процессе ее реального функционирования. Эти задачи актуальны еще и потому, что у нас до сих пор не разработана теория художественной критики, нет ни одного научного труда, ни одного учебного пособия по теории художественной критики.

Важное значение в разработке этих проблем приобретает изучение творческого наследия выдающегося русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, чья эстетическая мысль сформулировала те непреложные принципы исследования искусства, которые не теряют своей актуальности в настоящее время.

В работах М. Г. Зельдовича и Б. Бурсова дан детальный анализ мастерства Н. Г. Чернышевского как критика, анализ эстетических критериев, которыми он руководствовался в своей деятельности³. Но наиболее сложной и до сих пор не достаточно изученной остается проблема сочетания социологического и эстетического анализа в литературной критике Н. Г. Чернышевского.

Сила философского, социологического мышления великого революционного демократа сочеталась с мощью таланта большого художника и глубокого критика, что дало ему возможность теоретически осмыслить путь современной ему литературы, поставить перед ней важные творческие задачи и наметить пути их решения.

Свою художественно-критическую деятельность Н. Г. Чернышевский начал в сложное время продолжавшегося еще цензурного террора 1848—1855 гг. В России после тридцати лет николаевской реакции подспудно назревала революционная ситуация. Это была переломная эпоха, наболевшим вопросом которой являлся вопрос о ликвидации крепостного права, о путях дальнейшего экономического и политического развития страны. Будущее России зависело от решения этого вопроса.

В первых рядах национально-освободительного движения в России в силу известной специфики социально-политических условий стояли литература, искусство и ли-

² Правда, 1972, 25 января.

³ Зельдович М. Г. Чернышевский и проблемы критики. Харьков, 1968; Бурсов Б. Мастерство Чернышевского-критика. Л., 1956.

тературно-художественная критика, которые оказывали могучее воздействие на формирование общественного самосознания.

Деятельность Н. Г. Чернышевского в области литературной критики в конечном итоге была подчинена высокой цели влияния на все политические события эпохи в революционном духе.

Справедливо указывая на существенные недостатки современной ему критики (прежде всего на ее уступчивость, уклончивость, мягкосердечие, неразборчивость, малотребовательность⁴, несерьезность⁵, пустозвонство⁶, оторванность критики от публики⁷), в своих сочинениях он определяет ее основные задачи и роль в раскрытии социального значения произведений искусства, их места в жизни общества.

Избавиться от перечисленных недостатков и выполнить возложенные на нее задачи критика сможет лишь в том случае, подчеркивал Н. Г. Чернышевский, если она будет опираться на передовую философскую методологию. Теоретическое обоснование анализу произведения искусства должна дать философия. Н. Г. Чернышевский в своем творчестве огромное внимание уделял философии, и эстетику этого мыслителя необходимо исследовать как продолжение его философии.

Сопоставляя в «Очерках гоголевского периода русской литературы» критическую деятельность Н. А. Полевого и В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевский видел причину их диаметрально противоположных подходов к анализу художественных явлений прежде всего в различии мировоззренческих концепций. Н. А. Полевой был последователем французского философа Виктора Кузена, эклектически заимствовавшего большую часть воззрений у Канта и Шеллинга. Принципы идеалистической философии сочетались у него с идеями, воодушевлявшими французскую буржуазию.

Новая критика в лице В. Г. Белинского «опиралась на идеи, принадлежащие строгой и возвышенной системе гегелевской философии»⁸, прогрессивные стороны которой

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч. М., 1950, т. 1, с. 334.

⁵ Там же, с. 467.

⁶ Там же, с. 468.

⁷ Там же, с. 606.

⁸ Там же, с. 432.

были им осознаны в начале 40-х годов. Белинский воспринял у Гегеля диалектику, которая становится существенной чертой его мировоззрения. Благодаря ей основой его философских взглядов стала идея диалектического отрицания, на которую он опирался в борьбе с романтизмом за реализм.

Н. Г. Чернышевский рисует картину переработки В. Г. Белинским достижений немецкой классической философии, приведшей его к созданию оригинальной материалистической философии: «Пылкие и решительные умы, как Белинский и некоторые другие, не могли долго удовлетворяться теми узкими выводами, которыми ограничивалось приложение этих принципов в системе самого Гегеля; скоро заметили они недостаточность и самих принципов этого мыслителя. Тогда, отказавшись от прежней безусловной веры в его систему, они пошли вперед, не останавливаясь, как остановился Гегель, на половине дороги»⁹.

Идейные искания В. Г. Белинского 40-х годов завершились выработкой зрелых материалистических убеждений. В соответствии с эволюцией мировоззрения развивались и изменялись взгляды В. Г. Белинского на реализм: «Критика Белинского все более и более проникалась живыми интересами жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять в жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием»¹⁰.

Н. Г. Чернышевский утверждал первичность идейно-философских позиций в художественно-критической деятельности. Он писал, разъясняя взаимосвязь и взаимообусловленность философии и эстетики: «Несогласие в эстетических убеждениях было только следствием несогласия в философских основаниях всего образа мыслей»¹¹.

Поскольку свободное обсуждение в открытой печати сложных общественно-политических и идейно-философских проблем в результате постоянно усиливавшегося гнета царской цензуры было затруднено, а подчас и совершенно невозможно, постольку критика становилась фор-

⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 668.

¹⁰ Там же, с. 690.

¹¹ Там же, с. 433.

мой выражения философских взглядов и политических программ. Этот факт прежде всего объясняет и доказывает философский характер критической деятельности Н. Г. Чернышевского, в которой эстетический анализ необходимо должен был сочетаться с анализом социологическим.

В статье «Об искренности в критике» Н. Г. Чернышевский вскрывает смысл деятельности критика, имеющей много сторон, среди которых есть определенная доминанта, составляющая цель любого добросовестного и принципиального критического анализа художественного произведения. Прежде всего великий мыслитель отмечал воздействие критики на процесс развития искусства, на художественное воспитание публики, на расширение и углубление действительности художественного творчества, и, наконец, на рост заинтересованности общества в искусстве.

В этой статье Н. Г. Чернышевский дает определение критики. «Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-нибудь литературного произведения»¹². Здесь же он формулирует ее права и обязанности — «элементарные начала»¹³.

Назначение критики, утверждает Н. Г. Чернышевский, сводится прежде всего к тому, что она должна «служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе»¹⁴, должна служить для «развития и очищения вкуса „читателя“»¹⁵, быть средством выражения мнения лучшей части общества¹⁶, а также должна уметь открывать в массе художников таланты и выявлять их отличительные черты¹⁷.

Чернышевского возмущает беспринципная позиция многих современных ему критиков, чьи суждения слишком уклончивы и неопределенны, чьи приемы «мягки до неосвязаемости»¹⁸. Н. Г. Чернышевский утверждает, что такая критика стоит ниже публики.

¹² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., с. 351.

¹³ Там же, с. 342.

¹⁴ Там же, с. 351.

¹⁵ Там же, с. 354.

¹⁶ Там же, с. 354.

¹⁷ Там же, т. 2, с. 459.

¹⁸ Там же, с. 335.

Истинная критика должна отличаться прямоотой, неуклончивостью, неуступчивостью¹⁹, должна называть вещи своими именами²⁰, должна быть не только глубоко всыкательной в философском плане, но и эмоциональной, живой, т. е. иметь чрезвычайно высокий профессиональный и идейно-теоретический уровень.

Н. Г. Чернышевский тем самым подтверждал, что в художественной критике должен осуществляться сплав научно-аналитического и непосредственно-эмоционального. Любая критическая статья должна быть убедительна не только системой аргументированного научного обоснования, опирающегося на детальный анализ художественного произведения, не только глубиной философского проникновения в его мировоззренческие истоки, но и своим эмоциональным пафосом. Поэтому Н. Г. Чернышевский уделяет много внимания вопросам эмоционального тона критики, проблемам формы критического суждения, обоснованию требования обязательной идейной убежденности и умения донести эту убежденность до публики. Согласно этому для «осязательного доказательства, — пишет Н. Г. Чернышевский, — ...иногда бывает необходима резкость тона»²¹. «А жар нападения должен быть соразмерен степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силе влияния...»²². Все средства, имеющиеся в распоряжении критика — остроумие, едкость, желчь, красноречие — должны быть использованы для серьезного и достойного дела преследования «пустых произведений и, сколько возможно, обличения внутренней ничтожности и разладицы произведений с ложным содержанием»²³.

Поскольку в этот период развернулась бурная полемика между «Московитянином», исповедовавшим идею «официальной народности», и журналами «Современник» и «Отечественные записки», революционно-демократическая направленность которых оказалась во многом ослабленной после утраты В. Г. Белинского и А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевский был обеспокоен создавшимся положением. Постепенно эта полемика приобрела характер

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 353.

²⁰ Там же, с. 353.

²¹ Там же, с. 352.

²² Там же, с. 355.

²³ Там же, с. 361.

узко личной грезни и взаимных нападок. «Критика не должна быть „журнальною перебранкою“»²⁴, — пишет он в статье «Об искренности в критике», а в «Очерках гоголевского периода русской литературы» указывает выход из создавшегося положения застоя и упадка русской критической мысли: «Необходимо обратиться к изучению высоких стремлений, одушевлявших критику прежнего времени: без того, пока мы не вспомним их, не проникнемся ими, от нашей критики нельзя ожидать никакого влияния на умственное развитие общества, никакой пользы для публики и литературы»²⁵.

Чернышевский призывает черпать силы для движения вперед в славном прошлом критической мысли, связанном с именем В. Г. Белинского. Этим самым Н. Г. Чернышевский утверждает принцип преемственности в критике, имеющий огромное значение для поступательного развития искусства в целом.

Продуктивность этой преемственности Н. Г. Чернышевский доказал на деле: он стал сам преемником заветов Белинского и продолжателем его традиций в новых исторических условиях, на новом этапе освободительного движения.

Во всех сферах человеческого творчества и тем более в искусстве и философии в результате сложных социально-психологических процессов иногда наступает пора «лихолетья» в художественной критике — пора своеобразного эстетического «безвременья», как выражение кризисного состояния теоретической мысли. В России такое положение сложилось в начале 50-х годов XIX в. Это были годы, отделявшие кончину В. Г. Белинского от начала деятельности Н. Г. Чернышевского. У. Гуральник обрисовывает ситуацию следующим образом: «Прикрываясь высокопарными и подчас достаточно туманными рассуждениями о свободе творчества, эстетствующая дворянская критика стремилась отгородить русскую литературу и искусство от насущных задач общественного развития, нарушить их связи с народно-освободительным движением»²⁶.

Поэтому призыв Н. Г. Чернышевского черпать силы из источника прошлых достижений и завоеваний критики

²⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 361.

²⁵ Там же, с. 413.

²⁶ Гуральник У. Н. Г. Чернышевский. М., 1974, с. 9.

В. Г. Белинского, само имя которого в то время находилось под строжайшим цензурным запретом, имел значение огромной важности.

«Источник не иссякнет от того, что, лишившись людей, хранивших его в чистоте, мы по небрежности, по легкомыслию допустили завалить его хламом пустословия»²⁷, — пишет Н. Г. Чернышевский и призывает использовать этот животворящий родник творческого наследия В. Г. Белинского.

Н. Г. Чернышевский формулирует принципы критики В. Г. Белинского²⁸, усматривая в них мудрость подхода к явлениям искусства. Возвращая критику к идеям Белинского, он восстанавливает ее в своих правах, отвоевывая тем самым литературу у реакции.

Н. Г. Чернышевский постоянно подчеркивал, что критика является не только средством активного воздействия на развитие искусства в целом — на художника, на качество самого произведения искусства, на публику, — но и представляет собой один из мощных факторов формирования общественного мнения.

Ядром литературной критики Н. Г. Чернышевского были материалистические революционные идеи. Конкретный анализ художественных произведений основывался на анализе социологическом, философском. Не прав поэтому, как нам представляется, М. Г. Зельдович, говоря, что в этом случае теория «умирает» в конкретном анализе, сделав свое дело²⁹. Она не умирает, а, напротив, пронизывает весь процесс художественного исследования, не оставляя без внимания ни малейшей детали, и особое значение приобретает в момент выводов, подведения итогов. Художественный и социологический анализ принимает при этом характер единого сплава, который становится единственно возможной и необходимой предпосылкой для того, чтобы эти выводы приняли статус истины.

В качестве примера достаточно указать на статью Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez vous», которая, как пишет Б. Бурсов, «оставаясь одним из лучших произведений передовой русской критики, вошла в

²⁷ Чернышевский Н. Г. Избр. филос. соч., т. 1, с. 413.

²⁸ Там же, с. 782.

²⁹ Зельдович М. Г. Указ. соч., 1968, с. 59.

историю отечественной литературы как блестящий памфлет на либерала»³⁰.

Н. Г. Чернышевский выступил в этой острой обличительной статье как революционный мыслитель, боец, трибун. В силу занимаемой революционной позиции он не мог ограничиться освещением узкохудожественных достоинств повести И. Тургенева «Ася», а остановился прежде всего на анализе социально-политических выводов из нее. Следовательно, и здесь оказалась преобладающей социологическая установка.

Герой этой повести, которого Чернышевский иронически окрестил Ромео, испытывает острое чувство любви к молоденькой девушке. Известно, что чувства лишь тогда приобретают значение истинности, когда объективируются в соответствующее действие, поступок, поведение. Тургеневский же Ромео, коль скоро встает вопрос о выяснении того, насколько серьезно он привязан к своей избраннице, пасует, «начинает колебаться и чувствовать неповоротливость в языке»³¹, и он же весьма боек, «пока о деле нет речи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами»³².

Рассуждения Н. Г. Чернышевского по поводу дальнейшей судьбы Аси имеют следующий характер: «Первою мыслью приходит, что беды от этого ей очень мало; напротив, и слава богу, что дрянное бессилие характера в нашем Ромео оттолкнуло от него девушку еще тогда, когда не было поздно. Ася погрустит несколько недель, несколько месяцев и забудет все и может отдаться новому чувству, предмет которого будет более достоин ее. Так, но в том-то и беда, что едва ли встретится ей человек более достойный; в том и состоит грустный комизм отношений нашего Ромео к Асе, что наш Ромео — действительно один из лучших людей нашего общества, что лучше его почти и не бывает людей у нас»³³.

Н. Г. Чернышевский подводит итог своим рассуждениям: «Таковы наши „лучшие люди“ — все они похожи на нашего Ромео, и не найти Асе себе достойного». И Рудин,

³⁰ Бурсов Б. Мастерство Чернышевского-критика, с. 254.

³¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 160.

³² Там же.

³³ Там же.

и герой некрасовской поэмы «Саша», и Бельтов в аналогичной ситуации, показывает Чернышевский, ведут себя подобно Асиному возлюбленному. В чем же причина этого прискорбного обстоятельства? Возможно, авторы этих художественных произведений ошибаются, в том числе и И. С. Тургенев? «Но в том и состоит грустное достоинство его повести,— резюмирует Н. Г. Чернышевский,— что характер героя верен нашему обществу»³⁴.

Подробный анализ характера дворянского героя 60-х годов, обличенного Н. Г. Чернышевским, представлен в работах М. И. Рунта и Б. Бурсова³⁵. Нас интересуют лишь социальные корни его возникновения.

Обострение классовой борьбы в 60-х годах привело к резкому размежеванию социально-политических сил и образованию в среде русской интеллигенции двух лагерей: революционно-демократического во главе с Чернышевским и либерально-консервативного, столпами и адептами которого выступали Краевский и Катков.

В статье «Крестьянская реформа» в 1911 г. В. И. Ленин писал: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию... Либералов 60-х годов Чернышевский назвал „болтунами, хвастунами, дурачьем“, ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими»³⁶.

Либералы не способны были пойти дальше словопрений по поводу своего сочувствия бедственному положению народа. Н. Г. Чернышевский убедительно показал, что прекраснодушие и эгоизм, душевная вялость и предпочтение отступления всякому решительному шагу, существование исключительно сообразно здравому смыслу и лицемерие — характерные черты либерала, представителя вырождающегося класса дворянства второй половины XIX в.

Двуединому анализу — социологическому, с одной стороны, и художественно-критическому — с другой, подвер-

³⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 158.

³⁵ Рунт М. И. Проблемы характера в критике революционных демократов. Куйбышев, 1975; Бурсов Б. Мастерство Чернышевского-критика.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175.

гает Н. Г. Чернышевский в своих работах произведения литературы. Верно подметил эту диалектичность литературной критики великого мыслителя А. Лаврецкий: «Продолжая традиции Белинского, Чернышевский заставляет художественные образы освещать жизнь, а жизнь — объяснять художественные образы, их содержание и значение»³⁷.

На художественном материале «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. Г. Чернышевский показал отличие реализма воинствующего от реализма созерцательного. Гоголь и Щедрин — большие художники, но реализм Салтыкова-Щедрина глубже, строже, суровее.

Н. Г. Чернышевский осмысливает факт усвоения Щедриным материалистического взгляда на природу человека, на его отношения к социальной среде, на исторически сложившуюся диалектику этих отношений, как причину идейного углубления принципов критического реализма в творчестве этого писателя.

Сам Н. Г. Чернышевский выступает на арену литературно-критического творчества мыслителем, уже завершившим свою философскую эволюцию, сформировавшим в основном свое материалистическое мировоззрение. Считая себя учеником Л. Фейербаха, Н. Г. Чернышевский пошел дальше него, самостоятельно развивая материалистическую философию, диалектику, материалистические принципы в эстетике и литературной критике. Преодолевая созерцательность фейербаховского материализма, Н. Г. Чернышевский не только дает материалистическое объяснение миру, но и ставит задачу его революционного переустройства, изменения. Боевой, пронизанный духом классовой борьбы материализм Н. Г. Чернышевского вплотную подошел к диалектическому материализму и материалистическому пониманию истории. Огромным преимуществом Н. Г. Чернышевского по сравнению с западными материалистами до Маркса было то, что он не обошел диалектику, а более того, опирался на ее принципы и законы, перерабатывая диалектику Гегеля на материалистической основе, переводя ее логику в сферы познания общества.

Все это способствовало тому, что его критические статьи становились средоточием живой мысли, заключа-

³⁷ История русской критики. М.— Л., 1968, т. II, с. 87.

ющей в себе громадную силу философско-эстетического, идейного обобщения.

Линия Белинского — Чернышевского — Добролюбова в эстетической мысли России в ее революционном пафосе движения вперед — это философско-социологическое и социально-политическое осмысление судеб русского народа и человечества в целом, осмысление через призму решения проблем художественного творчества, утверждения критического реализма и передовых эстетических идеалов в свете идей социализма и революции. Недаром один из авторов реакционного сборника «Вехи» М. О. Гершензон писал, обнажая страх русской буржуазной контрреволюции перед демократическим движением и духовной ролью в нем революционно-демократической критики: «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар»³⁸.

Самоотверженное, стоическое служение интересам народа, делу его революционного освобождения в этом сборнике рассматривается как национальная трагедия³⁹.

С. Н. Булгаков, озабоченный поляризацией политических сил в стране, писал: «Оба полюса все сильнее заряжаются разнородным электричеством. Нация раскалывается на две, и в бесплодной борьбе растрачиваются лучшие ее силы»⁴⁰.

Что эта борьба была не бесплодной, доказано всем ходом исторического развития России, Великой Октябрьской социалистической революцией. Растрачивая же свой азарт на дискредитацию величайших заслуг русской революционной демократии, авторы «Вех» тем самым зачислили себя в лагерь самой черной реакции.

Цель своей литературно-критической деятельности Н. Г. Чернышевский понимал широко: она заключалась не только в решении каких-то «чистых» проблем развития современного ему литературно-художественного процесса, но и в отражении тех идейных, философско-эстетических запросов, которые предъявлялись искусству обществом, задачами революционного переустройства России в то время.

³⁸ Вехи. М., 1909, с. 82.

³⁹ Там же, с. 119.

⁴⁰ Там же, с. 67.

Н. Г. Чернышевский постоянно подчеркивал недостаточность ограничения в процессе исследования произведения искусств только эстетической стороной. Такую исключительно «художественную» критику он называл отвлеченной. Восприятие настоящего критика — это социально заинтересованная эстетическая реакция на искусство. Н. Г. Чернышевский, продолжая традиции В. Г. Белинского, создал особый тип литературно-критической статьи, аналитическая мысль которой опиралась на материалистическое революционное мировоззрение, а единство социологического и философско-эстетического анализа придавали ей исключительную исследовательскую силу.

**Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО
В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ**

О. А. БЕМБЕЛЬ

Когда мы обращаемся к Чернышевскому в связи с проблемой национального (и интернационального) в духовной культуре, он предстает перед нами прежде всего как глубокий мыслитель, оставивший множество интересных высказываний по самым разным аспектам этой проблемы, как страстный защитник равенства во взаимоотношениях между народами.

Чернышевский не создал детально разработанного понятийного аппарата для исследования проблемы национального (и интернационального) в духовной культуре. (Этот вопрос и до настоящего времени остается недостаточно разработанным и во многом дискуссионным)¹. Но контуры целостного, системного и диалектического под-

¹ Многие исследователи, в частности М. С. Лазарев, обращают внимание на «чрезвычайную неопределенность и путаницу в области научной терминологии, присущей особенно изучению национальных проблем. Общепризнанное неудовлетворительное состояние понятийного аппарата можно, видимо, объяснить комплексным характером самой науки, вобравшей в себя самые различные области гуманитарных знаний с их традиционными и в какой-то мере окостеневшими наборами терминов, а также объективными семантическими трудностями (в частности, присущими и русскому языку)». — См.: Лазарев М. С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход). — В кн.: Национальные проблемы современного Востока. М., 1977, с. 3.

хода к рассмотрению этой проблемы в творческом наследии Чернышевского различимы вполне определенно.

В настоящей статье мы остановимся на анализе группы категорий и попытаемся показать, в какой мере она, с одной стороны, пригодна для «снятия» и дальнейшей разработки конструктивных мыслей Чернышевского по национальным проблемам, а с другой — сама из них вырастает.

Основными понятийными инструментами, которые целесообразно применять при целостном исследовании духовных культур современных народов в избранном нами аспекте, являются категории «национальное» и «интернациональное» и понятие «система национальной духовной культуры».

«Национальное» и «интернациональное» в качестве инструментов исследования культуры можно определить как категории, которые, во-первых, фиксируют сам факт «полифонической» (т. е. многонациональной) структуры духовной жизни человечества и, во-вторых, выступают в качестве центральных элементов метода выявления своеобразия, оригинальности духовной культуры каждого народа². Категория «национальное» 1) подтверждает тот факт, что средой, лоном, где рождаются духовные ценности человечества, являются духовные культуры отдельных народов (национальные духовные культуры); 2) отражает, с одной стороны, момент потенциальной творческой равнозначности народов в сфере духовного творчества, с другой — момент несводимости их творческих индивидуальностей друг к другу, их незаменимости; 3) дает общее направление для выявления совокупности отраженных в культуре специфических черт, свойственных всем сторонам жизни определенного народа, динамики их исторического развертывания на всех основных уровнях — *природном* (многие аспекты этого уровня детально анализируются Чернышевским в работах, связанных с изданием «Всемирной истории» Вебера³), *социальном*

² По своему объему категории «национальное» и «интернациональное» (как и объекты, исследуемые с их помощью, т. е. духовные культуры народов) далеко выходят за временные рамки одной или ряда общественно-экономических формаций, поэтому диалектика общесторического и формационного должна отражаться в самой структуре этих категорий.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 889, 894, 994—998 и др.

(здесь, в частности, Чернышевский выявляет сословно-классовые моменты национального⁴) и *индивидуально-творческом* (личностном) (в статьях великого мыслителя о русской литературе, в частности о творческом становлении Пушкина).

Категория «*интернациональное*» как инструмент исследования культуры охватывает отраженную в культуре каждого народа совокупность творческих результатов его взаимодействий с другими народами, понимание им смысла этих взаимодействий, а также своего места среди других народов в общем процессе исторического развития человечества, всю совокупность результатов и все социальные механизмы регулирования межнациональных взаимодействий в сфере духовной культуры.

Диалектическое единство категорий «национальное» и «интернациональное» осуществляется в понятии «система национальной духовной культуры». В последнем термине отражается процесс взаимодействия основных компонентов духовной культуры каждого народа — собственно-национального, налично-социального и интернационального. Все они органично взаимосвязаны, однако каждый имеет свою специфику, свои исторические этапы расцвета, упадка и обновления. Специфическими, сложными, тонкими являются и механизмы их взаимодействий, от характера которых зависит эффективность, расцвет или упадок всей системы национальной духовной культуры.

Понятие «*собственно-национальный компонент*» охватывает язык⁵, фольклор, обычаи и традиции определенного народа — в живом единстве с бытием их реальных носителей, а также выросшую на их основе систему профессионального духовного творчества (национальную

⁴ Там же, с. 891—895, 904 и др.

⁵ Язык национальной духовной культуры понимается в широком, семиотическом, смысле как совокупность специфических знаковых систем (в том числе и словесная — самая значительная среди других), с помощью которых народ адекватно выявляет все особенности своего природного, социального и духовного бытия, своей исторической судьбы, всей системы своих ценностей и идеалов. Собственно-национальный компонент (как и сам этнос) изменяется в процессе исторического развития чрезвычайно медленно. Его можно определить как субстанциальную основу всей системы национальной духовной культуры.

литературу, философию, музыку, изобразительное искусство и т. д.).

Понятие «налично-социальный компонент» системы национальной духовной культуры охватывает совокупность качественно определенных социально организованных импульсов, механизмов их реализации и объективных результатов их функционирования — со стороны определенной социально-политической структуры (в рамках одного этноса или государственной структуры, объединяющей несколько этносов) в отношении других компонентов национальной духовной культуры⁶.

«Интернациональный компонент» системы национальной духовной культуры можно определить как динамику и совокупность творческих результатов всех инациональных воздействий на культуру определенного народа, преломленных в системе этой культуры в соответствии с ее специфическими внутренними закономерностями. Интернациональный компонент является неотъемлемой, органичной составной частью как фольклора и языков этносов, так и, в значительно большей мере, систем их профессионального духовного творчества.

Логические контуры «интернационального компонента» проходят между двумя крайними точками, «узлами линии меры»: за пределами одного из них — недостаточность конструктивных инациональных импульсов, ведущая к застою; за пределами другого — такой их избыток, который ведет к разрушению национальной культуры как определенной целостности. Если инациональные воздействия превышают «верхний критический пункт», то уже не они преломляются в системе определенной национальной культуры в соответствии с ее специфическими внутренними закономерностями, а, наоборот, сама эта система «преломляется», деформируется в их рамках, она фактически разрушается как определенная целостность, становясь, в лучшем случае, лишь одним из компонентов «диалектов» инациональных структур. В зависимости от конкретно-исторической ситуации каждый на-

⁶ Причем качественно различные лично-социальные компоненты определенной национальной культуры могут сменять друг друга и в рамках однотипной экономической системы. «Пульс» исторических изменений лично-социального компонента наиболее частый в сравнении с другими, особенно собственно-национальным.

род находит или стремится найти оптимально плодотворную «промежуточную зону» между крайними точками, «узлами линии меры», интернационального компонента в системе своей национальной культуры⁷.

Здесь, при приближении к своим крайним, критическим точкам, понятие «интернационального компонента» непосредственно взаимодействует с понятием «индивидуально-творческого уровня» категории «национальное». Здесь наиболее рельефно выявляется ситуация «личности на рубеже культур», которую Чернышевский (конечно, не применяя именно этот, более поздний, термин) глубоко чувствовал и анализировал, осмысливая как процесс становления молодой русской литературы (в частности, А. С. Пушкина), так и социальное становление России (в частности, социальное творчество Петра I).

Петр, несмотря на противодействие консервативных (и вроде бы «истинно национальных») сил, осуществил резкую интенсификацию воздействия наиболее прогрессивного инационального на главные сферы русской жизни.

Казалось бы, он подверг собственно-национальное чудовищному насилию, разрушению. Но Чернышевский оценивает это как акт высочайшего патриотизма, подлинной любви к своей Родине, к своему народу: «...Употребляя священное слово „патриотизм“, часто бывает необходимо определять, что именно мы хотим разуместь под ним. Для нас идеал патриота — Петр Великий; высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека. Понимая патриотизм в этом единственном истинном смысле, мы замечаем, что судьба России в отношении к задушевым чувствам, руководившим деятельностью людей, которыми на-

⁷ Как поиски оптимально плодотворной «промежуточной зоны» между крайними пунктами «интернационального компонента» можно, очевидно, рассматривать историческую полемику между так называемыми «западниками» и «славянофилами». Первые концентрировали внимание на конструктивных инациональных импульсах (см., например: Чаадаев П. Я. Философические письма. Казань, 1906, с. 8, 15, 18 и др.), другие — на развитии национально-специфического в России (см.: Хомяков А. С. Соч. М., 1911, т. I; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Спб., 1895, с. 95 — 96, 105, 129—130, 171).

ша родина может гордиться, доселе отличалась от того, что представляет история многих других стран... Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма...»⁸.

Вместе с тем А. С. Пушкин осуществил индивидуально-творческую акцию, в чем-то противоположную петровской, но сопоставимую с ней по своему стратегическому значению для развития русской духовной культуры. Это произошло тогда, когда засилье инациональной (французской культуры — в частности, языка) среди высших кругов русского общества достигло предела, когда фактически оттесненными оказались русская культура, русский язык.

Процесс творческого формирования Пушкина происходил в условиях, когда, как отмечает Чернышевский в статье «Сочинения Пушкина», «...все его воспитание было ведено на французском языке. Отец поэта писал множество легких французских стихов для развлечения в обществе; поэтому и молодой Пушкин начал писать не по-русски, а по-французски... Французские стихотворения продолжал он писать и в Лицее... ..Следы приобретенной в детстве привычки писать и думать по-французски остались в Пушкине на всю жизнь... Не говорим уж о том, что часто Пушкин писал к родным своим французские письма...; еще замечательнее то, что в русских письмах, даже в заметках, набросанных в черновых тетрадах для памяти, Пушкин беспрестанно перемешивает русские фразы с французскими»⁹. «Приготовляя заметки, из которых хотел составить предисловие к „Борису Годунову“, он набрасывает их по-французски»¹⁰.

Однако творческая воля поэта была достаточно сильной, чтобы, сознавая свою миссию и долг перед своим народом, осуществить выбор своего «творческого эйкоса», «творческой Родины», — он реализовал свой гений в системе русской национальной культуры.

«Все это служит лучшим доказательством, — пишет далее Чернышевский, — что в ком сильна народная стихия, в том никакие иноземные влияния не подавят ее.

⁸ Н. Г. Чернышевский об искусстве. М., 1950, с. 216—217.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 429.

¹⁰ Там же, с. 430.

Но несмотря на французское воспитание, несмотря на то, что в кругу родных его говорилось преимущественно по-французски, Пушкин, как известно, уже в детстве был окружен элементом народности; известно, что главной представительницей этого влияния была няня его, знаменитая Арина Родионовна...»¹¹.

Осмысление Чернышевским социального и духовного становления русского народа чрезвычайно актуально для многих современных народов. В настоящее время — в условиях информационного взрыва, лавинообразного возрастания процессов урбанизации, можно даже сказать — непосредственного включения в исторический процесс большинства современных народов — многие деятели культуры (особенно немногочисленных по составу и угнетенных в недавнем прошлом народов) осознают особую интенсивность развития интернационального компонента в их национальных культурах даже приближение его к верхнему критическому пункту.

В связи с этим возрастает необходимость охраны не только отдельных памятников культуры, но и всей системы духовной культуры каждого народа как определенной индивидуализированной самоактивной целостности. В настоящее время охрана памятников культуры — это прежде всего охрана самих национальных духовных культур как уникальных, создававшихся столетиями целостных систем, охрана от разрушения их живого функционирования, возможностей их дальнейшего саморазвития — как самостоятельных голосов полифонии человеческой культуры. Полноправное развитие и взаимодействие духовных культур всех народов мира, безусловно, является могучим фактором, существенным моментом духовного становления человечества.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РОЛИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Г. Г. АНУФРИЕВ

Н. Г. Чернышевский в своих основных теоретических работах — диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», «Критический взгляд на

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 430.

современные эстетические понятия», «О поэзии. Сочинение Аристотеля», «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность» и др., — развивая идеи В. Г. Белинского и критику гегелевского идеализма А. И. Герценом и Л. Фейербахом, увидел в искусстве явление сложное, не сводимое к какому-то одному понятию (как, например, красота у Гегеля).

Он рассмотрел большой круг эстетических проблем, по-новому истолковал многие важные категории эстетики. Весь смысл эстетики Чернышевского заключался в том, чтобы способствовать усилению общественной роли искусства¹. «Воспроизведение жизни — общий, характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни...»². И далее Чернышевский указывает еще на один важный момент: «Если художник — человек мыслящий, то он не может не иметь своего суждения о воспроизводимых явлениях, оно,... сознательно или бессознательно, отразится на произведении, которое, таким образом, получает еще третье значение — приговора мысли о воспроизводимых явлениях»³. Для вынесения этого приговора, для правильной оценки жизни художнику необходимо передовое мировоззрение.

Н. Г. Чернышевский убежденно писал о том, что литература по самой натуре не может не быть служительницей стремлений века, не может не быть выразительницей его идей. «Вопрос состоит только в том, каким идеям должна служить она, — таким ли, которые, не имея важного места в жизни века, сообщат и литературе, ими ограничивающейся, характер пустоты, празднословия, или тем идеям, которыми движется век. Ответ на это нисколько не затруднителен: только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоящим потребностям эпохи»⁴.

Мысль Чернышевского о том, что литература достигает блестящего развития только под влиянием идей сильных и живых, удовлетворяющих настоящим

¹ См., например: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 42, 92, 110—111.

² Там же, с. 92.

³ Там же, с. 110—111.

⁴ Там же, т. III, с. 302.

требованиям эпохи, имеет огромное значение. Она явилась одной из ступеней исторического роста самосознания русского общества. Убежденность Чернышевского в необходимости для плодотворного развития искусства передового, революционного мировоззрения особенно заметна в его деятельности как литературного критика.

Каждая критическая статья Чернышевского сыграла значительную роль в развитии русской литературы. Приложив к рассмотрению и оценке литературных произведений свои эстетические принципы, Чернышевский вступил в борьбу с «чистым искусством» и реакционной литературой, с критикой, которая их представляла. В статье «О поэзии. Сочинение Аристотеля» Чернышевский писал: «„Искусство для искусства“ — мысль такая же странная в наше время, как „богатство для богатства“, „наука для науки“ и т. д. Все человеческие дела должны служить на пользу человеку, если хотят быть не пустым и праздным занятием... Искусство также должно служить на какую-то существенную пользу, а не на бесплодное удовольствие»⁵. Полемизируя с Платоном, который считал искусство бесполезным занятием, пустой забавой, Чернышевский указывает на то, что «искусство... распространяет в массе читателей огромное количество сведений и, что еще важнее, знакомство с понятиями, вырабатываемыми наукою, — вот в чем заключается великое значение поэзии для жизни»⁶.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он характеризует целый период развития русской литературы, уделяя основное внимание творчеству Гоголя, рассматривает деятельность критиков, в том числе Белинского.

Чернышевский признавал Гоголя главой целого направления в русской литературе, положившего начало литературе нового типа. «...За Гоголем остается заслуга, что он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию...»⁷.

Отмечая слабые стороны творчества Гоголя, критик вместе с тем указывает на то, что своими гениальными произведениями «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголь

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 271.

⁶ Там же, т. II, с. 273.

⁷ Там же, т. III, с. 19.

поднял общественное значение русской литературы. «...Литература наша в течение гоголевского периода начала становиться тем, чем должна быть — выражением народного самосознания...»⁸.

Ни в ком из наших великих писателей, говорил Чернышевский, не выражалось так ясно сознание своего патриотического значения, как в Гоголе, который прямо считал себя человеком, призванным служить не искусству, а отечеству: «он думал о себе: я не поэт, я гражданин»⁹.

Положительно оценивает Чернышевский критику гоголевского периода: «каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества»¹⁰. Самые теоретические убеждения критика Чернышевский признает правомерными лишь в той мере, в какой они были связаны с интересами и настроениями масс. Как известно, еще Белинский подразделял критику на уклончивую и прямую. Чернышевский в этом полностью согласен с ним. Он с еще большим ожесточением нападает на критику уклончивую, противопоставляя ей критику Белинского, которая «все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни... С каждым годом в статьях Белинского мы находим все менее и менее рассуждений об отвлеченных предметах..., все решительнее и решительнее становится преобладание элементов, данных жизнью»¹¹. Чернышевский видел заслугу Белинского в том, что он «но признавал „чистого искусства“ и поставлял обязанностью искусства служение интересам общества»¹².

Принцип общественной значимости художественных произведений, обоснованный Чернышевским, подчеркивает то важнейшее значение, которое имеет жизненная позиция художника, ту определяющую роль, которую играет его мировоззрение. Именно мировоззрение художника определяет, на какие стороны общественной жизни обращено его внимание, какие социальные силы и как он

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 193.

⁹ Там же, с. 137.

¹⁰ Там же, с. 138.

¹¹ Там же, с. 226.

¹² Там же, с. 232.

типизирует. Мировоззрение выражается в эстетическом идеале, целях, к достижению которых зовет своим творчеством художник. Чернышевский утверждает социальную обусловленность эстетических идеалов: они формируются в конкретной жизненной среде, и потому различные классы имеют и различные представления о прекрасном. В истории домарксистской общественной мысли никто, как Чернышевский, не подошел так близко к научному социализму. В. И. Ленин назвал его мыслителем, «от произведений которого веет духом классовой борьбы»¹³.

Характерная черта оценок Чернышевским литературных произведений — требовательность к их социальному содержанию. При определении писательского таланта Чернышевский на первый план выдвигает его связь с теми или иными важными проблемами эпохи¹⁴. Он меньше внимания уделяет, может быть, сюжету, композиции, стилю произведений. Он отнюдь не игнорирует их, но рассматривает не как предпосылки оригинальности писателя, а как ее следствия.

Постоянное внимание Чернышевского к идейному содержанию литературы, выполнению ею своего общественного назначения послужило поводом для того, чтобы обвинить его в пренебрежении к художественности. Такое обвинение мы находим у эстетствующей критики и даже у Писарева. Между тем Чернышевский наметил единственно правильный и плодотворный путь для решения вопроса о взаимоотношении идейности и художественности. В «Заметках о журналах» он писал: «...надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основании произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи... Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее»¹⁵.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал: «...идея есть зерно, из которого вырастает художественное произведение, есть душа, его оживляющая..., красота формы состоит в соответствии ее с идеею»¹⁶.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 411.

¹⁵ Там же, т. III, с. 663.

¹⁶ Там же, с. 163—164.

В своей диссертации Чернышевский говорит о том, что идея художественного произведения появляется у художника не только вследствие стремления создать прекрасное. Поэт, достойный своего имени, в своем произведении хочет передать нам свои мысли, свои взгляды, свои чувства, а не исключительно созданную им красоту. «...Нужнее ныне резко выставлять на вид зависимость красоты произведения от сознательных стремлений художника...»¹⁷. Таким образом, красота становится зависимой от взглядов художника, отходит на второй план, она может даже исказиться: «в художнике... есть много стремлений, которые своим влиянием на его стремление к прекрасному искажают красоту его произведения»¹⁸. К таким стремлениям Чернышевский относит умственные и нравственные взгляды художника, не позволяющие ему думать при исполнении только о красоте. Вместе с тем, указывает Чернышевский, «прекрасно будет произведение искусства действительно тогда только, когда художник передал в произведении своем все то, что хотел передать»¹⁹.

Мерой таланта писателя для Чернышевского было то новое слово, которое он приносил с собой в литературу. Оно могло заключаться и во вкладе в мировоззрение передовых сил общества, и в обогащении метода искусства, его возможностей, и в разработке новых тем. Главную заслугу А. С. Пушкина как основоположника реализма в русской литературе Чернышевский видит в том, что, опираясь на передовое, гуманистическое мировоззрение своего времени, он выработал принципы реалистического изображения действительности. В таланте Писемского он особо выделяет связь его творчества с народной жизнью, ее условиями и потребностями. Писемский не стоял за кардинальное изменение жизни народа, но объективно его произведения показывали необходимость этой перемены. Такая характеристика таланта писателя позволяла критику включить в нее и оценку его политической позиции, мировоззрения в целом.

Отсталое мировоззрение, подчеркивает Чернышевский, ограничивает творческие возможности художника. Здесь

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 48.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 9.

важно отметить то большое значение, которое он придавал таланту, который, по его мнению не может не оказывать плодотворного влияния и на мировоззренческие позиции. Но только великий талант способен возвысить художника над его заблуждениями.

Таким образом, Чернышевский отнюдь не фетишизировал тенденциозность в искусстве, на что указывал и он сам в письме к Некрасову: «Не думайте, что я увлекаюсь в этом суждении Вашею тенденциею,— тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других,— притом же я вовсе не исключительный поклонник тенденции...»²⁰.

Указывая на внутреннюю сложную связь мировоззрения и творчества художника, идейности и художественности, Н. Г. Чернышевский подчеркивает, что фальшивая идея часто является первопричиной художественной неполноценности произведения. В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант.

Законы художественности, считает Н. Г. Чернышевский, не могут противоречить тому, что есть в действительности, не могут заключаться в том, чтобы действительность изображалась не в своем настоящем виде; «как она есть, так и должна отразиться в художественном произведении»²¹.

Только в том случае, если с талантом писателя, живописца и т. д. сочетаются передовое мировоззрение, идеи гуманизма, можно ожидать появления подлинных шедевров художественного творчества. «Те писатели, в которых природа или жизнь соединила с талантом живое сердце, те писатели должны дорожить в себе этим прекрасным сочетанием таланта с мыслью, дающею силу и смысл таланту, дающею жизнь и красоту его произведениям»²². Эту мысль Чернышевский подчеркивал неоднократно. Например, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» читаем: «...при самом сильном даре бессознательного творчества поэт не создаст ничего великого, если не одарен также замечательным умом, сильным здравым смыслом...»²³.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 322.

²¹ Там же, т. II, с. 796.

²² Там же, т. III, с. 303.

²³ Там же, с. 133.

Цена литературные произведения за их правдивость и гуманность, Чернышевский постоянно подчеркивал, что эти качества находятся в прямой зависимости от знания писателем жизни. Только тот писатель, который знает жизнь, может верно отображать ее явления, проникнуться уважением к людям, которые достойны его. В противном случае его правдивость и гуманность будут наигранными и фальшивыми. Чернышевский предостерегал от одностороннего взгляда на мир, взгляда с «цеховой точки зрения». Великое счастье для литератора, говорил критик, если он испытал жизнь не только как литератор, но и как человек во многих различных положениях, тогда легче понять жизнь во всей ее правде.

Истинно художественные произведения своим содержанием интересны для человека вообще, а не только для одного художника. Чернышевский многократно подчеркивал, что в известные исторические периоды вопросы литературы приобретают в жизни общества первостепенное значение, в особенности тогда, когда литературные вопросы за невозможностью открытой постановки и решения вопросов политических становятся вопросами жизни.

Влияние произведения на общество бывает только тогда, «если идеи, лежащие в основании произведения, входят в живое прикосновение с действительной (умственной, нравственной или практической, это все равно, но непременно с действительной) жизнью общества, так что, прочитавши это произведение, общество станет чувствовать себя не совсем таким, как прежде, почувствует, что его взгляд на вещи прояснился или изменился, почувствует, что дан толчок его умственной или нравственной жизни»²⁴.

В работе «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность» Чернышевский отмечал, что в середине XVIII в. немецкая литература находилась в упадке. «Будет или не будет немецкая литература сильнейшею двигательницею народной жизни, ускорится ли ее вмешательством развитие народа... — разрешение этого вопроса... зависело от того, будет ли... гениальный человек, который верно поймет положение и потребности своего народа, постигнет всю важность, которую должна иметь литература для

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 793.

его жизни...»²⁵. Это сделал Лессинг. «Он доставил немецкой литературе силу быть средоточием народной жизни..., он ускорил тем развитие своего народа»²⁶. Лессинг говорил то, что глубоко обдумал и прочувствовал, «он уже не мог делать уступок явлениям, которые не оправдывались его принципом...»²⁷.

В той же работе Н. Г. Чернышевский говорит о том огромном влиянии, которое оказывает на своего читателя писатель: «...вы становитесь в какое-то зависимое положение от вашего путеводного гения, — вы на все смотрите его глазами, чувствуете, что вам нельзя иначе думать — не потому только, что истина его мыслей для вас очевидна, — нет, и потому также, что он положил границы вашему воззрению, как бы независимо от вашей воли, от вашего самостоятельного рассудка, подчинял вас себе...

Потому-то обыкновенно самые благотворные авторитеты имеют и свою вредную сторону — развивая мысль, они в то же время отчасти сковывают ее»²⁸. Это положение Чернышевского, на первый взгляд парадоксальное, наглядно и убедительно показывает то огромное значение, которое имеет мировоззрение автора художественного произведения. Здесь уместно вспомнить следующее высказывание Чернышевского: «для истинного критика рассматриваемое сочинение очень часто бывает только поводом к развитию собственного взгляда на предмет, которого оно касается вскользь или односторонне»²⁹.

Чернышевский подчеркивал, что литература не может не быть служительницей того или другого направления идей: это назначение, лежащее в ее природе. «Произведения Беранже, Жоржа Санда, Гейне, Диккенса, Теккерея внушены идеями гуманности и улучшения человеческой участи. А те таланты, деятельность которых не проникнута этими стремлениями..., остались безвестны...»³⁰. В ряду произведений, проникнутых идеями гуманности и улучшения человеческой участи, стоят и произведения Чернышевского.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 72.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 135.

²⁸ Там же, с. 125.

²⁹ Там же, т. II, с. 501.

³⁰ Там же, т. III, с. 302.

Взгляды Николая Гавриловича Чернышевского, его эстетическая теория, сыгравшие во второй половине XIX в. выдающуюся роль в утверждении материалистического понимания искусства, не принадлежат прошлому. «В Чернышевском мы чтим,— писал А. В. Луначарский,—...все еще живого соратника в общем для него и для нас деле»³¹. Чернышевский верил в будущее русской литературы. Он говорил: «Мы уверены в том, что русской литературе предстоит великое развитие...»³². И сам сделал очень много для этого развития.

Эстетическое наследие Чернышевского имеет огромное значение в борьбе против современной буржуазной эстетики, которая проповедует отрыв искусства от жизни, отрицает роль мировоззрения в творчестве, изолирует художника от народа.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ЛИТЕРАТУРЕ СИБИРИ

Б. В. ЧМЫХАЛО

Интерес Н. Г. Чернышевского к Сибири, ее литературным силам несомненен, хотя этим вопросам он не посвящал специальных работ. Называя восточную окраину России «страной с огромной будущностью впереди»¹, Чернышевский приветствовал любую попытку отражения своеобразия общественных, экономических, природных условий Сибири в литературном произведении.

Еще в самом начале своей критической деятельности Чернышевский, будучи сотрудником «Отечественных записок», рецензирует напечатанные «Библиотекой для чтения» в 1854 г. «Воспоминания о ловле зверей в Сибири» Черепанова². «Край, описываемый г. Черепановым, так интересен, нравы звероловов так любопытны, сами звери так занимательны, что статья г. Черепанова непременно будет прочитана всеми с удовольствием. Пусть только он обратит внимание на местность, на край, на нравы звероловов...»³. Н. Г. Чернышевский предостере-

³¹ Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1963, т. 1, с. 131.

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 277.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 592.

² Отечеств. зап., 1854, 7, 4.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 25.

гает автора от чрезмерных увлечений экзотикой, приводя в пример как образец жанра «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Простота и точность — вот что, по мнению критика, обеспечивает успех литературных произведений такого рода. «Записки Сибирского отдела Русского географического общества» привлекают внимание Чернышевского настолько, что он откликается как на первый выпуск⁴, так и на второй⁵.

Чернышевский отмечает «достоинство этого нового издания», называет «Записки» — «общезамечательным чтением»⁶. Этим признается не только научная, но и отчасти литературная ценность «Записок».

Восторженно критик встретил «Путешествие по Восточной Сибири» И. Булычова. Он называет его «великолепной вещью», «прекрасным делом». Особо отмечает Чернышевский атлас рисунков, приложенных к «Путешествию»⁷.

Чернышевский придавал большое значение свидетельству очевидца, глубокому и точному знанию предмета изображения. «Что-то нам расскажет почтенный сибиряк об этой стране, где все так ново, оригинально, где (не говоря уже об этнографических особенностях) и толстый золотопромышленник, и поручик сибирской гарнизонной стражи, и стационарный смотритель, — все имеет свою особенную физиономию, говорит другим языком и с увлечением толкует о звериных шкурах, — что-то нам расскажет наш почтенный сибиряк?» — пишет критик по поводу «Очерков сибиряка. I. Девичий сон на Новый год»⁸. Из «Очерков» Чернышевский, как он сам признается, надеялся извлечь «множество любопытных замечаний о Сибири», но оказалось, что «заманчивое название» не соответствовало содержанию⁹. «Очерки» были литературной подделкой, использующей живой интерес русского читателя ко всему «сибирскому». На продолжение «Очерков» Чернышевский откликается едкой репликой в «Современнике», где отмечает полное невежество автора,

⁴ Современник, 1856, № 10.

⁵ Там же, 1857, № 4.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 596.

⁷ Современник, 1857, № 6; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 625.

⁸ Современник, 1856, № 3.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 471.

приблизительность его знания Сибири¹⁰. «Но для того, чтобы что-нибудь напоминало более о Сибири, автор нарядил своего богатыря Белого Уклада в теплую, шубу», — иронизирует критик¹¹.

Произведения, подобные «Очеркам», — редкие в журнальной периодике середины XIX в. «Сибирский» антураж прикрывал бапальные сюжеты, заимствованные на эпигонском уровне. Однако Чернышевский не делал скидок и тем литературным произведениям, которые были действительно созданы сибиряками. Ни знание сибирской действительности, ни точность в передаче «другого языка» не могли, по мнению критика, компенсировать художественные просчеты, отсутствие таланта. Свои требования, предъявляемые к русской литературе, Чернышевский распространял и на сочинения писателей Сибири.

В статье «Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Антопа Погорельского» Чернышевский сетует на упадок современной критики¹². Как пример «требовательной, разборчивой, смелой» критики он приводит, не называя имени Белинского, строгую, но во многом справедливую оценку произведения Калашникова «Дочь купца Жолобова» (1832). Несмотря на то, что «Дочь купца Жолобова» выдержала в один год два издания и была очень популярна у читающей публики, Белинский резко высказался о литературных достоинствах романа. Чернышевский, разделяя мнение Белинского, пишет, что это произведение «имеет некоторое значение только как произведение человека, хорошо знающего Сибирь; что автор был лишен всяких следов беллетристического дарования, можно доказать уже советами, которые давала ему критика: «излагать свои сведения о Сибири в форме путевых заметок, статистических очерков, но никак не романов»¹³.

Более позднее по времени высказывание Чернышевского о Калашникове уже не отличается столь активным неприятием его творчества. В статье «Осовьяпенко. Сочинение Григория Данилевского» Чернышевский говорит, подразумевая автора «Дочери купца Жолобова»: «Есть

¹⁰ Современник, 1856, № 4.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 509.

¹² Современник, 1854, № 6.

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 383.

люди, которые, не имея ни особенного ума, ни таланта, пишут романы довольно сносные для своего времени, потому что имеют или образование, или наблюдательность»¹⁴.

Наконец, остановимся еще на одном замечании Чернышевского, касающемся Сибири и связанном с его деятельностью в редакции «Современника». В «Сведениях о числе подписчиков на „Современнике“ 1859 г. по губерниям и городам» Чернышевский отмечает: «Сравнительно с числом населения, довольно много подписчиков и в Сибири. Например, в Енисейской губернии, имеющей почти столько же жителей, как и Олонецкая, подписчиков 38, вчетверо более; Иркутская, населенная вчетверо менее Казанской, выписывает почти столько же экземпляров (59)... В городе Иркутске, на 25 000 жителей, получается более экземпляров (37), нежели, например, во всей Вятской губернии, имеющей два миллиона населения...»¹⁵.

Все эти свидетельства и высказывания Чернышевского относятся к периоду, предшествовавшему его аресту и заключению. Они опубликованы большей частью в «Современнике». Хотя эти замечания и отрывочны, но в совокупности свидетельствуют о внимании критика к литературному движению Сибири.

«ВИЛЮЙСКИЙ УЗНИК».

(ОБРАЗ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
В ПЬЕСЕ А. ОЛЬХОНА)

С. И. ГИМПЕЛЬ, *канд. филол. наук*

Воплощение облика великой исторической личности средствами художественной литературы чаще всего предполагает жанр историко-биографический, который получил широкое распространение в советской литературе в 1940-е годы. Героями исторических романов и пьес наряду с государственными деятелями становятся великие полководцы и ученые, писатели и художники, передовые мыслители и великие исторические деятели.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 434.

¹⁵ Современник, 1856, № 1; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 427.

Залог успеха историко-биографической драмы авторы видели в решении проблемы создания такого характера исторической личности, в котором гармонически сочеталось бы социальное, историческое и то глубоко личное, неповторимое, что характеризует облик данного деятеля. Напряженный интерес писателей и драматургов к историко-биографическому жанру, поиски новых художественных форм для создания образа великого человека объясняются его огромной воспитательной функцией, воздействием на читателя — ведь центральными героями таких произведений являются люди, чья деятельность имеет большое общественное значение, чья жизнь достойна изучения и подражания.

В драме «Вилуйский узник» сибирский поэт А. Ольхон стремится по-своему разрешить проблему героя и народа — одну из основных проблем исторического жанра.

Тема — Чернышевский в Сибири — интересовала А. Ольхона постоянно. Вилуйская ссылка описывается им в цикле стихов под названием «Места отдаленные». В этот цикл вошли стихи «Дебри», «Вилуйский острог», «Места отдаленные», «Якутка Магда», «Цынга», «Солдатский сын Ипполит Мышкин», «Осень на Вилюе», «Возвращение»¹. В 1941 г. А. Ольхон закончил работу над большой исторической поэмой «Ведомость о секретном преступнике Чернышевском»², состоявшей из трех частей: «Свод законов» (о пребывании Чернышевского в тюрьме); «Во глубине сибирских руд» (годы каторги); «Места отдаленные» (вилуйская ссылка). Умело сочетая исторические факты, сибирские легенды и поэтический вымысел, автор пытается создать правдивый образ великого революционера-демократа. В заслугу А. Ольхона можно поставить соответствие авторской концепции исторической правде. Третья часть поэмы и послужила основой драмы «Вилуйский узник»³.

Ссылку великого ученого и революционного демократа Н. Г. Чернышевского в Сибирь Ф. Энгельс назвал самым позорным злодеянием Александра II. «...Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийст-

¹ Ольхон А. Ведомость о секретном преступнике Чернышевском за 1862—1883 гг. Стихотворения. Иркутск, 1941.

² Ольхон А. Ведомость о секретном преступнике. Иркутск, 1941.

³ Ольхон А. Вилуйский узник. Иркутск, 1948.

во долголетней ссылке среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II...»⁴. Действительно, ссылая Н. Г. Чернышевского в Сибирь, царское правительство хотело сломить его не только духовно, но и физически, добивалось того, чтоб исчезло его влияние на русское общество. Однако общественное мнение было возмущено этой расправой.

В своей единственной пьесе «Вилуйский узник» А. Ольхон детально прослеживает, какое влияние оказала ссылка Чернышевского на общественное мнение России. Поэтому в сферу сценического действия оказываются втянутыми самые различные персонажи: и представители царского двора, и революционер-народник, и люди, непосредственно окружавшие Чернышевского в Вилуе, — через восприятие последних он больше всего и показан.

Попытка сибирского поэта и драматурга А. Ольхона воссоздать облик «русского Прометея» была не первой. Он имел уже литературных предшественников. Неоднократно издавалось беллетризованное повествование внучки Н. Г. Чернышевского — Н. М. Чернышевской «Повесть о Чернышевском»⁵, в которой использованы биографические материалы, семейные документы, воспоминания, рассказы современников и О. С. Чернышевской. Первое издание этой книги под названием «Вилуйский узник» вышло в 1939 г. Жизненный подвиг Н. Г. Чернышевского как пример служения своей родине послужил основой книги Н. Богословского «Жизнь Чернышевского»⁶, в которой прослежен творческий путь Чернышевского с юности до последних дней жизни после возвращения из ссылки. В 1939 г. в Саратовском драмтеатре была поставлена пьеса В. Смирнова-Ульяновского и Б. Найхина «Чернышевский»⁷, последнее действие которой происходит в Вилуйске.

Однако до А. Ольхона никто из писателей не показал остроту и драматизм самого сложного периода жиз-

⁴ Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 441.

⁵ Чернышевская Н. М. Повесть о Чернышевском. 4-е изд. Саратов, 1973.

⁶ Богословский Н. Жизнь Чернышевского. М., 1964.

⁷ Смирнов-Ульяновский В., Найхин Б. Чернышевский. М.—Л., 1939.

ни Н. Г. Чернышевского. В драме «Вилюйский узник» А. Ольхон достоверно воспроизводит обстановку заштатного городишка Вилюйска, немногочисленное население которого погрязло в мелочах нищенского существования. Как отмечают исследователи, эта обстановка была поистине ужасной: «Почта приходила из Якутска раз в 2 месяца... В этом городишке „квартирой“ Н. Г. Чернышевского служила тюрьма — мрачный и сырой склеп... Частые секретные предписания властей об усилении неусыпного и ежечасного надзора за ним делали условия его жизни почти невыносимыми... Стража обязана была иметь за узником «неослабное наблюдение и бдительность с целью предупреждения побега» и «отклонения его вредного влияния на общество»⁸. Самое главное обстоятельство — полное одиночество, в условиях которого долгие годы существовал великий мыслитель и что могло представить источник драматического напряжения в воспроизведении облика Чернышевского данного периода. Как пишет исследователь биографии Чернышевского Л. Каменев, «письма Чернышевского из Сибири — это повесть человека великого ума и благородного сердца, подвергнутого изощренной и медленной пытке.

Тут не только одна из бесчисленных трагедий лишения свободы. Тут драма великого писателя XIX в., звергнутого «в среду дикарей» и лишенного всякого средства общения с культурной жизнью»⁹. Действительно, факты пребывания Чернышевского в Сибири исполнены истинного трагизма. В беседе с корреспондентом «Daily News» в Астрахани он сообщил, что в Вилюйске он много писал, но написанное рвал и сжигал¹⁰. По собственному признанию Н. Г. Чернышевского, в Вилюйске им было написано около 14 романов¹¹. Но из огромного количества рукописей сохранилась в отрывках лишь повесть «Отблески сияния», которую увез от него якутский прокурор¹². Однако лишения и муки, перенесенные великим писате-

⁸ Шаганов В. Н. Чернышевский на каторге и ссылке. — Цит. по кн.: Сафронов Ф. Г., Романов И. М. П. Г. Чернышевский в Якутии. Якутск, 1954, с. 11—12.

⁹ Каменев Л. Чернышевский. М., ЖЗЛ, 1934, с. 164.

¹⁰ Новое время, 1883, № 2804. — Цит. по кн.: Грибановский Н. Н. Н. Г. Чернышевский в Вилюйской ссылке. Якутск, 1947, с. 6.

¹¹ Чернышевская Н. М. Указ. соч., с. 170.

¹² Там же, с. 171.

лем в Сибири, не сломали его. Именно сила духа и стойкость характера великой исторической личности становятся в пьесе А. Ольхона центром остродраматического действия.

Воссоздать достоверный облик великого человека — задача для писателя всегда очень трудная. Но особенно тяжело показать будни великого человека, лишенные резких жизненных поворотов и значительных пропущенных.

А. Ольхон не много знал о той внутренней жизни, какой жил великий мыслитель в невыносимых условиях сибирской ссылки. А это не могло не создавать для автора дополнительных трудностей, связанных с невозможностью выявить сущность общественной и исторической деятельности своего героя, показать его наиболее яркие социальные свойства. Именно поэтому драматический конфликт в пьесе А. Ольхона перенесен во внешнюю сферу. «Автор вскрывает социально-политические причины, которые обусловили борьбу Чернышевского, дает верную картину общественной жизни тогдашней России. Развитие действия подчинено внутреннему развитию центрального образа. Драматургическую основу пьесы составляет конфликт героя с окружающей его действительностью»¹³. Н. Г. Чернышевский в драме А. Ольхона чаще всего показан в восприятии окружающих. Понимая, что Чернышевский — жертва произвола, многие люди в меру своих возможностей хотят ему помочь. Революционер Мышкин пытается организовать его побег, бродяга Опарян жалеет, что в тюрьме пропадает хороший человек и предлагает Чернышевскому бежать с ним. Царское правительство боится, что в остроге Чернышевский еще более опасен, чем на свободе, и старается добиться от него прощения о помиловании. Все действие в драме А. Ольхона развивается вокруг необходимости освободить Чернышевского. В истории известно несколько попыток освобождения Н. Г. Чернышевского. «Его потеря была очень чувствительна для передовой части общества, и примириться с ней было трудно. Уже в деле каракозовцев есть упоминание о намерении освободить Чернышевского. Известны затем попытки Г. А. Лопатина и Иппо-

¹³ Самсония Ал. Пьеса о Чернышевском. — Восточно-Сибирская правда, 1948, 22 октября.

лита Мышкина»¹⁴. Именно поэтому большое место в пьесе «Виллюйский узник» занимает эпизод неудачной попытки И. Н. Мышкина устроить Н. Г. Чернышевскому побег. Однако если в поэме А. Ольхона И. Мышкин был показан как целеустремленный революционер, видевший в освобождении Чернышевского осуществление своего долга («...он был готов пожертвовать собой, погибнуть там, где это делу нужно»)¹⁵, то в драме исторически верного представления о характере Мышкина не возникает. Его образ отмечен чертами мелодраматизма. Особенно это проявляется в сцене, где он пытается застрелиться после провала операции. И в его характере совершенно невозможно уловить черты сильной и мужественной личности, деятельность которой высоко оценил В. И. Ленин, поставив его имя рядом с именами А. Желябова и С. Халтурина¹⁶. Известно, что схваченный полицией И. Мышкин стал героем «процесса 193-х», на котором произнес яркую революционную речь, и эта речь произвела громадное впечатление на передовое русское общество того времени¹⁷. Но Мышкин, каким он показан в драме Ольхона, подобную речь произнести бы не мог. Мышкин — личность значительная, одна из тех, о которых слагаются легенды. В 1930-е годы большой популярностью пользовался роман-биография В. Язвицкого «Непобежденный пленник», повествующий о том, как И. Н. Мышкин под именем жандармского офицера Мещерикова в июле 1875 г. пытался освободить Н. Г. Чернышевского из Виллюйской тюрьмы. Те же самые факты использовал и А. Ольхон. Однако характер Мышкина совершенно не раскрыт в действии, основной метод индивидуализации — самохарактеристика.

Главной проблемой для А. Ольхона в пьесе «Виллюйский узник» была проблема героя и народа. С большой любовью создает А. Ольхон образы добрых и отзывчивых

¹⁴ Короленко В. Г. Воспоминания о Чернышевском. Избр. произв. М., 1948, с. 473.

¹⁵ Ольхон А. Сибирский тракт. Иркутск, 1945, с. 10.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 105—106.

¹⁷ Об этом процессе и дальнейшей судьбе И. Мышкина любительные сведения содержатся в статье Н. Смирнова-Сокольского «Дело о революционной пропаганде в империи», написанной с привлечением архивных документов и материалов периодической печати того времени.— См.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. М., 1960, с. 511—526.

людей из народа: якутки Магды, вдовы Натальи и странника Опарина. Реалистически достоверно изображены охранники Чернышевского, самые «близкие» ему люди: тупой солдафон Бубякин, старающийся выслужиться, и добрый отзывчивый Хрисанов, который если не умом, то «сердцем чувствует» необыкновенность личности Чернышевского и пытается доступными ему средствами облегчить жизнь ссыльного. Даже вилюйский исправник Кошкарский¹⁸, человек ограниченный, после разговора с Чернышевским певольно испытывает на себе его влияние. Во взаимоотношениях с простыми людьми выступает все обаяние личности Н. Г. Чернышевского. Эти люди, конечно, не читали сочинений Н. Г. Чернышевского, ничего не знают о характере его деятельности, но сердцем тянутся к хорошему человеку, стараются помочь ему, чем могут, пытаются облегчить его участь. И сам Чернышевский с ними прост и естествен. В отличие от историко-биографического романа Н. Заречной «Предшественник» (1950), где Чернышевский перед первым встречным коробейником произносит страстные политические речи, которые тот вряд ли может понять, герой Ольхона говорит только о том, что непосредственно может волновать этих людей: с Магдой — о ее сыне, с Натальей — о ее нелегкой судьбе. В соответствии с историческими фактами, воссоздающими облик великого революционного демократа, личности «благородной любви к человеку» (Н. А. Добролюбов), защитника угнетенных и униженных¹⁹, А. Ольхон изображает в пьесе ту бесконечную доброту по отношению к якутам, то величайшее чувство сострадания и сопричастности людскому горю, которое было свойством натуры Н. Г. Чернышевского. Драматург достоверно показывает, как даже в своем невероятно тяжелом положении Чернышевский старается всюду, где может, облегчить жизнь людей: то прошение напишет, то

¹⁸ Интересно, что не только главные, но и второстепенные персонажи в драме А. Ольхона — это действительно существовавшие исторические личности, в том числе и казак Бубякин, и исправник Кошкарский, у которого, по сообщению его родственников, имелись рукописи Н. Г. Чернышевского и которые он все сжег. — См.: Грибановский И. Н. Н. Г. Чернышевский в Вилюйской ссылке. Якутск, 1947, с. 35.

¹⁹ В письмах к жене Н. Г. Чернышевский пишет об ужасающей нищете, дикости и придавленности якутского населения. — См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 518.

денег даст, то просто поддержит добрым словом²⁰. Известны факты ходатайства Н. Г. Чернышевского о смягчении участи сосланных в Вилюйский округ старообрядцев Чистяковых и Головачевой, его письма на имя шефа жандармов, к Александру II. Однако о смягчении своей участи он просить не хотел, не желая отказаться от своих взглядов. Царское правительство, стремясь парализовать растущее революционное влияние Н. Г. Чернышевского, дало знать генерал-губернатору Восточной Сибири Синельникову, что в случае, если «государственный преступник» подпишет прошение о помиловании, он может быть освобожден из заключения и возвращен на родину. Генерал-губернатор Синельников отправил в 1875 г. в Вилюйск своего адъютанта Виппикова с поручением — довести до Чернышевского волю правительства и в случае положительного с его стороны ответа привезти подписанное им прошение о помиловании²¹. Н. Г. Чернышевский подписать прошение наотрез отказался. Он остался стойким, мужественным и непреклонным борцом. Эта сцена отказа Чернышевского подписать прошение о помиловании в драме А. Ольхона воспроизведена исторически правдиво и психологически достоверно.

Большой удачей сибирского драматурга можно считать образы людей из народа. У каждого из героев в драме «Вилюйский узник» есть своя неповторимая судьба.

А. Ольхон широко использовал сибирский фольклор. Особое место в развитии действия занимает образ Опарина, заимствованный из сибирских преданий и легенд о Чернышевском²². Это посетитель народной мудрости, с крестьянским пониманием деятельности Чернышевского. Для него Чернышевский — народный заступник, за что и пострадал от царя. С воодушевлением рассказывает Опарин другим бродягам свою версию заключения

²⁰ О подлинности подобных действий Н. Г. Чернышевского пишет в своих «Воспоминаниях о Чернышевском» В. Г. Короленко: согласно утверждениям лиц, знавших Н. Г. Чернышевского в Вилюйске и оставивших о нем свои свидетельства и воспоминания, Чернышевский лечил якутов, делился с ними своими скудными запасами, раздавал деньги остро нуждающимся. — См.: Короленко В. Г. Указ. соч., с. 475.

²¹ Сафронов Ф. Г., Романов И. М. Указ. соч., с. 14.

²² Малютина А. Сибирский поэт-патриот. — Енисей, 1955, № 16, с. 220.

Чернышевского, перемещивая правду с легендой и домыслом. Следует при этом заметить, что в поэме характер Опарина раскрыт удачнее, более драматично, нежели в пьесе. В поэме он показан как бунтовщик и правдоискатель, а в драме у него сильнее проявляются черты пустынного. Опарин выступает в роли всезнающего, всепонимающего толкователя Чернышевского, а подчас и в роли его наставника. Он же объясняет Мышкину всю бессмысленность предприятия последнего. Поэтому значительный сам по себе замысел автора, что Чернышевский учился у народа его вековой мудрости, стойкости, подлинной доброте, подчас выхолащивается в правоучительных сентенциях.

А. Ольхон досконально изучил литературу, связанную с вилюйской ссылкой Н. Г. Чернышевского, использовал архивные материалы, воспоминания современников, свидетельства очевидцев, легенды, сложенные ленскими ямщиками о Н. Г. Чернышевском во время его проезда по Лене из Якутска в Иркутск, легенды о попытках освобождения Чернышевского. А. Ольхон насыщает сюжет пьесы многими характерными деталями и подробностями бесправной жизни населения сибирской окраины, произвола царских чиновников. Один из самых волнующих в драме эпизод, когда якутка Магда приносит больному Чернышевскому меховые унты. Она спила их у постели умирающего сына, обманутого хитрым купцом (тот сменил у якута песцовые шкурки на бутылку купоросной водки). Краткий выразительный диалог Магды с Чернышевским с большим трагизмом передает и горе несчастной матери, потерявшей кормильца, и ее душевную доброту по отношению к узнику.

К сожалению, все эти детали, даже самые драматичные, живой и точный язык пьесы с ее сибирским колоритом не в силах преодолеть определенную статичность образа главного героя. А. Ольхон старается показать, что Чернышевский все время думает о народе. Однако здесь не обходится без натяжек. Вот какие слова вложил он в уста героя: «Народ! Все, что у меня было, ему отдал. Не сейчас, потом возьмет, оценит, вспомнит... (слышен звук колокола). Спит Россия. Будить надобно! Действовать надобно. Пора!»²³ Невыразительность речевой ха-

²³ Ольхон А. Вилюйский узник, с. 11.

рактистические и натянутая символика препятствуют воссозданию внутреннего мира героя. Если в поэме, как пишет Г. Кунгуров, «в изображении А. Ольхона — это пострадавший от царизма просветитель, обреченный на тягостные мучения ссылки и каторги»²⁴, то в драме мотив обреченности еще более усилен.

Написанная на основе поэмы драма «Виллюйский узник» все же уступает ей. В поэме фольклорные мотивы, образы и приемы органично входят в поэтическую ткань произведения, в драме же они не соотносятся с методом характеристики главного героя. Талантливый поэт А. Ольхон не имел опыта в драматургии, что помешало ему создать цельный характер героя.

Помимо этого недостатки пьесы А. Ольхона следовало бы, очевидно, объяснять теми дополнительными трудностями самого жанра историко-биографической драмы, о которых верно говорил известный советский драматург Б. Лавренев: «Когда вы пишете историко-биографическую пьесу или сценарий, вы сталкиваетесь прежде всего с тем, что берете какую-то большую фигуру нашей истории, фигуру, о которой у каждого есть свое представление. Поэтому угодить на всех в таком случае, создавая свою концепцию образа, свое понимание этой исторической фигуры и ее значение, — это почти безнадежная задача»²⁵. Интересно, что такой опытный драматург, как Б. Лавренев, делаясь тайнами художественного мастерства, в своих статьях неоднократно возвращался к опыту создания им историко-биографической пьесы «Лермонтов» (1952), считая его самым тяжелым в своей драматургической практике.

Однако пьеса А. Ольхона имеет и свои достоинства, на которые обратили внимание уже первые рецензенты: «Несмотря на общий трагедийный оттенок, она полна жизнеутверждающего оптимизма, борьбы, веры в грядущую победу, что достигается в первую очередь правильным раскрытием образа самого Чернышевского, и это составляет одно из достоинств пьесы»²⁶. Действительно, не обладая высокими литературными достоинствами, пье-

²⁴ Кунгуров Г. Певец окраин милой Отчизны. — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1952, вып. 1, с. 114.

²⁵ Лавренев Б. Опыт драматурга. — Вопросы литературы, 1963, № 3, с. 159.

²⁶ Самсония Ал. Указ. соч.

са сибирского драматурга привлекает внимание современного исследователя стремлением автора правдиво, исторически достоверно воссоздать облик замечательной исторической личности — Н. Г. Чернышевского.

ТРАДИЦИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ

Б. М. ЮДАЛЕВИЧ, *канд. филол. наук*

Известный русский публицист и литературный критик М. А. Антонович в 1909 г. опубликовал на страницах «Нового журнала для всех» (массовое издание демократического направления) статью «Памяти Н. Г. Чернышевского». Статья Антоновича была приурочена к юбилейной дате — 20-летию со дня смерти признанного вождя революционной России 60—80-х годов.

В условиях жестокой цензуры тех лет автор один из первых дал высокую оценку деятельности Н. Г. Чернышевского, его идеалам и борьбе. Примечательно, что М. Антонович тесно связывает революционную практику своего великого современника с его литературным творчеством, огромным влиянием на читательскую публику.

В частности, Антонович пишет о Чернышевском: «...Как много он делал почти во всех крупных отраслях литературы, сколько развил и пропагандировал высоких и новых идей и какое сильное неотразимое влияние имел на читателей. Он начал литературной критикой, разъяснением и характеристикой нового тогда периода русской литературы, потом перешел к политике и политической истории и, наконец, обратился к политической экономии. Какой обширный горизонт он охватывал... И во всех избранных им литературных областях он с неослабной энергией и замечательным успехом проводил гуманные идеи свободы и равенства¹». На примере статьи М. А. Антоновича мы еще раз убеждаемся в том, что передовое русское общество видело в Н. Г. Чернышевском не только лидера «новых людей», призывавших страну к революционному переустройству, но и величайшего худож-

¹ Цит. по: Антонович М. А. Памяти Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958, т. I, с. 314.

ника, чьи произведения были наполнены новой социальной тематикой, гениальным предвидением социалистического грядущего. Однако при этом нельзя забывать, что жизненный и творческий путь Н. Г. Чернышевского был чрезвычайно труден, что он подвергался гонениям и хуле не только со стороны официальных правительственных кругов царской России. На Чернышевского-мыслителя и художника яростно обрушивались либеральные и консервативные литераторы, поборники славянофильства и ревнители «чистого искусства». Резкой критике его подвергли даже И. С. Тургенев и молодой Л. Н. Толстой. Нападки на Чернышевского в литературной среде, в журнальной периодике носили далеко не «частный» характер. Ибо с первых же шагов его общественной деятельности стало ясно, что он представляет новое поколение революционеров, революционеров-демократов, что «рядовой провинциал» и «семинарист» вырос в центральную фигуру эпохи 60-х годов.

В. И. Ленин, определяя историческое место Н. Г. Чернышевского, указывал на то, что Чернышевский «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы за свержение всех старых властей»².

Мысль о коренном переустройстве социального бытия направляет поиски Н. Г. Чернышевского как в области философии, политэкономии, истории, так и при разработке им проблем и вопросов истории литературы, эстетики, текущей литературно-художественной критики.

«Небезынтересно отметить, — пишет д-р филол. наук У. Гуральник, — что такой критик, как Ап. Григорьев, пытавшийся занять в литературно-эстетической борьбе место «над схваткой», антагонист Чернышевского, но и противник «чистого искусства», признавал, что борьба эстетических теорий суть отражение борьбы социально-политической». И далее ученый приводит выразительные слова Ап. Григорьева по этому поводу: «Тут на дне лежат коренные симпатии и антипатии не к невинным, конечно, произведениям литературы, а к жизни, к той жизни, которой литература является выражением»³.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

³ Гуральник У. Эстетика реализма. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения. М., 1974, с. 10.

Вся логика революционной борьбы Чернышевского, естественно, определила его эстетические взгляды в критике и литературоведении. Русские революционеры той эпохи считали, что есть две «легальные» возможности для пропаганды своих взглядов — университетская кафедра и литературная периодика.

Сначала Н. Г. Чернышевский думал о научно-педагогической деятельности и в связи с этим подготовил диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855).

Столь казалось бы специфический, далекий от политических столкновений научный труд на самом деле явился своеобразным манифестом русской передовой общественной мысли.

Прежде всего, в своей диссертации Чернышевский провозгласил материалистическое понимание искусства, противопоставив его идеалистическим концепциям.

Знаменитое утверждение — «Прекрасное есть жизнь» — синтезировало многие материалистические искания до Чернышевского и во многом предвосхитило будущее русской эстетической науки. Революционный смысл, новаторство выдающейся работы Н. Г. Чернышевского состояли также в активном отрицании «чистого искусства», дальнейшей разработке принципов народности в литературе, глубоком обосновании общественно-практической роли искусства, его влияния как духовного двигателя общества.

Свои эстетические взгляды Н. Г. Чернышевский последовательно развивал в критике, которая была одним из главных видов его литературной деятельности. Восемь с половиной лет Чернышевский практически определял общественно-политическое направление революционно-демократического журнала «Современник». Как автор он выступал почти в каждой книге журнала и, по подсчетам исследователей, опубликовал в «Современнике» примерно пятьсот печатных листов. В этом обилии материалов солидное место занимали критические статьи, обзоры, рецензии.

Многие литературно-критические статьи Н. Г. Чернышевского, в частности «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Русский человек на rendez-vous», «Губернские очерки», «Не начало ли перемены?», статьи о раннем Толстом, Пушкине и другие, сыграли огромную роль

в развитии художественной критики в целом и нашли свое продолжение не только в трудах литературоведов, но и в работах исследователей явлений живописи и музыки, особенно в трудах В. В. Стасова.

Теоретические положения, высказанные в диссертации, Н. Г. Чернышевский неуклонно осуществлял в своих критических работах, каждый раз обогащая их конкретным материалом.

Прежде всего любое произведение, любую литературную проблему писатель рассматривает в тесной связи с общественно-политической жизнью. В своих статьях и рецензиях Н. Г. Чернышевский выдвигает на первый план проблемы содержания произведения. При этом он подчеркивает, что просчеты в области композиции, стиля, даже языка читатель простит скорее, чем отсутствие глубокой мысли, социальной наполненности произведения.

Несомненно, что эта особенность делает каждую статью Чернышевского, как и статьи других революционных демократов — Белинского и Добролюбова, событием не только культурного, но и социально-политического характера. Этим и объясняется необычайно широкий читательский интерес к их, казалось бы, специфическим, критическим работам. В одной из первых крупной критической статье «Об искренности в критике» (1854) Чернышевский резко выступает против благонамеренности, «уклончивости» либерально-дворянской журналистики и критики. Он ратует за свободу и независимость суждения критика, осуждает охранительские великодержавные тенденции, высказывается по поводу политической реакции, оказывающей пагубное влияние на литературно-критическую мысль.

Н. Г. Чернышевский требует от критика ясности, прямоты, искренности суждений. «...Критика вообще должна, — писал Чернышевский, — сколько возможно, избегать всяких недомолвок, оговорок, тонких и темных намеков и всех тому подобных околичностей, только мешающих прямоте и ясности дела. Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французских фельетонов; эта уклончивость и мелочность не во вкусе русской публики, нейдет к живым и ясным убеждениям, которых требует совершенно справедливо от критики наша публика»⁴.

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв. М., 1974, с. 387.

Этим чертам, по утверждению революционного демократа, критик должен учиться у народа. Он обязан чутко прислушиваться к народу, понимать суть его устремлений, его чаяний и исканий и выступать от его имени.

Любопытно, что против этой статьи уже при жизни автора выступил известный критик и философ Н. Н. Страхов. Он писал: «Не согласен почти ни с одним мнением критика... Боже мой! как он серьезно понимает журнальные дела! Целая статья — об искренности, примеры, доказательства, рассуждения из-за чего? Из-за журнальных рецензий!»⁵

И в теоретических высказываниях Чернышевского, и во всех без исключения его критических статьях последовательно и четко осуществляется один чрезвычайно важный принцип. Произведения искусства писатель соотносит с явлениями жизни.

Отдавая предпочтение произведениям прогрессивным, идеям, способствующим движению и развитию общества, являясь непримиримым противником «искусства для искусства», критиком с ярко выраженными гражданскими устремлениями. Чернышевский вместе с тем был щедро наделен эстетической чуткостью, умением зорко проникнуть в творческую лабораторию писателя, предвидеть читательское восприятие произведения, степень его влияния на общество. Так, например, с редкостной прозорливостью критика он оценил ранние произведения молодого Толстого — его «Детство» и «Отрочество» и «Военные рассказы». Чернышевский выделил две основные черты, характеризующие мастерство Толстого. «Эти две черты — глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства, придающие теперь особенную физиономию произведениям графа Толстого, (всегда) останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны не выказались в нем при дальнейшем его развитии»⁶.

Таким образом, уже по ранним опытам Л. Н. Толстого Чернышевский безошибочно определил особенности его классической палитры — глубокий философский психологизм, исследование «диалектики души», действенный гуманизм.

⁵ Зельдович М. Г. Неизвестный отклик на статью Чернышевского «Об искренности в критике». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1971, с. 226.

⁶ Чернышевский Н. Г. Избр. эстет. произв., с. 572.

Эти эстетические воззрения великого критика, представляющие собой вершину домарксистской художественно-критической мысли в России, несомненно, оказывают влияние и на современную критику, находя в ней свое преломление и воплощение.

Подобно тому, как достижения художественной литературы социалистического реализма не снимают проблемы учебы у классиков, так и достижения художественной критики отнюдь не снимают вопросов учебы у классиков критики прошлого.

Вопросы художественной критики остро стояли в 20-е годы, годы изначального формирования советской литературы, а также в 30-е годы, когда литература социалистического реализма прочно утвердилась на международной арене. Роль литературно-художественной критики в строительстве коммунистической культуры определена постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике»⁷. Не случайно на пленуме Союза писателей СССР, посвященном обсуждению постановления ЦК КПСС, не раз вспоминались заветы Н. Г. Чернышевского. И сегодня сохраняют свое значение слова Чернышевского, — отметил в своем докладе «Литературно-художественная критика и современность» секретарь Правления Союза писателей СССР В. М. Озеров, — что назначение критики «служить выражениям мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе» и что это требует от самой критики заботы «о ясности, определенности и прямоте выражения мысли»⁸.

В указанном выше постановлении ЦК КПСС отмечалось, в частности, что «многие статьи, обзоры, рецензии носят поверхностный характер, отличаются невысоким философским и эстетическим уровнем...»⁹.

Нашей литературно-художественной критике близок самый облик Чернышевского — его принципиальность, острота его суждений и оценок, его всесторонняя эрудиция, нелицеприятность его критических выступлений.

Практика Чернышевского — литературного критика имела прочное философское обоснование. И для современ-

⁷ Правда, 1972, 25 января.

⁸ Озеров В. М. Литературно-художественная критика и современность. М., 1972, с. 44.

⁹ Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». — Правда, 1972, 25 января

ной «движущейся эстетики», как нередко называют критику, актуально умение соотносить искусство с жизнью. Это также было отмечено в постановлении ЦК КПСС о развитии литературно-художественной критики.

В статье «Сверья с действительностью» критик В. Ковский отмечает, что на современном этапе «...правомерно говорить... о все более осязаемой потребности в „сопоставительном“ изучении литературы и жизни, потребности введения в эстетические оценки социологического критерия как первостепенной важности»¹⁰.

Анализируя повесть И. С. Тургенева «Ася», «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, рассказы Н. В. Успенского, драматургию А. Н. Островского и другие произведения своих современников, Н. Г. Чернышевский постоянно обращался к реальной действительности, к тем или иным сторонам жизни и быта тогдашней России.

Коррективы жизни помогали критику во всей полноте почувствовать, понять мировоззренческие и художнические особенности писателя, выявить закономерное и отметить случайное в его творчестве. В настоящее время связи с общественными науками, являющимися барометром эпохи — политэкономией, социологией, футурологией и другими — значительно сложнее и разнообразнее. Но принципы, заложенные в эстетике русских революционных демократов, теоретиков критического реализма, безусловно, не могут не учитываться современной научной мыслью.

Одной из генерирующих проблем в критическом наследии Н. Г. Чернышевского является проблема народности. Известно, что критерий народности у классиков русской эстетической мысли был направлен против подмены этого понятия понятиями старины или простонародности. Вот почему В. Г. Белинский считал истинно народной, национальной русской поэмой «Евгений Онегин» Пушкина, не принимая за атрибуты народности присутствие в той или иной книге мужиков и баб, бородатых купцов и мещан.

Н. Г. Чернышевский не раз подчеркивал, что смысл народности в выражении самого духа народа, истинно народным для него было то произведение, в котором наи-

¹⁰ Ковский В. Сверья с действительностью... (современная русская проза и проблемы культуры). — Вопросы литературы, 1971, № 5, с. 11.

более полно отражена эпоха, ее прогрессивные идеи. Понятие народности литературы для критика включает в себя правдивое изображение действительности, верность жизни.

Отсюда необычайно высокая оценка роли русской литературы, сосредотачивающей в себе, по мнению Н. Г. Чернышевского, «почти всю умственную жизнь народа».

Проблема народности литературы, воссоздания национального характера в той или иной постановке часто с большой остротой возникает и сегодня, особенно в последние годы в связи с бурным взлетом «деревенской прозы» 60—70-х годов с именами таких художников, как Ф. Абрамов, Б. Можяев, В. Белов, В. Распутин, В. Астафьев, В. Шукшин и др.

И в связи с этим в критике совершенно правомерно зазвучали вопросы о национальной самобытности, чертах современного национального характера, о непреходящих нравственных ценностях и их роли в современной жизни. В ярких работах критиков Ф. Кузнецова, Л. Якименко, Л. Теракопяца, В. Сурганова, А. Марченко и других содержится обстоятельный анализ этого сложного круга вопросов. Могут быть весьма результативными и другие аспекты учебы современного критика у Н. Г. Чернышевского. На вооружении нашей критики — и его высокая полемичность, неприятие комплиментарности, прощальность вкуса, эстетическая чуткость и разнообразие форм и жанров, к которым мастерски прибегал Н. Г. Чернышевский.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА

Е. Я. БЕРЕЗИНА, *канд. пед. наук*,
Н. Б. ЕВТУХ, *канд. пед. наук*

Оценивая педагогическое наследие великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, советские педагоги подходят к нему как к педагогической системе, к цельной педагогической теории. Педагогические идеи Чернышевского находились в диалектической взаимосвязи с его политическими убеждениями. Чернышев-

ский рассматривал возможность решения конкретных педагогических задач лишь в результате решения государственных задач, ибо тот, кто не имеет политической власти, не в состоянии спастись от угнетения, т. е. от нищеты, от невежества. Особенно обделены были в области просвещения национальные меньшинства России, поэтому Чернышевский отстаивал идею формирования национальной культуры и подготовки грамотных национальных кадров.

Чернышевский видел все недостатки старой сословной школы, которая калечила и отупляла молодежь, благословляла полицейский режим, невежество, догмы и мракобесие. В статье «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность» он писал: «Педантизм, робость, подобострастие и предрассудки всякого рода владычествовали в обществе... Оно разделялось на касты, чуждавшиеся одна другой: главною двигательницею жизни в каждой касте было мелочное тщеславие, преклопение перед высшими, презрение к низшим... Умственная жизнь была стеснена предрассудками и предубеждениями»¹.

Н. Г. Чернышевский глубоко и последовательно проанализировал недостатки старой школы, которые, по его мнению, заключались в следующем:

1. Программы школ были программами духовных семинарий, поэтому делали школьное образование ограниченным, не способным подготовить грамотных людей.

2. Полное отсутствие научности преподавания. Учебные пособия написаны «допотопными учеными», в них нагроможден всякий «мелочный вздор», изложенные научные положения находятся на уровне 300-летней давности.

3. Учителя в школах отличались «чопорным тупоумием невежд», пригодных не более как для «толченья воды». Без сомнения, среди современников Чернышевского было немало честных просвещенцев, любивших и самоотверженно служивших делу образования народа. Однако в целом педагогическая деятельность того времени была оказанной и выхоленной, «занятым скучным и в сущности пустым», поэтому профессию педагога «даровитые люди» не выбирали. Жесткие рамки крепостни-

¹ Чернышевский Н. Г. Избр. пед. произв. М., 1953, с. 372.

ческих порядков, существовавших в школе, не давали возможности талантливым педагогам делать свое благородное дело.

4. Преподавание отдельных предметов велось на самом низком, схоластическом уровне. Так, в преподавании истории вместо «логически развивающегося рассказа, передающего события в живых картинах», существовало бездумное зазубривание «бессвязного перечня собственных имен или хронологической таблицы».

5. Учебники не отвечали требованиям, они были забиты генеалогическими таблицами и мелочными подробностями, выпускались из поля зрения смысл фактов и связь событий. В учебники включался непосильный для детей научный материал, объем отдельных разделов не был продуманным и логически оправданным.

6. Дополнительная литература для детского чтения была далеко не совершенна. Она оскорбляла детей недоверчивостью к их уму, мысли, раздражала приторными сентенциями. Со всей беспощадностью Чернышевский характеризовал подобного рода детское чтение как «преднамеренную пустоту и преднамеренное идиотство». Вместо упрощенчества и вульгаризации фактов он считал необходимым точное и яркое описание предметов и явлений на основе научно достоверного материала. Осуждая вычурность и неточность языка детских книг, Чернышевский настаивал на чистой и образной речи учителей и литературы, формирующих культуру устной и письменной речи детей.

7. На самом низком уровне пребывало образование и воспитание девочек. Закрытые дворянские пансионы, народные начальные школы строили обучение, опираясь на теории о женщине как о существе неполноценном, существе низшего порядка. Женщину не считали способной к умственной деятельности, к активной общественной жизни — на этом и строилась программа женского образования.

8. Воспитание мальчиков, будучи авторитарным, не решало проблему формирования активности и самостоятельности, творчества и гражданственности: «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувства гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиною он не

становится, или, по крайней мере, не становится мужчиною благородного характера»².

Великая заслуга Н. Г. Чернышевского не только в том, что он зорким глазом революционера, ученого, педагога увидел и вскрыл наиболее существенные недостатки дореволюционной школы, но прежде всего в том, что он наметил конкретные пути коренного улучшения дела народного образования. Эти идеи сегодня активно использует и творчески развивает советская педагогика.

Н. Г. Чернышевскому принадлежит идея возможности совместного осуществления функций обучения и воспитания. Она нашла развитие и новую жизнь в современной школе по осуществлению комплексного подхода к обучению и воспитанию, к решению в комплексе задач идейно-политического, нравственного и трудового воспитания.

Чернышевский подошел вплотную к разработке принципа воспитывающего обучения. В основе этой его идеи лежит перевод знаний в убеждения, использование знаний в целях формирования убеждений. Развивая мысль Чернышевского, советские педагоги видят в идее воспитывающего обучения по крайней мере четыре задачи: формирование диалектико-материалистического мировоззрения и коммунистических убеждений, развитие способностей, формирование чувств, воспитание моральных качеств и волевых черт личности. Сегодня школьная программа рассматривается учителями с позиции воспитательных возможностей, а каждый урок имеет три четкие цели: обучающую, развивающую и воспитывающую. Воспитательная целенаправленность обогащает содержание и назначение современного урока.

В педагогических трудах Чернышевского изложена идея единства методологии и методики: вся методика должна быть пронизана идейностью, революционностью и материализмом. В советской педагогике методы обучения и воспитания рассматриваются как пути, способы, приемы работы учителя и способы познавательной деятельности учащихся, направленные на выполнение учебных и воспитательных задач. Целью советской школы является коммунистическое воспитание учащихся, оно и определяет содержание и методы обучения в общеобразовательной школе.

² Чернышевский Н. Г. Избр. пед. произв., с. 445.

Н. Г. Чернышевский положил начало конкретной социологии воспитания и образования. Прибегая к статистическим данным, он ставил вопрос о народнохозяйственном значении школы, просвещения. Мысли Н. Г. Чернышевского о взаимосвязи политики, экономики и просвещения в наши дни особенно актуальны, дают ключевой подход к решению на государственном уровне основных педагогических задач. В истории педагогики эта работа Чернышевского стала одной из первых попыток решения педагогических проблем с привлечением материалов конкретной социологии.

Центральное место в педагогической системе Н. Г. Чернышевского занимали вопросы и проблемы нравственного воспитания человека. Задачи нравственного воспитания Чернышевский видел не только в том, чтобы ввести человека в социальные отношения, сделать его частью общества, но прежде всего в том, чтобы сделать его субъектом, активным участником жизни. Живя и работая, человек не только изменяет действительность, но также изменяет самого себя. Нравственное воспитание, по Чернышевскому, — это не что иное, как подготовка активного гражданина, способного и готового защитить исторические, классовые и национальные интересы народа. У такого человека необходимо сформировать чувство долга, волевые качества, качества борца, дисциплинированность и трудолюбие. Нравственное воспитание Н. Г. Чернышевский трактовал несколько расширительно, включая в него политическое, интернациональное, трудовое и патристическое. Однако у него это оправданно сливалось в стремление к единой цели — формирование нового этического типа.

Большая заслуга Н. Г. Чернышевского и его идейных соратников именно в создании нового этического типа — революционера, сочетающего самоотверженность, высокий революционный энтузиазм и чистоту революционных принципов. Примером такого типа были целые поколения революционных борцов от А. Н. Радищева до большевиков-ленинцев, включая самого Н. Г. Чернышевского. Герои революционных романов Чернышевского стали нравственным примером для всех последующих поколений.

Программа нравственного воспитания Чернышевского основывалась на его революционно-демократической эти-

ческой теории. На этические воззрения Чернышевского повлияли народные моральные оценки и представления, нравственное сознание народа. Чернышевский утверждал, что выводы истинной науки и материалистической философии неизменно совпадают с нормами поведения и взглядами простолюдинов на труд, на долг патриота и гражданина, на справедливость, совесть, честность и т. д. В работе «Антропологический принцип в философии» он настаивает на научном обобщении народных представлений о нравственном, на создании науки о поведении и чувствах людей.

Применяя принцип причинности, Чернышевский дал объяснение объективным основам морали, освободил ее от субъективно-идеалистического толкования и сделал выводы о необходимости коренного общественного переустройства России. Не отрицая естественной детерминированности человеческих чувств и желаний, их обусловленности природно-биологической основой, Чернышевский и его соратники показали решающую роль среды как материальной основы, влияющей решающим образом на мораль. Даже антропологизм Н. Г. Чернышевского, страдающий целым рядом ошибочных положений, имел некоторые позитивные стороны: он был направлен против философского дуализма и идеализма, освобождал нравственность человека от религиозного дурмана и лицемерной проповеди аскетизма. По Чернышевскому, «разумный эгоизм» — это не что иное, как система убеждений, в которой личные интересы неизменно совпадают с общественными, становятся потребностями и побудительными мотивами общественно полезной деятельности человека. Революционные демократы первыми в домарксистской этике приблизились к научному пониманию нравственного идеала — это мыслящая и деятельная личность. Отражение такого понимания нравственного идеала мы находим в литературном и педагогическом наследии Н. Г. Чернышевского. И в этом непреходящая познавательная и воспитательная ценность педагогических работ Чернышевского.

Развивая на передовой этико-философской основе идеи нравственного воспитания, Чернышевский выделял в нем следующие основные положения:

1. Нравственное просвещение, считал Чернышевский, приносит народу и благосостояние, и могущество, и глубоко-

чайшее духовное наслаждение. Считая обучение одним из важнейших факторов воспитания, Чернышевский писал, что в процессе обучения у детей развивается интерес к знаниям, умение рассматривать предмет с разных сторон, формируется самостоятельная умственная деятельность. В романе «Что делать?», в статье «Размышление о преимуществе домашнего воспитания перед школьным» он проводит мысль о том, что от роста знаний меняются привычки, изменяется характер человека³.

2. Нравственное воспитание Чернышевский в определенной мере отождествлял с политическим, а «нравственные» науки считал синонимом общественных наук. Человек должен быть прежде всего воспитан политически: иметь твердые общественные убеждения, сознавать свой долг перед народом. Настоящий гражданин должен быть самостоятельным, решительным, сознательным, критически мыслящим. Воспитание должно начинаться с выработки у человека «хотения» совершить положительный поступок. Оно должно начинаться с мысли об общественных делах и интересах, с формирования системы политических убеждений, с потребности слить свою жизнь и свои интересы с интересами и жизнью народа. Чернышевский писал: «Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них»⁴. Человек благородного характера — это человек с активной гражданской позицией, неизменно готовый участвовать в гражданских делах.

3. Критерием нравственной зрелости должна стать практическая деятельность человека, именно на практике проявляется готовность человека служить народу.

4. Труд, по его мнению, может и должен стать одним из ведущих факторов нравственного воспитания, той формой движения, которая дает жизнь народу, его радостям, его отдыху. Человек, который не работает, подчеркивал Чернышевский, не может жить настоящей человеческой жизнью. Только труд способен смыть всю «фантастическую грязь», т. е. попираание личности, эксплуатацию. И только в новом обществе «...труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетво-

³ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 5—639.

⁴ Чернышевский Н. Г. Избр. пед. произв., с. 445.

ние физиологической потребности...»⁵. Чернышевский пророчески предсказывал возможность объединения трудовых усилий на общественных началах, радость коллективного труда. Люди с новой моралью — это люди, любящие труд.

5. Нравственное воспитание следует начинать с раннего возраста с непререкаемым учетом возрастных психологических особенностей ребенка. Чтобы сохранить нравственную чистоту, по мнению Чернышевского, не следует обманывать детей, необходимо приучать их к честности. В нравственном воспитании Чернышевский отводит большую роль личному примеру учителей и родителей, а также самообразованию и самовоспитанию. Он видел эффективность нравственного воспитания в том и тогда, когда оно осуществлялось целенаправленно.

Великие русские предшественники ленинизма внесли величайший вклад в развитие педагогической науки. И среди этих титанов мысли в первом ряду стоит Н. Г. Чернышевский — революционер, писатель, педагог. Идеи Н. Г. Чернышевского по вопросам нравственного воспитания сегодня успешно применяются в практике советской школы.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Е. А. КУКЛИНА

Каждая деталь в жизни и творчестве Н. Г. Чернышевского представляет собой огромную ценность для науки, поэтому все новые открытия и находки, сделанные в этом направлении сибиреведами, выходят за рамки краеведения, приобретая всеобщий интерес, ибо речь идет о всемирно известном писателе-революционере, чья деятельность отдана на благо всего человечества.

В советскую историографию прочно вошла книга сибирских историков М. В. Научителя, З. Т. Тагарова «Чер-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 609.

нышевский в Сибири» (Иркутск, 1969), в которой основательно и документированно представлен до сих пор мало изученный этап жизни и творчества революционера-демократа.

В исследованиях И. М. Романова подробно освещается жизнь Н. Г. Чернышевского в вилюйском заточении. Путем глубокого анализа источников, в том числе вновь найденных, автор доказывает, что и в сибирской неволе Н. Г. Чернышевский «мужественно и стойко боролся с каждым новым произволом царизма против него, с каждым новым отягчением в Вилюйске»¹. Исследователь показывает героическую негибаемость революционера, верность революционно-демократическим взглядам, постоянное стремление к постановке и развитию мировоззренческих проблем, что имеет принципиальное значение в утверждении прогрессивной концепции в науке.

В книге Н. С. Травушкина «Чернышевский в годы каторги и ссылки» (М., 1978) вводятся в научный оборот архивные, мемуарные, краеведческие материалы. Автор использует свои разыскания, предпринятые по изучению зарубежных изданий, иностранной печати, благодаря чему полнее раскрывается мировое значение деятельности русского писателя-демократа.

В последнее время появились интересные публикации, связанные с сибирским периодом жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. Они служат доказательством того, что и поныне остается немало ценных источников, не собранных и не изученных; очевидно, и впредь изыскатели будут находить памятники рукописного наследия писателя, новые документы и факты².

До сих пор идет процесс установления канонического текста ряда произведений Н. Г. Чернышевского на основе текстологических разысканий и исследований³.

¹ Романов И. М. Н. Г. Чернышевский в вилюйском заточении. Якутск, 1957; Он же. Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 годах. Якутск, 1958; Он же. К характеристике сибирского периода творчества Н. Г. Чернышевского.— Научные докл. высш. школы. Философские науки, 1975, № 3, с. 66—73.

² Любарский А. Новое о Чернышевском. (Документы о 7-летнем пребывании Н. Г. Чернышевского на Забайкальской каторге).— Дружба народов, 1966, № 5, с. 233—234; Донской Д. Могли ли уцелеть вилюйские рукописи Н. Г. Чернышевского?— Вопросы литературы, 1970, № 2, с. 184—188.

³ Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке. Тула, 1959; Он же.

Двадцатилетнее пребывание в Сибири (1864—1883) такой творчески активной личности, как Чернышевский, не могло не оставить глубокого следа в духовном развитии края, во многих областях науки и культуры, общественной жизни.

Одна из кардинальных и актуальных проблем состоит в изучении роли творчества Чернышевского в общественном движении Сибири, освободительной борьбе, в изучении характера и масштабов влияния самой личности революционера на сибиряков, в частности, в живом общении с ними, связях с политическими ссыльными.

Исследованиями сибиряков установлено, что Н. Г. Чернышевский пользовался огромным авторитетом и уважением местной общественности, а также среди политических изгнанников — польских повстанцев и каракозовцев. Один из аспектов изучения этой проблемы — выявление круга соратников и учеников Н. Г. Чернышевского в Сибири. В первую очередь историками названы такие имена, как Н. А. Серно-Селовьевич, В. А. Обручев, Я. Ушаков, Н. А. Григорьев, П. В. Лебединский, Ю. М. Мосолов, И. Я. Орлов, Л. Ф. Пантелеев⁴.

В конкретных исследованиях обнаруживаются новые связи. Так, Б. Г. Кубалов установил имена поляков-повстанцев 1863 г. и французов-добровольцев польского восстания: это доктор С. Стецевич, К. Рапацкий, а также историк одного из парижских лицеев — француз Э. Андреоли, осужденный за участие в гарибальдийском отряде на 12 лет каторжных работ⁵. На Нерчинских рудниках (в Кадае) вместе с Чернышевским были А. Венанцио, Л. Кароли. И это далеко не полный перечень живых связей сибирского узника. «Общность политических и со-

Пезаконченный роман Н. Г. Чернышевского «Алфёрьев». — Русская литература, 1963, № 1, с. 123—133; Рейсер С. А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975, с. 782—833; Иванов А. Языком аллегории. О пьесах писателя, написанных в период сибирской ссылки. — Театральная жизнь, 1978, № 14, с. 12—13; Демченко А. Чернышевский продолжается. — Литературное обозрение, 1978, № 6, с. 11—14.

⁴ История Сибири, т. 3. Л., 1968, с. 112.

⁵ Кубалов Б. Г. Французы-добровольцы польского восстания 1863 г. и общественность Красноярска. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 213—220.

циальных воззрений, а также интерес к литературе и частые беседы о творчестве великих писателей Запада и России прочно скрепили дружбу этих людей»⁶.

Традиционным в науке о Чернышевском стало изучение попыток его освобождения из сибирской каторги, выявляются новые детали и подробности, вырабатывается более четкая систематизация фактов и событий⁷. В деле освобождения Чернышевского прослеживается в основном два направления: были легальные, и тоже неудачные, попытки освободить его официальным путем, но главные силы, естественно, сосредоточивались в организации нелегального побега.

Резонанс распространился по всей Сибири. Известно, например, что Омской следственной комиссии пришлось заняться выяснением лиц, причастных к заговору освобождения Н. Г. Чернышевского⁸, среди ссыльных и местных жителей Томска, Тобольска, Омска и Ялуторовска.

В традиционном сюжете исследователи увидели новые грани, они раскрываются в связях инициаторов освобождения и их участников с местными организациями, сибирскими общественными деятелями. Движение было гораздо шире, чем представлялось прежде, усилия прилагались на подготовленной почве⁹.

В попытках освобождения Н. Г. Чернышевского участвовали А. П. Шапов, Н. И. Наумов, С. С. Шашков, М. В. Загоскин, многие местные жители, ссыльные поляки.

Исследования показали, что тесные связи на сибирской земле русских и польских организаций получили развитие в их практической деятельности в 1864—1866 гг. как в Европейской России, так и в Сибири, что выражалось не только в общих замыслах освобождения Н. Г. Чер-

⁶ Кубалов Б. Г. Из сибирских встреч Н. Г. Чернышевского.— Исторический архив, 1961, № 3, с. 284.

⁷ Клейн Б. Освобождение Чернышевского (о неудачных попытках освободить Н. Г. Чернышевского из каторги в Забайкалье. 1864—1871).— Неман, 1977, № 9, с. 156—178; Троицкий Н. А. Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского.— Вопросы истории, 1978, № 7, с. 121—141.

⁸ История Сибири, т. 3, с. 149.

⁹ Коваль С. Ф. К истории первого заговора освобождения Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.— февраль 1917 г.), вып. 1. Иркутск, 1973, с. 3—20; и др.

нышевского, но и Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Михайлова, в помощи политическим ссыльным.

Сибирскими и польскими историками найдены материалы, характеризующие непререкаемый авторитет Чернышевского в революционной ситуации, которая сложилась в Сибири в период подготовки и проведения кругобайкальского восстания 1866 г.

Канско-Красноярская организация по предложению Н. А. Серно-Соловьевича, верного соратника-единомышленника Н. Г. Чернышевского, достигла соглашения о совместном (русско-польском) революционном выступлении в Сибири, вплоть до создания здесь республики «Свободославия» с Временным революционным правительством, состоящим из Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Михайлова и Ю. Огрызко. Командующим вооруженными силами восстания назначен был В. Левандовский¹⁰.

В трудах сибирского историка С. Ф. Ковалья¹¹ на конкретных примерах показана роль Н. Г. Чернышевского в освободительном движении, в общественной борьбе на земле сибирской. Доказывается, что революционно-демократическая идеология А. П. Щапова, ее формирование и укрепление шло под влиянием А. И. Герцена и Н. П. Огарева и, конечно, Н. Г. Чернышевского.

Аргументированно утверждается, что в основе идеологии и тактики сибирской организации Ядринцева — Потанина лежат общие положения революционно-демократической программы, разработанной А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и их последователями¹².

Исследования сибирских историков показали, что как ни старались царские власти добиться полной изоляции Чернышевского, это им не удавалось.

Доказательством осведомленности писателя в происходящем, в состоянии науки и искусства, общественной жизни является содержание дошедших до нас произведений, созданных Чернышевским в сибирской неволе. В них

¹⁰ Евсевицкий В. В сибирской ссылке. Варшава, 1959, с. 93—94 (на польск. яз.); Коваль С. Ф. За правду и волю. Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966, с. 88—89.

¹¹ Коваль С. Ф. Польские повстанцы 1863 г. в Сибири. Тезисы науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск. 1960; Восстание 1863 г. и русско-польские связи 60-х годов. М., 1960; и др.

¹² История Сибири, т. 3, с. 147, 160.

нашли отклик такие важные события, как Парижская Коммуна, хотя в официальных печатных органах России информация о Французской революции если и появлялась, то в искаженном виде, но даже в такой форме охранники стремились не пропустить подобных сведений до своего узника.

Как ни стремились каратели предать забвению имя великого русского революционера, ужесточая меры наказания за память о нем, прогрессивная общественность считала его знаменем освободительного движения, передовой общественной мысли.

Несмотря на строгие запреты властей, огромной популярностью в Сибири, на отсталой царской окраине, пользовались публицистические произведения Чернышевского, его роман «Что делать?».

Новый период развития литературы в Сибири, 70—80-е годы XIX в., открывается творчеством трех замечательных последователей школы Добролюбова — Чернышевского. Это писатели-сибиряки И. В. Федоров-Омулевский, И. А. Куцевский и Н. И. Наумов.

Вслед за Чернышевским автор романа «Шаг за шагом» (1870) провозглашает социалистические идеалы, создает образ положительного героя-революционера, несущего веру в торжество свободы и разума. Это произведение имело огромный успех среди революционной молодежи. Его воспитательное влияние приравнивается к роли романа «Что делать?». Роман И. В. Федорова-Омулевского, написанный в традициях Чернышевского, интересен и как первая попытка изобразить революционное движение в Сибири, создать образ рабочего — сибиряка, показать одно из ранних проявлений рабочего движения на сибирских предприятиях. Революционная интеллигенция в романе И. В. Федорова-Омулевского — активная действенная сила, связанная с народом, защищающая его интересы.

Созвучен с лучшими произведениями писателей демократического направления и в первую очередь Н. Г. Чернышевского роман И. А. Куцевского «Николай Негорев или благополучный россиянин» (1871).

Поиски путей преобразования социальной действительности, обличение реакционных сил, горячая любовь к угнетенному народу, неустанная забота о судьбе русского крестьянства, — все это питало творчество сибирского пи-

сателя Н. И. Наумова, горячего приверженца революционно-демократических идей Н. Г. Чернышевского.

Таким образом, можно говорить о «школе Чернышевского» в литературе Сибири, хотя до сих пор еще не определено в полной мере его влияние на развитие духовной жизни края, в том числе и на литературу.

Репрессии царского правительства против Чернышевского нанесли большой ущерб общественности России, ее духовному развитию. Значительная часть сибирских произведений Чернышевского до 1906 г. (времени их первой публикации) была известна лишь узкому кругу специалистов, а роман «Отблески сияния» — до 1949 г., т. е. до тех пор, когда его не включили в XIII том полного собрания сочинений.

И в Сибири Н. Г. Чернышевский непрерывно работал, хотя условия его заточения мало способствовали творчеству. Труд его был подлинным героизмом, рождение каждого произведения — подвигом. Трагизм положения заключался еще в том, что автор не имел возможности обнародовать, опубликовать свои творения, за редким исключением. Кроме того, часть из написанного в сибирском заточении затерялась, некоторые рукописи писатель вынужден был уничтожить, и все-таки ряд произведений, хотя отдельные из них и в неполном виде, сохранились. Еще при жизни писателя был опубликован роман «Пролог», законченный в 1870 г. на Нерчинской каторге; сохранился уже упомянутый здесь роман «Отблески сияния», повесть «История одной девушки» («Тихий голос»), рассказ «Потомок Барбаруссы», наброски цикла рассказов «Академия Лазурных гор»; пьесы «Драма без развязки» («Другим нельзя»), «Великодушный муж», «Мастерица варить кашу» и др.

В последнее время заметно повысился интерес исследователей к неоконченному роману Чернышевского «Отблески сияния», и не случайно. Проблематика его характеризует Чернышевского как мыслителя и ученого, общественного деятеля, стремящегося привлечь внимание современников к актуальным вопросам науки, культуры, общественной жизни в России и за рубежом. Значение этого произведения выходит за рамки биографического факта, как было принято считать раньше. Хотя существует мнение, что «среди произведений, написанных Н. Г. Чернышевским в Сибири, наиболее значительным,

после «Пролога», является повесть «История одной девушки»¹³. Безусловно, есть основания для такого утверждения, но это не исключает важности и значимости других произведений, в том числе и романа «Отблески сияния».

Точных данных о времени его создания нет. Предполагается, что писатель работал над ним в основном в 1882 г., а начал не раньше второй половины 1879 г.¹⁴

Этот роман, созданный в годы жестокой реакции в России 80-х годов XIX в., несет смелые передовые идеи, сохраняя преемственность с прежними произведениями писателя («Вообще, то, что я пишу, связано (выделено мною. — Е. К.) — один роман с другим, другой с третьим»...—,¹⁵ признавался Н. Г. Чернышевский в одном из своих писем к жене.), намечая линии дальнейшего развития сквозных тем, сюжетов, идей.

Однако, существует и другая точка зрения: «Надо и то сказать: произведения, которые дошли до нас из времен вилюйской ссылки, — и «Гимн деве Неба», и «Отблески сияния» — резко отличаются от всего, что писал Чернышевский раньше. Трудно представить себе, что эти вещи писаны автором «Что делать?» и «Пролога». Система глухой изоляции, которую обеспечивала ссылка в Вилюйск, все-таки давала себя знать»¹⁶.

Безусловно, карательные меры правительства против Чернышевского причинили ему, как писателю, во многом непоправимый вред, но тем ценнее для нас те успехи и достижения, которых он добился в тяжелейших условиях. Нельзя согласиться с мнением, что эти-де произведения недостойны пера Чернышевского и разговора ученых.

Главной особенностью почти всех сибирских произведений Чернышевского, в том числе и романа «Отблески сияния», является их усложненный аллегоризм, своеобразный «эзопов стиль».

Справедливо отмечено, что «многое в стиле, композиции (подчас умышленно усложненной) и содержании

¹³ Коновалов В. Н. Неопубликованный отрывок из повести Н. Г. Чернышевского «История одной девушки». — Русская литература. 1970, № 2, с. 125.

¹⁴ Скафтымов А. П. Текстологические комментарии. — См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 915.

¹⁵ Там же, с. 887.

¹⁶ Тмарченко Г. Е. Чернышевский-романист. Л., 1976, с. 454—455.

некоторых романов, повестей и прочих беллетристических опытов Чернышевского сибирского периода объясняется тем, что писатель, оставшийся верным своим убеждениям, пытался свой призыв к революции облечь в форму бесед» как бы о посторонних предметах (ср. характерное признание Н. Г. Чернышевского; «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах...») ¹⁷.

Параллелизм, сложная система изложения, маскировка, завуалированная нелегальность начинаются с эпиграфа, с первых строк романа, с его символического названия, с тех заголовков, которые даны частям произведения. Так, в эпиграфе рядом со строфой Шиллера, посвященной появлению ослепительной красавицы на балу, помещены стихи Гете, где заключен глубокий философский смысл, таящий обобщенную оценку истории, ее прогресса, ее развития.

Название «второго отдела» романа «Общий эскиз фантазий на мотивы были» говорит о многоплановости его содержания: мечта и реальность.

Символический смысл заглавия романа «Отблески сияния» глубже воспринимается на фоне неоднократного упоминания на страницах произведения Парижской Коммуны, попыток выразить солидарность этим пролетарским революционерам.

В «отблесках сияния» революционных идеалов отчетливее видны общественные пороки, мешающие счастью человека, тормозящие прогресс, развитие демократии; в «отблесках сияния» еще дороже те крупинки здорового, благородного начала, которые таятся в людях, раскрываются в душе самоотверженных подвижников освободительного движения.

Используя достижения предшественников в изучении романа Н. Г. Чернышевского «Отблески сияния», В. О. Осипов ¹⁸ провел ценные наблюдения и сопоставления, чтобы обратить внимание на попытки русского революционера-демократа пайти нити связи и преемственности русского освободительного движения с идеалами и опытом Парижской Коммуны, стремление создать образ

¹⁷ См.: Скафтымов А. П. Указ. соч., с. 836.

¹⁸ Осипов В. О. Дополнение к трем биографиям. М., 1977, с. 3—15.

своего соотечественника — участника Французской революции. В «отблесках сияния» идеалов Парижской Коммуны писатель прозорливо предсказывал перспективы дальнейшего развития освободительного движения в России.

Исследователи подчеркивают, что среди персонажей романа впервые в литературе того времени даны образы фабричных рабочих-революционеров.

Борясь за идеалы революции, Чернышевский непримиримо обличал какие бы то ни было проявления идеализма в общественной мысли, которые могли бы повредить освободительному движению. На этот раз Чернышевский непримиримо опровергал модную теорию «дарвинистов-социологов», выступал против неоправданного, механического перенесения биологической теории (объясняющей жизнь природы) на человеческое общество.

Публицистический, общественно-философский, просветительский роман Чернышевского «Отблески сияния» — произведение многоплановое и многопроблемное. Если применить термин А. В. Луначарского, его можно классифицировать как роман «интеллектуальный». Это неоконченное сибирское сочинение, кроме уже названных проблем, обращается к другим, не менее важным вопросам. Верный себе, Чернышевский и здесь говорит об эмансипации женщин, о семье и браке, о любви; о преимуществах трудовой коммуны, выступает против дискриминации профессий, их искусственного разделения на «низкие» и «престижные», не обходит вниманием и эстетические проблемы.

Таким образом, уже немало сделано советскими учеными в области изучения сибирского наследия Чернышевского, однако впереди предстоит еще большая работа не только в осмыслении проблематики беллетристических произведений, но и в изучении их своеобразной поэтики, жанровых особенностей, композиции.

ВЛИЯНИЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО НА РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ БЕЛОРУССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В. М. КОНОН, *канд. филос. наук*

Во второй половине XIX в. в Белоруссии сложилась социально-политическая, интеллектуальная и лите-

ратурно-художественная ситуация, благоприятная для восприятия и национально своеобразной интерпретации литературно-критического и эстетического наследства русских революционных демократов, особенно В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Теоретически обоснованные ими принципы реализма, народности, классовой сущности искусства были чрезвычайно перспективными для возрождающейся культуры народа, боровшегося за свое социальное освобождение и национальное самоопределение. Новая белорусская литература и другие виды профессионального искусства, сформировавшиеся на протяжении всего XIX и начала XX в. в условиях враждебного политического и идеологического противодействия со стороны трех господствующих в крае сил — буржуазно-помещичьей польской культуры, русского царизма и местных денационализированных слоев общества (преимущественно чиновничества, средней буржуазии и кулачества) — с самого начала возникли в качестве элементов демократической культуры, ориентирующейся на крестьянство. Для такого рода культуры возможность творческого развертывания могла создать только общедемократическая революция в духе идей А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, которая ликвидировала бы все пережитки крепостничества, в том числе в области национальных отношений.

Социально-политический радикализм, философский материализм и революционно-демократическая эстетика Н. Г. Чернышевского объективно становились наиболее адекватной идеологической предпосылкой, способствующей созданию национальных духовных ценностей демократического содержания.

Однако существовали факторы, препятствовавшие широкому распространению идей и произведений русских революционных демократов в Белоруссии, особенно до середины 80-х годов XIX в., когда здесь в результате дискриминационной политики царизма не было не только легальной национальной прессы, но и частных русских газет демократического и даже либерально-буржуазного направления. Все попытки создать национальную прессу и белорусское книгопечатание до революции 1905 г. решительно отклонялись царизмом, усматривавшим в национально-культурном возрождении белорусов и украинцев «сепаратистские тенденции», направленные

якобы на раскол «литературного, а следовательно, и национального единства русского народа»¹. Белорусские книги (сборники стихов основоположников новой белорусской литературы В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, Янки Лучины, народнические брошюры и др.) издавались небольшими тиражами или путем маскировки под народно-этнографическую литературу фольклорного типа, или за границей.

Влияние русских революционных демократов на белорусскую литературу обуславливалось единым типом мировоззрения, характерным как для В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, так и для основоположников белорусского национального возрождения, — крестьянско-утопическим социализмом, политическим радикализмом, критическим реализмом и народным гуманизмом.

Исследователи истории общественно-политической мысли Белоруссии вполне обоснованно пишут о несомненном влиянии Н. Г. Чернышевского и направляемого им журнала «Современник» на основоположника белорусской революционно-демократической публицистики, одного из наиболее радикальных вождей антифеодального и национально-освободительного восстания 1863 г. в Польше, Белоруссии и Литве К. Калиновского (1838—1864), издававшего накануне и в период восстания первую нелегальную газету на белорусском языке под названием «Мужыцкая праўда»².

В ней была выдвинута социально-политическая революционная программа, исходные идеи которой весьма близки к политической программе Н. Г. Чернышевского, за исключением специфически национальных требований. Газета К. Калиновского не только по идейному содержанию, но и по стилю обнаруживает явное сходство с образцами тогдашней русской подпольной литературы и прежде всего с известной прокламацией Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (1861)³. Можно предположить, что, приступая к изданию «Мужыцкай праўды», К. Калиновский использовал

¹ ЦГИА, ф. 776, оп. 24, ч. 1, д. 306.

² Лушчыцкі Н. І. Парысы по гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку Мінск, 1958, с. 171—255.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 517—524.

литературно-политический опыт Н. Г. Чернышевского — задуманную беседу с крестьянством на его простом, общедоступном языке. Это тем более вероятно, что через своего соруководителя по восстанию 1863 г. польского революционера Зигмунда Сераковского (1826—1863), друга Н. Г. Чернышевского, он имел возможность познакомиться с произведениями и мировоззрением русского революционного демократа.

Национально своеобразная белорусская революционно-демократическая эстетика сложилась в конце XIX — начале XX в. в литературно-публицистическом творчестве белорусских писателей и мыслителей Франтишка Богушевича, Янки Купалы, Якуба Коласа, Элоизы Пашкевич (Тетки) и Максима Богдановича. Хотя в их произведениях не содержится прямых ссылок на труды Н. Г. Чернышевского, однако типологически-сравнительный анализ их мировоззрения дает основание говорить о некоторых принципиально важных общих теоретических предпосылках, характерных как для эстетики русского революционного демократа, так и для основоположников и классиков новой белорусской литературы. Это прежде всего принципы критического реализма, ориентация на социально-классовую природу эстетического вообще и художественного творчества в особенности, крестьянский демократизм и элементы утопического социализма, нацеленность на воспроизведение социальных противоречий, критика дворянского эстетизма, концепции «чистого искусства» и вообще всех элитарных концепций художественного творчества. Известное просветительское в лучшем значении этого слова положение Н. Г. Чернышевского об искусстве как «учебнике жизни», как «приговоре» над явлениями жизни стало важнейшим эстетическим кредо белорусских революционных демократов⁴.

Вместе с тем белорусская революционно-демократическая эстетика в силу своеобразия социально-исторических условий её формирования и специфических задач национально-культурного возрождения, постановку которых взяла на себя в то время белорусская литература,

⁴ См.: Дорощевич Э. и Конон Вл. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. М., 1972, с. 171—298; Конон В. М. Демократическая эстетика Белоруссии. Минск, 1971; Майхрович А. С. Белорусские революционные демократы. Минск, 1977.

по целому ряду аспектов выходит за рамки эстетической системы, сформулированной Н. Г. Чернышевским. Это относится прежде всего к оценке субординационных соотношений в системе: *искусство и реальная действительность, прекрасное в искусстве и прекрасное в действительности*. Для русской социально-национальной реальности и художественной культуры эпохи Чернышевского романтическая трактовка искусства как важнейшего фактора формирования национального бытия была уже преодолена. Лидер русской революционной демократии явно отдавал предпочтение социальному действию, а не художественному творчеству, бытию, а не искусству. Более того, в его основном труде по эстетике имеются известные односторонние выводы, а также отчасти игнорирование специфики эстетического в искусстве, взгляд на искусство как своего рода «копию» или даже «суррогат» реальной действительности.

В иной социально-национальной ситуации до Великой Октябрьской социалистической революции протекала деятельность лидеров белорусской революционной демократии Ф. Богушевича, Янки Купалы и Якуба Коласа. Их творчество еще только формировало национальное сознание народа, выступало важнейшим фактором национального самоопределения. Развернутое «бытие» национальной культуры выступало тут, скорее, в качестве проблемы, которую еще предстояло решить. В таких условиях в структуре эстетической мысли Белоруссии конца XIX — начала XX в. большое место занимала романтическая концепция искусства как важнейшего фактора, формирующего нацию, национальное самосознание и национальную культуру. В эстетических взглядах белорусских революционных демократов отчетливо проявляется дихотомия между идеально-прекрасным, возвышенным миром искусства и безобразно-низменно-комической социальной реальностью. Ф. Богушевич, Янка Купала, Якуб Колас и отчасти М. Богданович в своем творчестве отчетливо противопоставляют красоту нераскрытых народных ценностей (фольклор, лучшие традиции народного быта, народную культуру вообще) и безобразно-низменную сущность наличного социально-политического бытия. Отсюда две диалектические противоречивые тенденции их творчества — с одной стороны, утверждение величия трудового народа, красоты его при-

родного и социально-культурного бытия, его социально-национальной активности и, с другой стороны, страстное отрицание безобразно-низменно-комической социально-политической реальности, препятствующей раскрытию творческих сил народа. На этой основе возникла чисто романтическая идея жизнетворческой миссии демократического искусства, долженствующего целиком перестроить жизнь на идеальных началах. Речь идет, таким образом, не о принижении искусства сравнительно с реальной жизнью, а скорее о романтическом преувеличении его спасительной миссии.

Таким образом, влияние Н. Г. Чернышевского на собственно белорусскую национальную эстетическую мысль конца XIX — начала XX в. было сложным, противоречивым, скорее опосредованным наличным социально-национальным бытием Белоруссии, чем прямым, непосредственным заимствованием.

Однако с середины 80-х годов XIX в. появилась возможность прямого влияния русской эстетики и литературно-художественной критики на общественную мысль в Белоруссии. Дело в том, что именно в это время здесь возникла частная русская пресса либерально-буржуазного, а позже, в период революции 1905—1907 гг., и радикально-демократического направления, имевшая литературно-критический отдел и пропагандировавшая реалистические традиции русской художественной культуры в Белоруссии. Наиболее долговечной из такого рода газет был «Минский листок» (1886—1902), преобразованный позже в более обширную общественно-политическую и литературную газету «Северо-Западный Край» (1902—1905), которая в революционный 1905 год была использована местной организацией РСДРП в качестве своей идеологической трибуны. На страницах газеты печатались статьи В. И. Ленина («Маркс об американском „черном пределе“» под новым названием «Историческая справка по аграрному вопросу», «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» под новым названием «Марксизм и неонародничество» и др.), статья Я. М. Свердловва «Что такое рабочая партия?» и др.⁵ Газета перепечатала философско-критическое исследование Л. И. Ак-

⁵ Рожин Н. В. Газета «Северо-Западный Край». Очерк общественно-политической, философской и эстетической позиции. 1902—1906 гг. Минск, 1970, с. 56, 79, 80.

сельрод (Ортодокс) «О проблемах идеализма», в котором соратница Г. В. Плеханова опровергала идеалистическую философию и эстетику Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и других бывших «легальных марксистов», противопоставив их мистико-идеалистическим концепциям эстетику «русской передовой литературы, хранившей истинно революционные традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова»⁶.

Критический отдел газет «Минский листок» и «Северо-Западный Край» формировался под очевидным влиянием русской пародической критики, через посредничество которой местные публицисты познакомились с ее важнейшим теоретическим источником — эстетикой В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Материалистическая эстетика Н. Г. Чернышевского рассматривалась ими как явление эпохального значения, направившее отечественную литературу по пути последовательного критического реализма. Постоянный сотрудник и литературный обозреватель минской демократической прессы Д. Д. Бохан писал в одной из программных статей: в 60-е годы XIX в. «прежнее отношение к эстетике и искусству, рассматриваемому исключительно сквозь призму прекрасного..., сменилось новым, более разумным и широким взглядом на искусство и действительность. Когда на литературную арену выступил Чернышевский со своим трудом „Эстетические отношения искусства к действительности“, за ним Добролюбов, Писарев и целая созданная этими писателями школа реалистического понимания искусства, — только тогда сфера искусства была сильно расширена, за ним было признано более глубокое значение, так как в самое понятие искусства было включено не одно эстетическое созерцание окружающих нас явлений, но и художественное воспроизведение реальной, действительной жизни»⁷.

Отстаивая принципы реализма, подчеркивая социальные функции искусства, акцентируя внимание своих читателей на общественной обусловленности его содержательной и формально-художественной структуры, сотрудники прогрессивных минских газет нередко ссылались на основоположников русской революционно-

⁶ Северо-Западный Край. 1904, № 756.

⁷ Минский листок, 1900, 8 октября.

демократической эстетики, обосновавших и утвердивших защищаемые этими газетами литературно-художественные позиции. Вместе с тем периодическую печать Белоруссии конца XIX — начала XX вв. (до 1906 г.), рассматривавшую самое себя как провинциальную прессу, не претендующую на оригинальность и национальное своеобразие, отличает налет известного эпитонства, а иногда и упрощенчества. Так, например, публицисты «Минского листка» не смогли творчески развить плодотворные тенденции философской концепции Н. Г. Чернышевского, элементы диалектического подхода к категориям эстетики, некритически восприняли его односторонние выводы, обусловленные полемической заостренностью его концепции соотношения фантазии и действительности, искусства и реальной жизни против гегелевского идеализма. Тем не менее даже в таких односторонних выводах содержалась важная относительная истина, утверждающая причинно-следственную зависимость искусства от общественной жизни.

Реминисценции известных положений Н. Г. Чернышевского о соотношении фантазии и жизни обнаруживаются во многих высказываниях местных прогрессивных литераторов, например в следующем рассуждении анонимного автора «Журнально-литературных заметок»: «Фантазия, творчество, талант действует в комбинировании и в создании обстановки, в самом же содержании, в мотивах произведения они ни при чем. Это — банальная истина, впервые провозглашенная на русском языке В. Г. Белинским, развитая и дополненная позднейшими критиками и ныне принятая всеми учебниками литературы. Следовательно, богатство, разнообразие содержания литературы находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия самой жизни. И если эта последняя отличается крайней бедностью и пустотой, то чего-де нам требовать от литературы, которая есть, как я сказал, только своеобразное ее отражение»⁸.

В газете «Северо-Западный Край» Н. Г. Чернышевский характеризовался как выдающийся философ, эстетик и литературный критик, теоретик реализма, оказавший глубокое влияние на литературу и общественную мысль России. На страницах этого издания печатались

⁸ Минский листок, 1889, № 77—78.

различные материалы о его жизни и творчестве, в том числе стихотворение близкого к местной социал-демократической организации политического обозревателя прогрессивных минских газет А. Аннекштейна под названием «Памяти Чернышевского»⁹.

В 1905—1910 гг. под влиянием освободительной волны первой русской революции в Белоруссии начался настоящий «газетный бум». Среди множества изданий появилось несколько общественно-политических и литературных газет демократического направления, оппозиционных по отношению к царизму («Голос провинции», «Окраина», «Минский курьер», «Полесье» и др.). В их литературно-критических отделах отчетливо просматриваются традиции В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, в том числе прямые ссылки на их мысли.

Современные исследователи общественно-политической и философской мысли Белоруссии раскрывают многообразные связи демократической эстетики Белоруссии с реалистическими и революционными традициями русских революционных демократов¹⁰.

⁹ Северо-Западный Край, 1904, № 581.

¹⁰ См.: **Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии**. Минск, 1973; **Очерки истории марксистско-ленинской философии в Белоруссии**. Минск, 1968; **Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии (дооктябрьский период)**. Минск, 1977; **Розенфельд У. Д. Н. Г. Чернышевский. Становление и эволюция мировоззрения**. Минск, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I	
Н. Г. Чернышевский и его место в развитии философской мысли	7
<i>М. Г. Федоров</i> , д-р филос. наук. Н. Г. Чернышевский. Идеи-ная борьба вокруг духовного наследия великого мыслителя	—
<i>А. Н. Пекарник</i> , В. И. Ленин и Н. Г. Чернышевский	25
<i>К. Н. Любутин</i> , д-р филос. наук, <i>Б. В. Емельянов</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский и Л. Фейербах	31
<i>Ю. Е. Ануфриев</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский и «веховство»	42
<i>Н. Н. Винокурова</i> , канд. филос. наук, <i>П. С. Шкуринов</i> , д-р филос. наук. Философский материализм Н. Г. Чернышевского	50
<i>П. И. Моисеев</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский о преемственности в философии	58
<i>В. С. Никоненко</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский о роли практики в познании	62
<i>Р. Т. Яровикова</i> , канд. филос. наук. Проблема взаимосвязи и взаимодействия наук в творчестве Н. Г. Чернышевского	66
<i>А. Т. Москаленко</i> , д-р филос. наук. Н. Г. Чернышевский о роли естествознания в формировании материалистического мировоззрения	72
<i>А. Л. Симанов</i> , канд. филос. наук. Естественнонаучные взгляды Н. Г. Чернышевского	77
<i>М. З. Малышева</i> , канд. филос. наук. Философские проблемы естествознания в трудах Н. Г. Чернышевского	84
Раздел II	
Проблемы социологии, истории и экономического учения в трудах Н. Г. Чернышевского	
<i>Л. Г. Олез</i> , д-р филос. наук. На пути от утопического к научному социализму	90
<i>И. Я. Дьяков</i> , д-р филос. наук. Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский и современность	99

<i>Г. А. Антипов</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский о гносеологических и социальных аспектах исторического знания	115
<i>А. И. Уваров</i> , д-р филос. наук. Исторический опыт и его понимание Н. Г. Чернышевским	122
<i>И. В. Наливайко</i> . Значение исторической концепции Н. Г. Чернышевского для формирования научного мировоззрения личности	128
<i>Е. И. Миронов</i> . Вопросы теории прогресса в работах Н. Г. Чернышевского	135
<i>Г. М. Коростелев</i> , д-р филос. наук. Н. Г. Чернышевский и теория народонаселения	141
<i>В. Я. Баркалов</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский и П. Л. Лавров о роли народных масс и личности в истории	146
<i>Р. А. Башмакова</i> , канд. филос. наук, <i>Б. В. Емельянов</i> , канд. филос. наук. Проблема личности в социологии Н. Г. Чернышевского	152
<i>И. А. Носова</i> . Н. Г. Чернышевский о мотивах человеческой деятельности (в письмах к сыновьям, 1876—1878 гг.)	160
<i>В. И. Поскотина</i> , канд. филос. наук. Политические взгляды Н. Г. Чернышевского	165
<i>Б. И. Парфулин</i> . Критика Н. Г. Чернышевским буржуазной демократии и ее современные защитники	175
<i>Ю. Д. Мишин</i> , канд. филос. наук. Социалистическая концепция Н. Г. Чернышевского и ее влияние на революционную мысль России 70-х годов XIX в.	178
<i>И. П. Мусаткин</i> , канд. ист. наук. Н. Г. Чернышевский о русской общине	184
<i>И. П. Путилов</i> . Г. В. Плеханов о социалистических воззрениях Н. Г. Чернышевского	192
<i>Ю. Ю. Вейнгольд</i> , д-р филос. наук. Н. Г. Чернышевский о некапиталистическом пути развития	198
<i>П. Н. Гуйван</i> , канд. филос. наук. Некоторые методологические аспекты анализа Н. Г. Чернышевским материального производства	204
<i>И. М. Мусатов</i> , канд. экон. наук. Н. Г. Чернышевский как создатель политэкономии трудящихся	209
<i>В. Л. Лившиц</i> . Н. Г. Чернышевский о труде, его месте и роли в жизни общества	215
<i>А. И. Голубев</i> . Н. Г. Чернышевский об общественной ценности труда	219

Раздел III

Этические и эстетические идеи Н. Г. Чернышевского и современность

<i>О. П. Целикова</i> , д-р филос. наук, <i>М. Н. Пеунова</i> , канд. филос. наук. Этика Н. Г. Чернышевского и современность	224
<i>В. П. Конев</i> . В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский об отношениях искусства и исторической науки	240

<i>Г. С. Алексентьев</i> , канд. филос. наук. К вопросу об эстетических принципах Н. Г. Чернышевского	248
<i>В. С. Ежов</i> . К анализу антропологического принципа Н. Г. Чернышевского в эстетических воззрениях	254
<i>В. С. Корниенко</i> , д-р филос. наук. Учение Н. Г. Чернышевского о прекрасном в свете марксистско-ленинской эстетики	259
<i>Л. Б. Подгорный</i> . Н. Г. Чернышевский о гносеологической функции художественной правды	267
<i>А. П. Горжун</i> . Атеистические взгляды Н. Г. Чернышевского	273
<i>Н. А. Костенко</i> , канд. филос. наук. Н. Г. Чернышевский о нравственном содержании атеизма	279
<i>В. Г. Томилов</i> , канд. филос. наук. К вопросу о наследии Н. Г. Чернышевского сибирского периода	287
<i>О. Д. Олейникова</i> . К вопросу о сочетании социологического и философско-эстетического анализа в литературной критике Н. Г. Чернышевского	293
<i>О. А. Бембель</i> . Н. Г. Чернышевский и проблема национального в духовной культуре	305
<i>Г. Г. Ануфриев</i> . Н. Г. Чернышевский о роли мировоззрения в художественном творчестве	311
<i>Б. В. Чмызало</i> . Н. Г. Чернышевский о литературе Сибири	320
<i>С. И. Гимпель</i> , канд. филол. наук. «Вилуйский узник» (Образ Н. Г. Чернышевского в пьесе А. Ольхона)	323
<i>Б. М. Юдалевич</i> , канд. филол. наук. Традиции Н. Г. Чернышевского в советской критике	333
<i>Е. Я. Березина</i> , канд. пед. наук, <i>Н. Б. Евтух</i> , канд. пед. наук. Педагогическое наследие Н. Г. Чернышевского и современная школа	340
<i>Е. А. Куikliна</i> . Проблемы изучения сибирского наследия Н. Г. Чернышевского	347
<i>В. М. Конон</i> , канд. филос. наук. Влияние Н. Г. Чернышевского на развитие эстетической мысли Белоруссии конца XIX — начала XX в.	356

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Ответственный редактор
Алексей Павлович Окладников

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства *В. И. Смирнова*
Художник *Н. А. Пискун*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*
Корректоры: *С. В. Блинова, В. А. Князева*

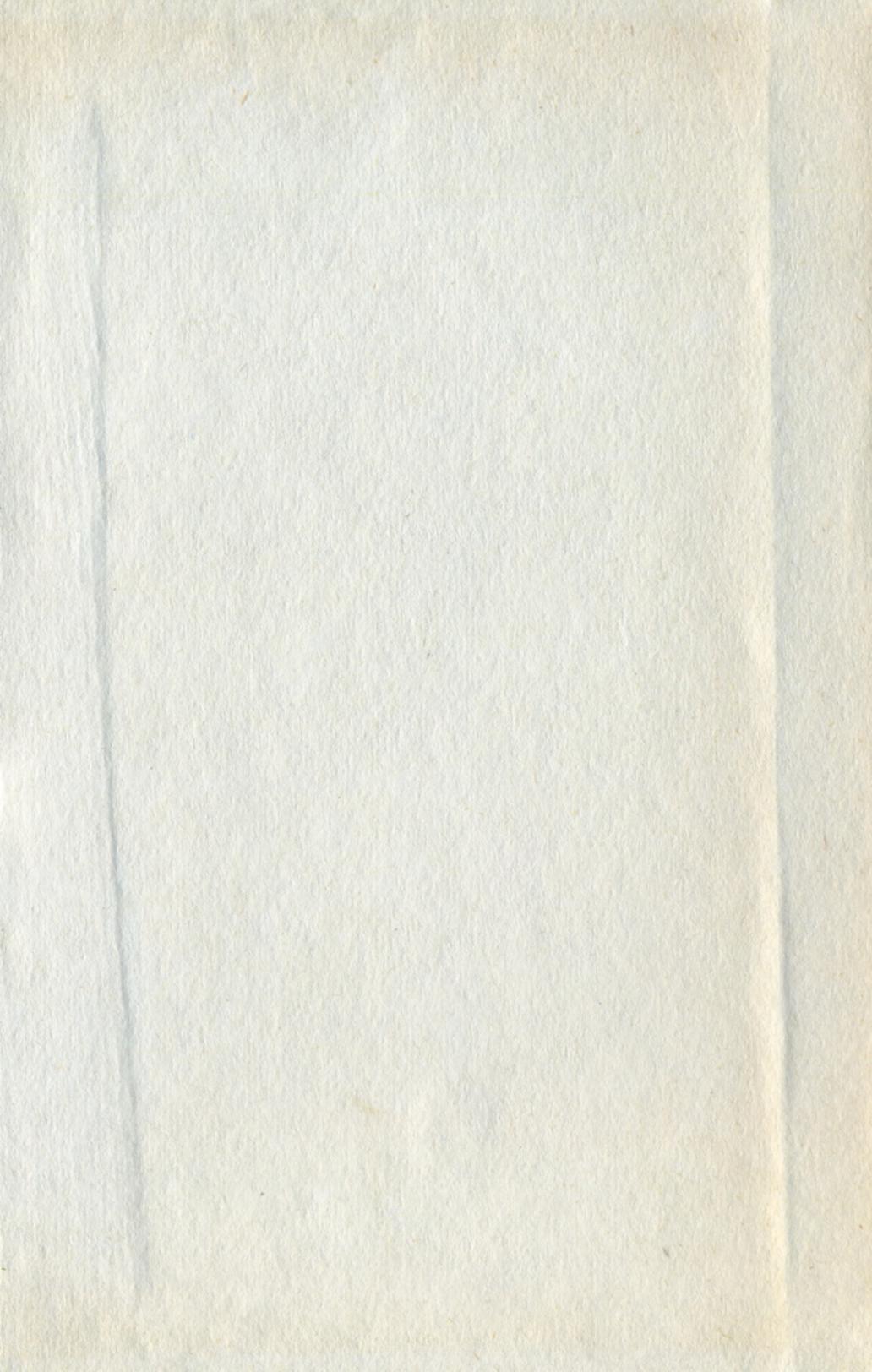
ИБ № 10221

Сдано в набор 27.03.79. Подписано к печати 22.05.80. МН 05547. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 20. Тираж 8950 экз. Заказ № 466.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ